ISSN (Print) 2709-3077
ISSN (Online) 2709-3085
Индексі 75686

ИННОВАЦИЯЛЫҚ ЕУРАЗИЯ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ХАБАРШЫСЫ

1998 жылдан бастап шығарыды
Жылына 4 рет шығады

Құрылтайшы –
«Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС

ВЕСТНИК ИННОВАЦИОННОГО ЕВРАЗИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издаётся с 1998 года
Выходит 4 раза в год

Учредитель –
ТОО «Инновационный Евразийский университет»

BULLETIN OF THE INNOVATIVE UNIVERSITY OF EURASIA

Founded in 1998
Published 4 times a year

Founder –
Innovative University of Eurasia LLP

№ 2 (102) / 2026

Сәуір-мамыр-маусым
30 маусым 2026 ж.
Апрель-май-июнь
30 июня 2026 г.
April-may-june
30 june 2026

г.Павлодар, 2026
Pavlodar c., 2026

Бас редактор – Е.Б. Никитин, ветеринария ғыл. д-ры – ғылыми редактор, Инновациялық Еуразия университеті (Қазақстан)

Главный редактор – Никитин Е.Б., д-р вет.н., профессор, научный редактор, Инновационный Евразийский университет (Казахстан)

Chief Editor – Nikitin E., Doctor of Veterinary Sciences, – scientific editor, Innovative University of Eurasia (Kazakhstan)

Жауапты хатшы –
Т.И. Урюмцева **–** вет. ғыл. канд., «Инновациялық Еуразия университеті» (Қазақстан**)**

Ответственный секретарь – Урюмцева Т.И. – канд. вет. наук, «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан)

Executive Secretary – Uryumtseva T., Candidate of Veterinary Sciences, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan)

Редакциялық алқа
Гуманитарлық ғылымдар
Бейсембаев А.Р., филол. ғыл. док., ғылыми редактор, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан);
Сағындықұлы Б., филол. ғыл. док., «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Кульбаева Б.Т., филол. ғыл. канд., «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Балмағамбетова Ж.Т., филол. ғыл. док., «Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Крылова Н.Ф., филол. ғыл. канд., Мемлекеттік басқару университеті (Ресей);
Сидорович З.З., филол. ғыл. канд., Янки Купалы атындағы Гродно мемлекеттік университеті (Беларусь Республикасы)
Кайрамбаева А.Ж., филол. ғыл. канд., техникалық хатшы, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан)

Редакционная коллегия
Гуманитарные науки
Бейсембаев А.Р., д-р филол. наук, научный редактор. ТОО «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан);
Сагындыкулы Б., д-р филол. наук, НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана» (Казахстан);
Кульбаева Б.Т., канд. филол. наук, НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана» (Казахстан);
Балмагамбетова Ж.Т., д-р филол. наук, НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова» (Казахстан);
Крылова Н.Ф., канд. филол. наук. Государственный университет управления (Россия);
Сидорович З.З., канд. филол. наук, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Республика Беларусь);
Кайрамбаева А.Ж., канд. филол. наук, технический секретарь, ТОО Инновационный «Евразийский университет» (Казахстан)

Editorial team
Humanities
Beisembayev A. Doctor of Sciences in Philology, scientific editor, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan);
Sagyndykuly B. Doctor of Sciences in Philology, "Pavlodar Pedagogical University named after Margulan" NJSC (Kazakhstan);
Kulbayeva B. Candidate of Sciences in Philology, "Pavlodar Pedagogical University named after Margulan" NJSC (Kazakhstan);
Balmagambetova Zh. Doctor of Sciences in Philology, "Karaganda Buketov University" NJSC (Kazakhstan);
Krilova N. Candidate of Sciences in Philology, The State University of Management (Russia);
Sidorovich Z. Candidate of Sciences in Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Republic of Belarus);
Kairambayeva A. Candidate of Sciences in Philology, technical secretary, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan)

Педагогика және психология
Каирбекова Б.Д., пед. ғыл. док., ғылыми редактор, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан);
Сыдыкова Г.М., психол. ғыл. канд., Ж. Баласағұн атындағы Қырғыз ұлттық университеті (Қырғызстан Республикасы);
Кудышева А.А., пед. ғыл. канд., «О. Жәнібекұлы атындағы Оңтүстік-Қазақстан

Педагогика и психология
Каирбекова Б.Д., д-р пед. наук, научный редактор ТОО «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан);
Сыдыкова Г.М., канд. психол. наук, Кыргызский национальный университет им. Ж Баласагына (Республика Кыргызстан);
Кудышева А.А. канд. пед. наук, НАО «Южно-Казахстанский

Pedagogy and psychology
Kairbekova B., Doctor of Sciences in Pedagogy, scientific editor, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan);
Sydykova G. Candidate of Sciences in Philology, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University (Republic of Kyrgyzstan);
Kudysheva A., Candidate of Sciences in Pedagogy, "South Kazakhstan Pedagogical

педагогикалық университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Шавалиева З.Ш., пед. ғыл. канд., «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Аплашова А.Ж., психол. ғыл. канд., «Торайгыров университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Жетписбаева Б.А., пед. ғыл. док., «Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Жекибаева Б.А., пед. ғыл. док., «Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КеАҚ (Қазақстан);
Илюсизова А.А., пед. ғыл. магистрі, техникалық хатшы, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан)

Құқық
Иксатова С.Т., заң ғыл., канд. – ғылыми редактор, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан);
Карпекин А.В., заң ғыл., канд., Орталық-Қазақстан Академиясы (Қазақстан);
Кабжанова А.Т., канд. юрид. наук, Академия «Болашак» (Қазақстан);
Сарсенбекова Н.Ж., философия докторы, PhD, «А. Сагинов атындағы Қарағанды техникалық университеті» (Қазақстан);
Озенбаева А.Т., философия докторы, PhD, Орта-Азия Инновациялық университеті (Қазақстан);
Филатова П.О., заң ғылымдарының магистрі, техникалық хатшы, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан)

Экономикалық ғылымдар
Жанузакова С.К., философия докторы, PhD, канд., ғылыми редактор, «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС (Қазақстан);
Каргабаева С.Т., экон. ғыл. канд., Алматы менеджмент

педагогический университет им. О. Жанибекулы» (Казахстан);
Шавалиева З.Ш., канд. пед. наук, НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана» (Казахстан);
Аплашова А.Ж. канд. психол. наук. НАО «Торайгыров университет» (Казакстан);
Жетписбаева Б.А., д-р пед. наук, НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова» (Казахстан);
Жекибаева Б.А., канд. пед. наук, НАО «Карагандинский Букетова» (Казахстан);
Илюсизова А.А., маг-р пед. наук, технический секретарь, ТОО «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан)

Право
Иксатова С.Т., канд. юрид. наук – научный редактор, Инновационный Евразийский университет (Казахстан);
Карпекина А.В., канд. юрид. наук. Центрально-Казахстанская Академия (Казахстан);
Кабжанова А.Т., канд. юрид. наук, Академия «Болашак» (Казахстан);
Сарсенбекова Н.Ж., доктор философии PhD, НАО «Карагандинский технический университет им. А. Сагинова» (Казахстан);
Озенбаева А.Т., доктор философии PhD, Центрально-Азиатский Инновационный университет (Казахстан);
Филатова П.О., магистр юридических наук**,** технический секретарь. ТОО «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан)

Экономические науки
Жанузакова С.К., доктор философии PhD, наук, научный редактор, ТОО «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан):
Каргабаева С.Т., канд. экон. наук, Алматы менеджмент

University named after O.Zhanibekov" NJSC (Kazakhstan);
Shavaliyeva Z., Candidate of Sciences in Pedagogy, "Pavlodar Pedagogical University named after Margulan" NJSC (Kazakhstan);
Aplashova A., Candidate of Sciences in Pedagogy, "Toraighyrov University" NJSC (Kazakhstan);
Zhetpisbayeva B., Doctor of Sciences in Pedagogy "Karaganda Buketov University" NJSC (Kazakhstan);
Zhekibayeva B., Candidate of Sciences in Pedagogy, "Karaganda Buketov University" NJSC (Kazakhstan);
Ilyusizova A., Master of Pedagogy and Psychology, technical secretary, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan)

Law
Iksatova S., Candidate of Sciences in Jurisprudence, scientific editor, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan);
Karpekina A., Candidate of Sciences in Jurisprudence, Central-Kazakhstan Academy (Kazakhstan);
Kabzhanova A., Candidate of Sciences in Jurisprudence, Bolashaq Academy (Kazakhstan);
Sarsenbekova N., Doctor of Philosophy, "Abylkas Saginov Karaganda Technical University" NJSC (Kazakhstan);
Ozenbayeva A., Doctor of Philosophy, Central Asian Innovation University (Kazakhstan);
Filatova P.O., Master of Juridical sciences**,** technical secretary, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan)

Economic sciences
Zhanuzakova S., Doctor of Philosophy, scientific editor, "Innovative University of Eurasia" LLP (Kazakhstan);
Kargabayeva S., Candidate of Sciences in Economics, Almaty Management University,

университеті, (Қазақстан);
Монгуш О.Н., экон. ғыл. канд., Тува мемлекеттік университеті (Ресей);
Ералина Э.М., философия докторы, PhD, Тұран университеті, Алматы (Қазақстан);
Исмаилова Н.Р., экон. ғыл. канд., доцент, Жүсіп Баласағұн атындағы Қырғыз мемлекеттік университетінің «Маркетинг және логистика» білім беру бағдарламасының жетекшісі (Қызғызстан)
Ткачёва А.И., экономика ғылымдарының магистрі, техникалық хатшы. "Инновациялық Еуразия университеті" ЖШС (Қазақстан)

университет, (Казахстан);
Монгуш О.Н., канд. экон. наук, Тувинский государственный университет (Россия);
Ералину Э.М., доктор философии PhD, университет Туран Алматы (Казахстан);
Исмаилова Н.Р., канд. экон. наук, Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына (Кыргызтан)
Ткачёва А.И., магистр экономических наук, технический секретарь. ТОО «Инновационный Евразийский университет» (Казахстан)

(Kazakhstan);
Mongush O., Candidate of Sciences in Economics, Tuvan State University (Russia);
Yeralin E., Doctor of Philosophy, Turan University Almaty (Kazakhstan);
Ismailova N., Candidate of Sciences in Economics, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University (Republic of Kyrgyzstan)
Tkacheva A.I.. **Master of Economic sciences**, technical secretary, “Innovative University of Eurasia” LLP (Kazakhstan)

Техникалық ғылымдар және технологиялар

Е.Б. Никитин, ветеринария ғыл. д-ры, ғылыми редактор, Инновациялық Еуразия университеті (Қазақстан);
Н.А. Воронина, техн. ғыл. канд., Томск политехникалық университеті (Ресей);
Н.М. Зайцева, техн. ғыл. д-ры, Инновациялық Еуразия университеті (Қазақстан);
Д.Ю. Ляпунов, техн. ғыл. канд., Томск политехникалық университеті (Ресей);
С.К. Шерьязов, техн. ғыл. д-ры, Оңтүстік-Орал мемлекеттік аграрлық университеті (Ресей);
А.Д. Умурзакова, электро энергетика PhD, С. Сейфуллин атындағы қазақ агротехникалық университеті (Қазақстан);
Райымжанова А.Н., машина жасау магистрі, техникалық хатшы, Инновациялық Еуразия университеті (Қазақстан).

Технические науки и технологии

Никитин Е.Б., д-р вет.н., профессор, научный редактор, Инновационный Евразийский университет (Казахстан);
Воронина Н.А., канд. техн. наук, Томский политехнический университет (Россия);
Зайцева Н.М., д-р техн. наук, Торайгыров университет (Казахстан);
Ляпунов Д.Ю., канд. техн. наук, Томский политехнический университет (Россия);
Шерьязов С.К., д-р техн. наук, Южно-Уральский государственный аграрный университет (Россия);
Умурзакова А.Д., PhD электроэнергетики, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (Казахстан);
Эшмурадова Д.Э., канд. техн. наук, Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан);
Райымжанова А.Н., магистр машиностроения, технический секретарь, Инновационный Евразийский университет (Казахстан)

Technical sciences and technologies

Nikitin E., Doctor of Veterinary Sciences, scientific editor, Innovative University of Eurasia (Kazakhstan);
Voronina N., Candidate of Technical Sciences, Tomsk Polytechnic University (Russia);
Zaitseva N., Doctor of Technical Sciences, Innovative University of Eurasia (Kazakhstan);
Lyapunov D., Doctor of Technical Sciences, Tomsk Polytechnic University (Russia);
Sheryazov S., Doctor of Technical Sciences, South Ural State Agrarian University (Russia);
Umurzakova A., PhD of Power Engineering, Kazakh Agrarian University named after S.Seifullin (Kazakhstan);
Rayymzhanova A.N., Master of Mechanical Engineering, technical secretary, Innovative University of Eurasia (Kazakhstan)

Журнал туралы

«Инновациялық Еуразия университетінің Хабаршысы» ғылыми журналы 1998 жылдың қаңтарынан бастап шығарылады журналдың мақсаты – зерттеулердің түпнұсқалық және бұрын жарияланбаған нәтижелерін жариялау, оларды көпшілік алдында талқылауға, отандық және шетелдік ғалымдармен ғылыми байланыстарды дамытуға ықпал ету.

Журналда қоғамдық, гуманитарлық, психологиялық-педагогикалық, техникалық, ауылшаруашылық, ветеринарлық бағыттар бойынша мақалалар жарияланады. Журналдың 6 ғылыми бөлімі бар: «Гуманитарлық ғылымдар», «Педагогика және психология», «Құқық», «Экономикалық ғылымдар», «Техникалық ғылымдар және технологиялар».

Журнал бөлімдерінің тақырыптық навигаторы:

«Гуманитарлық ғылымдар»: Лингвистика. Когнитивті лингвистика. Әлеуметтік лингвистика. Психолингвистика. Герменевтика. Лингвомәдениеттану. Риторика. Әдебиеттану. Фольклористика. Журналистика. Философия. Антропология. Тарих. Әлеуметтану. Этнография. Саясаттану. Мәдениеттану. Әлеуметтік география. Дінтану. Өнертану. Берілген бөлім баспа портфелінің жинақталуына байланысты жарияланады.

«Педагогика және психология»: Білім тарихы. Мектепке дейінгі білім беру. Мектеп білімі. Бастауыш жалпы білім беру. Жоғары білім. Білім беруді басқару. Қашықтықтан білім беру. Ақпараттық технологиялар және білім беру. Білім берудің мәдениетаралық аспектілері. Нәсіл, этностық және білім. Дене тәрбиесі. Психология тарихы. Іргелі психология. Педагогикалық психология. Медициналық психология. Тұлға психологиясы. Спорт психологиясы. Отбасы және өмір психологиясы. Шығармашылық психологиясы. Еңбек психологиясы. Қолданбалы психология. Басқару психологиясы.

«Құқық»: Мемлекет және құқық. Конституциялық құқық және әкімшілік құқық. Қаржылық құқық және ақпараттық құқық. Азаматтық құқық және кәсіпкерлік құқық. Еңбек құқығы және әлеуметтік қамсыздандыру құқығы. Табиғи ресурстар құқығы, аграрлық құқық және экологиялық құқық. Қылмыстық құқық, криминология және қылмыстық-атқару құқығы. Қылмыстық іс жүргізу құқығы. Жедел-іздестіру қызметі және криминалистика. Сот билігі, прокурорлық қадағалау және құқық қорғау қызметі. Халықаралық құқық. Азаматтық іс жүргізу құқығы. Берілген бөлім баспа портфелінің жинақталуына байланысты жарияланады.

«Экономикалық ғылымдар»: Экономикалық ғылымдар: тарих, теория, практика. Кәсіпкерлік, инновациялар және инвестициялар. Мемлекеттің стратегиялық мақсаттары мен міндеттері мәнмәтініндегі өңірлердің экономикалық дамуының қазіргі заманғы проблемалары. АӨК: аграрлық саясат және шаруашылық жүргізудің экономикалық тетігі. Өнімдер мен қызметтердің сапасы мен бәсекеге қабілеттілігі. Экономиканы цифрландыру. Тауарлар мен қызметтердің аймақтық және жергілікті нарықтары. Экономика, кәсіпорындарды ұйымдастыру және басқару. Қаржы жүйесін дамыту. Демографиялық процестерді басқару. Экономикалық қауіпсіздікті дамыту модельдері. Бухгалтерлік есептің жай-күйі және даму үрдістері. Аудит және қаржылық бақылау теориясы мен практикасы. Экономикалық талдау мен статистиканың қазіргі заманғы мәселелері мен даму жолдары. Салық салудың өзекті мәселелері.

«Техникалық ғылымдар және технологиялар»: Инженерлік жобалау және технологиялар. Аспап жасау, метрология және ақпараттық-өлшеу аспаптары мен жүйелері. Стандарттау, сертификаттау және метрологиялық қамтамасыз ету. Қолданбалы физика және математика. Информатика, Есептеу техникасы және басқару. Робототехника, электротехника, электроника, радиотехника және байланыс. Оптоэлектроника және фотоника. Кибернетика. Энергетика, электр энергетикасы және жылу энергетикасы және энергетикалық ресурстар. Металлургия және материалтану. Машина жасау, Технологиялық машиналар және жабдықтар. Энергетикалық, металлургиялық және химиялық машина жасау. Көліктік, тау-кен және құрылыс машиналарын жасау. Агроинженерлік жүйелердің процестері мен аппараттары. Авиациялық және зымыран-ғарыш техникасы. Көлік, көлік техникасы және технологиясы. Көлік қызметтері, логистика, тасымалдауды ұйымдастыру және көлікті пайдалану. Жеңіл өнеркәсіп, тоқыма және жеңіл өнеркәсіп материалдары мен бұйымдарының технологиясы. Химиялық технология және өнеркәсіп. Инженерлік геометрия және компьютерлік графика. Азық-түлік өнеркәсібі. Адам қызметінің қауіпсіздігі. Биоинженерия, биоинформатика және нанотехнология.

Журнал қазақ, орыс, ағылшын және басқа да шет тілдерінде отандық, шетелдік авторлардың, жас зерттеушілер мақалаларының қолжазбаларын қабылдайды. Журналдың редакциялық саясаты «көмескі» рецензиялау әдісімен мақалалардың қолжазбаларын сараптауды қамтамасыз етеді, редакциялық алқа жұмысына шетелдік ғалымдарды тартады. Журналдың редакциялық алқасымен Халықаралық деректер базаларында Хирша индексі бар жетекші отандық және шетелдік сарапшылар ынтымақтасады.

Журнал International Standard Serial Number (Paris) халықаралық ғылыми журналдар тізілімінде тіркелген, РИНЦ ғылыми жарияланымдарының беделді деректер базасына кіреді (Ресей), американдық «Crossref» агенттігінің ғылыми баспагерлер қоғамдастығына кіреді және мақалаларға өзінің DOI-ін беруге құқылы.

Ғылыми журналдың құрылтайшысы «Инновациялық Еуразия университеті» жауапкершілігі шектеулі серіктестігі (ИнЕУ). «Инновациялық Еуразия университетінің хабаршысы» ғылыми журналы туралы барлық ақпарат мына сайтта http://vestnik.ineu.kz орналастырылған.

О журнале

Научный журнал «Вестник Инновационного Евразийского университета» издаётся с января 1998 года. Цель журнала – предоставить возможность опубликования оригинальных и ранее не опубликованных результатов исследований, содействовать их публичному обсуждению, развитию научных связей с отечественными и зарубежными учёными.

В журнале публикуются статьи по общественным, гуманитарным, психолого-педагогическим, техническим, сельскохозяйственным, ветеринарным направлениям. Журнал имеет 6 научных разделов: «Гуманитарные науки», «Педагогика и психология», «Право», «Экономические науки», «Технические науки и технологии».

Тематический навигатор разделов журнала:

«Гуманитарные науки»: Лингвистика. Когнитивная лингвистика. Социолингвистика. Психолингвистика. Герменевтика. Лингвокультурология. Риторика. Литературоведение. Фольклористика. Журналистика. Философия. Антропология. История. Социология. Этнография. Политология. Культурология. Социальная география. Религиоведение. Искусствоведение. Данный раздел публикуется по мере формирования издательского портфеля.

«Педагогика и психология»: История образования. Дошкольное образование. Школьное образование. Начальное общее образование. Высшее образование. Управление образованием. Дистанционное образование. Информационные технологии и образование. Межкультурные аспекты образования. Раса, этничность и образование. Физическое воспитание. История психологии. Фундаментальная психология. Педагогическая психология. Медицинская психология. Психология личности. Психология спорта. Психология семьи и быта. Психология творчества. Психология труда. Прикладная психология. Психология управления.

«Право»: Государство и право. Конституционное право и административное право. Финансовое право и информационное право. Гражданское право и предпринимательское право. Трудовое право и право социального обеспечения. Природоресурсное право, аграрное право и экологическое право. Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право. Уголовно-процессуальное право. Оперативно-розыскная деятельность и криминалистика. Судебная власть, прокурорский надзор и правоохранительная деятельность. Международное право. Гражданское процессуальное право. Данный раздел публикуется по мере формирования издательского портфеля.

«Экономические науки»: Экономические науки: история, теория, практика. Предпринимательство, инновации и инвестиции. Современные проблемы экономического развития регионов в контексте стратегических целей и задач государства. АПК: аграрная политика и экономический механизм хозяйствования. Качество и конкурентоспособность продукции и услуг. Цифровизация экономики. Региональные и локальные рынки товаров и услуг. Экономика, организация и управление предприятиями. Развитие финансовой системы. Управление демографическими процессами. Модели развития экономической безопасности. Состояние и тенденции развития бухгалтерского учета. Теория и практика аудита и финансового контроля. Современные проблемы и пути развития экономического анализа и статистики. Актуальные вопросы налогообложения.

«Технические науки и технологии»: Инженерное проектирование и технологии. Приборостроение, метрология и информационно-измерительные приборы и системы. Стандартизация, сертификация и метрологическое обеспечение. Прикладная физика и математика. Информатика, вычислительная техника и управление. Робототехника, электротехника, электроника, радиотехника и связь. Оптоэлектроника и фотоника. Кибернетика. Энергетика, электроэнергетика и теплоэнергетика и энергетические ресурсы. Металлургия и материаловедение. Машиностроение, технологические машины и оборудование. Энергетическое, металлургическое и химическое машиностроение. Транспортное, горное и строительное машиностроение. Процессы и аппараты агроинженерных систем. Авиационная и ракетно-космическая техника. Транспорт, транспортная техника и технология. Транспортные услуги, логистика, организация перевозок движения и эксплуатация транспорта. Легкая промышленность, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности. Химическая технология и промышленность. Инженерная геометрия и компьютерная графика. Пищевая промышленность. Безопасность деятельности человека. Биоинженерия, биоинформатика и нанотехнологии.

Журнал принимает рукописи статей отечественных, зарубежных авторов, молодых исследователей на казахском, русском, английском и других иностранных языках. Журнал имеет Редакционную политику, обеспечивает экспертизу рукописей статей методом «слепого» рецензирования, привлекает к работе редакционной коллегии иностранных учёных. С редакционной коллегией журнала сотрудничают ведущие отечественные и зарубежные эксперты, имеющие индекс Хирша в международных базах данных.

Журнал зарегистрирован в Международном реестре научных журналов International Standard Serial Number (Paris), входит в авторитетную базу данных научных публикаций РИНЦ (Россия), в сообщество научных издателей американского агентства «Crossref» и имеет право присваивать статьям собственные DOI.

Учредителем научного журнала является Товарищество с ограниченной ответственностью «Инновационный Евразийский университет» (ИнЕУ). Вся информация о научном журнале «Вестник Инновационного Евразийского университета» размещена на сайте http://vestnik.ineu.kz.

About the journal

The scientific journal «Bulletin of the Innovative University of Eurasia» has been published since January 1998. The purpose of the journal is to provide the opportunity to publish original and previously unpublished research results, to facilitate their public discussion, the development of scientific relations with domestic and foreign scientists.

The journal publishes articles on social, humanitarian, psychological and pedagogical, technical, agricultural and veterinary fields. The journal has 6 scientific sections: «Humanities», «Pedagogy and psychology», «Law», «Economic sciences», «Technical science and technology».

Thematic navigator of the journal sections:

«Humanities»: Linguistics. Cognitive linguistics. Sociolinguistics. Psycholinguistics. Hermeneutics. Linguoculturology. Rhetoric. Literature studies. Folkloristics. Journalism. Philosophy. Anthropology. History. Sociology. Ethnography. Political science. Culturology. Social geography. Religious studies. Art history. This section is published as the publishing portfolio is formed.

«Pedagogy and psychology»: History of education. Preschool education. School education. Primary general education. Higher education. Education management. Distance learning. Information technologies and education. Intercultural aspects of education. Race, ethnicity and education. Physical education. History of psychology. Fundamental psychology. Pedagogical psychology. Medical psychology. Psychology of personality. Sports psychology. Psychology of family and life. Psychology of creativity. Labor psychology. Applied psychology. Psychology of management.

«Law»: State and law. Constitutional law and administrative law. Financial law and information law. Civil law and business law. Labor law and social security law. Natural resource law, agrarian law and environmental law. Criminal law, criminology and penal law. Criminal procedure law. Law enforcement intelligence operations and forensic science. Judicial power, prosecutor's supervision and law enforcement. International law. Civil procedure law. This section is published as the publishing portfolio is formed.

«Economic science»: Economic sciences: history, theory, practice. Entrepreneurship, innovation and investment. Modern problems of economic development of regions in the context of the strategic goals and objectives of the state. Agroindustrial complex: agrarian policy and economic mechanism of management. Quality and competitiveness of products and services. Digitalization of the economy. Regional and local markets for goods and services. Economics, organization and management of enterprises. Development of the financial system. Demographic management. Economic security development models. State and development trends of accounting. Theory and practice of audit and financial control. Modern problems and ways of development of economic analysis and statistics. Topical issues of taxation.

«Technical science and technology»: Engineering design and technology. Instrumentation, metrology and information-measuring devices and systems. Standardization, certification and metrological support. Applied physics and mathematics. Informatics, computer engineering and management. Robotics, electrical engineering, electronics, radio engineering and communications. Optoelectronics and photonics. Cybernetics. Power engineering, electric power engineering and heat power engineering and energy resources. Metallurgy and materials science. Mechanical engineering, technological machines and equipment. Power, metallurgical and chemical engineering. Transport, mining and construction engineering. Processes and devices of agroengineering systems. Aviation and rocket and space equipment. Transport, transport equipment and technology. Transport services, logistics, traffic organization and transport operation. Light industry, technology of materials and products of textile and light industry. Chemical technology and industry. Engineering geometry and computer graphics. Food industry. Safety of human activities. Bioengineering, bioinformatics and nanotechnology.

The journal accepts manuscripts of articles by domestic, foreign authors, young researchers in Kazakh, Russian, English and other foreign languages. The journal has an editorial policy, provides expert review of manuscripts by blind review, and attracts foreign scholars to the editorial board. The leading domestic and foreign experts with the Hirsch index in international databases collaborate with the editorial board of the Journalю.

The journal is registered in the International Register of Scientific Journals International Standard Serial Number (Paris), is included in the authoritative database of scientific publications of the RSCI (Russia), it is a member of the scientific publishing community of the American agency «Crossref» and has the right to assign its own DOIs to articles.

The founder of the scientific journal is «Innovative University of Eurasia» Limited Liability Partnership (InEU). All information about the scientific journal "Bulletin Of the innovative Eurasian University" is available on the website http://vestnik.ineu.kz.

.

МАЗМҰНЫ. СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА ЖӘНЕ ПСИХОЛОГИЯ
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Кульшарипова З.К., Каирбекова Б.Д., Аяпбергенова Г.С., Шахмарданова Ж.Ш.
Жоғары оқу орнының кәсіби қалыптасу кезеңіндегі жастардың шығармашылық дамуының инновациялық әлеуеті 12
Kulsharipova Z., Kairbekova B., Kotova N., Esalinov A.
Development of communication skills in adolescents with Internet addiction 23
Мухаметжанов А.М., Коростелева Н.А., Мухаметжанова М.А.
Психолого-педагогические условия использования ассистивных технологий в реабилитации детей с особыми образовательными потребностями.....32
Сесерхан Ж., Советкалиев Д.Н., Курмангалиев Е.Е.
Баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру жолдары.....39
Тусупбекова Г.Т., Комардина Л.С.
Операционно-действенная готовность педагогов к организации инклюзивного образования.....46
Мақала авторлары туралы ақпарат. Сведения об авторах статей 54

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Caputo P., Ivan F. Spera
Circular economy. Possible solutions to waste collection and recycling How collect paper and cardboard. A practical experience in Italy 56
Нигматуллин Ж.А.
Механизмы привлечения инвестиций международных финансовых организаций в Республике Казахстан 66
Сыздыкова А., Аленова К.
«Fast Track» – ускоренная модель интеграции школы и вуза в рамках стратегического партнерства 71
Ткачева А.И.
Зеленая экономика как основа устойчивого развития сельских территорий Республики Казахстан.....79
Мақала авторлары туралы ақпарат. Сведения об авторах статей 85

ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР ЖӘНЕ ТЕХНОЛОГИЯЛАР
ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИИ

Берикова А.Т., Илипов М.М.
Интеллектуальная система контроля доступа на основе распознавания лиц и анализа поведения пользователя с использованием методов глубокого обучения.....86
Исаева Ж.Б.
Интегральная оценка экологических факторов продовольственной безопасности Жамбылской области в контексте развития пищевых технологий 93
Керім А.Ғ.
Криптография мен жасанды интеллект интеграциясы: ақпараттық қауіпсіздік жүйелерінің тиімділігін арттыру.....102
Мақала авторлары туралы ақпарат. Сведения об авторах статей 108

ҚҰҚЫҚ
ПРАВО

Дурманов Т.С.
Убийство, совершенное в состоянии аффекта: проблемы разграничения с умышленным убийством.....109

Дурманов Т.С.
Уголовно-правовая квалификация истязания:
проблемы отграничения от систематических побоев
и умышленного причинения вреда здоровью 115
Елеуов А.А., Телеуев Г.Б.
Гражданско-правовые механизмы возмещения вреда, причиненного
с применением технологий искусственного интеллекта:
сравнительно-правовое исследование 120
Жумабаев Б.А.
Проблемы разграничения административных правонарушений
и уголовных проступков в правоприменительной практике полиции 129
Жумабаев Б.А., Иксатова С.Т.
Административная ответственность за мелкое хулиганство: проблемы правовой
неопределенности состава.....138
Каримова С.С.
Использование систем распознавания лиц административной полицией:
обеспечение баланса между общественной безопасностью и правом на частную жизнь.....149
Коновалов О.С., Бекежанов Д.Н.
Проблемы допустимости и верификации доказательств, полученных с применением
технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе:
сравнительно-правовое исследование 155
Рахметов А.М., Айтимов Б.Ж.
Трансформация договора страхования в условиях развития электронных сервисов
и цифровых платформ 164
Тайлаков Д.А., Бекежанов Д.Н.
Трансформация правового статуса работника и работодателя в рамках цифровых
платформ: теоретико-прикладное исследование.....174
Тулеуова К.Б., Озенбаева А.Т.
Пределы и условия применения систем искусственного интеллекта
в прокурорском надзоре: теоретико-правовое исследование 182
Филатова П.О.
Проблема мультидисциплинарного взаимодействия при расследовании
серийных преступлений против личности 188
Филатова П.О.
Криминалистическое учение об инсценировке: психология искажения материальной
обстановки места происшествия.....195
Мақала авторлары туралы ақпарат. Сведения об авторах статей 202

CONTENT

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Kulsharipova Z., Kairbekova B., Ayapbergenova G., Shakhmardanova Zh.
The innovative potential of creative development of youth in the period of professional formation of the university....12
Kulsharipova Z., Kairbekova B., Kotova N., Esalinov A.
Development of communication skills in adolescents with Internet addiction....23
Mukhametzhanov A., Korosteleva N., Mukhametzhanova M.
Psychological and Pedagogical Conditions for the Use of Assistive Technologies in the Rehabilitation of Children with Special Educational Needs....32
Seserkhan Zh., Sovetkaliev D., Kurmangaliev E.
Ways to improve technical and tactical techniques in basketball....39
Tusupbekova G., Komardina L.
Operational and effective readiness of teachers to organize inclusive education....46
Information about authors of articles....54

ECONOMICS

Caputo P., Ivan F. Spera
Circular economy. Possible solutions to waste collection and recycling How collect paper and cardboard. A practical experience in Italy....56
Nigmatullin Zh.A.
Mechanisms of Attracting Investments from International Financial Organizations in the Republic of Kazakhstan....66
Syzdykova A., Alenova K.
«Fast Track» – an accelerated model for the integration of school and university within the framework of a strategic partnership....71
Tkacheva A.I.
Green Economy as a Basis for Sustainable Development of Rural Territories in the Republic of Kazakhstan....79
Information about authors of articles....85

TECHNICAL SCIENCES AND TECHNOLOGIES

Berikova A.T., Ilipov M.M.
Intelligent access control system based on face recognition and user behavior analysis using deep learning methods....86
Isaeva Zh.
Integrated assessment of environmental factors influencing food security in the Zhambyl region in the context of food technology development....93
Kerim A.G.
Integration of cryptography and artificial intelligence: enhancing the efficiency of information security systems....102
Information about authors of articles....108

LAW

Durmanov T.S.
Murder Committed in a State of Affect: Problems of Differentiating from Intentional Murder....109
Durmanov T.S.
Criminal Law Qualification of Torture: Problems of Differentiating from Systematic Battery and Intentional Harm to Health....115
Eleuov A.A., Teleuyev G.B.
Civil Law Mechanisms for Compensating Damage Caused by the Use of Artificial Intelligence Technologies: A Comparative Legal Study....120

Zhumabayev B.A.
Problems of Differentiating Administrative Offenses and Criminal Misdemeanors in Police Law Enforcement Practice 129
Zhumabayev B.A., Iksatova S.T.
Administrative responsibility for petty hooliganism: problems of legal uncertainty of the elements of the offense 138
Karimova S.S.
Use of Facial Recognition Systems by Administrative Police: Ensuring a Balance Between Public Safety and the Right to Privacy 149
Konovalov O.S., Bekezhanov D.N.
Problems of admissibility and verification of evidence obtained using artificial intelligence technologies in criminal proceedings: a comparative legal study 155
Rakhmetov A.M., Aitimov B.Zh.
Transformation of the insurance contract in the context of the development of electronic services and digital platforms 164
Tailakov D.A., Bekejanov D.N.
Transformation of the Legal Status of Employee and Employer within Digital Platforms: A Theoretical and Applied Study 174
Tuleuova K.B., Ozenbayeva A.T.
Limits and conditions for the application of artificial intelligence systems in prosecutorial supervision: a theoretical and legal study 182
Filatova P.O.
The Problem of Multidisciplinary Interaction in the Investigation of Serial Crimes Against Personality 188
Filatova P.O.
Forensic Doctrine of Staging: The Psychology of Distorting the Physical Environment of a Crime Scene 195
Information about authors of articles 202

ПЕДАГОГИКА ЖӘНЕ ПСИХОЛОГИЯ

ӘОЖ 378:159.923.2
ҒТАМР 14.35.09

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/12-22

З.К. Кульшарипова[1]*, Б.Д. Каирбекова[2], Г.С. Аяпбергенова[1], Ж.Ш. Шахмарданова[1]
[1]«Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ, Қазақстан
[2]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан
*(e-mail: Kulsharipova_zk@mail.ru)

Жоғары оқу орнының кәсіби қалыптасу кезеңіндегі жастардың шығармашылық дамуының инновациялық әлеуеті

Андатпа

Зерттеудің негізгі мәселесі: Қазіргі жоғары мектепте болашақ мамандарды кәсіби тұлға ретінде қалыптастыру және дамыту қажеттілігі өзекті болып отыр. Алайда, жоғары оқу орнында оқу кезеңінде студенттердің кәсіби таңдауда тәуелсіздігі мен хабардарлығы жеткіліксіз. Бұл олардың шығармашылық кәсіби өсуіне және еңбек нарығының сұраныстарына бейімделуіне кедергі келтіреді.

Мақаланың мақсаты: Жоғары кәсіби білім беру жүйесінде студенттердің кәсіби қалыптасу процесінде шығармашылық дамуының маңыздылығын негіздеу және осы үдерістегі негізгі мәселелерді анықтау.

Зерттеу әдістері: Мақалада ғылыми және әдістемелік әдебиеттерге теориялық талдау жүргізілген. Зерттеу барысында жоғары оқу орындарындағы білім беру үдерісіне, студенттердің кәсіби қалыптасу кезеңдеріне және шығармашылық даму факторларына шолу жасалған.

Алынған нәтижелер: Жоғары оқу орнында оқу кезеңінде студенттердің кәсіби таңдауда жеткілікті тәуелсіздік пен хабардарлық деңгейі төмен екендігі анықталды. Кәсіби қалыптасу процесінде студенттердің шығармашылық дамуы елдің кадрлық әлеуетін жаңғырту және дамыту міндеттерін тиімді шешуге мүмкіндік беретіндігі негізделген.

Зерттеудің практикалық маңыздылығы: Зерттеу нәтижелері жоғары оқу орындарында білім беру бағдарламаларын жетілдіруге, студенттердің кәсіби құзыреттілігін дамытуға және шығармашылық әлеуетін арттыруға бағытталған әдістемелік ұсыныстар әзірлеуге негіз бола алады.

Түйін сөздер: кәсіби өсу; кәсіби қалыптасу кезеңі; туа біткен қабілеттер; шығармашылық қабілеттерді дамыту механизмі.

Кіріспе

Болашақ кәсіби қызметке бейімделу әрқашан жоғары білім берудің де, кәсіпорындар мен ұйымдардың жас мамандармен қарым-қатынасының тәжірибесі үшін де қиын міндет болды [4, 6, 8]. Оқу курсын игеруге нұқсан келтірместен оқу кезеңінде практикалық іс-әрекет дағдыларын алу (соңғысы студенттер оқудан гөрі ақша табумен көбірек айналысатын кезде орын алады) өзекті міндет болып табылады [10, 11]. Мәдениет саласында бұл міндетті шешу болашақ жоғары оқу орны түлектерінің кәсіби бейімделудегі шығармашылық қабілеттерін дамыту тетігін анықтауға мүмкіндік береді [3, 5].

Материалдар мен әдістер

Зерттеу әдістері:

Зерттеу тақырыбын талдау білім беру саласындағы маманның мақсаты өзгергенін көрсетеді, өйткені бұл өзгерістер болашақ мамандардың шығармашылық қабілеттерінің қалыптасуы мен дамуында көрінеді [9, 11]. Дәл осы өзгерістер кәсіби бейімделудің маңызды қажеттіліктеріне негізделген, бұл шығармашылық қабілеттерді дамыту процесін ұйымдастыру деңгейін жақсартады.

Шығармашылық тек туа біткен қабілеттерге ғана емес, сонымен бірге күнделікті іс-әрекет тәсіліне де қатысты, болашақ түлектердің жеке басының мотивациялық ортасына деген

қажеттілік, оның негізінде құндылық бағдарларының басымдығы, өзін-өзі дамыту қабілеті, конструктивтілік, болашақ педагогикалық сала мамандарының кәсіби мәселелерін шешуге өзіндік шығармашылық көзқарас жатыр [1, 4, 6].

Мақсаты:

Сондықтан болашақ әлеуметтік-мәдени сала мамандарының шығармашылық қабілеттері қандай, олардың құрамдас бөлігі қандай екенін анықтау өзекті болып табылады. Біздің ойымызша, біз таңдаған тақырып өзекті болып табылады, өйткені қазіргі қоғамда білім беру саласындағы болашақ маманға мамандықта өз орнын табу, бейімделу, мамандыққа тез ену дағдыларын алу өте маңызды [7, 9, 13]. Оған Университет жанындағы арнайы орталықтар ұйымдастыратын студенттік жобалар жиі көмектеседі. Сондықтан студенттік бастамалар орталығы қызметінің ерекшеліктерін қарастыру маңызды болып саналады.

Зерттеудің өзектілігі:

Құндылық бағдарлары осы мәселені терең теориялық және әдіснамалық зерттеу қажеттілігін өзектендіретін ішкі әлемді өзгерте отырып, кәсіби қоғамның жаңа жағдайына көшу кезеңіндегі гуманистік ұстанымға сәйкес білім беру саласының болашақ маманының жеке басының қажеттіліктерін қанағаттандырады [1, 2]. Бүгінгі таңда жас ұрпақтың кәсіби өзін-өзі анықтау мәселесі бұрынғыдан да өткір тұр. Жастар еңбек нарығында ұтқыр, бірақ объективті және субъективті тәртіптің себептеріне байланысты осал санат болып қала береді [12, 14].

Нәтижелер және талқылау

Кәсіби бейімделудің теориялық негіздері:

Кәсіби педагогикалық білім алған жастардың еңбек нарығына «кіруі» мәселесі көбінесе түлектердің жұмысқа орналасу перспективалары және жалпы болашақ еңбек қызметі туралы түсініктері жұмыс орнындағы нақты жағдаймен және еңбек нарығындағы сұраныс пен ұсыныстың нақты арақатынасымен сәйкес келмейтіндігімен байланысты әлеуметтік-психологиялық факторларға байланысты [7, 13]. Жас мамандардың әлеуметтік жетілмегендігі, олардың еңбек нарығына кіруге психологиялық дайындығы Университет түлектерін жұмыс берушілер тарапынан қабылдаудың теріс стереотиптерін қалыптастыруға әкеледі [10, 11].

Қазіргі жастар еңбек нарығы жастардың еңбек талаптары мен оларды қанағаттандыру мүмкіндіктері арасындағы алшақтықтың артуымен сипатталады. Жастардың практикалық жұмыс тәжірибесі болмағандықтан (немесе ол жеткіліксіз), азаматтардың бұл санаты еңбек нарығында аз сұранысқа ие [12, 14].

Арасында қайшылықтар да бар: кәсіби қызметке бейімделудің белгілі бір педагогикалық жағдайларын жасау қажеттілігі және студенттердің болашақ кәсіби қызметке бағытталуын жеткіліксіз қалыптастыратын дәстүрлі қалыптасқан кәсіптік білім беру жүйесінде осы жағдайлардың ғылыми негізділігі жеткіліксіз; білім беру процесін ұйымдастырудың қалыптасқан дәстүрлі формалары және қоғамның үнемі өзгеріп отыратын жағдайларында кәсіби ұтқырлықты және бейімделу тәсілдерін қалыптастыруға бағытталған жаңа, дәстүрлі емес тәсілдерді енгізу қажеттілігі [2, 8]..

Нәтижелер және олардың маңыздылығы:

Жоғарыда айтылғандардың барлығы шығармашылық қабілеттерін дамыту қажеттілігі арасындағы қарама-қайшылықтан тұратын зерттеудің ғылыми мәселесін анықтады, бұл болашақ әлеуметтік-мәдени сала мамандарының жоғары оқу орындары қызметінің әдістемелік деңгейінде бұл мәселені жеткіліксіз дамытудағы кәсіби бейімделуінің шарты ретінде [8, 10]. Бұл қайшылық әсіресе педагогикалық қызмет саласындағы мамандарды даярлау жүйесінде байқалады. Студенттердің шығармашылық әлеуетін талдау, осы әлеуетті дамыту және оны болашақ қызметке бейімделу барысында пайдалану мәселесі студенттермен жұмыс тәжірибесінде жеткілікті түрде ескерілмейді [3, 5].

Кәсіби бейімделу мәселесі өте кең дамыған, бұл бізге теориялық материалды (Реан, кран, жабайы және т.б.) қалыптастыруды жеңілдетеді [4, 6, 10]. Кәсіби бейімделудің шығармашылық қабілеттерін дамытумен байланысы және әсіресе білім беру саласындағы кәсіби бейімделу мәселесі әлдеқайда аз зерттелген. Бұл ретте болашақ мамандыққа бейімделу және шығармашылық әлеуетті анықтау мүмкіндігін қамтамасыз ететін әлеуметтік-мәдени ұйымдардың тақырыбы іс жүзінде әзірленбеген. Атап айтқанда, студенттік бастамалар орталықтарының орны мен рөлі мәселесі өте аз дамыған және болашақ мамандардың кәсіби бейімделуіне байланысты іс жүзінде айтылмайды, сондықтан біз бұл жұмысты жаңа деп санаймыз [3, 9].

Білім беру саласындағы жас мамандардың әлеуметтік-кәсіптік бейімделуінің жай-күйін талдау, оның білім беру мекемелеріндегі тиімділігіне әсер ететін факторлар мен қайшылықтарды анықтау соп бағдарламаларын, технологияларын әзірлеу үшін қажет.

Отандық ғалымдардың еңбектерінде жалпы кәсіби бейімделу процесі қарастырылады.

Дәстүр бойынша бейімделу процесс және нәтиже ретінде қарастырылады. Кәсіби бейімделуді процесс ретінде қарастырған кезде оның уақытша сипаттамалары, бейімделу кезеңдері ажыратылады, олардың жиілігі қарастырылады. Осы бағыт шеңберінде бірыңғай логикалық және уақытша реттілікке байланысты бейімделу процесінің негізгі элементтері анықталады. М.А. Дмитриева студенттерді кәсіби қызметке бейімдеу процесінде бірқатар кезеңдерді анықтайды: 1-2 курстарда бастапқы бейімделу, тұрақтандыру кезеңі, 3-4 курстарда бейімделу мүмкіндіктерін арттыру [7, 10].

Бейімделудің тиімді аспектісі жалпы бейімделу процестерінің сәттілігін бағалауда негізгі элемент ретінде қолданылады. Ф.Б. Березин кәсіби қызметте қалыптасу жағдайында психологиялық бейімделуді бағалаудың үш критерийін тұжырымдайды (1 кесте):

1-кесте. - Психологиялық бейімделуді бағалау критерийлері

Бағалау критерийлері	Психологиялық бейімделудің белгілері
Қызметтің табыстылығы	Практикалық тапсырмаларды орындау, біліктілікті арттыру, топ мүшелерімен және кәсіби тиімділікке әсер ететін басқа адамдармен қажетті өзара іс-қимыл.
Жағдайлардан аулақ болу мүмкіндігі	Процестің негіздерін құру және психологиялық қасиеттерді тиімді көрсету.
Денсаулықты реттеу қабілеті	Дене денсаулығының елеулі бұзылуынсыз қызметті жүзеге асыру

Бейімделудің жалпы көрсеткіші - бейімделмеу белгілерінің болмауы. Бейімделмеу білім беру ортасының оқушыға қысқа мерзімді және қарқынды әсер етуі нәтижесінде немесе онша қарқынды емес, бірақ ұзақ әсер етуінің әсерінен пайда болуы мүмкін. Бейімделмеу оқу үлгеріміндегі әртүрлі бұзылуларда, соның ішінде болашақ оқуға деген қызығушылықтың төмендеуінде көрінеді [8, 11].

Бейімделмеудің физиологиялық және психологиялық белгілері стресс белгілеріне сәйкес келеді. П. Медавар бейімделудің екі дәстүрлі тәсіліне (процесс ретінде және нәтижесінде) тағы бір аспект қосты: бейімделу - бұл организмнің немесе популяцияның өз ішінде дамытатын нәрсесі, оның өзінде бар нәрсе, болашақта өзгеретін жағдайларда сәтті өмір сүру мүмкіндігі. Бұл А.А. Рианға және оның авторластарына бейімделуді тек процесс және нәтиже ретінде ғана емес, сонымен қатар жаңа психикалық қасиеттерді қалыптастырудың негізі ретінде қарастыруға мүмкіндік берді [4, 6, 10].

Кәсіби бейімделуді қарастырған кезде өзара байланысты үш аспектіні ажырату керек: бейімделу болашақ мамандардың кәсіби ортадағы өзгермелі жағдайларға бейімделу процесі ретінде, оның өзіндік кеңістіктік және уақыттық механизмдерімен сипатталады; осы процестің нәтижесінде бейімделу, студенттің соңғы бейімделу дәрежесімен сипатталады; және бейімделу жаңадан пайда болған кәсіби қасиеттер жиынтығымен сипатталатын жаңа даму көзі ретінде. Болашақ маманның мінез-құлқының сипаты және олардың «мұғалім-білім беру ортасы» жүйесіндегі өзара әрекеттесуінің тиімділігі осы үш компонент арасындағы сәйкестікке байланысты [4, 10]. Болашақ мұғалімдердің бейімделу процесінің өзі екі аспектіні қамтиды: кәсіби бейімделудің өзі және әлеуметтік-психологиялық бейімделу (2-кесте).

2-кесте. - Кәсіби білім мен біліктің меңгеру аспектілері

Болашақ маманның тәрбиелік мінездемесі.	Кәсіби біліктің меңгеру аспектілері.
Кәсіби бейімделу	Кәсіби дағдылар мен қабілеттерді игеру, белгілі бір кәсіби қажетті жеке қасиеттерді қалыптастыру, студенттің өз мамандығына деген тұрақты оң көзқарасын дамыту.
	Кәсіби дағдылар мен қабілеттерді игеру, белгілі бір кәсіби қажетті жеке қасиеттерді қалыптастыру, студенттің өз мамандығына деген тұрақты оң көзқарасын дамыту.

2-кестенің жалғасы

	Ұйым мен оның дәстүрлері, өмір сүру нормалары және құндылық бағдарлары арасындағы қарым-қатынас жүйесі.
Қоғамдық психологиялық бейімделу	Кәсіби дағдыларды және жұмыс қарым-қатынастарын игеру
	Болашақ маманның ұйымға кіруі, негізінен жұмыс процесінің қалай жұмыс істейтіні туралы теориялық түсінігі.

А.А. Риан болашақ мұғалімдердің – Жоғары кәсіби даму мектебінің студенттерінің – дамуындағы бейімделу процестерінің түрлері іс жүзінде «белсенді және пассивті» критерий бойынша ажыратылмайды деп санайды, себебі барлық бейімделу белсенділіктің көрінісі болып табылады. Бұл бейімделу түрлерінің біріншісі белсенді бейімделуді де сипаттайды. Дегенмен, мұнда біз студенттердің кәсіби орта талаптарына сәйкес белсенді бейімделуі, белсенді өзін-өзі өзгертуі және өзін-өзі түзетуі туралы айтып отырмыз [4, 10].

А.А. Риан бейімделу процестерінің әртүрлі түрлері үшін белсенділік векторын және оның бағытын критерий ретінде қарастыруды ұсынады:

– белсенділік векторының «ішке» бағыты бірінші бейімделу моделіне (Л.М. Митинаның пікірінше, бейімделгіш мінез-құлық моделі) сәйкес келеді.

– белсенділік векторының «сыртқы» бағыты екінші бейімделу моделіне (Л.М. Митинаның пікірінше, кәсіби даму моделі) сәйкес келеді. Бейімделу процесі болашақ маманның кәсіби ортаға белсенді әсер етуімен, оны ассимиляциялауымен және өзіне бейімделуімен сипатталады [7, 11].

Бейімделу процесі оқушының кәсіби даму барысындағы өз көзқарастары мен әдеттегі мінез-құлық үлгілерін түзетумен бірге белсенді өзгерісті қамтиды. Бұл белсенді өзін-өзі өзгерту және болашақ кәсіби ортаға белсенді өзін-өзі бейімдеу дағдыларын дамытудың бір түрі [8, 10].

Болашақ білім беру мамандарының кәсіби бейімделуі – олардың кәсіби білімдерін, дағдыларын және жеке қасиеттерін, сондай-ақ үнемі өзгеріп отыратын әлеуметтік ортада кәсіби өзін-өзі анықтауын дамытудың, дамытудың және өзін-өзі жетілдірудің кезең-кезеңімен жүзеге асырылатын процесі; және кәсіби даму барысында еңбек нарығына кіруге дайындалу [13, 14].

Біздің зерттеуімізде біз болашақ білім беру мамандарының кәсіби бейімделуін дамытудың әлеуметтік-педагогикалық шарттарын келесі модельде ұсынамыз: студенттік бастама орталықтарының қызметіне (науқандар, фестивальдар, әлеуметтік жобалар) шығармашылықпен қатысу [3, 5, 9].

Болашақ мамандардың кәсіби құзыреттілігінің құрамдас бөлігі ретінде шығармашылық қабілеттер болашақ маманның жеке басының шығармашылық қабілетімен, олардың шығармашылық белсенділігімен және шығармашылық дағдыларымен, яғни олардың шығармашылық әлеуетінің параметрлерімен анықталады. Бұл әлеует олардың темпераментімен, мінезімен, ерік-жігерімен және басқа да жеке қасиеттерімен де анықталады. Осылайша, басқалармен қарым-қатынас жасау және қарым-қатынас орнату қабілеті, әсіресе білім беру саласы тұрғысынан алғанда, шығармашылық әрекет тұжырымдамасына өте жақсы сәйкес келеді [1, 6, 10].

Шығармашылық өзін-өзі жүзеге асыру жаңа кәсіби ортаға бейімделу кезеңін айтарлықтай қысқарта алады.

Кәсіби бейімделудің сәтті болуы үшін команда және болашақ маманның өзі өздерінің шығармашылық қабілеттерінің университеттен кейін одан әрі дамуды қажет ететінін түсінуі керек. Педагогикалық университетті бітірген маманның тәжірибесі әлі де салыстырмалы түрде шектеулі болғандықтан, нақты кәсіби құзыреттілікке қарағанда шығармашылық әлеуеті көбірек. Дегенмен, олардың шығармашылық қабілеттері оларға қазіргі жағдайды жаңа көзқараспен бағалауға мүмкіндік береді [3, 9, 12]. Біздің ойымызша, кәсіби бейімделу процесіне көмектесетін өз әлеуетіне жеткілікті түрде байыпты көзқарас қалыптастыру және шығармашылық күштерін түсіну болашақ мамандарға университетте оқып жүргенде, әсіресе жастарға жобаларды ұйымдастыруға және белсенді қатысуға көмектесетін арнайы студенттік бастама орталықтарында сіңуі керек [7, 11].

Қазіргі уақытта университеттердегі мамандарды даярлаудың негізгі мақсаттарының бірі – студенттерде шығармашылық ойлауды дамыту. Бұл саладағы маман шығармашылық-өнертапқыштық есептерді шешу (TRIZ) дағдыларына ие болуы, мәселені тұжырымдай білуі, жаңа және инновациялық (стандартты емес) шешім таба білуі және өз шешімін ұсына және қорғай білуі керек. Педагогикалық университетте оқу кезінде студенттердің шығармашылық

дағдыларын дамыту болашақ мұғалімдерді кәсіби даярлаудың маңызды аспектісі болып табылады [2, 5, 9].

Логика сабақтары осындай ойлау дағдыларын үйретеді. Өкінішке орай, формулаларды жаттауды емес, ойлануды, мәселені тұтас түсінуді, жағдайды талдауды және не берілгенін және не талап етілетінін түсінуді талап ететін стандартты емес тапсырмалар қазақстандық білім беру жүйесінен іс жүзінде алынып тасталған. Батыс дидактикалық парадигмасына тән пайымдауды, негіздеуді және дәлелдеуді тест жауаптарымен алмастыру шығармашылық қабілеттер мен шығармашылық қызығушылықтарды дамыту талаптарына сәйкес келмейді. Шығармашылық әрқашан байқалған құбылыстарды, сондай-ақ кез келген ақпаратты, соның ішінде білім беру ақпаратын сыни тұрғыдан түсінуді білдіреді [12, 14].

Е.Карпенко оқушылардың шығармашылық ойлау деңгейінің төмендігінің себебі көбінесе білім беру жүйесінде жатыр және одан туындайды деп атап өтеді [9]. Әлеуметтік-педагогикалық құндылықтар жүйесіндегі басымдықтардың ауысуы, адамның қажеттіліктері мен оларды қанағаттандыруға бағытталған тұжырымдамадан адамның дамуына және өзін-өзі көрсетудің, жеке тұлғаның әлеуеті мен шығармашылық қабілеттерін дамытудың негізгі мақсатына негізделген басқаша түсінікке көшу қажет. Білім берудің, әсіресе жоғары білім берудің басты құндылығы болашақ мамандарда оқу шеңберінен шығу қажеттілігі мен мүмкіндігін, өзін-өзі дамыту қабілетін және өмір бойы икемді өзін-өзі тәрбиелеуді дамыту болуы керек [1, 2, 4].

Дәстүрлі оқыту жолы тиімсіз, себебі ол әлеуметтік тәжірибені жеткізу үшін ақпараттық, алгоритмдік оқыту әдістеріне сүйенеді және қайталанатын қайталауды қажет етеді. Студенттердің шығармашылық ойлауын белсендіруге және дамытуға бағытталған оқу процесінің бағытын анықтау үшін оқу процесін қалай құрылымдау керектігі туралы негізгі қағидаларды анықтау қажет [5, 11].

Оқыту мамандығы бойынша оқитын студенттерді шығармашылық және білім беру іс-әрекеті ретінде оқытуды ұйымдастырудың теориялық тәсілдерінің ішінде жеке-белсенді тәсіл басымдыққа ие. Ол жеке шығармашылықты және шығармашылыққа деген қажеттілікті дамытуға, оларды өзін-өзі анықтауға және өзін-өзі жүзеге асыруға бағыттауға арналған белсенді оқыту әдістері мен формаларын (жеке бағдарланған немесе дамытушы технологиялар, зерттеу, жобалау және ойынға негізделген әдістер, жеке және топтық оқыту) пайдалануды қамтиды [1, 6, 10].

Эвристикалық әдістер мен қағидалар мұғалімнің шығармашылық ойлауын белсендіруге де айтарлықтай үлес қосады. Бұл әдістер оқушылардың мотивациясын және эмоционалды белсенділігін, сондай-ақ олардың білім беру процесіне қатысушы ретінде белсенді қатысуы мен тәуелсіздігін арттырады. Бұл әдістерге ми шабуылы, эвристикалық сұрақтар, аналогиялар, инверсия, есептерді шешудің басқа деңгейіне өту, графикалық немесе схемалық көрініс және синектика жатады [3, 5, 14].

ЭЖМ-де оқу кезінде шығармашылық әлеуетті дамыту студенттерге тәуелсіз кәсіби жұмысында пайдалы болуы мүмкін білім салаларын мықтап меңгеруге көмектеседі [7, 12].

Тәжірибелік жұмыс интуиция мен қиялды дамытуда және дамытуда өте маңызды, себебі бұл дамудың негізгі құралы – шығармашылық әрекет. Шығармашылық процесс күрделі және жеке.

Ең алдымен, шындықты эмоционалды түрде қабылдауды, айналадағы заттардың, табиғи құбылыстардың және т.б. сұлулығын сезінуді үйрену қажет. Өз жұмысының және шығармашылығының нәтижесін болжау – әлі жоқ нәрсені көру – елестетуді және елестетуді білдіреді. Визуализация – қиялдың ең маңызды элементі [8, 11].

Шығармашылық қиял шексіз. Шығармашылықты дамыту үшін әртүрлі курстарға ақыл-ой белсенділігін жақсартуға арналған практикалық тапсырмалар мен жаттығуларды қосу пайдалы. Дамудың жоғары деңгейі әртүрлі ақпарат ағындарына назар аудару және аудару қабілетімен тығыз байланысты. Шығармашылық өзін-өзі тану, жеке тұлғаның шығармашылық әлеуетін жүзеге асыру процесі ретінде, бейімделу кезеңінде тез жаңа нәрсе жасауға және осылайша мансаптық өсуді қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Ол философиялық, психологиялық, педагогикалық және акмеологиялық зерттеулердің тақырыбына айналды, кәсібилік шыңына қарай өзін-өзі дамыту жолындағы жастар зерттеу нысаны ретінде таңдалды. Шығармашылық өзін-өзі тану тұрғысынан кәсіби қызметке жеке бейімделу процесі жеткілікті зерттелмегенін атап өткен жөн [13, 14].

Сонымен қатар, болашақ мұғалімдер кәсіби ортаға ену кезінде бірқатар қарама-қайшылықтарға тап болады (3-кесте):

3-кесте. - Қарама-қайшылықтардың типтері

Қарама-қайшылықтардың типтері	Мазмұны
Тип №1	Шығармашылық, кәсіби өзін-өзі жүзеге асыратын жеке тұлға үшін жұмыс істейтін өндіріс қажеттілігі мен кәсіби оқыту процесін стандарттаудың басымдылығы.
Тип №2	Болашақ маманның жеке басы мен оның жеке басына жеткілікті көңіл бөлмейтін кәсіби жүйелілігі.
Тип №3	Болашақ мұғалімнің шығармашылық қызметке деген ұмтылысы мен болашақ маманның бұл процесті жүзеге асыруға операциялық мүмкіндіктерінің болмауы арасында.
Тип №4	Мұғалімнің жеке басының нақты қасиеттерінің кешені (оның қабілеттері, дарындылығы, жетістікке жетуге деген ынтасы және т.б.) мен оның кәсіби қызметіне қойылатын талаптары.

Негізгі мәселе – шығармашылықты, әсіресе шығармашылық қасиеттерді дамытуды зерттеу субъективті және терең процесс болып табылады. Дәстүрлі білім беру жүйесі ақпаратты жаттауға және фактілерді жинақтауға негізделгендіктен, шығармашылық ойлауды дамытуға әрқашан қабілетті емес. Сондықтан білім беру процесіне мамандандырылған әдістемелік курстарды, сондай-ақ шығармашылық ойлауды дамытуға және шығармашылық қабілеттерді тек академиялық және кәсіби қызметте ғана емес, сонымен қатар өмірде де пайдалануға мүмкіндік беретін тапсырмаларды енгізу қажет деп саналады [3, 9, 14]. Мамандандырылған әдістемелік курстарды әзірлеудің негізінде келесі қағидаттар жатыр (4-кесте):

4-кесте. - Арнайы курстардың әдістемелік бағыты

Методологиялық бағыттары	Арнайы курстардың мазмұны
Қойылған мақсаттар мен тұжырымдалған міндеттері.	Курстар белгілі бір ұйым үшін оның нақты қызығушылықтарын, миссиясын және көзқарасын ескере отырып әзірленеді. Біздің жағдайда бұл студенттерді білім берудегі шығармашылық іс-әрекеттерге тартуға бағытталған Студенттік бастамалар орталығы.
Тәуелсіз ұйымның ресурстары мен мүмкіндіктері.	Орталық университет ресурстары мен бюджеттік қаражатқа шектеулі ғана тәуелділікпен өз ресурстарын барынша пайдалануды көздейді. Демеушілік қаражатты тартуға келетін болсақ, демеушілердің мүдделерін қалыптастыру мәдени менеджерлердің мақсаттарының бірі болып табылады және сондықтан Орталықтың белсенді жұмысының бөлігі болып табылады.
Мәдени саладағы басқа ұйымдардың тәжірибесін пайдалану.	Студенттік орталықтар және олардың қызметі әдебиетте іс жүзінде белгісіз. Интернеттегі аздаған материалдар олар ұйымдастырылған университеттерге ғана тән және жалпы сипатта емес. Соған қарамастан, бұл материалдарды қорытындылауға тырысу керек.
Жоспарлау принциптері	Студенттік бастамалар орталығының жұмысын ұйымдастыруға байланысты барлық іс-шаралар уақыт пен ресурстар тұрғысынан жоспарлануы тиіс.
Біртіндеп енгізу	Арнайы курстартарды біртіндеп енгізу

Курстарды енгізу кезеңдері бар. Бірінші кезең дайындық болып табылады. Бұл кезең Студенттік бастамалар орталығының жұмыс істеуі мен дамуы үшін қажетті сыртқы және ішкі жағдайларды талдауды қамтиды. Сыртқы жағдайлар келесі негізде анықталады:

– мақсатты аудиторияның Орталыққа деген қажеттілігін талдау;

– университеттің (университеттердің) және тұтастай алғанда білім беру жүйесінің мүмкіндіктерін талдау;

– Орталықтың бұрынғы тәжірибесін талдау

Жүргізілген зерттеулер негізінде Орталық жұмысының келесі бағыттары анықталды және олардың маңыздылығына қарай 10 балдық шкала бойынша сарапшылық бағалаулар берілді (5-кесте).

5-кесте. – Студенттік бастамалар орталығының қызметіне сараптамалық баға беру

Орталықтың өткізу іс шаралары	Бағасы
Тәжірибелік іс әрекетті ұйымдастыру	7
Тәрбиелік іс шаралар	6
Фестивальды ұйымдастыру шаралары	10
Конкурс іс әрекеттері	9
Кештерді ұйымдастыру	6
Ғылыми еңбектер көрмесін ұйымдастыру	10
Бейне түсіру және содан кейін оны өңдеу	8
Этикет курстарын өткізу	7
Мерекелік корпоративтік іс-шараға дайындық	8
Саяси пікірталас ұйымдастыру	6
Орталықтың веб-сайтын және жалпы веб-сайт педагогикасын әзірлеу және қолдау	9
Қоғаммен байланыс жұмысы:	
Баспасөз конференцияларын ұйымдастыру	5
Демеушілерді тарту үшін арнайы іс-шаралар өткізу	6
Орталықтың жұмысын БАҚ-та жариялау үшін жаңалықтар ретінде пайдалану	7
Ғылыми және экскурсиялық бағыт	
Түпнұсқа экскурсиялық жобаларды әзірлеу	8
Экскурсияларды ұйымдастыру және өткізу	6
Ынтымақтастық саласына қатысатын ұйымдармен байланыс орнату арқылы топтарды қабылдауды ұйымдастыру	6
Студенттік бастама орталықтарының қызметінің тәжірибесін жалпылау және осындай орталықтармен байланыс орнату бойынша жұмыстар жүргізу	5

Берілген бағалаулар субъективті болып көрінеді, себебі сарапшылар Орталықта оқитын қазіргі студенттерді де, оның жұмысы туралы тек естіген немесе анда-санда іс-шараларға қатысқан студенттерді де қамтыды. Респонденттердің бағалаулары орташаланды. Соған қарамастан, кестені талдау келесі қорытындыларға негіз береді:

1. Орталықтың қызметі инновациялық педагогикалық қызметтің барлық спектрін қамтуы керек.

2. Орталықтың жұмысы тек ұйымдастырушылық сипатта ғана емес, сонымен қатар дидактикалық бағытта болуы мүмкін.

3. Орталықтың жұмысында коммуникация маңызды рөл атқаруы керек, ең алдымен мәдени мекемелермен, БАҚ-пен және әлеуетті демеушілермен байланыс.

Орталықтың қызметін талдау келесі ішкі жағдайларды зерттеуді де қамтыды:

– Студенттік бастамалар орталығының ресурстық әлеуетін анықтау;

– Орталық жұмысындағы мәселелерді анықтау;

– Ұйымдастырушылықты жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу кезінде сүйену керек Орталықтың ең күшті жақтарын анықтау;

– Орталықтың басқару құрылымын, басқару функцияларының құрамын, олардың таралуын, басқару мәдениетінің деңгейін және т.б. бағалау.

Бұл кезеңде жобалық шешімдер қабылдау үшін нақты негіз жасалады. Сараптамалық сауалнама арқылы жүргізілген бұл бағалау келесі нәтижелерді берді (6-кесте):

6-кесте. - Студенттік бастамалар орталығының ішкі ресурстарын бағалау

№	Ұйымдардың потенциалы	10 баллдық бағалар
1.	ВШП Студенттік бастамалар орталығының атағы мен танымалдығы	6
2.	Материалдық базаның жағдайы	7
3.	Орталықтың ұйымдастырушылық құрылымы	7
4.	Орталықтың жұмыс бағдарламаларының кеңдігі (спектрі)	6
	Орталық қызметінің сапалық деңгейі	6
5.	Орталық өткізетін іс-шаралардың жастар арасында ақпараттық насихаттау деңгейі	5
6.	Демеушілермен қарым-қатынастың сипаты	6
7.	Деканатпен қарым-қатынастың сипаты	9
8.	Команда ішіндегі қарым-қатынас (басшылыққа деген сенім, психологиялық жайлылық деңгейі)	10
9.	Ұйымның психологиялық жағдайы	7

Бұл кесте студенттік бастама орталығының ішкі ресурстарын сараптамалық бағалау диаграммасымен көрсетілген (1-сурет).

1-сурет. – Студенттік бастама орталығының ішкі ресурстарын сараптамалық бағалау диаграммасы

Көріп отырғанымыздай, Студенттік бастамалар орталығы жұмысының ең маңызды аспектісі - оны ақпараттық насихаттау. Сонымен қатар, команда ішіндегі психологиялық ахуал және басқаруға деген сенім деңгейі (бұл Орталық басшылығының құзыреттілігін де сипаттайды) ең жоғары баға алды.

2-кезең - негізгі кезең – ұйымның инновациялық жобаларының сапасын қамтамасыз ету стратегиясын әзірлеу.

Бұл кезеңге мыналар кіреді:

– Студенттік бастамалар орталығының жалпы саясатын әзірлеу;

– Орталықтың функциялары мен жұмыс бағыттарын кеңейту бағдарламасын жасау;

– Ұйымдастырушылық құрылымды жетілдіру және оның икемділігін қамтамасыз ету;

– Ерекше қызығушылық тудыратын нақты іс-шараларды әзірлеу.

Бүгінгі таңда Студенттік бастамалар орталықтары әртүрлі аймақтарда және әртүрлі университеттерде жұмыс істейді. Дегенмен, олардың қызметі нақты бір жоғары оқу орнына байланысты. Олар жеткіліксіз жалпыланған және университетаралық интеграция сияқты маңызды мақсатқа толық қызмет етпейді. Бірлескен инновациялық жобалар деңгейіндегі интеграцияны Студенттік бастамалар орталықтарының қызметі арқылы жүзеге асыруға болатын сияқты [7, 9, 13].

Білім беру технологиялары саласындағы жобалық іс-шаралар алуан түрлі. Бұл әртүрлілік ішінара білім беру қызметінің көп қырлы сипатына байланысты, ол әртүрлі құзыреттіліктерді, педагогиканы, ақпарат алмасуды және т.б. қамтиды [3, 5, 12].

Әлеуметтік-мәдени құндылықтарды жасаушылардың тұтынушыларға еркін қол жеткізуін қамтамасыз етпей, бұл салада шығармашылық қабілеттерді дамыту мүмкін емес. Бұл қолдау әлеуметтік-мәдени қызметті басқару арқылы жүзеге асырылады. Сонымен қатар, менеджер шығармашылық танытуы керек, яғни әлеуметтік-мәдени құндылықтарды жасаушы, бірақ білім беру және оны басқару жүйелері туралы біліммен толықтырылуы керек [1, 6, 10].

Білім беру саласындағы тиімді басқарудың негізі негізінен бағдарламалық жасақтама әзірлеушілері қолданатын жобаға негізделген әдіске негізделуі керек сияқты. Бұл әдістің мәні - әрбір мүшесі тәуелсіз шығармашылық тұлға болып табылатын, жалпы жоба тұжырымдамасына сәйкес ортақ мүддеде өз әлеуетін жүзеге асыратын жобалық топты, яғни іске асырушылар командасын құру [8, 11, 14].

Бұл мақалада ЭЖМ Студенттік бастамалар орталығын кеңейту және дамытуға қатысты нақты шаралар ұсынылады. Бұл іс-шаралар студенттердің болашақ іс-әрекеттеріне бейімделу құралы ретіндегі Орталықтың тиімділігін арттыруға ғана емес, сонымен қатар инновациялық педагогикалық технологияларды енгізу және сынақтан өткізу платформасы ретіндегі Орталықтың жұмысын қарастыруға және қорытындылауға мүмкіндік береді.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1 Амонашвили Ш.А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса. – Минск: БГУ, 1990. – 234 с.
2 Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Издательство Московского университета, 1980. – 416 с.
3 Ариарский М.А. Прикладная культурология на службе развития личности // Педагогика. – 2001. – № 8. – С. 45–52.
4 Асмолов А.Г. Психология личности. – М.: МГУ, 1990. – 367 с.
5 Барышникова Е.Н., Клепач Е.В., Красс Н.А. Речевая культура молодого специалиста. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 224 с.
6 Бодалев А.А. Психология личности. – М.: Издательство МГУ, 1988. – 188 с.
7 Вертягина Е.А. К проблеме изучения профессиональной адаптации молодых специалистов // Социальная психология XXI века : сборник статей международного конгресса. – Ярославль, 2002. – С. 78–83.
8 Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Психология адаптации и социальная среда. Современные подходы, проблемы, перспективы. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 312 с.
9 Карпенко Э. Проблема формирования творческого мышления у студентов // Социология. – 2007. – № 5. – С. 112–118.
10 Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. – М.: Речь, 2006. – 365 с.
11 Ромм М.В. Адаптация личности в социуме. – М.: Наука, 2002. – 275 с.
12 Тюкин И.Ю., Терехов В.А. Адаптация в нелинейных динамических системах. – СПб.: ЛКИ, 2008. – 384 с.
13 Михайлова Т.В. Особенности адаптации молодых специалистов // Бизнес в России и за рубежом. – 2009. – № 5. – С. 24–30.
14 Муравьева И.Г. Развитие творческого потенциала студентов через изучение дисциплины «Технологии творческой деятельности» // Труды Омского педагогического университета. – 2007. – С. 55–61.

REFERENCES

1 Amonashvili, Sh.A. (1990). Lichnostno-humannaya osnova pedagogicheskogo processa [Personal-humanistic basis of the pedagogical process]. (p. 234). Minsk: BGU [in Russian].
2 Andreeva, G.M. (1980). Social'naya psihologiya [Social psychology]. (p. 416). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [in Russian].
3 Ariarskij, M.A. (2001). Prikladnaya kul'turologiya na sluzhbe razvitiya lichnosti [Applied cultural studies in the service of personal development]. Pedagogika – Pedagogy, 8, 45–52 [in Russian].

4 Asmolov, A.G. (1990). Psihologiya lichnosti [Psychology of personality]. (p. 367). Moscow: MGU [in Russian].
5 Baryshnikova, E.N., Klepach, E.V., & Krass, N.A. (2005). Rechevaya kul'tura molodogo specialista [Speech culture of a young specialist]. (p. 224). Moscow: Flinta, Nauka [in Russian].
6 Bodalev, A.A. (1988). Psihologiya lichnosti [Psychology of personality]. (p. 188). Moscow: Izdatel'stvo MGU [in Russian].
7 Vertyagina, E.A. (2002). K probleme izucheniya professional'noy adaptacii molodyh specialistov [On the problem of studying professional adaptation of young specialists]. Social'naya psihologiya XXI veka – Social Psychology of the XXI Century: Proceedings of the International Congress (pp. 78–83). Yaroslavl' [in Russian].
8 Dikaya, L.G., & Zhuravlev, A.L. (2007). Psihologiya adaptacii i social'naya sreda. Sovremennye podhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment. Modern approaches, problems, prospects]. (p. 312). Moscow: Institut psihologii RAN [in Russian].
9 Karpenko, E. (2007). Problema formirovaniya tvorcheskogo myshleniya u studentov [The problem of developing creative thinking in students]. Sociologiya – Sociology, *5*, 112–118 [in Russian].
10 Rozum, S.I. (2006). Psihologiya socializacii i social'noy adaptacii cheloveka [Psychology of socialization and social adaptation of a person]. (p. 365). Moscow: Rech' [in Russian].
11 Romm, M.V. (2002). Adaptaciya lichnosti v sociume [Adaptation of personality in society]. (p. 275). Moscow: Nauka [in Russian].
12 Tyukin, I.Yu., & Terekhov, V.A. (2008). Adaptaciya v nelineynyh dinamicheskih sistemah [Adaptation in nonlinear dynamic systems]. (p. 384). Saint Petersburg: LKI [in Russian].
13 Mihaylova, T.V. (2009). Osobennosti adaptacii molodyh specialistov [Features of adaptation of young specialists]. Biznes v Rossii i za rubezhom – Business in Russia and Abroad, 5, 24–30 [in Russian].
14 Murav'eva, I.G. (2007). Razvitie tvorcheskogo potenciala studentov cherez izuchenie discipliny «Tekhnologii tvorcheskoy deyatel'nosti» [Development of students' creative potential through the study of the discipline «Technologies of creative activity»]. Trudy Omskogo pedagogicheskogo universiteta – Proceedings of Omsk Pedagogical University (pp. 55–61) [in Russian].

З.К. Кульшарипова[1], Б.Д. Каирбекова[2], Г.С. Аяпбергенова[1], Ж.Ш. Шахмарданова[1]
[1]НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», Казахстан
[2]Инновационный Евразийский университет, Казахстан

Инновационный потенциал творческого развития молодежи в период профессионального становления вуза

В современном высшем образовании остро стоит необходимость формирования и развития будущих специалистов как профессиональных личностей. Однако в период обучения в высшем учебном заведении студентам не хватает самостоятельности и осознанности в выборе профессии. Это препятствует их творческому профессиональному росту и адаптации к требованиям рынка труда.

Обосновать важность творческого развития в процессе профессионального формирования студентов в системе высшего профессионального образования и выявить основные проблемы этого процесса.

В статье проведен теоретический анализ научно-методологической литературы. В ходе исследования проведен обзор образовательного процесса в высших учебных заведениях, этапов профессионального формирования студентов и факторов творческого развития.

Установлено, что в период обучения в высшем учебном заведении студенты имеют низкий уровень самостоятельности и осознанности в выборе профессии. Обосновано, что творческое развитие студентов в процессе профессионального формирования позволяет им эффективно решать задачи модернизации и развития кадрового потенциала страны.

Результаты исследования могут послужить основой для разработки методических рекомендаций, направленных на совершенствование образовательных программ в высших учебных заведениях, развитие профессиональной компетентности студентов и повышение их творческого потенциала.

Ключевые слова: профессиональный рост, этап профессионального становления, врожденные способности, механизм развития творческих способностей.

Z. Kulsharipova[1], B. Kairbekova[2], Ayapbergenova G.[1], Zh. Shakhmardanova[1]
[1]НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», Казахстан
[2]Инновационный Евразийский университет, Казахстан

The innovative potential of creative development of youth in the period of professional formation of the university

The need to form and develop future specialists as professional personalities in modern higher education is urgent. However, during the period of study at a higher educational institution, students lack independence and awareness in their professional choice. This hinders their creative professional growth and adaptation to the demands of the labor market.

To substantiate the importance of creative development in the process of professional formation of students in the system of higher professional education and to identify the main problems in this process.

The article conducted a theoretical analysis of scientific and methodological literature. During the study, a review of the educational process in higher educational institutions, stages of professional formation of students and factors of creative development was conducted.

It was determined that during the period of study at a higher educational institution, students have a low level of independence and awareness in their professional choice. It is justified that the creative development of students in the process of professional formation allows them to effectively solve the tasks of modernization and development of the country's personnel potential.

The results of the study can serve as a basis for developing methodological recommendations aimed at improving educational programs in higher education institutions, developing students' professional competence and increasing their creative potential.

Keywords: professional growth, stage of professional development, innate abilities, mechanism of creative abilities development.

Қолжазбаның редакцияға келіп түскен күні: 19.05.2026 ж.

UDC 37.015.31
MRNTI 15.41.49

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/23-31

Z. Kulsharipova[1], B. Kairbekova[2], N. Kotova[1], A. Esalinov[1]
[1]Pavlodar Pedagogical University named after Alkei Margulan, Kazakhstan
[2]Innovative Eurasian University, Kazakhstan

Development of communication skills in adolescents with Internet addiction

Abstract

Main Problem: The article examines the problem of developing communication skills in adolescents with Internet addiction as one of the most relevant forms of behavioral addiction in the context of digitalization of modern society. A theoretical analysis of domestic and foreign studies has revealed the relationship between the severity of Internet-dependent behavior and the peculiarities of the communicative sphere of adolescents, including the level of social anxiety, empathy, communicative competence, self-regulation and confidence in interpersonal contacts.

Objective: The purpose of the study was to identify and analyze the psychological and individual-typological features of communication in adolescents, as well as to determine the severity of Internet addiction at various stages of its formation.

Method: The research methodology is based on an integrated approach, including the analysis of scientific literature, the systematization of theoretical concepts, as well as the use of empirical methods of psychodiagnostics (testing, questionnaires, quantitative and qualitative data analysis).

Results and their significance: The results obtained indicate the presence of statistically significant differences in indicators of communicative competence among adolescents with different levels of Internet addiction. The necessity of considering individual psychological characteristics of a personality in the development and implementation of prevention and psychocorrection programs has been confirmed, which provides a basis for creating targeted interventions to reduce social anxiety and improve interpersonal skills in this risk group.

Keywords: digitalization of society, forms of behavioral addiction, Internet addiction, prevention of communication disorders, self-awareness and communicative competence, value systems, self-awareness.

Introduction

In the context of the rapid digitalization of society and the widespread spread of information and communication technologies, the problem of computer and Internet addiction among adolescents is of particular scientific and practical importance. Adolescence is a sensitive period of personality formation, value system, self-awareness and communicative competence. It is during this period that interpersonal skills are actively developed, the ability to reflect, empathize, self-regulate, and build stable social connections is formed. Intensive and uncontrolled use of digital technologies can significantly transform these processes [1,2].

Modern researchers note that adolescents with signs of Internet addiction are often characterized by increased emotional lability, expressivity, social shyness, and a tendency to excessive or, conversely, insufficient emotional response. They may have difficulties in adequately expressing feelings, a reduced level of empathy, as well as a lack of skills in recognizing the emotional states of a communication partner. In addition, this category of adolescents is characterized by difficulties in building a constructive dialogue, in the ability to take into account the context and conditions of the social situation, predict the consequences of their own communicative actions and build long-term interpersonal relationships [3].

The relevance of the topic is due to: the social significance of the problem of Internet addiction in the adolescent environment; the influence of dependent behavior on the processes of socialization and the formation of communication skills; the need for early diagnosis and prevention of communication disorders; the need to develop effective psychological and pedagogical programs of corrective action.

A comprehensive study of the development of communication skills in adolescents with Internet addiction will not only deepen the theoretical understanding of this problem but also create practical recommendations for specialists in the education system and psychological assistance.

The problem of developing communication skills in adolescents with Internet addiction is widely represented in the works of foreign and domestic researchers and is considered within the framework of various scientific approaches, psychological, socio-psychological, pedagogical and neuropsychological [4].

The socio-psychological aspects of virtual interaction and self-presentation are revealed in the theory of self-disclosure and social presence by Joseph Walter, who showed that online communication can enhance a subjective sense of intimacy while reducing the depth of real social contact. The problem of the impact of digital technologies on the cognitive and emotional development of adolescents is also considered in the works of Jean Twenge, who links the intensive use of the Internet with an increase in social anxiety and a decrease in face-to-face interaction skills.

In Russian psychology, the issues of addictive behavior of adolescents were developed in the works of Caesar Korolenko and Natalia Dmitrieva, who considered dependent behavior as a form of personality maladaptation. The psychological mechanisms of Internet addiction formation and its impact on personal development were analyzed by Alexander Zhichkin, who studied the features of self-presentation on the Web and identity transformation in the virtual space [5].

Methods and metrology. The analysis of methodological sources shows that in the conditions of the Republic of Kazakhstan, the problem of adolescent Internet addiction remains insufficiently studied, especially taking into account the national, socio-economic and cultural characteristics of personality development.

Despite the existence of separate studies in the field of digital socialization and addictive behavior, comprehensive works aimed at identifying the relationship between the severity of Internet addiction and the level of formation of communication skills among adolescents in the Kazakh socio-cultural context are presented in fragments. prevention and psychocorrection programs that take into account the specifics of family upbringing, the educational environment, and the ethno-cultural norms of interpersonal interaction.

Thus, further research on the problem of developing communication skills in adolescents with Internet addiction in the context of the Republic of Kazakhstan is a scientifically and socially significant area that requires an interdisciplinary approach and empirical verification.

The formation of communication skills among adolescents in the context of the active use of digital technologies is a complex and multilevel process caused by the transformation of the social environment, changing forms of interaction and the expansion of the digital space as a significant agent of socialization.

In modern conditions, the digital environment is becoming not only a tool for transmitting information, but also an independent space for interpersonal interaction. Teenagers are actively involved in online communication through social networks, instant messengers, gaming platforms and educational digital resources. This creates a new communication model characterized by high-speed messaging, visualization of content, the use of symbolic means (emojis, memes, abbreviations), as well as a reduction in the role of direct non-verbal contact.

On the one hand, digital technologies expand the possibilities of communicative development.

They contribute to:

– overcoming geographical and social barriers;

– development of writing and self-presentation skills;

– formation of information retrieval, analysis and transmission skills;

– participation in online communities of interest;

– the development of intercultural communication.

The digital environment can act as a space of safe self-expression for adolescents with increased social anxiety or insecurity, facilitating the establishment of primary contacts.

Empirical studies on the Chen Scale of Internet Addiction (CIAS) adapted by V.L. Malygin and K.A. Feklisov are the leading method of diagnosing Internet addiction in Russia. The adapted test (26 points, 5 scales) allows you to identify behavioral, emotional and cognitive signs of addiction. The average score of «conditionally dependent» students exceeds 53.4 (max. 94), indicating significant problems with time control and withdrawal symptoms [6].

The research was conducted using interdisciplinary methods, which allowed us to gain a more complete understanding of the problem.

The main research results (Malygin's adaptation) showed the identification of key factors. In the course of the research, the main factors influencing the object under study, including social, economic and cultural aspects, were identified.

1. Empirical data: Empirical data was collected and analyzed, which made it possible to identify patterns and trends in the development of the field under study.

2. Process modeling: Models have been developed to predict changes and assess the impact of various factors on the system under study.

3. Recommendations for practice: Based on the results obtained, recommendations have been formulated that can be applied in practice to improve the situation in this area.

These results underline the importance and relevance of the conducted research, as well as their contribution to the development of science and practice in this field.

The structure of the methodology consists of adapted scales and consists of 26 points evaluating symptoms on 5 subscales.:

1. Positive reinforcement (pleasant pastime).
2. Withdrawal symptoms (anxiety when there is no Internet connection).
3. Compulsive symptoms (obsessive desire to go online).
4. Time management (inability to control time).
5. Intrapersonal problems (problems in real life).

Research shows that using CIAS allows you to reliably divide subjects into groups: non-dependent, conditionally dependent, dependent. The average value of the overall score on all scales in this group was \(53.4\pm 6.9\) points, with a high level of withdrawal symptoms and time control. Population-based studies have shown that the adolescent assessment test has shown a correlation with high levels of stress, loneliness, and depression [7]. The Adapted Methodology (CIAS-R) is considered a reliable tool for use in Russian samples, demonstrating a high level of psychometric validity.

Research results and discussion

The socialization of teenagers with Internet addiction proceeds with certain peculiarities. The digital environment creates the illusion of full-fledged social interaction, but it does not replace live communication. This leads to: reduced motivation to participate in real social groups; a lack of teamwork skills; limited practice of interpersonal cooperation and conflict resolution.

The results of the study show that the use of modern technologies and social media can lead to negative consequences for participants. The main findings include:

1. Reduced motivation to participate in real social groups: Study participants note that online interaction replaces traditional forms of communication, which reduces the desire to participate in offline events and groups.

2. Lack of teamwork skills: Due to the decrease in the number of interactions in real life, people lack the skills necessary for effective teamwork, such as communication, collaboration and role allocation.

3. Limitation of the practice of interpersonal cooperation and conflict resolution: Participants lose the opportunity to develop conflict resolution skills in real situations, which can lead to difficulties in interpersonal relationships and in the professional sphere (Table 1).

Table 1. – The results of the study

Parameter	Description	Influence on participants
Decreased motivation	Decreased desire to participate in real groups	Isolation, decreased social activity
Lack of teamwork skills	Lack of skills to work in a team	Problems in the professional environment
Limiting the practice of cooperation	Reducing opportunities for conflict resolution	Difficulties in interpersonal relationships

These findings highlight the need for a balanced approach to the use of technology in order to preserve and develop social skills and interactions in real life. In the context of Kazakhstan's socio-cultural context, where family and educational institutions play a key role in socialization, excessive involvement in the digital environment can weaken the influence of these traditional agents of socialization and create risks of social isolation of adolescents. Internet addiction does not cause irreversible changes in mental processes and can be successfully corrected by the combined efforts of

educational psychologists, parents and the teenager himself. However, the craving for additive behavior can lead to repetitive behavior that occurs depending on the Internet.

Prevention of Internet addiction is based on setting strict time limits, digital detox, and developing real hobbies and social activities. Effective measures include controlling screen time (up to 2 hours for teenagers), avoiding the use of gadgets during meals and in the bedroom, using parental control and active recreation [7].

The main methods of preventing Internet addiction in adolescents include: limiting screen time, developing real hobbies and sports, encouraging live communication, and creating trusting family relationships. It is important to consistently replace virtual space with active recreation, and not just abruptly prohibit the use of gadgets. To prevent Internet addiction, you need to pay attention to how many hours a teenager spends on the computer, be interested in his virtual friends and the sites that he regularly visits. It is necessary to try to make the child's real life interesting and meet his ideas: to organize visits to the sports section, music classes and other interest groups, to allow walks and gatherings with peers within reasonable limits. Internet addiction is one of the forms of addictive behavior, which is reflected in various types (Table 2).

Table 2. – Key prevention methods

№	Methods of prevention	Content and tasks
1.	Setting strict time limits	Limit the time you spend online and don't put your computer in the children's bedroom
2.	Alternative leisure	Encourage sports, creativity, reading, and other non-tech hobbies
3.	Live communication	Encourage socialization in real life, meeting friends and spending time with family
4.	Information hygiene	Teach teenagers to be critical of content, use parental control programs
5.	Developing self-control	Help the teenager to understand the «dependent» patterns of behavior and plan his own day

Features for children and teenagers: it is important for parents to show interest in their child's life, offer active recreation, do not replace communication with gadgets and tactfully, without a complete ban, limit time at the monitor.

The reasons for their occurrence indicate the existence of a number of serious psychological problems and the inability to deal with them. They force a person to immerse themselves in the virtual world, which, merging with ordinary life, replaces it. Teenagers from 12 to 17 years old are the main risk group for developing Internet addiction due to their age characteristics. Children need self-expression. If there are no other means to share their thoughts, feelings, and energy, they turn to a computer[2]. The main symptoms of Internet addiction are: difficulty controlling the time spent online; constant mood swings when using it; ignoring activities unrelated to the network. Currently, the issues of Internet addiction prevention have not been practically developed. Foreign researchers suggest using online psychotherapy, but this is very controversial, so other scientists consider it unacceptable to use the Internet to combat Internet addiction.

The diagnosis revealed the factors of inadmissibility of using the Internet to combat Internet addiction. Therefore, measures to control, prevent, and develop adolescent self-regulation are considered more effective (Table 3).

Table 3. – Diagnostics of the development of adolescent self-regulation in the context of prevention

№	The direction of diagnosis	The content of the diagnostic direction
1.	Time limit	Set clear limits on staying online, turn off your computer if there is no work/study need.
2.	Digital Detox	Regularly arrange days or hours completely free of gadgets.
3.	Alternative activity	Replace virtual communication with real communication, engage in sports, creativity, hobbies
4.	Organization of space	Do not install the computer in the children's room, keep it in common areas.
5.	Psychological support	Learn to cope with difficulties in the real world, and if necessary, consult a therapist.

Prevention is understood as the process of formation of environmental and personal resources and their interaction. In this definition, a resource will be considered a key concept, so resources are some abilities that allow you to productively cope with the real tasks of the surrounding reality. Resources include the ability to assess the situation in society, to be able to predict personal behavior, as well as the behavior of others, and to be responsible for oneself as a whole.

The main and main part of preventive measures is considered to be the formation of students' social activity in conditions of direct communication and a healthy lifestyle, the disclosure of predominantly important life factors that have a provocative effect on personality, their elimination, psychological correction of additive behavior, and collegial work to prevent dependent behavior.

American psychiatrist Ivan Kenneth Goldberg, founder of the online support group, presented five recommendations for getting rid of Internet-dependent behavior (Table 4).

Table 4. – Five recommendations for getting rid of Internet-dependent behavior (Ivan Kenneth Goldberg)

It is advisable to admit that you have an addiction	Unhealthy addiction to the Internet can be identified by the symptoms, which include: an obsessive desire to stay online (the desire to be constantly online); avoidance of studying (unfulfilled homework, parental request).
Identify the underlying problems of addiction	They can be: insecurity about the future, academic difficulties, problems of social interaction. All this can affect the creation of inferiority complexes in real life and escape into virtual worlds. It is necessary to develop the ability to resist negative influences, develop interpersonal communication skills, form motives that encourage a healthy lifestyle and develop self-confidence.
Solve real, «pressing» problems	It should be noted that by avoiding stressful situations, we only complicate problems (for example, if there are problems with studying, then you can study on your own or hire a tutor, rather than ignore them).
It is important to control the time spent on the computer	It is necessary to limit the time spent online. For example, you can keep track of how much time you spend at the computer, doing really important things, you need to record it and try not to exceed the daily «dose». You can also mark the sites you need to visit in advance so that the search for the necessary information does not turn into a useless pastime.
Preference should be given to the primary fulfillment of real tasks (study)	Draw clear boundaries between virtual fantasies and the useful use of the Internet, pay attention to the reasons that make you immerse yourself in virtual reality.

There are a number of problems related to the prevention of Internet addiction. The first problem is that teenagers do not understand and do not want to admit that they have an addiction and, as a result, seek help only in cases where they no longer need the help of a psychologist, but of a psychotherapist.

Thus, at the stage of the ascertaining experiment, we conducted a study of the formation of self-regulation of behavior in younger adolescents. The results of the diagnostic study to identify the formation of the skill of self-regulation using the Test questionnaire of A.V. Zverkov and E.V. Eidman «The study of volitional self-regulation».

The study was conducted in a secondary school in Pavlodar region. The study involved teenagers aged 13-14, including 86 people studying in grades 7-8 - 9th.

The results obtained in the study show that 6.3 % have significant problems with Internet use, which can be resolved with the help of a specialist; 14.9 % have problems with Internet use; 72.6 % are ordinary Internet users who know how to control themselves (Fig. 1).

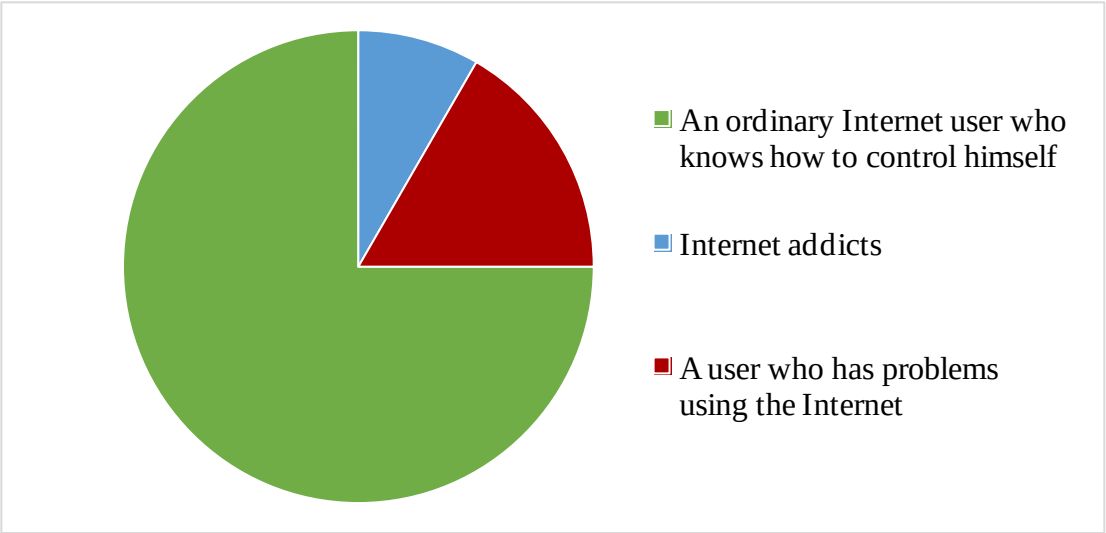


Figure 1. – Levels of adolescent Internet addiction according to K. Yang

The second problem is that most countries do not recognize Internet addiction as a mental illness, but consider it simply a bad habit.

Thirdly, there are a small number of centers in the world that can offer specialized care to people suffering from this disease. In addition, people do not know the primary signs of Internet addiction and the preventive measures aimed at preventing it.

The primary stage of prevention in all cases is the awareness and acceptance of the problem itself. Some psychologists believe that fighting Internet addiction is a pointless activity, and it's not about fighting as such, but about solving the problems of existence: the ability to build social, emotionally warm relationships, constantly adapting to changing conditions of the social environment, setting new goals and objectives at each stage of the life path, etc. After all, the most common causes of Internet addiction are dissatisfaction with one's own life and the presence of intractable problems in it.

Therefore, it is necessary to find the causes of these problems. In cases where a person is unable to cope with addiction on his own, it is necessary to seek help from a psychologist [8]. The primary prerequisites for the formation of addiction are upbringing and relationships in the family, therefore, the main prevention will be a warm microclimate in the family, where trusting and friendly relations between family members will serve as the basis.

Psychological and pedagogical prevention of computer addiction involves the use of a wide range of measures necessary to ensure a safe environment for the development and socialization of children (Table 5).

Table 5. – Practical recommendations for teenagers

№	Types of recommendations	Content of recommendations
1.	Time control	Install apps on your phone or computer that limit your time on social media and gaming. Turn off your gadgets 1-2 hours before bedtime.
2.	Search for alternatives	Find an activity that requires physical presenc.: sports clubs, dancing, drawing, volunteering or hiking.
3.	Organization of communication	Asking for help: Replace instant messaging with live meetings. Invite your friends to go for a walk or play board games..
4.	Awareness	Asking for help: Ask yourself the question: «Why am I opening this app now?». If it's boring, it's better to switch to another activity.
5.	Prevention Tips	Do not store your gadgets in the bedroom to avoid nighttime use. Set an alarm instead of using your phone so you don't get stuck in the morning. Learn to check information in different sources so that the Internet is a tool, not a refuge.

Comparing the presence of Internet addiction with the psychological problems that arise in adolescents, it can be assumed that if a high level of Internet addiction is detected among adolescents, they will experience a high level of anxiety, negative emotional experiences and a low level of cognitive activity.

In order to confirm this assumption, an empirical study of Internet addiction among adolescents was conducted, using a number of methods: the Kimberly Young questionnaire; the S.A. Kulakov rapid test; the C.D. Spielberg anxiety test.

To understand that a teenager is addicted to the Internet and spends a large number of hours on the Internet a day is prompted by behavioral situations: outbursts of aggression, irritability when trying to turn off the Internet; an obsessive desire to log on to the network; problems with academic performance due to frequent use of the Internet. Psychological and pedagogical prevention of computer addiction involves the use of a wide range of measures necessary to ensure a safe environment for the development and socialization of children and youth.

In this regard, it is important for teachers, educational psychologists and the class teacher to show the student that there are a lot of interesting entertainment besides the computer, which not only allow them to experience thrills, but also train the body and normalize the psychological state.

Conclusions

The problems of preventing Internet addiction are being considered. Our research has removed attention to techniques for overcoming Internet addiction. Some approaches to solving the problem of Internet addiction detection are highlighted. The manifestation of dependent behavior is carried out in accordance with the changing aspects of adolescence. In the process of identification, teenagers try to determine their place in the world around them.

Internet addiction forms a number of psychological problems: conflict behavior, chronic depression, withdrawal to the virtual world from real life, difficulties in adapting to society, and this issue is important in the education system. Therefore, it is necessary to find the causes of these problems. In cases where teenagers themselves are unable to cope with addiction, it is necessary to seek help from a psychologist.

THE LIST OF SOURCES

1 Макарова Л.Н., Копытова Н.Е., Королева А.В. Конструктивные и деструктивные возможности изменяющейся внешней информационной среды // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 6(110). – С. 84–91.

2 Васильева Е.В. Компьютерная зависимость подростка как социально-педагогическая проблема // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 32–39.

3 Зекерьяев Р.И., Середа М.И. Особенности интернет-социализации подростков с социально дезадаптированным поведением // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2016. – № 1(3). – С. 55–60.

4 Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт использования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. – 2013. – № 30.

5 Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2001.

6 Слепцова Н.К., Васильева А.Н. Социальные сети как фактор социализации современных подростков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 30. – С. 309–311.

7 Лосенкова Т.А. Взаимосвязь интернет-зависимости с тревожными состояниями подростков // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 702–703.

8 Войскунский А.Е. Интернет — новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. – Вып. 1. – М.: Смысл, 2002. – С. 82–101.

9 Богомолова М.А., Бузина Т.С. Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции // Медицинская психология в России. – 2018. – № 2.

10 Шутова Н.В., Баранова А.М. Оценка риска интернет-зависимости для психического здоровья подростков // Гигиена и санитария. – 2016. – № 6.

REFERENCES

1 Makarova, L.N., Kopytova, N.E., & Koroleva, A.V. (2012). Konstruktivnye i destruktivnye vozmozhnosti izmeniaiushcheisia vneshnei informatsionnoi sredy [Constructive and destructive possibilities of the changing external information environment*]*. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. Series: Humanities, 6 (110), 84–91. [in Russian].
2 Vasileva, E.V. (2016). Kompiuternaia zavisimost podrostka kak sotsialno-pedagogicheskaia problema [Computer addiction of a teenager as a socio-pedagogical problem]. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudearnus – Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus, 15*(2), 32–39. [in Russian].
3 Zekerianev, R.I., & Sereda, M.I. (2016). Osobennosti internet-sotsializatsii podrostkov s sotsialno dezadaptirovannym povedeniem [Features of internet socialization of adolescents with socially maladaptive behavior]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Pedagogika. Psikhologiia – Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology, 1*(3), 55–60. [in Russian].
4 Belinskaia, E.P. (2013). Informatsionnaia sotsializatsiia podrostkov: opyt ispolzovaniia sotsialnymi setiami i psikhologicheskoe blagopoluchie [Information socialization of adolescents: Experience of using social networks and psychological well-being]. Psikhologicheskie issledovaniia – Psychological Studies, 30. [in Russian].
5 Zhichkina, A.E. (2001). Vzaimosviaz identichnosti i povedeniia v Internete polzovatelei iunosheskogo vozrasta [The relationship between identity and online behavior of adolescent users] (Extended abstract of candidate's thesis). Moscow. [in Russian].
6 Sleptsova, N.K., & Vasileva, A.N. (2016). Sotsialnye seti kak faktor sotsializatsii sovremennykh podrostkov [Social networks as a factor of socialization of modern adolescents]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» – Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept», 30*, 309–311. [in Russian].
7 Losenkova, T.A. (2014). Vzaimosviaz internet-zavisimosti s trevozhnymi sostoianiiami podrostkov [The relationship between internet addiction and anxiety states of adolescents]. Molodoi uchenyi – Young Scientist, 4, 702–703. [in Russian].
8 Voiskunskii, A.E. (2002). Internet – novaia oblast issledovanii v psikhologicheskoi nauke [Internet – a new field of research in psychological science]. In Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU – Scientific Notes of the Department of General Psychology of Moscow State University (Issue 1, pp. 82–101). Moscow: Smysl. [in Russian].
9 Bogomolova, M.A., & Buzina, T.S. (2018). Internet-zavisimost: aspekty formirovaniia i vozmozhnosti psikhologicheskoi korrektsii [Internet addiction: Aspects of formation and possibilities of psychological correction]. Meditsinskaia psikhologiia v Rossii – Medical Psychology in Russia, 2. [in Russian].
10 Shutova, N.V., & Baranova, A.M. (2016). Otsenka riska internet-zavisimosti dlia psikhicheskogo zdorovia podrostkov [Assessment of the risk of internet addiction for the mental health of adolescents]. Gigiena i sanitariia – Hygiene and Sanitation, 6. [in Russian].

З.К. Кульшарипова[1], Б.Д. Каирбекова[2], Н.С. Котова[1], А.А. Есалинов[1]
[1]«Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ, Қазақстан
[2]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Интернетке тәуелділігі бар жасөспірімдерде қарым-қатынас дағдыларын дамыту

Мақалада қазіргі қоғамды цифрландыру жағдайында мінез-құлыққа тәуелділіктің ең өзекті түрлерінің бірі ретінде интернетке тәуелділігі бар жасөспірімдерде коммуникативтік дағдыларды дамыту мәселесі қарастырылады. Отандық және шетелдік зерттеулердің теориялық талдауы интернетке тәуелділік мінез-құлқының ауырлығы мен жасөспірімдердің коммуникативтік саласының ерекшеліктері, соның ішінде әлеуметтік мазасыздық деңгейі, эмпатия, коммуникативтік құзыреттілік, өзін-өзі реттеу және тұлғааралық байланыстарға сенімділік арасындағы байланысты анықтады.

Зерттеудің мақсаты жасөспірімдердегі коммуникацияның психологиялық және жеке-типологиялық ерекшеліктерін анықтау және талдау, сондай-ақ интернетке тәуелділіктің оның қалыптасуының әртүрлі кезеңдеріндегі ауырлығын анықтау болды.

Зерттеу әдіснамасы ғылыми әдебиеттерді талдауды, теориялық тұжырымдамаларды жүйелеуді, сондай-ақ психодиагностиканың эмпирикалық әдістерін (тестілеу, сауалнамалар, сандық және сапалық деректерді талдау) пайдалануды қамтитын кешенді тәсілге негізделген.

Алынған нәтижелер интернетке тәуелділіктің әртүрлі деңгейі бар жасөспірімдер арасында коммуникативтік құзыреттілік көрсеткіштерінде статистикалық тұрғыдан маңызды айырмашылықтардың бар екенін көрсетеді. Алдын алу және психокоррекция бағдарламаларын әзірлеу және енгізу кезінде тұлғаның жеке психологиялық ерекшеліктерін ескеру қажеттілігі расталды, бұл осы тәуекел тобындағы әлеуметтік мазасыздықты азайту және тұлғааралық дағдыларды жақсарту үшін мақсатты араласуларды жасауға негіз болады.

Түйін сөздер: қоғамды цифрландыру, мінез-құлыққа тәуелділік формалары, Интернетке тәуелділік, коммуникативті бұзылулардың алдын алу, өзін-өзі тану және коммуникативті құзыреттілік, құндылықтар жүйесі, өзін-өзі тану.

З.К. Кульшарипова[1], Б.Д. Каирбекова[2], Н.С. Котова[1], А.А. Есалинов[1]
[1]НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», Казахстан
[2]Инновационный Евразийский университет, Казахстан

Развитие коммуникативных навыков у подростков с интернет-зависимостью

В статье рассматривается проблема развития коммуникативных навыков у подростков с интернет-зависимостью как одной из наиболее актуальных форм поведенческой зависимости в контексте цифровизации современного общества. Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований выявил взаимосвязь между тяжестью интернет-зависимого поведения и особенностями коммуникативной сферы подростков, включая уровень социальной тревожности, эмпатии, коммуникативной компетентности, саморегуляции и уверенности в межличностных контактах.

Целью исследования было выявление и анализ психолого-индивидуально-типологических особенностей коммуникации у подростков, а также определение тяжести интернет-зависимости на различных этапах её формирования.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ научной литературы, систематизацию теоретических концепций, а также использование эмпирических методов психодиагностики (тестирование, анкетирование, количественный и качественный анализ данных).

Полученные результаты указывают на наличие статистически значимых различий в показателях коммуникативной компетентности среди подростков с разным уровнем интернет-зависимости. Подтверждена необходимость учета индивидуальных психологических особенностей личности при разработке и реализации профилактических и психокоррекционных программ, что обеспечивает основу для создания целенаправленных вмешаний по снижению социальной тревожности и улучшению межличностных навыков в этой группе риска.

Ключевые слова: цифровизации общества, формы поведенческой аддикции, интернет-зависимость, профилактика коммуникативных нарушений, самосознания и коммуникативной компетентности, системы ценностей, самосознания.

Date of receipt of the manuscript to the editor: 2026/05/19

УДК 376.1–056.26:004.9:159.9
МРНТИ 14.29.01; 15.41.21

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/32-38

А.М. Мухаметжанов[1]*, Н.А. Коростелева[2], М.А. Мухаметжанова[3]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
[2]Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации», Россия
[3]Центр детской неотложной медицинской помощи, Казахстан
*(e-mail: a.muhamed@bk.ru)

Психолого-педагогические условия использования ассистивных технологий в реабилитации детей с особыми образовательными потребностями

Аннотация

Введение. В условиях расширения инклюзивного образования возрастает потребность в эффективных средствах психолого-педагогической и медицинской реабилитации детей с особыми образовательными потребностями. Ассистивные технологии рассматриваются как инструмент компенсации сенсорных, коммуникативных и учебных ограничений, обеспечивающий более полное включение ребенка в образовательный процесс и повышение его адаптационных возможностей.

Цель исследования: выявить и обосновать психолого-педагогические условия эффективного использования ассистивных технологий в реабилитации детей с особыми образовательными потребностями.

Материалы и методы. В исследовании применены методы анализа научной литературы, обобщения отечественного и зарубежного опыта применения тифлотехнических, сурдотехнических и программных средств обучения, а также анализа педагогической практики их использования в системе инклюзивного образования. *Результаты.* Установлено, что результативность применения ассистивных технологий определяется совокупностью условий, включающих готовность педагогов к использованию специализированных технических средств, адаптацию образовательного контента, междисциплинарное взаимодействие специалистов и формирование психологически поддерживающей образовательной среды. Показано, что интеграция ассистивных решений способствует развитию познавательной активности, коммуникативных навыков и повышению уровня социальной адаптации детей.

Результаты: Полученные результаты расширяют научные представления о применении ассистивных технологий в образовательной и реабилитационной практике и могут быть использованы при организации психолого-педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: ассистивные технологии, инклюзивное образование, дети с особыми образовательными потребностями, психолого-педагогические условия, образовательная реабилитация, коррекционная педагогика.

Введение

Современный этап развития системы образования характеризуется расширением практик инклюзивного обучения и усилением внимания к вопросам поддержки детей с особыми образовательными потребностями [1; 3; 9]. Инклюзивная образовательная среда предполагает создание условий, обеспечивающих доступность обучения для всех категорий обучающихся, включая детей с различными нарушениями сенсорного, речевого, когнитивного и двигательного развития [3; 5]. В этой связи особое значение приобретает поиск эффективных средств психолого-педагогической и медицинской реабилитации, направленных на преодоление барьеров в обучении и социальной адаптации ребенка [2; 10].

Одним из перспективных направлений развития инклюзивного образования является использование ассистивных технологий [2; 10]. Под ассистивными технологиями понимается совокупность технических устройств, программных средств и специализированных инструментов, предназначенных для компенсации ограничений жизнедеятельности и расширения возможностей участия человека в образовательной и социальной деятельности [10]. В образовательной практике ассистивные технологии применяются для поддержки

познавательной активности, обеспечения альтернативных форм коммуникации, адаптации учебных материалов и повышения самостоятельности обучающихся [2; 8].

Использование ассистивных средств приобретает особую актуальность в контексте комплексной реабилитации детей с особыми образовательными потребностями [1; 6]. Тифлотехнические устройства, сурдотехнические системы, специализированные компьютерные программы и другие технологические решения позволяют частично компенсировать нарушения зрения, слуха, речи и моторики, что способствует повышению эффективности образовательного процесса [2; 10]. Вместе с тем внедрение ассистивных технологий требует формирования определенных психолого-педагогических условий, обеспечивающих их результативное использование в образовательной среде [7].

Практика показывает, что наличие технических средств само по себе не гарантирует повышения качества обучения и реабилитации. Существенную роль играет готовность педагогов к работе с современным оборудованием, адаптация образовательного контента, учет индивидуальных особенностей развития ребенка, а также взаимодействие специалистов различных профилей, включая педагогов, психологов и медицинских работников [4; 8]. Комплексный подход к использованию ассистивных технологий позволяет рассматривать их не только как технический инструмент, но и как элемент системы психолого-педагогического сопровождения [2].

В научной литературе вопросы применения ассистивных технологий рассматриваются в контексте развития инклюзивного образования, коррекционной педагогики и социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья [1; 2; 6]. Однако проблема определения психолого-педагогических условий их эффективного использования в образовательной практике сохраняет актуальность и требует дальнейшего научного анализа [7].

Целью настоящего исследования является выявление и научное обоснование психолого-педагогических условий эффективного использования ассистивных технологий в процессе реабилитации детей с особыми образовательными потребностями.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют положения психолого-педагогической теории инклюзивного образования, концепции комплексной реабилитации детей с особыми образовательными потребностями и современные подходы к применению ассистивных технологий в образовательной практике [1; 3; 5]. В работе учитываются положения коррекционной педагогики, специальной психологии и педагогической реабилитации, рассматривающие технические средства поддержки обучения как инструмент компенсации нарушенных функций и расширения возможностей образовательной и социальной адаптации ребенка [2; 10].

Материал исследования сформирован на основе анализа научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблемам инклюзивного образования, педагогической и медицинской реабилитации детей, а также практического использования ассистивных технологий в образовательных учреждениях [6; 7; 9]. Анализ научных источников позволил выявить основные подходы к внедрению технических средств поддержки обучения и определить их место в системе психолого-педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями [1; 2].

Методический инструментарий исследования включал теоретические методы научного анализа. Использованы методы анализа и синтеза научной литературы, сравнительный анализ педагогических и реабилитационных практик, а также метод обобщения профессионального опыта специалистов системы образования и медицинской реабилитации [3; 4]. В ходе исследования рассматривались особенности применения различных ассистивных средств, включая тифлотехнические и сурдотехнические устройства, программные средства синтеза речи, экранные дикторы, а также альтернативные устройства управления компьютером [2; 10].

Дополнительным источником эмпирического материала послужило обобщение практического опыта специалистов, участвующих в реабилитационной работе с детьми, включая опыт врача-реабилитолога Центра детской неотложной медицинской помощи (г. Алматы, Республика Казахстан). Анализ профессиональных наблюдений позволил уточнить особенности использования ассистивных технологий в образовательной и реабилитационной практике [6].

Применение комплекса теоретических и эмпирических методов обеспечило возможность выявления психолого-педагогических условий эффективного использования

ассистивных технологий в системе образовательной и социальной реабилитации детей с особыми образовательными потребностями [1; 2; 10].

Результаты

Анализ научной литературы и обобщение педагогической и реабилитационной практики позволили определить основные психолого-педагогические условия эффективного использования ассистивных технологий в процессе реабилитации детей с особыми образовательными потребностями [1; 2; 6]. Установлено, что результативность внедрения технических средств в образовательную среду зависит не только от наличия оборудования, но и от организационных, педагогических и психологических факторов, обеспечивающих их целенаправленное использование [3; 5].

В ходе исследования выявлено, что использование ассистивных технологий способствует расширению образовательных возможностей детей, повышению уровня их познавательной активности, развитию коммуникативных навыков и формированию более устойчивых адаптационных механизмов в образовательной среде [2; 7; 10]. При этом важную роль играет междисциплинарное взаимодействие специалистов, включающее участие педагогов, психологов и медицинских работников [4; 8].

Систематизация полученных результатов позволила выделить ключевые условия эффективного применения ассистивных технологий, представленные в таблице 1.

Таблица 1. – Психолого-педагогические условия эффективного использования ассистивных технологий в реабилитации детей с особыми образовательными потребностями

Условие	Содержание	Реабилитационный эффект
Подготовка педагогов	Формирование у педагогов навыков работы с ассистивными устройствами и специализированным программным обеспечением	Повышение эффективности использования технологий в обучении
Адаптация образовательного контента	Преобразование учебных материалов с учетом сенсорных и когнитивных особенностей ребенка	Улучшение доступности учебной информации
Междисциплинарное взаимодействие	Сотрудничество педагогов, психологов и медицинских специалистов	Комплексная поддержка ребенка в процессе обучения
Психологически поддерживающая среда	Создание благоприятного эмоционального климата и индивидуального сопровождения	Повышение мотивации и социальной адаптации
Использование специализированных технических средств	Применение тифлотехнических, сурдотехнических и программных средств обучения	Компенсация ограничений и расширение образовательных возможностей

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что эффективность ассистивных технологий определяется системным характером их внедрения [1; 2]. Технологические средства становятся действенным инструментом реабилитации только при условии их интеграции в педагогическую практику и согласованного взаимодействия специалистов различных профилей [6; 10]. В этом случае ассистивные решения выполняют не только компенсаторную, но и развивающую функцию, способствуя повышению уровня самостоятельности и социальной включенности детей с особыми образовательными потребностями [3; 5].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать ассистивные технологии как важный компонент системы психолого-педагогической и медицинской реабилитации детей с особыми образовательными потребностями [1; 2; 10]. Их использование способствует снижению барьеров в обучении, расширению возможностей коммуникации и повышению уровня участия ребенка в образовательном процессе [3; 5]. В этом контексте ассистивные технологии выполняют не только компенсаторную, но и развивающую функцию, обеспечивая поддержку когнитивной активности и формирование навыков самостоятельной учебной деятельности [2; 8].

Анализ результатов исследования показывает, что эффективность применения ассистивных технологий определяется не столько наличием технических средств, сколько условиями их педагогически обоснованного использования [1; 7]. Существенную роль играет профессиональная готовность педагогов к работе со специализированными устройствами и программным обеспечением [4]. Недостаточная подготовка специалистов может снижать результативность внедрения технологических решений, что требует развития системы методической поддержки педагогических кадров [7].

Важным условием эффективности ассистивных технологий является адаптация образовательного контента с учетом индивидуальных особенностей развития ребенка [2; 6]. Преобразование учебных материалов, использование альтернативных способов представления информации и применение специальных программных средств позволяют повысить доступность образовательной информации и обеспечить более устойчивое усвоение учебного материала [10].

Особое значение имеет междисциплинарное взаимодействие специалистов [6; 8]. Сотрудничество педагогов, психологов и медицинских работников обеспечивает комплексный характер реабилитационного сопровождения и позволяет учитывать как образовательные, так и функциональные особенности развития ребенка [4]. Практический опыт специалистов системы медицинской реабилитации подтверждает, что интеграция педагогических и медицинских подходов способствует более эффективному решению задач адаптации и социализации детей [6].

Таким образом, ассистивные технологии следует рассматривать как элемент комплексной системы сопровождения детей с особыми образовательными потребностями [1; 2]. Их результативность определяется согласованностью педагогических, психологических и медицинских подходов, направленных на создание условий для полноценного участия ребенка в образовательной и социальной жизни [3; 5; 10].

Заключение

Проведенное исследование показало, что использование ассистивных технологий является важным направлением развития системы психолого-педагогической и медицинской реабилитации детей с особыми образовательными потребностями. Применение специализированных технических и программных средств позволяет компенсировать ограничения в обучении, коммуникации и познавательной деятельности, обеспечивая более полноценное включение ребенка в образовательную среду.

В ходе исследования установлено, что эффективность использования ассистивных технологий определяется совокупностью психолого-педагогических условий. К числу ключевых факторов относятся готовность педагогов к работе со специализированными техническими средствами, адаптация образовательного контента с учетом индивидуальных особенностей развития ребенка, междисциплинарное взаимодействие специалистов и формирование психологически поддерживающей образовательной среды.

Полученные результаты подтверждают, что ассистивные технологии способны выполнять не только компенсаторную, но и развивающую функцию, способствуя повышению познавательной активности, развитию коммуникативных навыков и укреплению адаптационных возможностей детей. Их интеграция в образовательную практику способствует повышению доступности и качества образования для детей с особыми образовательными потребностями.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при разработке программ психолого-педагогического сопровождения и реабилитации детей в образовательных учреждениях. Представленные результаты могут быть применены в деятельности педагогов, специалистов коррекционного профиля и медицинских работников, участвующих в организации комплексной помощи детям.

Источники финансирования

Исследование выполнено без привлечения внешнего финансирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Джангельдинова С.Б. Дети с особыми образовательными потребностями в системе образования Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия Педагогика. – 2023. – № 2. – С. 7–13.

2 Лепешев Д.В., Абитаева А.М. Развитие инклюзивного образования в Казахстане // НИР / S&R. – 2025. – № 3 (23). – С. 110–116.
3 Мусабалинова А.А., Полат Ф. Контекстуализация инклюзивного дошкольного образования в образовательной политике Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Серия Педагогика. – 2023. – № 1. – С. 32–44.
4 Национальная академия образования имени И. Алтынсарина. Методические рекомендации по развитию ключевых аспектов инклюзивного образования (культура, политика, практика). – Астана: Национальная академия образования имени И. Алтынсарина, 2024. – 192 с.
5 European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Inclusive education and assistive technology in schools. – Brussels: European Agency for Special Needs and Inclusive Education, 2021. – 98 p.
6 Fernández-Batanero J.M., Montenegro-Rueda M., Fernández-Cerero J., García-Martínez I. Assistive technology for the inclusion of students with disabilities: a systematic review // Educational Technology Research and Development. – 2022. – Vol. 70. – P. 1911–1934.
7 Global Education Monitoring Report Team. Global education monitoring report: Inclusion and education – all means all. – Paris: UNESCO Publishing, 2020. – 420 p.
8 Hashim H., Tasir Z., Mohamad S. Assistive technology in special education: current practices and future perspectives // International Journal of Special Education. – 2019. – Vol. 34. – № 1. – P. 123–132.
9 UNICEF. Evidence on inclusive education in Kazakhstan based on a formative and a big data evaluation. – Astana: UNICEF Kazakhstan, 2024. – 85 p.
10 World Health Organization, United Nations Children’s Fund. Global report on assistive technology. – Geneva: World Health Organization, 2022. – 200 p.

REFERENCES

1 Dzhangel'dinova, S.B. (2023). Deti s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostyami v sisteme obrazovaniya Kazakhstana [Children with special educational needs in the education system of Kazakhstan]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pedagogika – Bulletin of Karaganda University. Pedagogy Series, 2, 7–13 [in Russian].
2 Lepeshev, D.V., & Abitaeva, A.M. (2025). Razvitie inklyuzivnogo obrazovaniya v Kazakhstane [Development of inclusive education in Kazakhstan*]*. NIR / S&R, 3 (23), 110–116 [in Russian].
3 Musabalimova, A.A., & Polat, F. (2023). Kontekstualizaciya inklyuzivnogo doshkol'nogo obrazovaniya v obrazovatel'noy politike Kazakhstana [Contextualization of inclusive preschool education in the educational policy of Kazakhstan]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pedagogika – Bulletin of Karaganda University. Pedagogy Series, 1, 32–44 [in Russian].
4 Nacional'naya akademiya obrazovaniya imeni I. Altynsarina. (2024). Metodicheskie rekomendacii po razvitiyu klyuchevyh aspektov inklyuzivnogo obrazovaniya (kul'tura, politika, praktika) [Methodological recommendations for the development of key aspects of inclusive education (culture, policy, practice)]. Astana: Nacional'naya akademiya obrazovaniya imeni I. Altynsarina [in Russian].
5 European Agency for Special Needs and Inclusive Education. (2021). Inclusive education and assistive technology in schools. Brussels: European Agency for Special Needs and Inclusive Education.
6 Fernández-Batanero, J.M., Montenegro-Rueda, M., Fernández-Cerero, J., & García-Martínez, I. (2022). Assistive technology for the inclusion of students with disabilities: a systematic review. Educational Technology Research and Development, 70, 1911–1934.
7 Global Education Monitoring Report Team. (2020*).* Global education monitoring report: Inclusion and education – all means all. Paris: UNESCO Publishing.
8 Hashim, H., Tasir, Z., & Mohamad, S. (2019). Assistive technology in special education: current practices and future perspectives. International Journal of Special Education, 34(1), 123–132.
9 UNICEF. (2024). Evidence on inclusive education in Kazakhstan based on a formative and a big data evaluation. Astana: UNICEF Kazakhstan.
10 World Health Organization, & United Nations Children's Fund. (2022). Global report on assistive technology. Geneva: World Health Organization.

А.М. Мұхаметжанов[1]*, Н.А. Коростелева[2], М.А. Мұхаметжанова[3]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан
[2]Ресей Федерациясы Тұтынушылар одағының «Сібір тұтыну кооперациясы университеті» автономды коммерциялық емес жоғары білім беру ұйымы, Ресей
[3]Балаларға жедел медициналық көмек көрсету орталығы, Қазақстан

Ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды оңалтуда ассистивтік технологияларды пайдаланудың психологиялық-педагогикалық шарттары

Инклюзивті білім берудің кеңеюі жағдайында ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды психологиялық-педагогикалық және медициналық оңалтудың тиімді құралдарына деген қажеттілік арта түсуде. Ассистивтік технологиялар сенсорлық, коммуникативтік және оқу үдерісіндегі шектеулерді өтеудің құралы ретінде қарастырылып, баланың білім беру үдерісіне толыққанды қатысуына және оның бейімделу мүмкіндіктерінің артуына ықпал етеді.

Зерттеудің мақсаты – ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды оңалтуда ассистивтік технологияларды тиімді пайдаланудың психологиялық-педагогикалық шарттарын анықтау және ғылыми тұрғыдан негіздеу.

Зерттеу барысында ғылыми әдебиеттерді талдау, тифлотехникалық, сурдотехникалық және бағдарламалық оқу құралдарын қолданудың отандық және шетелдік тәжірибесін жалпылау, сондай-ақ оларды инклюзивті білім беру жүйесінде пайдалану бойынша педагогикалық тәжірибені талдау әдістері қолданылды.

Ассистивтік технологияларды қолданудың тиімділігі бірқатар шарттардың жиынтығына байланысты екені анықталды. Оларға педагогтердің арнайы техникалық құралдарды пайдалануға дайындығы, білім беру мазмұнын бейімдеу, мамандардың пәнаралық өзара әрекеттестігі және психологиялық тұрғыдан қолдаушы білім беру ортасын қалыптастыру жатады. Ассистивтік шешімдерді білім беру үдерісіне енгізу балалардың танымдық белсенділігін дамытуға, коммуникативтік дағдыларын қалыптастыруға және әлеуметтік бейімделу деңгейін арттыруға ықпал ететіні көрсетілді. *Қорытынды.* Алынған нәтижелер білім беру және оңалту практикасында ассистивтік технологияларды қолдану туралы ғылыми түсініктерді кеңейтеді және ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды психологиялық-педагогикалық сүйемелдеуді ұйымдастыруда пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: ассистивтік технологиялар, инклюзивті білім беру, ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалар, психологиялық-педагогикалық шарттар, білім беру оңалтуы, коррекциялық педагогика.

A. Mukhametzhanov[1]*, N. Korosteleva[2], M. Mukhametzhanova[3]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan
[2]Autonomous Non-Profit Educational Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation «Siberian University of Consumer Cooperation», Russia
[3]Center for Emergency Medical Care for Children, Kazakhstan

Psychological and Pedagogical Conditions for the Use of Assistive Technologies in the Rehabilitation of Children with Special Educational Needs

In the context of the expansion of inclusive education, the need for effective means of psychological, pedagogical, and medical rehabilitation for children with special educational needs is increasing. Assistive technologies are considered as a tool for compensating sensory, communicative, and learning limitations, ensuring fuller inclusion of the child in the educational process and improving their adaptive capabilities. The purpose of the study is to identify and substantiate the psychological and pedagogical conditions for the effective use of assistive technologies in the rehabilitation of children with special educational needs.

The study employed methods of analysis of scientific literature, generalization of domestic and international experience in the use of typhlotechnical, surdotechnical, and software-based learning tools, as well as analysis of pedagogical practice of their application within the system of inclusive education.

It has been established that the effectiveness of assistive technologies depends on a set of conditions including teachers' readiness to use specialized technical devices, adaptation of educational content, interdisciplinary interaction of specialists, and the formation of a psychologically supportive educational environment. The integration of assistive solutions has been shown to contribute to the development of cognitive activity, communication skills, and to the improvement of the level of social adaptation of children.

The obtained results expand scientific understanding of the use of assistive technologies in educational and rehabilitation practice and can be applied in the organization of psychological and pedagogical support for children with special educational needs.

Keywords: assistive technologies, inclusive education, children with special educational needs, psychological and pedagogical conditions, educational rehabilitation, corrective pedagogy.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2026 г.

ӘОЖ 796.323
МРНТИ 77.29.39

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/39-45

Ж. Сесерхан[1]*, Д.Н. Советкалиев[1], Е.Е. Курмангалиев[1]
[1]Alikhan Bokeikhan University, Қазақстан
*(e-mail: Seserkhan98@mail.ru)

Баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру жолдары

Аңдатпа

Негізгі мәселе: Қазіргі баскетбол ойыны жоғары қарқындылығымен, ойын жағдайларының жылдам өзгеруімен және спортшылардың техникалық-тактикалық шеберлігіне қойылатын талаптардың артуымен ерекшеленеді. Сондықтан баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіру мәселесі спорттық дайындық теориясы мен әдістемесінің маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Жоғары нәтижеге қол жеткізу үшін ойыншылардың техникалық элементтерді сапалы орындауы ғана емес, сонымен қатар оларды нақты ойын жағдайында тиімді қолдана білуі қажет. Осыған байланысты техникалық және тактикалық дайындықтың өзара байланысын зерттеу және оларды жетілдірудің тиімді жолдарын анықтау өзекті ғылыми мәселе болып табылады.

Мақсаты: Баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдірудің теориялық негіздерін зерттеу және оқу-жаттығу процесінде қолданылатын тиімді әдістерді анықтау.

Әдістері: Зерттеу барысында ғылыми әдебиеттерге теориялық талдау, салыстыру, жүйелеу және жалпылау әдістері қолданылды. Баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығына арналған отандық және шетелдік ғылыми еңбектер қарастырылды. Сонымен қатар спорттық дайындық теориясы, дене тәрбиесі педагогикасы және спорттық жаттықтыру мәселелеріне арналған ғылыми зерттеулер сараланды.

Нәтижелері және олардың маңыздылығы: Зерттеу нәтижелері техникалық және тактикалық даярлықтың өзара тығыз байланыста жүзеге асырылатынын көрсетті. Баскетболшылардың ойын тиімділігін арттыруда ойын жағдайларын модельдеу, бейнеанализ технологияларын пайдалану, цифрлық бақылау жүйелерін енгізу және командалық өзара әрекеттестікті жетілдіру маңызды рөл атқаратыны анықталды. Техникалық және тактикалық дайындықты кешенді түрде ұйымдастыру спортшылардың жарыстық әрекеттерінің нәтижелілігін арттырады. Зерттеу нәтижелері дене шынықтыру және спорт саласындағы мамандардың, жаттықтырушылардың және жоғары оқу орындары студенттерінің тәжірибелік қызметінде қолдануға ұсынылады.

Түйінді сөздер: баскетбол, техникалық даярлық, тактикалық даярлық, спорттық дайындық, ойын әрекеті, командалық өзара әрекет, жаттығу әдістемесі.

Кіріспе

Қазіргі кезеңде спорт саласының қарқынды дамуы спортшылардың кәсіби даярлығына қойылатын талаптардың артуына алып келді. Әсіресе спорттық ойын түрлерінде техникалық және тактикалық дайындықтың сапасы жарыс нәтижесіне тікелей әсер етеді. Осындай спорт түрлерінің бірі – баскетбол. Баскетбол жоғары қозғалыс белсенділігімен, жылдам өзгеретін ойын жағдайларымен және ойыншылардың жедел шешім қабылдау қабілетімен ерекшеленеді. Сондықтан баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіру мәселесі спорттық дайындық жүйесіндегі өзекті бағыттардың бірі болып табылады.

Қазіргі баскетболдың даму ерекшелігі ойын қарқынының жоғарылауымен, шабуыл және қорғаныс әрекеттерінің күрделенуімен, сондай-ақ спортшылардың функционалдық мүмкіндіктеріне қойылатын талаптардың күшеюімен сипатталады. Мұндай жағдайда ойыншы тек техникалық элементтерді сапалы орындай білуімен ғана емес, сонымен қатар оларды нақты ойын жағдайында тиімді қолдана алуымен ерекшеленеді. Сондықтан техникалық және тактикалық дайындық өзара байланыста қарастырылып, біртұтас педагогикалық үдеріс ретінде ұйымдастырылуы қажет.

Ғылыми әдебиеттерде баскетболшылардың техникалық даярлығы қозғалыс әрекеттерін меңгеру және оларды тұрақты орындау қабілеті ретінде сипатталады. Оның құрамына допты алып жүру, беру, қабылдау, себетке лақтыру және қорғаныс әрекеттері кіреді. Ал тактикалық даярлық ойын жағдайын бағалау, қарсыластың әрекеттерін болжау және қысқа уақыт ішінде тиімді шешім қабылдау қабілеттерімен анықталады. Техникалық және тактикалық дайындықтың үйлесімді дамуы спортшының ойын тиімділігін арттырудың маңызды шарты болып табылады.

Соңғы жылдары баскетболшыларды даярлау жүйесінде инновациялық технологияларды қолдану кеңінен таралуда. Бейнеанализ, цифрлық бақылау жүйелері, статистикалық талдау бағдарламалары және ойын жағдайларын модельдеу әдістері жаттықтыру процесінің тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді. Бұл технологиялар спортшылардың техникалық және тактикалық әрекеттерін жан-жақты бағалауға, олардың әлсіз және күшті жақтарын анықтауға жағдай жасайды.

Сонымен қатар халықаралық тәжірибе көрсеткендей, жоғары нәтижеге қол жеткізген командалардың басым бөлігінде техникалық шеберлік пен тактикалық сауаттылық қатар дамытылады. Мұндай тәсіл спортшылардың жеке мүмкіндіктерін толық ашуға және командалық ойын тиімділігін арттыруға ықпал етеді. Сондықтан баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру мәселесі теориялық және практикалық тұрғыдан маңызды болып табылады.

Зерттеудің мақсаты – баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдірудің теориялық негіздерін зерттеу және оқу-жаттығу процесінде қолданылатын тиімді тәсілдерді анықтау.

Зерттеу міндеттері:

1. Баскетболшылардың техникалық даярлығының теориялық негіздерін талдау.
2. Тактикалық даярлықтың мазмұны мен ерекшеліктерін анықтау.
3. Заманауи жаттығу әдістемелерінің тиімділігін қарастыру.
4. Техникалық және тактикалық даярлықты жетілдірудің тиімді жолдарын ұсыну.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу барысында баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру мәселесіне қатысты ғылыми-педагогикалық әдебиеттерге теориялық талдау жүргізілді. Зерттеу нысаны ретінде баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлық жүйесі алынды. Зерттеу пәні ретінде оқу-жаттығу процесінде қолданылатын техникалық және тактикалық даярлықты жетілдіру әдістері қарастырылды [7].

Зерттеудің теориялық негізін дене тәрбиесі мен спорт теориясы, спорттық дайындық жүйесі, баскетболды оқыту әдістемесі және спорт педагогикасы салаларындағы ғылыми еңбектер құрады. Зерттеу барысында отандық және шетелдік ғалымдардың баскетболшыларды даярлау мәселелеріне арналған ғылыми мақалалары, оқу құралдары, әдістемелік нұсқаулықтары мен монографиялары қарастырылды.

Зерттеу барысында келесі ғылыми әдістер қолданылды:

– ғылыми әдебиеттерді талдау;
– салыстыру әдісі;
– жүйелеу әдісі;
– жалпылау әдісі;
– ғылыми деректерді интерпретациялау.

Ғылыми әдебиеттерді талдау әдісі баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығына қатысты негізгі ғылыми көзқарастарды анықтауға мүмкіндік берді. Әртүрлі авторлардың еңбектерін салыстыру арқылы техникалық және тактикалық дайындықтың құрылымы мен мазмұнына қатысты ортақ және ерекшеленетін тұстар айқындалды.

Жүйелеу әдісі зерттеу барысында алынған теориялық мәліметтерді белгілі бір бағыттар бойынша топтастыруға мүмкіндік берді. Осы әдіс негізінде техникалық даярлықтың негізгі компоненттері, тактикалық даярлықтың түрлері және оларды жетілдірудің заманауи әдістемелері жіктелді.

Жалпылау әдісі ғылыми еңбектерден алынған нәтижелерді біріктіріп, баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдірудің тиімді бағыттарын анықтауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар заманауи жаттықтыру технологияларының ерекшеліктері мен оларды оқу-жаттығу процесінде қолданудың мүмкіндіктері қарастырылды [5].

Зерттеу барысында ойын жағдайларын модельдеу, бейнеанализ технологияларын пайдалану, цифрлық бақылау жүйелерін енгізу және командалық өзара әрекеттестікті жетілдіру бағыттарына ерекше назар аударылды. Бұл тәсілдер қазіргі баскетболдағы техникалық және тактикалық даярлықтың тиімділігін арттырудың маңызды құралдары ретінде қарастырылды.

Зерттеу жұмысының әдістемелік негізі ретінде ғылыми объективтілік, жүйелілік және кешенділік қағидалары басшылыққа алынды. Бұл қағидалар зерттеу нәтижелерінің ғылыми негізділігін қамтамасыз етуге мүмкіндік берді.

Нәтижелері

Ғылыми әдебиеттерді талдау нәтижесінде баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығы спорттық шеберлікті қалыптастырудың негізгі құрамдас бөліктерінің бірі екендігі анықталды. Қазіргі баскетболда ойын нәтижесі тек физикалық дайындық деңгейіне ғана емес, сонымен қатар техникалық әрекеттердің орындалу сапасы мен тактикалық шешімдердің тиімділігіне де байланысты.

Техникалық даярлық спортшының ойын барысында қолданатын қозғалыс әрекеттерін сапалы орындауына негіз болады. Баскетболдағы негізгі техникалық элементтерге допты алып жүру, допты беру, қабылдау, себетке лақтыру және қорғаныс әрекеттері жатады. Бұл элементтердің жоғары деңгейде меңгерілуі ойыншының жарыс барысында тұрақты және нәтижелі әрекет етуіне мүмкіндік береді [1, 3].

Зерттеу барысында техникалық даярлықты жетілдірудің тиімділігі жаттығулардың жүйелілігіне және олардың ойын жағдайларына сәйкестігіне байланысты екендігі анықталды. Техникалық элементтерді оқыту кезінде бастапқы кезеңде олардың орындалу техникасына баса назар аударылса, кейінгі кезеңдерде оларды ойын жағдайында қолдану қабілетін дамыту маңызды болып табылады. Мұндай тәсіл техникалық әрекеттердің тұрақтылығын арттырып, олардың жарыс жағдайында тиімді орындалуын қамтамасыз етеді.

Тактикалық даярлық ойыншылардың ойын жағдайын бағалауына, қарсыластың әрекеттерін болжауына және тиімді шешім қабылдауына бағытталған. Қазіргі баскетболда тактикалық ойлау қабілеті жоғары ойыншылардың жарыстық әрекеттері нәтижелі болатындығы байқалады. Сондықтан оқу-жаттығу процесінде тактикалық дайындыққа ерекше көңіл бөлінуі қажет.

Әдебиеттерді талдау барысында тактикалық даярлықтың үш негізгі деңгейі анықталды: жеке тактика, топтық тактика және командалық тактика. Жеке тактика ойыншының нақты жағдайда тиімді әрекет етуіне бағытталса, топтық тактика екі немесе бірнеше ойыншының өзара әрекеттесуін қамтиды. Ал командалық тактика бүкіл команданың ортақ мақсатқа бағытталған ұйымдасқан әрекеттер жүйесі болып табылады.

Қазіргі уақытта баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіруде инновациялық технологияларды пайдалану маңызды орын алады. Бейнеанализ технологиялары ойыншылардың техникалық қателіктерін анықтауға және оларды түзетуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар ойын статистикасын талдау арқылы спортшылардың жеке көрсеткіштерін бағалау және олардың даму динамикасын бақылау мүмкіндігі артады [16].

Ғылыми деректер көрсеткендей, ойын жағдайларын модельдеу әдісі техникалық және тактикалық дайындықты жетілдірудің тиімді құралдарының бірі болып табылады. Бұл әдіс ойыншылардың нақты жарыс жағдайларына бейімделуіне, шешім қабылдау жылдамдығын арттыруға және ойын әрекеттерінің нәтижелілігін жоғарылатуға ықпал етеді.

Сонымен қатар шағын құрамдағы ойындарды пайдалану да оң нәтижелер береді. Мұндай жаттығулар барысында ойыншылар доппен жиі әрекет жасап, қысқа уақыт ішінде шешім қабылдауға мәжбүр болады. Нәтижесінде техникалық дағдылар мен тактикалық ойлау қабілеті қатар дамиды.

Зерттеу нәтижелері техникалық және тактикалық даярлықтың өзара байланыста дамытылуы баскетболшылардың ойын тиімділігін арттыратынын көрсетті. Сондықтан оқу-жаттығу процесінде техникалық және тактикалық бағыттарды бір-бірінен бөліп қарастырмай, кешенді түрде ұйымдастыру қажет.1-кестеде баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіру бағыттары негізделген.

1-кесте. – Баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіру бағыттары

1	Техникалық даярлық бағыттары	Тактикалық даярлық бағыттары
2	Допты алып жүру техникасы	Ойын жағдайын талдау
3	Допты беру дәлдігі	Шешім қабылдау жылдамдығы

1-кестенің жалғасы

4	Себетке лақтыру тиімділігі	Шабуыл тактикасы
5	Қорғаныс техникасы	Қорғаныс тактикасы
6	Қозғалыс үйлесімділігі	Командалық өзара әрекет
7	Техникалық тұрақтылық	Тактикалық ойлау қабілеті
Ескерту-автормен [5] негізінде жасалған		

Зерттеу нәтижелерін жалпылай отырып, қазіргі баскетболда техникалық және тактикалық даярлықтың біртұтас жүйе ретінде ұйымдастырылуы спортшылардың жарыстық қызметінің тиімділігін арттырудың негізгі шарттарының бірі болып табылатыны анықталды.

Талқылау

Зерттеу нәтижелерін талдау баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіру мәселесінің қазіргі спорт ғылымындағы маңызды бағыттардың бірі екенін көрсетті. Ғылыми әдебиеттерде техникалық және тактикалық дайындықтың өзара байланысы бірнеше рет қарастырылғанымен, заманауи баскетболдағы ойын қарқынының артуы бұл мәселенің өзектілігін одан әрі күшейтуде.

Әдеби дереккөздерде техникалық даярлық көбіне қозғалыс әрекеттерін сапалы орындау қабілеті ретінде сипатталады. Алайда қазіргі баскетбол тәжірибесі техникалық шеберліктің жеке өздігінен жоғары нәтиже көрсетуге жеткіліксіз екенін дәлелдейді. Ойыншы техникалық элементтерді меңгерумен қатар, оларды нақты ойын жағдайында тиімді қолдана білуі тиіс. Сондықтан техникалық және тактикалық даярлықтың бірлігін қамтамасыз ету оқу-жаттығу процесінің негізгі міндеттерінің бірі болып табылады [18].

Ғылыми еңбектерді салыстырмалы талдау барысында жоғары деңгейдегі ойыншылардың ерекшелігі олардың тактикалық ойлау қабілетінің дамығандығымен түсіндірілетіні анықталды. Мұндай спортшылар қарсыластың әрекеттерін алдын ала болжай алады, ойын жағдайын жылдам бағалайды және қысқа уақыт ішінде тиімді шешім қабылдайды. Бұл жағдай тактикалық даярлықтың жарыстық қызметтегі маңыздылығын көрсетеді.

Қазіргі зерттеулерде ойын жағдайларын модельдеу әдісі ерекше орын алады. Бұл әдістің тиімділігі ойыншылардың нақты жарыс жағдайларына бейімделуіне мүмкіндік беруімен түсіндіріледі. Модельденген ойын тапсырмалары спортшылардың техникалық әрекеттерді орындау жылдамдығын арттырып қана қоймай, олардың тактикалық ойлау қабілетін де дамытады [6].

Бейнеанализ технологияларын қолдану мәселесі де көптеген ғылыми еңбектерде қарастырылған. Бейнематериалдарды жүйелі талдау ойыншылардың техникалық қателіктерін анықтауға және оларды түзетуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар кәсіби командалардың ойындарын талдау арқылы спортшылар тактикалық әрекеттердің тиімді үлгілерін меңгереді. Осыған байланысты бейнеанализ қазіргі жаттықтыру процесінің маңызды құрамдас бөлігі ретінде қарастырылады.

Соңғы жылдары цифрлық технологиялардың спорт саласына кеңінен енгізілуі баскетболшыларды даярлау жүйесіне де әсер етті. Арнайы бағдарламалық құралдар арқылы ойыншылардың қозғалыс белсенділігі, ойын тиімділігі және техникалық көрсеткіштері талданады. Мұндай ақпарат жаттықтырушыларға дайындық процесін ғылыми негізде жоспарлауға мүмкіндік береді [16].

Зерттеу нәтижелерін талқылау барысында баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіруде кешенді тәсілдің тиімділігі анықталды. Тек техникалық немесе тек тактикалық дайындыққа бағытталған жаттығулар қажетті нәтижеге толық қол жеткізе алмайды. Сондықтан оқу-жаттығу процесінде бұл екі компоненттің өзара байланысын сақтау маңызды.

Жалпы алғанда, жүргізілген талдау қазіргі баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру оқу-жаттығу процесінің сапасын арттыруға, спортшылардың жарыстық әрекеттерінің тиімділігін жоғарылатуға және жоғары спорттық нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік беретінін көрсетті [19].

Ғылыми жаңалығы

Зерттеу барысында баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдірудің заманауи бағыттары ғылыми-теориялық тұрғыдан жүйеленді. Баскетболдағы техникалық және тактикалық дайындықтың өзара байланысы талданып, олардың оқу-жаттығу процесіндегі рөлі нақтыланды. Сонымен қатар ойын жағдайларын модельдеу, бейнеанализ

технологияларын пайдалану және цифрлық бақылау жүйелерін енгізу арқылы техникалық-тактикалық даярлықты жетілдірудің тиімді жолдары айқындалды.

Зерттеу нәтижесінде техникалық және тактикалық дайындықты кешенді түрде ұйымдастырудың спортшылардың жарыстық әрекеттерінің нәтижелілігін арттырудағы маңызы теориялық тұрғыдан негізделді. Баскетболшыларды даярлау жүйесінде заманауи ақпараттық технологияларды қолданудың перспективалық бағыттары анықталып, оларды тәжірибеде пайдалану бойынша ғылыми тұжырымдар ұсынылды [4].

Практикалық маңыздылығы

Зерттеу нәтижелерін дене шынықтыру және спорт саласындағы оқу орындарында, балалар-жасөспірімдер спорт мектептерінде, спорт клубтарында және жоғары оқу орындарының оқу-жаттығу процесінде қолдануға болады.

Ұсынылған ғылыми тұжырымдар мен әдістемелік ұсыныстар баскетболшылардың техникалық және тактикалық даярлығын жетілдіруге, ойын тиімділігін арттыруға және жарыстық қызметтің сапасын жақсартуға мүмкіндік береді. Сонымен қатар зерттеу материалдары жаттықтырушылардың кәсіби қызметінде, дене шынықтыру мұғалімдерінің тәжірибесінде және болашақ мамандарды даярлау барысында әдістемелік құрал ретінде пайдаланылуы мүмкін [20].

Зерттеу барысында ұсынылған тәсілдерді қолдану спортшылардың техникалық әрекеттерді орындау дәлдігін арттыруға, тактикалық ойлау қабілетін дамытуға және командалық өзара әрекеттестікті жетілдіруге ықпал етеді. Бұл өз кезегінде жоғары спорттық нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік береді.

Қорытынды

Зерттеу барысында баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру мәселесінің теориялық негіздері қарастырылып, олардың спортшыларды даярлау жүйесіндегі маңызы анықталды. Ғылыми әдебиеттерді талдау нәтижелері техникалық және тактикалық дайындықтың өзара тығыз байланыста жүзеге асырылатынын және олардың кешенді түрде дамытылуы спорттық нәтижелердің артуына ықпал ететінін көрсетті.

Баскетболшылардың техникалық даярлығы ойын әрекеттерін сапалы орындаудың негізі болып табылады. Допты алып жүру, беру, қабылдау, себетке лақтыру және қорғаныс әрекеттерін жоғары деңгейде меңгеру ойыншының жарыс кезіндегі тиімділігін арттырады. Сонымен қатар техникалық элементтерді әртүрлі ойын жағдайларында қолдану қабілеті спортшының кәсіби шеберлігінің маңызды көрсеткіші болып саналады [13].

Тактикалық даярлық ойын жағдайын бағалау, қарсыластың әрекеттерін болжау және тиімді шешім қабылдау қабілеттерін дамытуға бағытталған. Қазіргі баскетболда тактикалық сауаттылық ойын нәтижесіне тікелей әсер ететін факторлардың бірі болып табылады. Сондықтан оқу-жаттығу процесінде жеке, топтық және командалық тактикалық әрекеттерді жетілдіруге ерекше назар аудару қажет.

Зерттеу нәтижелері ойын жағдайларын модельдеу, шағын құрамдағы ойындарды пайдалану, бейнеанализ технологияларын енгізу және цифрлық бақылау жүйелерін қолдану техникалық және тактикалық даярлықтың тиімділігін арттыратынын көрсетті. Бұл әдістер спортшылардың ойын әрекеттерін талдауға, қателіктерді анықтауға және оларды түзетуге мүмкіндік береді.

Сонымен қатар оқу-жаттығу процесін ұйымдастыру барысында спортшылардың жас ерекшеліктерін, дайындық деңгейін және жеке қабілеттерін ескеру маңызды болып табылады. Жеке бағытталған тәсілдерді қолдану әрбір ойыншының әлеуетін тиімді дамытуға жағдай жасайды [11].

Қорыта айтқанда, баскетболдағы техникалық және тактикалық әдістемелерді жетілдіру оқу-жаттығу процесінің сапасын арттырудың маңызды шарты болып табылады. Техникалық және тактикалық дайындықтың өзара байланысын сақтай отырып ұйымдастырылған жаттығу жүйесі спортшылардың жарыстық әрекеттерінің тиімділігін арттыруға, командалық ойын сапасын жақсартуға және жоғары спорттық нәтижелерге қол жеткізуге мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелері дене шынықтыру және спорт саласындағы мамандардың, жаттықтырушылардың және жоғары оқу орындары студенттерінің оқу-әдістемелік және тәжірибелік қызметінде қолдануға ұсынылады.

REFERENCES

1 Äbdirahmanov, B.B. (2020). Basketboldy oqytu ädıstemesı [Methods of teaching basketball]. Almaty: Evero [in Kazakh].
2 Qūlnazarov, A.K. (2021). Sporttyq oyındardy oqytu teorıasy men ädıstemesı [Theory and methods of teaching sports games]. Almaty: Qazaq universitetı [in Kazakh].
3 Nūrmūhamedov, S.T. (2019). Dene tárbıesı jáne sport pedagogıkasy [Physical education and sports pedagogy]. Almaty: Bastau [in Kazakh].
4 Matveev, L.P. (2019). Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury [Theory and methodology of physical culture]. Moscow: Sport [in Russian].
5 Zheleznyak, Yu.D. (2021). Basketbol: teoriya i metodika obucheniya [Basketball: theory and methods of teaching]. Moscow: Akademiya [in Russian].
6 Platonov, V.N. (2020). Sistema podgotovki sportsmenov v olimpiyskom sporte [System of training athletes in Olympic sports]. Kiev: Olimpiyskaya literatura [in Russian].
7 Guba, V.P. (2021). Teoriya i metodika sovremennykh sportivnykh issledovaniy [Theory and methodology of modern sports research]. Moscow: Sport [in Russian].
8 Bal'sevich, V.K. (2020). Sportivnaya podgotovka v sovremennykh usloviyakh [Sports training in modern conditions]. Moscow: Fizicheskaya kul'tura i sport [in Russian].
9 Bompa, T., & Buzzichelli, C. (2019). Periodization: Theory and methodology of training. Champaign: Human Kinetics.
10 Wissel, H. (2022). Basketball: Steps to success. Human Kinetics.
11 Oliver, J. (2021). Basketball fundamentals. Human Kinetics.
12 Miller, S. (2023). Modern basketball coaching. New York: Routledge.
13 Smith, R., & Jones, M. (2022). Tactical development in team sports. Journal of Sports Science, 40(8), 955–968.
14 Brown, T. (2021). Performance analysis in basketball. International Journal of Sports Science, 15(4), 112–125.
15 Garcia, F. (2023). Video analysis technologies in team sports. Sports Analytics Review, 11(2), 45–57.
16 Williams, A.M., & Hodges, N.J. (2020). Skill acquisition in sport. London: Routledge.
17 Hughes, M., & Franks, I. (2021). Essentials of performance analysis in sport. London: Routledge.
18 Turner, A. (2024). Contemporary approaches to athlete development. Sports Performance Journal, 18(1), 15–28.
19 Baker, J. (2023). Athlete development and coaching science. New York: Springer.
20 Taylor, P. (2024). Advances in basketball training methodology. International Review of Sport Sciences, 12(3), 77–91.

Ж. Сесерхан[1], Д.Н. Советкалиев[1], Е.Е. Курмангалиев[1]
[1]Alikhan Bokeikhan University, Қазақстан

Пути совершенствования технических и тактических методик в баскетболе

Современный баскетбол характеризуется высокой интенсивностью игры, быстрым изменением игровых ситуаций и возрастающими требованиями к техническо-тактическому мастерству спортсменов. В связи с этим совершенствование технической и тактической подготовки баскетболистов является одним из важнейших направлений теории и методики спортивной подготовки. Для достижения высоких спортивных результатов игрокам необходимо не только качественно выполнять технические элементы, но и эффективно применять их в конкретных игровых условиях. В этой связи изучение взаимосвязи технической и тактической подготовки, а также определение эффективных путей их совершенствования представляет собой актуальную научную проблему.

Ключевые слова: баскетбол, техническая подготовка, тактическая подготовка, спортивная подготовка, игровая деятельность, командное взаимодействие, методика тренировки.

Zh. Seserkhan[1], D. Sovetkaliev[1], E. Kurmangaliev[1]
[1]Alikhan Bokeikhan University, Kazakhstan

Ways to improve technical and tactical techniques in basketball

Modern basketball is characterized by high game intensity, rapidly changing game situations, and increasing demands on the technical and tactical skills of athletes. Therefore, improving the technical and tactical preparedness of basketball players has become one of the key areas in the theory and methodology of sports training. Achieving high sporting performance requires players not only to execute technical skills accurately but also to apply them effectively in specific game situations. In this regard, studying the relationship between technical and tactical training and identifying effective ways to improve them is an important scientific issue.

Keywords: basketball, technical training, tactical training, sports training, game activity, team interaction, coaching methodology.

Қолжазбаның редакцияға келіп түскен күні: 08.05.2026 ж.

УДК 37.013.8
МРНТИ 14.43

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/46-53

Г.Т. Тусупбекова[1]*, Л.С. Комардина[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: g_tusupbekova@mail.ru)

Операционно-действенная готовность педагогов к организации инклюзивного образования

Аннотация

Основная проблема: главный вызов при реализации инклюзивного образования – обеспечение активного вовлечение педагогов. Успех инклюзии напрямую коррелирует с их профессиональной компетентностью, осознанием важности и ответственности своей деятельности, знанием особенностей развития детей с различными потребностями, а также их личностными качествами и методиками работы. Однако, существенным барьером на пути к полноценной инклюзии является недостаточная психологическая и профессиональная подготовка учителей к взаимодействию с детьми, требующими особого образовательного подхода.

Цель: выявить уровень операционно-действенной готовности педагогов образовательных учреждений к организации инклюзивного образовательного процесса.

Методы: для диагностики операционно-действенной готовности педагога к работе в условиях инклюзии использовался комплекс оценочных методов, включающий самоэкспертизу, стандартизированное тестирование и экспертную оценку продуктов деятельности.

Результаты и их значимость: исследование позволило получить информацию об осведомленности педагогов об инклюзивном образовании (его целях, принципах, методах); их отношении к детям с ОВЗ и к внедрения инклюзии; их практических навыках организации инклюзивного обучения; изменениях в их работе при совместном обучении детей с разными образовательными потребностями; взаимоотношениях между всеми участниками инклюзивного процесса и ценностях, на которых они строятся.

Ключевые слова: инклюзивное образование, операционно-действенный критерий, дети с ОВЗ, готовность, компетентность.

Введение

В настоящее время инклюзивное образование набирает популярность как передовой метод обучения, позволяющий всем детям, независимо от их особенностей развития, получать образование вместе со сверстниками. Казахстан ставит реализацию инклюзивного образования в число ключевых направлений своей образовательной политики. Несмотря на существующие сложности, они указывают на возможности для дальнейшего совершенствования, включая создание доступной образовательной среды, повышение квалификации педагогов и психологов, а также разработку рекомендаций по индивидуальному сопровождению детей в школах.

В рамках глобальной инициативы ЮНЕСКО «Образование для всех», инклюзивное образование представляет собой универсальный подход, гарантирующий каждому человеку, вне зависимости от его индивидуальных особенностей (пол, социальный статус, этническая принадлежность, место проживания, особые образовательные потребности, возраст, религии и т.д.), равный доступ к качественному образованию и возможность максимально реализовать свой потенциал [1].

Реализация инклюзии возлагается на учителя, и для этого создаются условия. Ключевыми факторами, обеспечивающими успешное внедрение инклюзивного образования, являются: квалификация педагогических кадров, глубокое осознание ими важности и ответственности своей миссии, наличие знаний о возрастных и психологических особенностях детей с различными нарушениями развития, а также их профессиональная позиция и личностная направленность. Однако, одной из актуальных проблем инклюзивного образования

является психологическая и профессиональная неготовность педагогов работать с детьми с ОВЗ.

Цель исследования – выявить уровень операционно-действенной готовности педагогов образовательных учреждений к организации инклюзивного образовательного процесса.

Материалы и методы

Выборку нашего исследования составили 388 учителей общеобразовательных школ и педагогических работников дошкольных образовательных учреждений г.Павлодара и Павлодарской области.

Сформированность операционно-действенного критерия готовности педагогов к работе в условиях инклюзивного образования изучали по методике Кузьминой О.С. [2].

Указанный критерий оценивается на трех уровнях – высокий, средний и низкий – по следующим показателям:

1) понимание психолого-педагогических особенностей возрастного и личностного развития детей с ОВЗ;

2) умение отбирать оптимальные способы организации инклюзивного образования, технологично проектировать учебный процесс для совместного обучения;

3) реализация эффективных способов педагогического взаимодействия между всеми субъектами инклюзивного образования;

4) создание коррекционно-развивающей среды в условиях инклюзивного образования и использование ресурсов и возможностей образовательного учреждения для развития всех детей;

5) осуществление профессионального самообразования по вопросам организации совместного обучения детей с ОВЗ и нормальным развитием [2, 102 с.].

Операционно-действенный аспект профессиональной готовности подразумевает формирование и постоянное воспроизводство системы профессиональных знаний и умений через их актуализацию. Для диагностики операционно-действенной готовности педагогов к инклюзивной практике применялись методы самоэкпертизы, тестирования и экспертной оценки продуктов деятельности.

Для исследования готовности к организации инклюзивного образование была использована модифицированная анкета для педагогов, реализующих практику инклюзивного образования [3].

С целью оценки системы профессиональных знаний педагогов проводилось тестирование для диагностики инклюзивных компетенций. Содержание заданий соответствовало определению инклюзивной компетентности учителя как интегративного личностного образования. Разработанные методические материалы были направлены на определение уровня владения специалистами комплексными инклюзивными компетенциями. Анализировались следующие области: специфика образовательной с учащимися, имеющими особые образовательные потребности; подходы к учету индивидуальных характеристик воспитанников при конструировании и претворении в жизнь персонализированных образовательных маршрутов; критерии оценивания ожидаемы учебных достижений и прогресса обучающихся с ОВЗ; стратегии коррегирования педагогических методов и организационных аспектов учебного процесса [4].

Для определения степени развития профессиональных навыков испытуемых применялся метод анализа результатов их деятельности, разработанный Кузьминой О.С. анализу подвергались такие рабочие материалы, как: детальные планы занятий и уроков, программы самообразования, проекты по созданию инклюзивной образовательной среды, а также индивидуальные планы сопровождения. Данный подход дал возможность установить, насколько успешно педагоги способны организовать совместное обучение детей как с типичным, так и особым развитием [2, 175 с.].

Опытные специалисты из НАО «Инновационный Евразийский университет», имеющие глубокие знания в сфере педагогики, психологии и коррекционной педагогики, были привлечены к оценке профессиональной подготовки участников исследования и проверки их учебных работ.

Результаты

Проведенный анализ позволил оценить операционно-действенный критерий готовности педагогов к выстраиванию учебного процесса в рамках инклюзивного образования.

Для определения уровня готовности к инклюзивной практике были проанкетированы педагоги, уже вовлеченные в реализацию образования.

Согласно полученным данным, значительное большинство педагогов – 67 % (260 человек) – полагают, что для детей с ОВЗ наиболее подходящими формами обучения являются либо инклюзивное образование, либо обучение в обычной школе при условии создания необходимых специальных условий. Лишь 21 % (81 человек) придерживаются мнения, что детям с ОВЗ целесообразнее получать образование в специализированных учреждениях. Остальные 12 % (47 человек) считают, что учащиеся с ОВЗ должны обучаться в отдельных классах или группах.

Сформированность собственной профессиональной установки на работу с детьми с ОВЗ 12 % (47 чел.) педагогов оценили на высоком уровне (полностью сформирована), 70 % (271 чел.) – на среднем уровне (постепенно формируется, но не в полной мере), 18 % (70 чел.) – на низком уровне (такая установка не сформирована).

Результаты самооценки актуального уровня собственных специальных теоретических знаний, необходимых для работы с детьми с ОВЗ согласуются с данными предыдущего вопроса. Так, на высоком уровне собственные теоретические знания оценивают 10 % (39 чел.), на среднем – 65 % (252 чел.), на низком – 25 % (97 чел.) педагогов.

Частоту взаимодействия со специалистами ПМПК считают довольно частой 26 % (101 чел.) педагогов. Встречи в пределах 1-2 раз состоялись у 55 % (213 чел.) педагогов. Не приходилось встречаться со специалистами ПМПК 19 % (74 чел.) педагогов.

В своей профессиональной деятельности педагоги указали следующую последовательность частоты обращения к взаимодействию со специалистами: педагог-психолог, социальный психолог, коллеги, учитель-логопед, руководитель учреждения, родители ребенка.

При оценке собственной готовности, как психологической, так и профессиональной, к взаимодействию с детьми с ОВЗ, 12 % (47 чел.) опрошенных педагогов заявили о высоком уровне своей подготовки. Эти специалисты полагают, что имеющийся у них объем знаний и личностных качеств достаточен для реализации принципов инклюзивного образования. Значительная часть респондентов , а именно 65 % (252 чел.), охарактеризовала свою готовность как смешанную: они чувствовали себя психологически подготовленными, но при этом признавали недостаточный уровень профессиональных навыков, либо, наоборот, обладали определенным профессиональным багажом, но испытывали психологические трудности. Такие ответы позволили нам отнести эту группу педагогов к категории со средним уровнем готовности к работе с детьми с ОВЗ. Наконец, 23 % (89 чел.) опрошенных выразили мнение о своей неготовности к работе с данной категорией детей, как в профессиональном, так и в психологическом плане. Это соответствует низкому уровню готовности.

Информацию о повышении квалификации в области образования детей с ОВЗ и детей инвалидов педагоги расположили в следующей последовательности: курсы повышения квалификации, образовательные и медицинские организации, Интернет, СМИ. На отсутствие информации никто из респондентов не указал.

Степень развития системы просвещения и информирования родителей детей с ОВЗ в области образования оценили, как достаточную 65 % (252 чел.), как недостаточную – 30 % (117 чел.), затруднились ответить – 5 % (19 чел.) педагогов.

80 % (310 чел.) педагогов сочли уровень системы подготовки специалистов по работе с детьми с ОВЗ и детьми инвалидами удовлетворительным, 15 % (59 чел.) – недостаточным, а 5 % (19 чел.) не могли дать ответ.

75 % (291 чел.) опрошенных полдагают, что инклюзивное обучение окажет благоприятное воздействие не только на развитие и социализацию детей с ОВЗ, но на их ровесников с типичными образовательными потребностями, 20 % (78 чел.) считают, что такого эффекта не будет, 5 % (19 чел.) затруднились с ответом.

Итоги анкетирования показывают, что для изменения отношения к инклюзивному образованию как специальной формы организации учебно-воспитательного процесса необходимы целенаправленные меры. Большинство педагогов пребывает в фазе пассивного неприятия инклюзии, в то время как лишь малая часть перешла к ее активному поддержанию.

Для оценки освоенности системы профессиональных знаний педагогов проводилось тестирование с целью выявления таких инклюзивных знаний, как: в чем состоит специфика обучения детей с ОВЗ; как учитываются индивидуальные особенности обучающихся при

формировании индивидуальной образовательной траектории; как оцениваются достижения учащихся с ОВЗ; какие существуют способы коррекции методики и организационных аспектов обучения и др. Тестирование проводилось на начало системы занятий курсов повышения квалификации по вопросам организации инклюзивного образования.

Анализ результатов свидетельствует о следующем:

– лишь 10 % (39 чел.) педагогов обладают высоким уровнем овладения системой профессиональных инклюзивных знаний (особых методов обучения учеников с различными отклонениями развития, многообразия видов и способов специального обучения, преподнесения сведений и оценки их усвоения, потребности создания адаптированной учебной программы и т.д.);

– 70 % (271 чел.) педагогов показали средний уровень усвоения системы профессиональных инклюзивных знаний (демонстрируют понимание сложности инклюзивного образования, но недостаточность знаний по организации инклюзивной среды и специальной методике обучения учебным дисциплинам);

– 20 % (78 чел.) педагогов находятся на низком уровне усвоения профессиональных инклюзивных знаний (демонстрируют формальное принятие идей инклюзии).

В рамках третьей методики анализа профессиональных достижений (Кузьмина О.С.) был определен уровень развития ключевых компетенций педагогов. Оценка проводилась на основе анализа таких рабочих материалов, как годовые перспективные планы, конспекты занятий (уроков), индивидуальные образовательные программы (в том числе адаптированные), индивидуальные траектории коррекционно-развивающей работы с детьми с ОВЗ, программы организации инклюзивного обучения в классе/группе, а также планы профессионального самосовершенствования.

В ходе апробации данной методики было выявлено, что значительное количество педагогов подходит к разработке рабочих материалов формально. Причиной такого положения дел, по нашему мнению, является недостаточное применение теоретических знаний и практических навыков в области организации инклюзивного обучения, а также слабость мотивационной составляющей.

Анализ представленных годовых планов работы показал, что цели и задачи зачастую смешиваются, им не присущ прогностический характер, они не соответствуют принципам инклюзивного образования. Результаты, которые проектируются, не всегда согласуются с индивидуальными особенностями обучающихся. Кроме того, не во всех планах было уделено внимание формированию толерантного отношения в детской среде и среди взрослых к лицам с особыми образовательными потребностями.

Рассмотрение конспектов уроков подтвердило, что педагоги в основном применяют задания различной степени сложности для стимулирования аналитических процессов у детей с ОВЗ при освоении учебной информации, основываясь на индивидуально-дифференцированном подходе.

В целом результаты методики показали, что на высоком уровне оценены продукты деятельности у 7 % (27 чел.), на среднем – 75 % (291 чел.), на низком – 18 % (70 чел.) педагогов.

Сформированность показателей операционно-действенного критерия представлена на рисунке 1.

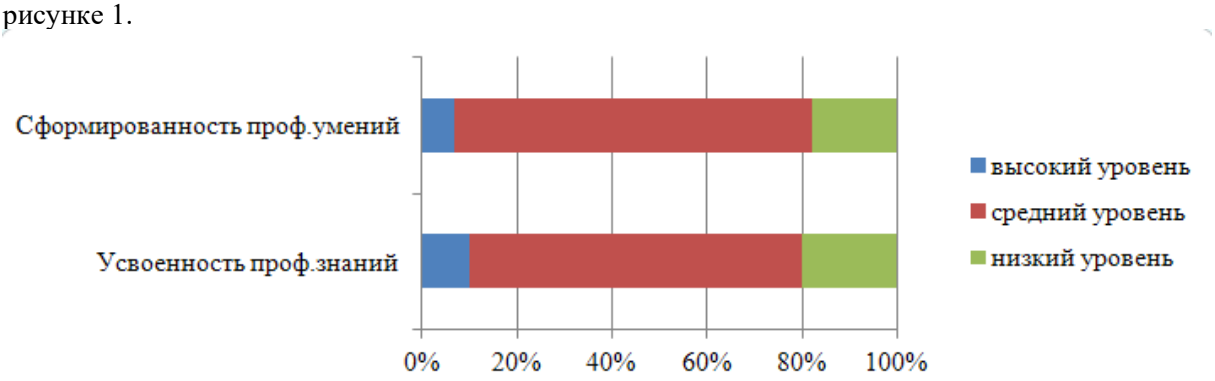


Рисунок 1. – Сформированность показателей операционно-действенного критерия

Графически результаты оценки сформированности показателей операционно-действенного критерия представлены на рисунке 2.

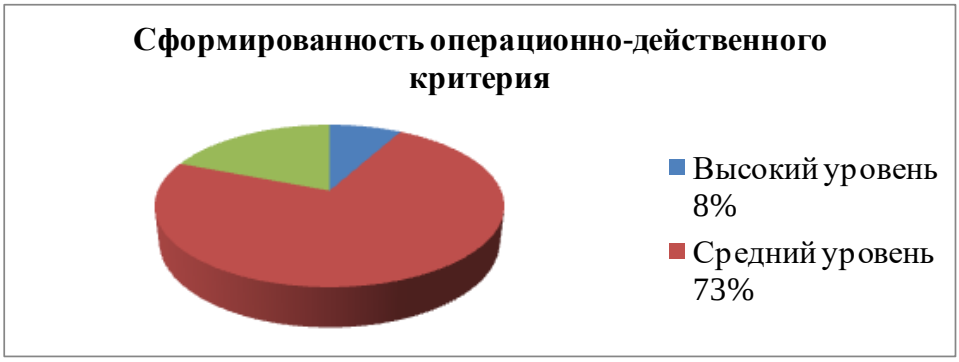


Рисунок 2. – Уровни сформированности у педагогов показателей операционно-действенного критерия

Таким образом, уровень сформированности операционно-действенного критерия определяется следующим образом: у 8 % (31 чел.) педагогов на высоком, у 73 % (283 чел.) – на среднем, у 19 % (74 чел.) – на низких уровнях.

С учетом изложенного, можно сделать вывод: уровень сформированности операционно-действенного критерия в основном остается на среднем и низком показателях, что связано с ограниченными знаниями педагогов по вопросам технологии создания условий инклюзивного обучения, а также нехваткой навыков проектирования образовательной деятельности с учетом различий в составе класса. Данные исследования подчеркивают значимость данной проблемы и обосновывает потребность в повышении качества профессиональной подготовки педагогов для эффективной реализации инклюзивных образовательных практик.

Обсуждение

Современный уровень общественного развития сопровождается заметной тенденцией к снижению состояния здоровья детей и подростков, а также ростом количества случаев ограниченных возможностей здоровья. Как отмечал Рубинштейн С.Л., замедление умственного развития ребенка неразрывно связано с социальными причинами – такими как качество экологической обстановки, уровень экономического благосостояния общества, генетическая предрасположенность, физическое и психическое состояние родителей, а также условия проживания и воспитания в семье и учебном заведении [5].

Казахстан приступил к реализации инклюзивного образования в 2015 году, после ратификации Конвенции о правах инвалидов. Конституция страны, отражая принципы светского и демократического общества, ставит задачу развития инклюзивного образования, обеспечивая право каждого гражданина на получение образования.

Инклюзивное образование должно стать обыденностью и фундаментальной гуманистической ценностью общества. Этот аспект урегулирован на законодательном уровне. 26 июня 2021 года Президент РК К.-Ж.Токаев утвердил Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования [6].

В соответствии со статьей 8 (п.1-1) государство гарантирует создание для детей с особыми образовательными потребностями условий обучения в рамках общей образовательной системы, с учетом их индивидуальных особенностей развития. Для детей с ограниченными возможностями разрабатываются адаптированные учебные планы. Согласно Закону, учреждения дошкольного и общего среднего образования обязаны принимать всех детей, проживающих на закрепленной за ними территории, включая тех, кто имеет особые образовательные потребности (статья 26, п.2).

Несмотря на значительный теоретический фундамент и законодательные изменения в области инклюзивного образования в Казахстане, на практике остаются серьезные трудности. Основные проблемы, препятствующие полноценной реализации инклюзии, включают:

отсутствие доступной среды – недостаточная адаптация инфраструктуры для детей с особыми потребностями ограничивает их полноценное участие в образовательном процессе;

– недостаточная толерантность и понимание прав – отсутствие должного уровня принятия и понимания прав детей с особенностями развития, что негативно сказывается на их интеграции;

– недостаточная подготовка педагогов – нехватка у учителей необходимых знаний, навыков и готовности к работе с детьми с особыми образовательными потребностями.

Инклюзивное образование – это запрос современной жизни и международный стандарт. В Казахстане более 160 тысяч детей с ограниченными возможностями, которые нуждаются в инклюзивном образовании. Только около 23 % из них участвуют в таком образовательном процессе.

В результате проведенного нами исследования получены следующие данные:

– степень осведомленности педагогов о теоретических и практических аспектах инклюзивного образования;

– мнения и установки педагогов к детям с ОВЗ и внедрения инклюзивных практик;

– методы и стратегии, применяемые педагогами для реализации инклюзивного образования в своей работе;

– трансформации в профессиональной деятельности педагогов, связанные с совместным обучением детей с различными особенностями развития;

– динамика межличностных отношений в рамках инклюзивного образовательного пространства и их ценностная база.

В условиях инклюзивного образования на педагогов возлагаются повышенные требования к их профессиональной и личностной зрелости. Им необходимо глубоко понимать принципы инклюзивного подхода, учитывать возрастные и психологические особенности детей с различными нарушениями развития, а также уметь налаживать продуктивное взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса. Таким образом, педагог должен быть готов к эффективной работе в рамках инновационной образовательной системы.

В контексте «социального взгляда на инвалидность», интеграция выступает как потребность реформирования образовательной системы. Ее цель – устранить существующие препятствия, чтобы любой человек с ОВЗ обрел шанс стать полноценным участником учебного и общественного коллектива профессионального образования. Это побуждает развитие инклюзивных механизмов, которые включают детей с ОВЗ в общую и профессиональную учебную среду на равных, формируя обстоятельства для возмещения их недостатков и снижения их воздействия. Инклюзивное обучение не обязано отменять апробированные подходы специальной педагогики для детей с инвалидностью. Оно касается всех участников учебного процесса: детей с ОВЗ и их семьи, обычных детей и их семьи, преподавателей, экспертов, руководство и вспомогательный персонал. По этой причине учреждения должны не только гарантировать особые условия для детей-инвалидов, но и содействовать взаимопониманию между всеми участниками: коррекционными и общими преподавателями, детьми с особыми нуждами и их ровесниками.

Заключение

За последнее десятилетие система образования Казахстана претерпевает значительные преобразования, обусловленные общим развитием страны в политической, социальной и экономической сферах. Сегодня ключевым фактором успеха становится способность общества к инновациям, умение быстро приспосабливаться к переменам и использовать их в своих интересах. Происходит переход от традиционного подхода к образованию, ориентированного на личность ученика. Внедрение инклюзивного образования, как и в других развитых странах, является ярким примером этих изменений. В Казахстане это важный шаг вперед в развитии образовательной политики, который приближает нашу страну к передовым государствам. Инклюзивное образование, как инновационный подход, способствует этому прогрессу.

Операционно-действенный компонент профессиональной готовности педагогов к организации инклюзивного образования подразумевает формирование системы профессиональных сведений и набора навыков, которые постоянно поддерживаются и воспроизводятся посредством обновления профессиональных знаний, умений и опыта личности.

Обнаруженная в процессе изучения поуровневая оценка операционно-действенной готовности педагогов дает возможность уточнить сложности подготовки педагогов к проведению инклюзивного обучения и обозначить эффективную часть плана изысканий по ее улучшению.

Источники финансирования
Исследование выполнено без привлечения внешнего финансирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Образование для всех 2000-2015 гг.: достижения и вызовы. – Дакар: Изд-во ЮНЕСКО, 2015 г. – 499 с. [Электронный ресурс] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232205_rus
2 Кузьмина О.С. Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования [Текст]: дисс.канд.пед.наук. / О.С.Кузьмина. – М, 2015. - 319 с.
3 Хитрюк В.В. Методика диагностики и мониторинга инклюзивной готовности педагогов [Текст] / В.В.Хитрюк, И.Н.Симаева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1. – С.104-108.
4 Ногайбаева Г. Рамка мониторинга инклюзивного образования в Республике Казахстан [Текст] / Г.Ногайбаева, С.Жумажанова, Е.Коротких. – Астана: АО ИАЦ, 2017. – 185 с.
5 Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л.Рубинштейн. – Спб.: Питер, 2002. – С. 553.
6 Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования» [Электронный ресурс] – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39579626&show_di=1&pos=1;-16#pos=1;-16).

REFERENCES

1 Obrazovanie dlya vseh 2000-2015 gg.: dostizheniya i vyzovy [Education for All 2000-2015: achievements and challenges]. (2015). Dakar: Izdatel'stvo UNESCO. Retrieved from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232205_rus [in Russian].
2 Kuz'mina, O.S. (2015). Podgotovka pedagogov k rabote v usloviyah inklyuzivnogo obrazovaniya [Preparation of teachers for work in inclusive education]. Candidate's thesis. Moscow [in Russian].
3 Hitryuk, V.V., & Simaeva, I.N. (2014). Metodika diagnostiki i monitoringa inklyuzivnoy gotovnosti pedagogov [Methods of diagnostics and monitoring of inclusive readiness of teachers]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University, 1, 104–108 [in Russian].
4 Nogaybaeva, G., Zhumazhanova, S., & Korotkikh, E. (2017). Ramka monitoringa inklyuzivnogo obrazovaniya v Respublike Kazakhstan [Monitoring framework for inclusive education in the Republic of Kazakhstan]. Astana: AO IAC [in Russian].
5 Rubinshteyn, S.L. (2002). Osnovy obshchey psihologii [Foundations of general psychology]. Saint Petersburg: Piter, p. 553 [in Russian].
6 Zakon «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam inklyuzivnogo obrazovaniya» [Law «On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on inclusive education»]. (n.d.). Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39579626&show_di=1&pos=1;-16#pos=1;-16 [in Russian].

Г.Т. Тусупбекова[1]*, Л.С. Комардина[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Педагогтердің операциялық-пәрменді дайындығы инклюзивті білім беру ұйымдастыру

Инклюзивті білім беруді енгізудегі басты мәселе – мұғалімдердің белсенді қатысуын қамтамасыз ету. Инклюзияның сәттілігі олардың кәсіби құзыреттілігімен, өз жұмысының маңыздылығы мен жауапкершілігін түсінуімен, әртүрлі қажеттіліктері бар балалардың даму ерекшеліктерін білуімен, сондай-ақ олардың жеке қасиеттерімен және оқыту әдістерімен тікелей байланысты. Алайда, толық қамтуға айтарлықтай кедергі болып педагогтардың арнайы білім беру тәсілін қажет ететін балалармен қарым-қатынасқа психологиялық және кәсіби дайындығының жоқтығы жатады.

Білім беру ұйымдарындағы мұғалімдердің инклюзивті білім беру процесін ұйымдастыруға жедел және тиімді дайындығының деңгейін бағалау.

Мұғалімдердің инклюзивті ортада жұмыс істеуге жедел және тиімді дайындығын бағалау үшін өзін-өзі бағалауды, стандартталған тестілеуді және олардың жұмыс өнімдерін сараптамалық бағалауды қамтитын бағалау әдістерінің жиынтығы пайдаланылды.

Зерттеу мұғалімдердің инклюзивті білім беру туралы хабардарлығы туралы ақпарат берді (оның мақсаттары, принциптері және әдістері); мүмкіндігі шектеулі балаларға деген олардың қарым-қатынасы және инклюзияны жүзеге асыру; олардың инклюзивті білім беруді ұйымдастырудағы практикалық дағдылары; әртүрлі білім беру қажеттіліктері бар балаларды бірлесіп оқыту кезінде олардың жұмысындағы өзгерістер; инклюзивті процестің барлық қатысушылары арасындағы қарым-қатынастар және осы қатынастар құрылатын құндылықтар.

Негізгі сөздер: инклюзивті білім беру, жедел және тиімді критерий, мүмкіндігі шектеулі балалар, дайындық, құзыреттілік.

G. Tusupbekova[1]*, L. Komardina[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Operational and effective readiness of teachers to organize inclusive education

The main problem is that the implementation of inclusive education requires teachers to actively participate in this process. The success of inclusion depends on the professionalism of teachers, their understanding of the importance and responsibility of their work, their knowledge of the development of children with different needs, as well as their personal qualities and approaches to work. However, one of the significant challenges in the organization of inclusive education is the lack of psychological and professional training for teachers to work with children with special educational needs. The goal of this study is to characterize the level of operational and practical readiness of teachers in general education institutions to organize inclusive education.

To identify the teacher's operational and effective readiness to organize work in an inclusive environment, we used assessment methods such as self-examination, testing, and expert evaluation of work products.

The conducted research allowed to assess the level of teachers' awareness of the philosophy, methodology, principles and objectives of inclusive education; the features of teachers' attitude towards children with disabilities and the process of introducing inclusion into education; how teachers organize inclusive education in their own pedagogical practice; what changes in the professional activity of teachers occur when children with normal and impaired development are taught together; what relationships are formed among all participants in the inclusive educational process, and what value principles they are based on.

Keywords: inclusive education, operational criterion, children with disabilities, readiness, competence.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.

Мақала авторлары туралы ақпарат
Сведения об авторах статей
Information about authors of articles

Аяпбергенова Г.С. – PhD докторы, «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ «Педагогика және психология» білім беру бағдарламасының меңгерушісі, Павлодар қаласы, Қазақстан Республикасы. **Аяпбергенова Г.С.** – доктор PhD, заведующая образовательной программы «Педагогика и психология» НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», город Павлодар, Республика Казахстан. **Ayapbergenova G.** – PhD, head of the educational program «Pedagogy and Psychology» of the Pavlodar Pedagogical University named after Alkei Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: gulsumas@mail.ru

Есалинов А.А. – «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ магистранты, Павлодар қаласы, Қазақстан Республикасы. **Есалинов А.А. –** магистрант НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», город Павлодар, Республика Казахстан. **Esalinov, A. -** Master's student of NAO «Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan», Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: Kulsharipova_zk@mail.ru

Қаирбекова Б.Д. – педагогика ғылымдарының докторы қауымдастырылған профессор (доцент), «әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» кафедрасының меңгерушісі Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қаласы, Қазақстан Республикасы. **Каирбекова Б.Д.** – доктор педагогических наук Ассоциированный профессор (доцент), Заведующая кафедрой «Социально-гуманитарные науки» Инновационный Евразийский университет, город Павлодар, Республика Казахстан. **Kairbekova, B.** – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: kairbekova.bagzhanat@mail.ru

Комардина Л.С. – Биология ғылымдарының кандидаты, Инновациялық Еуразия университетінің доценті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Комардина Л.С.** – кандидат биологических наук, доцент Инновационного Евразийского университета г. Павлодар, Республика Казахстан. **Komardina, L.** – Candidate of Biological Sciences, Docent of Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: komardina57@mail.ru

Коростелева Н.А. – педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, Ресей Федерациясы Тұтынушылар одағының «Сібір тұтыну кооперациясы университеті» автономды коммерциялық емес жоғары білім беру ұйымы, Новосибирск қ., Ресей Федерациясы. **Коростелева Н.А.** – кандидат педагогических наук, доцент, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации», г. Новосибирск, Российская Федерация. **Korosteleva, N.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Autonomous Non-Profit Educational Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation «Siberian University of Consumer Cooperation», Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: korostel_@mail.ru

Котова Н.С. – педагогика ғылымдарының магистрі, «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ жоғары педагогика мектебінің оқытушысы, Павлодар қаласы, Қазақстан Республикасы. **Котова Н.С.** – магистр педагогических наук, преподаватель высшей школы педагогики НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», город Павлодар, Республика Казахстан. **Kotova, N.** – Master of Pedagogical Sciences, Teacher at the Higher School of Pedagogy of the Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: kotovab2000@mail.ru

Кульшарипова З.К. - педагогика ғылымдарының кандидаты, «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ жоғары педагогика мектебінің профессоры, Павлодар қаласы, Қазақстан Республикасы. **Кульшарипова З.К. –** кандидат педагогических наук, профессор высшей школы педагогики НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», город Павлодар, Республика Казахстан. **Kulsharipova, Z. -** Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Higher School of Pedagogy of the Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: Kulsharipova_zk@mail.ru

Курмангалиев Е.Е. – Alikhan Bokeikhan University оқытушысы, Семей қ., Қазақстан Республикасы. **Курмангалиев Е.Е.** – преподаватель Alikhan Bokeikhan University, г. Семей, Республика Казахстан. **Kurmangaliev, E.** – teacher of Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan. E-mail: Seserkhan98@mail.ru

Мұхаметжанов А.М. – медицина ғылымдарының докторы, Әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар кафедрасының профессоры, Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Мухаметжанов А.М.** – доктор медицинских наук, профессор кафедры Социально-гуманитарных наук Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Mukhametzhanov, A.** – Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.muhamed@bk.ru

Мұхаметжанова М.А. – дәрігер-реабилитолог, Балаларға жедел медициналық көмек көрсету орталығы, Алматы қ., Қазақстан Республикасы. **Мухаметжанова М.А.** – врач-реабилитолог, Центр детской неотложной медицинской помощи, г. Алматы, Республика Казахстан. **Mukhametzhanova, M.** – Rehabilitation Physician, Center for Emergency Medical Care for Children, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: mma9_99@mail.ru

Сесерхан Ж. – Қолданбалы биология кафедрасының оқытушысы, Alikhan Bokeikhan University, Семей қ., Қазақстан Республикасы. **Сесерхан Ж.** – преподаватель кафедры прикладной биологии, Alikhan Bokeikhan University, г. Семей, Республика Казахстан. **Seserkhan, Zh.** – teacher of the Department of Applied Biology, Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan. E-mail: Seserkhan98@mail.r

Советкалиев Д.Н. – Alikhan Bokeikhan University оқытушысы, Семей қ., Қазақстан Республикасы. **Советкалиев Д.Н.** – преподаватель Alikhan Bokeikhan University, г. Семей, Республика Казахстан. **Sovetkaliev, D.** – teacher of Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan. E-mail: Seserkhan98@mail.r

Тусупбекова Г.Т. – Биология ғылымдарының кандидаты, Инновациялық Еуразия университетінің доценті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Тусупбекова Г.Т.** – кандидат биологических наук, доцент Инновационного Евразийского университета г. Павлодар, Республика Казахстан. **Tusupbekova, G.** – Candidate of Biological Sciences, Docent of Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: g_tusupbekova@mail.ru

Шахмарданова Ж.Ш. – «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ магистранты, Павлодар қаласы, Қазақстан Республикасы. **Шахмарданова Ж.Ш. –** магистрант НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан», город Павлодар, Республика Казахстан. **Shakhmardanova, Zh.** – Master's student of NAO «Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan», Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: shuldyz_1981@mail.ru

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР

UDC 338.2
МРНТИ 06.81.30

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/56-65

P. Caputo[1*], Ivan F. Spera[2]
[1]University Parthenope, University Federico II, Italy, Achii International Institute, Italy, Fondazione Guida alla Cultura, Italy
[2]Indipendent Researcher, Senior Scientific collaborator Universita' Statale di Salerno, Italy
*(e-mail: info@paolocaputo.eu)

Circular economy. Possible solutions to waste collection and recycling How collect paper and cardboard. A practical experience in Italy

Annotation

Main problem: This article is for to the divulgation of ideas and projects implemented (or proposed) in the circular economy. The topic covered is the collection and recycling of waste produced by citizens and small businesses.

It is a «CASE STUDY» of concrete projects that have been designed using the method of «possibilist economics», i.e. that new branch of Development Economics devised by A.O. Hirschman (USA) and developed by Luca Meldolesi (EUROPE) with his Italian working group (a group of which I have been an active member since 1986). During the years I spent working as a business economist, I adapted and increased the analysis and operational tools of the possibilist method to the subject of business development and creation, expanding the method with some new operational tools derived from my practical work and the analysis of the different realities in which I worked. This adaptation of 'possibilism' to business economics has been particularly useful in helping me find 'possible' solutions to complex problems in disadvantaged social and economic contexts.

Purpose: The goal of this study is to give a concrete example of how the possibilist method is useful to create work and business in any field of economy.

Methods: The article analyses a project of the author and its results.

Results and their significance: This adaptation of «possibilism in economy» to business economics is a demonstration of the useful to helping economist to find «possible» solutions to complex problems in disadvantaged social and economic contexts.

Key words: Circular economy; possibilism in Economy; research and development; business creation.

Introduction

Paper, like all products derived from cellulose, is not an inexhaustible material. Cellulose is obtained from cotton, straw, and wood. It is largely used in the dietary sector (useful in slimming programmes and as a laxative), in the pharmaceutical sector (production of gauze and coatings that modulate the release of active ingredients from the tablet), cosmetics (for the preparation of gels, stabilizers, films, toothpastes), war (manufacture of explosives), textiles (rayon, lyocel), to produce PAPER AND CARDBOARD. Paper, as we know it today, was born in the 19th century, a period when the industrial revolution made its mass production and the variety of its uses possible. Preventing valuable materials such as paper from ending up in landfills by giving them a new life is a necessity as well as a socially and economically important industrial activity, especially for those societies that do not have the raw material pulp and must import it from other countries. Recycling not only reduces the consumption of raw materials, but also saves energy and water, reduces carbon dioxide emissions, and decreases the number of materials going to landfill, thus conserving valuable resources that would otherwise be wasted. The impact of pulp production on nature is a problem that has only been realized in recent decades. To deal with it, different solutions have been imagined, and it has finally led to the creation of the INDUSTRIAL CYCLE of paper and cardboard recovery and recycling, a set of activities aimed at protecting the environment, reducing waste, saving resources, creating employment. The industrial and commercial paper chain is defined as 'closed' where new

paper is reborn from paper. The product once used can be recovered and reused in the production process. Usually, the manufacturing and recovery phases are linked. Paper factories use 'wastepaper', i.e. recovered paper that becomes a secondary raw material, together with or as an alternative to virgin cellulose. The industrial paper chain is a concrete example of a circular economy. The paper supply chain includes a wide range of economic activities, ranging from wood plantations for paper production, through the manufacture of pulp and paper itself, to industries that process paper products such as corrugated and coated cardboard packaging, paper bags, stationery, and tissue paper. It also includes the sectors of advertising and direct marketing, printing, and publishing, and extends to delivery logistics through postal and courier services. The cycle ends with the recovery of paper and cardboard waste and its reuse in paper factories.

The paper recovery cycle in Italy (and in European states) has been designed as a socio-economic and industrial MODEL (of CIRCULAR ECONOMY) with the following characteristics:

– Citizens and small businesses start the virtuous recycling cycle by separating paper and cardboard from general waste;

– Specialised marketing companies conduct constant communication campaigns to sensitise people to respect nature and to cooperate in bringing paper and cardboard to the recycling points and avoid throwing it in the general waste stream;

– The collection company (usually a local monopoly) organises the paper and cardboard collection service and delivers the material to the storage facilities;

– The recovery plants sort paper and cardboard by type, remove extraneous cellulose materials and then the material is pressed into bales of wastepaper to optimise its handling;

– Paper factory: this is where the bales of paper and cardboard are processed to revive the paper in new forms, defined as SECONDARY RAW MATERIAL, i.e. material derived from a recovery process.

Recycled paper is sold to paper converting and printing companies where it is transformed into products and packaging, products that are once again available for use in our daily lives.

Materials and methods

Paper products are natural and come from so-called renewable sources. They are recyclable and are part of the group of goods made from raw materials that are not exhausted in the first production cycle and can be reused up to seven (7) times. The prevailing MODEL of the economic and industrial cycle of paper and cellulose-based packaging (cardboard) recovery and recycling has the CITIZEN as the first stage of its production and economic cycle, i.e. its ecological conscience and its good practice in separating paper from other waste and taking it to the designated collection points. Paper recycling involves citizens who, after using the products, collaborate with administrations and industry in their recovery. There are practical aspects to this stage of the production cycle (i.e. giving correct directions and schedules to the citizen to make the delivery of paper to the designated collection point efficient and effective). The practical activities of this collection model meet and often clash with individual psychological factors, the social environment, and individual cultural and schooling levels. In Europe, 2023 data, in first position for collection we have Germany followed by Italy. The waste bales produced in Europe are purchased by recycling plants from ALL OVER THE WORLD. In the ASIAN countries in general, we can say that collection and recycling are poorly developed, they do not have a widespread PAPER INDUSTRIAL CYCLE. They are countries that currently import wastepaper the most from the rest of the world. The production of recycled paper and board (collection of waste and formation of bales of paper) is subject to the market economy, a secondary raw material which is subject to market supply and demand fluctuations like other raw materials. For many years, European countries have consumed all recycled paper production in their domestic markets. Today (2024) the decrease in consumption of paper and board in Europe has also led to a reduction in demand for packaging. This condition has created (2024) a surplus of wastepaper and a drop in market prices that has found a natural outlet in Asian countries, particularly India, Indonesia, Vietnam, Thailand, and Malaysia. This condition is expected to persist for many years to come as the densely populated states struggle to set up intensive paper recovery and recycling projects within them.

The main model of the economic and industrial cycle of paper and cellulose-based packaging (cardboard) recovery and recycling has as its first step THE CITIZEN, i.e. his or her ecological awareness and good practice in separating paper from other waste and taking it to designated collection points. Paper recycling involves citizens (individuals and small entrepreneurs) who, after using the products, collaborate with administrations and industry in their recovery. In this phase of the

production cycle, there are practical aspects (i.e. giving correct directions and schedules to the citizens to make the delivery of paper to the pre-established collection point efficient and effective). It must be taken into consideration that practical organisational aspects meet and often clash with individual psychological factors, the urban environment, and individual cultural and schooling levels.

Collection takes place through two different channels:

– Urban, with selective collection conducted by municipalised and assimilated waste management companies (public and private companies).

– Industrial, through specialised companies, private.

The companies that conduct separate waste collection deliver the paper to recovery stations, specialised companies that deal with the selection and valorisation of the so-called 'paste.' This material is then utilised in the production processes of paper factories, which convert it into new paper. Subsequently, this material is utilised by the converting companies of the paper industry, which use it to make finished products. At the end of the product's life cycle, i.e., once its use has been exhausted, the citizen's wish is to return it to the collection points, thus restarting the recovery cycle.

The Italian (and European) PAPER CYCLE MODEL has presented different criticalities over the years, often proving to be expensive and inefficient, especially in certain local realities that are economically and socially more backward than others. In Italy, the first positive results on collection and recycling percentages (data are based on statistical calculations) came years after the start of the various local recycling activities. It must be said that in paper and cardboard collection, the result of the quantities collected for many years was unsatisfying, despite the enormous economic resources deployed in the recovery cycle to improve quantity and quality. This has prompted the various economic and political actors involved in the recycling system to look for new project ideas and encourage solutions to complex problems that are difficult to solve.

In this context of the necessary search for solutions to the problem of paper and cardboard recycling, the «PROGETTOCARTESIO» (designed and implemented between 2013 and 2015 in Italy), the case study of this book, is placed. It is an experiment implemented in an economically and socially depressed area of the city of Naples, and its characteristic feature is that the project had an opposite mode to the prevailing model of Italian recycling. The success of the initiative meant that the solutions and the METHOD used to find possible solutions to specific problems were emulated and became an important reference not only in Italy but also in other countries around the world. Currently (2024), thanks to the experience gained by the sector and to the openness to new project ideas and the implementation of some of them, the results of the paper and board recovery cycle have become encouraging. The circularity rate (ratio of secondary raw materials to total raw materials used) of the entire sector has reached 55 %, to the point that European Union directives require states to reach 85 % in 2030.

The paper and cardboard collection project known as «Cartesio» was developed in 2013 to respond to a failure: the low quantities of paper collection in the city of Naples and the whole of southern Italy, with failures in relation to various attempts to improve it that had been going on for 20 years. Naples, at the time the project was elaborated (2013), had about (1) one million inhabitants in its urban centre, while the periphery, which had an autonomous government (province of Naples) boasted another three million inhabitants. In 2014, the periphery was unified with the centre and Naples became a Metropolitan City with approximately four (4) four million inhabitants and ranked first in Italy as population density. The so-called urban waste production in this area was among the highest in Europe while the recovery and recycling rates for paper, but also plastic and ferrous materials were among the lowest in Europe. Collection, it is clear, is the main source of the industrial cycle of paper and board recovery. The prevailing industrial model entrusts recovery exclusively to the virtuous behaviour of individual citizens. Low collection amounts mean the failure of the entire industrial recovery and recycling chain.

The work used the operational tools of Possibilist Economics, adapting them to the circumstances.

Possibilism in economics is the method (of analysis and practice) that proposes to find possible (not just probable) answers to complex problems. To the typical tools of the method, those developed by A.O. Hirschman and later by L. Meldolesi, new 'working tools' have been added over time, providing possibilist economists with additional operational tools. New analytical and operational methods derived from practical activity and the consequent observation of the different realities in which possibilist economists and social scientists have operated. The two economists (P. Caputo and R. Celentano) worked on this project using the possibilist method, expanding it with new

tools they both developed. Following possibilism, the answer on how to improve the collection of paper and cardboard in an extremely difficult context was constructed from observation of reality and the search for its problems, the obvious ones and above all the non-apparent ones, which impeded the functioning of the selective collection system. The key points of the method used are:

– Problem Analysis and search for initial solutions without imposing pre-established analytical schemes and models;

– Observation of the reality in which one operates to search for obstacles and difficulties that are not apparent and to discover hidden or under-utilised resources;

– Simultaneous use of -bottom-up- and -top-down- solutions to break barriers to entry and overcome obstacles;

– Self-subversion's approach, i.e., questioning acquired certainties when observation of how reality works disproves them;

– Participant Observation, i.e., entering reality and being part of it, observing it from the inside to get to know it and find solutions and innovative ideas;

– Doing more and better with available resources [1];

– The 3F analysis (Caputo, 2008), i.e. analysing and understanding how people working towards a goal and in a certain context react according to the questions set by the 3Fs: «knowing how to do» – «wanting to do» – «enable us to do»;

– Studying local traditions and cultures and learning to innovate and use them for the purpose (innovation and tradition);

– Transforming weaknesses and difficulties into strengths and new opportunities;

– Activating the expansion mechanisms of creative social energy;

– Using all those mechanisms that seem improbable but are possible

Finding balances and ways out between the drives of converging and diverging interests.

The WASTE COLLECTION MODEL in Naples (2013) was based on the work of a private company (ASIA spa) with the city government as a shareholder, which worked under a monopoly regime, the only company authorised to collect all the waste from the city centre and subsequently from the large Metropolitan City of Naples. The contract between the City Government and Impresa ASIA spa was for the provision of a service: The company organised and carried out the service of collecting paper material, and for this work the local government paid a fee and made substantial financial contributions, regardless of the results in terms of quantity of recovery obtained.

The procedure used for the collection was typical of the industrial recovery and recycling chain: the company asked citizens to voluntarily participate in the collection of waste, which had to be placed at certain points in the city on pre-established days and times, while ASIA spa workers on these days went with the collection truck and picked up the material that had previously been left by citizens. The principle on which this collection system is based is that of educating citizens to respect the environment and making them protagonists in the hygiene and recovery of materials. To achieve this, continuous institutional communication campaigns were conducted in all media (and on social media) to induce citizens to behave in a virtuous and cooperative manner. It was a method used in other parts of European cities. It was a common belief that since this method worked in different European cities then it could and should work everywhere. One of the official justifications given as the reason for the low recovery was the organizational difficulties faced by the leading collection company, Asia spa. In fact, over the years, its corporate organizational structure had become overloaded due to an excess of employees that had absorbed a lot of available economic resources, while it had had to deal with the problem of the waste emergency, for which the choice was to use most of its company resources on ordinary waste collection, limiting that of material recovery.

In truth, long before the waste crisis in the Campania (and Naples) region, many efforts had been made to collect and recover paper, both economically and organizationally to make it efficient and effective, but the results had always been unsatisfactory. The emergency made the situation even worse, until the year 2012 when there was finally a way out of the crisis. In this year, there was a political and administrative change in the local government, which had been more fortunate and had managed to resolve the serious emergency (thanks also to economic support from the national and European governments).

In this new phase of overcoming the crisis COMIECO, the Italian national consortium of the cardboard and paper recovery industry, was looking for efficient and effective ideas and solutions to improve recovery.

Luck was on the side of good intentions. Comieco's management asked business economics professors from Milan's Bocconi University and Professor Luca Meldolesi to provide some solutions to solve the Neapolitan problem. They asked to Paolo Caputo if he had any good ideas on how to tackle this decades-old problem of low paper recovery in Naples and the Campania Region.

The idea exposed by Paolo Caputo was considered interesting, after which it was submitted for evaluation by the COMIECO management, which accepted it as an experimental hypothesis to be designed and implemented. The idea (elaborated and concretely developed by Paolo Caputo with the fundamental collaboration of Roberto Celentano) with which the request for help from «Comieco» to improve cardboard collection in the city was addressed, is based on reversing the approach to the problem.

The first step was to understand the reasons for the insufficient paper delivery by citizens. The answer was simple, it was there for all to see: THE CITIZENS' WAYS OF CONFERRING ON A VOLUNTARY BASIS WERE NOT RESPECTED, people and small businesspeople were not interested in supporting it. Paper, as well as cardboard, which was used in commercial packaging, was not given to the collection points by citizens and everything ended up in the undifferentiated waste bins (or abandoned in the streets). Several factors contributed to this situation, but primarily, it was essential to comprehend both the collective and individual behaviors of Neapolitans concerning public hygiene. The two designers started from the rediscovery of a commonplace: it was said that Neapolitans were very clean in their own homes and very dirty outside their homes. This was partially true: Naples, like other large cities in southern Italy, had always been a very dirty city, individual bad and uncivilised conduct made the city in a permanent state of decay from the point of view of urban hygiene. There was also another commonplace: Neapolitans, it was said, are not very work-oriented, they are lazy and cunning, they are scarcely productive at work (they work little and badly). Even this cliché had its good reasons for existing, there is a part of Neapolitans that really does behave this way, especially those who, once they get a job, adapt to doing as little as possible without ever taking responsibility. And this attitude was also present among the Asia spa workers. In the city, there was a dispute over who was responsible for urban decay.

– Citizens accused ASIA spa workers of not working or of performing poorly and minimally, making further accusations of incompetence and corporate disorganization.

– Asia spa blamed citizens for their uncivil behaviour and for abandoning waste in the city without respecting the elementary rules of urban hygiene.

The accusations were both true, the individual behaviour of the citizens and that of the insiders added up to a «SYNERGY OF DEGRADE and DIRTY»: the Neapolitan dirty, the insider doesn't clean (or works badly) and from DEGRADE comes NEW DEGRADE, in a vicious circle with no way out. Moreover, the crisis of the waste emergency had also induced in the Neapolitans an enormous distrust towards the economic policies of collection and recycling, towards the non-transparent business and interests that orbited around the industrial model. Everyone was saying a common phrase addressed to the administrations and the industrial system: WASTE IS YOUR WEALTH AND OUR DEGRADATION.

The social mood was not favourable to the voluntary participation of citizens and small entrepreneurs in paper and cardboard recovery activities. It was necessary to change the way Neapolitans participated in paper delivery. Citizens, this was the intuition, should not be volunteers who, out of moral and environmental interests, spontaneously did their best to deliver paper because the results of this approach were extremely poor. The idea was to turn paper delivery into a direct or indirect economic interest of citizens and small entrepreneurs. Rubbish was to become an opportunity for citizens and perceived as an economic improvement of their neighbourhood but also as the creation of new businesses and jobs from below. Given the complexity of the specific local context, the solution to the problem could not rely on pre-established solutions and methods imposed from above, nor could it be addressed by a large enterprise with an excessively large and costly organization. The answer could and should have started from the bottom, that is, from the citizens themselves, through the creation of small labour cooperatives each operating on a part of the city and a defined territory, trying to get the job-seeking, unemployed residents of the neighbourhood to work in the same cooperatives.

What to do and how to do it.

Once the new idea was developed it was necessary to plan what to do and how to do it.

At that point, the possibilist method becomes fundamental again, which involves analysing the reality, in which one concretely operates, in its complexity, studying local history, local culture, social

dynamics, to get innovative ideas from it. Through the study of the cultural and social history of Naples (and southern Italy), it became apparent that there had always been a constant certainty over time: The art of getting by (of making do). In fact, in the traditional economy of Southern Italy, the «art of making do» was very present and it was discovered that there had existed an ancient, improvised and spontaneous work of collecting cardboard (not paper) by very poor people, which was then resold to the paper industries present in the Bay of Naples (Castellammare, Amalfi Coast, Pompeii, etc.). It was a survival job, unauthorized but tolerated, carried out by very poor people who, thanks to the recovery and resale of cardboard collected in the city on the streets, managed to have a minimum economic income to live on. Initially the «cartonari», as they were called, collected the cardboard on the street, usually during the day carrying it manually on wheelbarrows, but over the years they had organized themselves by working at night and transporting the material on the famous «Piaggio ape cars» small three-wheeled motorcars produced in Italy by the «PIAGGIO» factory. From this reading of history came the idea of what to do: We needed to take up the vanished art of the old «cartonari» to entrepreneurialism them and create a group of workers in the neighbourhood to intercept the huge amount of cardboard that is normally dispersed. It was essential to focus on the need that many Neapolitans had to get a job, thus on well-motivated people, but also on the simple economic rule of any business for which «I earn only if I collect». For the experimental phase of the project, an extremely popular neighbourhood was chosen, called «rione sanità», which is well known throughout the Western world for its very special and ancient architectural, archaeological and artistic beauty. The «Rione Sanità» had about 200,000 inhabitants, a remarkably high population density, with the presence of micro and small commercial and craft production enterprises. Given the high presences of small businesses, the daily cardboard waste was very substantial. The neighbourhood had a profoundly serious social situation: unemployment, poverty, school evasion by young people, presence of numerous Mafia gangs engaged in criminal activities (extortion, murder, drug and arms trafficking, smuggling, money laundering, corruption, tax evasion). Through field observation it became clear that in fact the area also had many interesting and potentially positive aspects. Part of the population was highly active in countering degradation, wanting to follow virtuous examples of land enhancement. There were religious communities operating in the area with the aim of solving social and cultural problems for the benefit of the weaker members of the population and to push the citizenry to redeem their condition of backwardness and hardship. There were many small handicraft production enterprises (some historic) and many commercial enterprises that resisted the economic crisis and focused on the legality and urban decorum of their neighborhoods. From these considerations, the «Cartesio» project was concretely constructed. The project was designed as an experiment with the aim of evaluating the validity of the new cardboard and paper collection system that was based on:

– URBAN WASTE IS OUR WEALTH:

the bottom-up approach, the citizens of the neighbourhood being stimulated to collaborate through widespread animation and by assigning collection tasks to a (specially created and trained) work team of unemployed people in the neighbourhood.

– IF I COLLECT, I EARN:

the entrepreneurial incentive and the power of achievement, «the more I collect the more I earn». The collected paper is sold like a commodity to the recycling centres, there is no economic welfarism.

Only in the first experimental phases did the «Comieco» consortium have to bear the costs of the start-up phase and the initial expenses of the project, and during the collection phase it had to recognise an economic contribution when high levels of collected quantities were reached (THE MORE I COLLECT THE MORE I GET);

– POPULAR STRENGTH:

Reversing the purpose of collection for the benefit of the many and the collective wellbeing stimulated the explosion of social energies and the recovery of hidden or unused resources.

– the logic of «doing more and better with less» with what you have available.

The «Cartesio» experimental project is based on the possibilist method of activating the mechanisms for the expansion of creative social energy. Albert Otto Hirschman, economist and social scientist of the last century, argued that to foster economic development, it was appropriate to summon up those capacities or resources that were poorly used or not utilised at all, because they were hidden or dispersed. To use these hidden resources, it is necessary – asserts Hirschman – to be open to the unexpected, to let oneself be surprised by reality and with creativity draw those connections that at

first sight seem unlikely, to react to emerging difficulties, to engage in the search for ways out by going beyond the predictable to find possible solutions to complex problems. The possibilist practice is, as said, the base of the experimental project of differentiated cardboard collection that is the subject of our «case study». Starting from an innovative (and countercultural) idea, it has been shown (successfully) to move a process of change (collective and individual) that has activated the collaboration of the local population, created new businesses and new jobs, and achieved significant improvements in paper and cardboard collection rates. The same method was useful in facing and overcoming the multiple resistances from different stakeholders who hindered it by trying to make it fail. The construction of the project proposal was a mixed effort between actual business activity and balancing policies towards the various stakeholders orbiting the paper recycling business. Many difficulties had to be overcome initially:

– DIFFERENT AND OPPOSING INTERESTS.

Many activities in the executive project are a compromise to reconcile the different interests at stake and prevent them from becoming insurmountable obstacles.

– BUREAUCRACY.

overcoming the enormous administrative and bureaucratic problems in obtaining legal authorisations for paper collection.

– POLITICS AND TRADE UNION INTERESTS.

Political difficulties to overcome the resistance to change of those who want to safeguard privileges and acquired rents (such as the lack of cooperation - which was considered fundamental for logistics and equipment – of the monopoly company «ASIA spa»).

To overcome these problems, several mechanisms called PINCERS EFFECT: To break a closed hard core, within which there are opposing and opposing privileges and interests, we acted as a pincer; by lobbying from below, through the emergence of individual and collective interactions (common people, micro-entrepreneurs, local religious authorities) with which it was possible to mobilise underutilized energies and resources. From above a strong political will give by the city government and the Comieco Consortium, which were an expression of governmental and institutional political will. This push broke through the hard core of resistance without colliding with it, which would have effectively stopped any progress in the work.

INFACT: From the bottom up, the first phase of the project involved building a social network of local popular interests capable of supporting its activities. From above, the construction of an institutional and political network. Obviously, all this with the involvement and support provided by the Comieco consortium. The activity conducted by the City of Naples government was also fundamental. This last collaboration was vital, without the strong political and administrative will to support the experimentation, everything would have been much more difficult. In the execution phase, questions from the 3F PRACTICAL ANALYSIS MODEL also had to be answered:

1. Do we want to do it? Are we willing to do it? Do we have the individual and collective psychological structure to overcome obstacles and assume responsibility, effort and commitment?
2. Do we know how to do it? Do we have the skills to do it? Do we have the aptitude to learn?
3. Do they let us do it? Are obstacles and barriers surmountable? Do we have margin to operate freely? Can we counter the opposing forces with our own abilities?

THE PROJECT CAME TO AN END IN TWO DIFFERENT PHASES. The first phase (lasting about nine months) was characterised by the choice of a highly active and prestigious religious community in the neighbourhood, from which youth work cooperatives dedicated to tourism and activities to enhance the artistic and architectural beauty of the neighbourhood had sprung up.

At the end of the preparation process and after the subsequent presentation to the MASS MEDIA of the same, just before starting the concrete and operational work of the collection, the community and the cooperative linked to it decided to give up. To the apparent defeat suffered by the entire working group (economists, Comieco, city government) – which caused a strong sense of discouragement and mistrust – Paolo Caputo, unlike everyone else, saw in this a great opportunity. He thought that not being tied to already privileged social groups was an advantage because it gave greater freedom of choice and operational freedom to design and implement. The Economist first persuaded his colleague R. Celentano to support him and then again proposed to the director of Comieco (and the deputy mayor of Naples) to let him try again, this time free of constraints, offering to work without remuneration but to receive it ONLY if he achieved the goal [2; 3].

The project started again in a second phase. Initially, another religious community was involved in the project, well known among the people of the neighborhood but not economically and

politically assisted from the outside, which carried out social activities against poverty and unemployment. In addition, many others who had been active for some time in revitalising the area joined the new working group, the so-called 'Rete della Sanità', an informal group that brings together the various associations in the area under the moral and material guidance of Alex Zanotelli.

Finally, the involvement of a workers' cooperative in the executive project was fundamental experienced in the collection of used clothing, which was given the task of providing its business organisation and employing people from the neighborhood to physically conduct the cardboard collection, was crucial.

The experimental collection period lasted about seven months. At the end of the seven months, an ex-post analysis was carried out by P. Caputo and R. Celentano, which led to the following conclusions. The collection service had proved to be so efficient and effective that it had replaced, rather than complemented, the service provided by ASIA spa. The number of staff needed to run the collection service was not 5, as planned, but 7 (4 from the district and 3 from other districts). This contributed to an increase in labour costs, in addition to the fact that the cooperative did not receive the tax benefits for new employees promised by law, so that the monthly personnel costs were almost double what had been planned in the project. About the profitability of the business, the following was found: The daily average of collected cardboard ranged from a minimum of 1.86 tonnes per day (t/d) in the first month of operation (January 2015 survey) to a maximum of 2.47 t/d in the September 2015 survey, all below the project target (which was 3 t/d). In addition, an economic problem had arisen: the market price of the collected cardboard had fallen, resulting in lower-than-expected income for the cooperative. Based on these collection volumes and the market price and considering the initial agreements between the social cooperative and Comieco (fewer economic resources available than in the first project), the income generated did not fully cover the costs, resulting in a small monthly loss. At this point, a further analysis was carried out to understand the reasons for the lack of results. Each day, the district produced more paper and cardboard for recycling than was collected. The compactor van used to collect the cardboard had a low filling capacity and the travel times from the Health Department to the platform where the collected cardboard was unloaded (and the high number of trips equal to 5/7 per day) did not allow better results to be achieved. It would have been necessary to have a larger compactor van, or two small vans and it would have been very useful to create temporary collection points in the neighborhood to reduce the number of trips to the collection platform. Also contributing to the economic losses were the typical problems of low worker productivity, namely the low motivation of two workers who did not live in the health district. Under these (organizational and economic) conditions, the service was not economically sustainable, as had been hoped. Finally, seven months of experimentation was too short a period to test the viability of the project; the problems encountered should have been resolved immediately and the experiment extended for a further six months. BUT the result in QUALITATIVE terms was outstanding. The experimental project drove the process of change towards improving an economically and socially deprived area. Ordinary people began to change their behavior towards urban waste and neighbourhood hygiene. The bulky and conspicuous cardboard was no longer strewn on the streets or piled up in the bins.

People spontaneously collaborated to support the collection, for example, small businesses took care of the storage of paper and cardboard while they waited for the collectors to come by. Religious communities collected the cardboard and paper that was not collected by the collectors, stored it in their own facilities and later handed it over to the cooperative. The neighbourhood was tidied up, and the paper and cardboard left on the streets was just a memory. Small businesses and citizens appreciated the efficiency of the cardboard collection, and Asia Napoli Spa was so satisfied that it invited the cooperative to continue its work and urged the city government to extend the project to the whole area. On this basis, the project became fully operational in the metropolis of Naples and It has been adapted in other Italian cities (and, it is said, in other cities around the world).

Discussion

The article analysing a project and its results. To give a concrete example of how the possibilist method is useful to create work and business in any field of economy.

Conclusion

The Cartesio project has achieved two results at the same time. The first is the solution to the problem of poor collection of cellulose-based material. But the most important result was the creation of a new company and new jobs in an economically depressed area. The CARTESIO project was born with an awareness of the risk of going against the grain of dominant economies and acquired market privileges. It also envisaged a different redistribution of public wealth. This awareness made it

possible to act with the method of Possibilism, which worked very well in this case. Possibilism is precisely the theory and practice that allows one to find solutions to problems NOT by fighting the status quo, but by looking for the right paths, the possible rather than the probable exits and entrances, the ability to step back, when necessary, to find compromises and balances to achieve the desired result. A good result which, in this case, brought about a major positive change and triggered a chain reaction towards other positive results in the following years. The activities followed paths with unpredictable and non-linear sequences, with failures and successes, with unique and unforeseen events. Thanks to the rejection of the first cooperative and the consequent failure of the first cardboard collection project, there would not have been the success of the second project, there would not have been that mobilisation of social and individual energy that wanted to show that it could and would do. This is the essence of the possibilist method: turning problems into opportunities and finding solutions to take concrete steps towards change. We have seen in this story how all resistances to change were mobilised, how they were identified and circumscribed, how the mechanisms that feed them were unhinged, and finally how these resistances were overcome. We have seen how the desire to maintain the status quo prevented the first cooperative from starting the venture. The dream of facing a new opportunity to change its economic and social situation led the second cooperative to act and move towards changing its reality. The activity of the working group was not an end, but also involved the social context of reference, the promotion of civilization, a culture of cooperation and the development of mutual benefits. The Cartesio project has shown that an unsolvable problem, in a difficult context, can in fact generate work and wealth by acting from below and with few resources...and pave the way for possible development in social environments where it is considered improbable and impossible.

REFERENCES

1 Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development, Yale University Press, New Haven, Conn., 1958.
2 Hirschman A.O., Journeys toward Progress: studies of economic policy-making in Latin America, Twentieth Century Fund, New York, 1963.
3 Caputo P. Il metodo delle 3F - Sviluppo imprenditoriale e la sindrome delle 3F. Saggio breve per la prima conferenza italiana sulla eredità di Hirschman. Taccuino Italiano Vol. 1, a cura di Luca Meldolesi. Pag. 40 e ss Sviluppo Imprenditoriale: La sindrome delle 3F, 2020.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Hirschman, A.O. (1958). The Strategy of Economic Development. Yale University Press, New Haven, Conn. [in English].
2 Hirschman, A.O. (1963). Journeys toward Progress. Studies of economic policy-making in Latin America, Twentieth Century Fund. New York. [in English].
3 Caputo, P. (2020). *Il metodo delle 3F* - Sviluppo imprenditoriale e la sindrome delle 3F. Saggio breve per la prima conferenza italiana sulla eredità di Hirschman. Taccuino Italiano Vol. 1, a cura di Luca Meldolesi. Pag. 40 e ss Sviluppo Imprenditoriale: La sindrome delle 3F. [in English].

P. Caputo[1], Ivan F. Spera[2]
[1]Парфеноп университеті, Федерико II Университеті, Италия, Ачия халықаралық институты, Италия, guida alla Culture Foundation, Италия
[2]Салерно мемлекеттік университетінің тәуелсіз зерттеушісі, аға ғылыми қызметкері, Италия

Шеңберлі экономика. Қалдықтарды жинау және қайта өңдеу үшін мүмкін шешімдер. Қағаз бен картонды қалай жинау керек. Италиядағы практикалық тәжірибе

Бұл мақала айналмалы экономикада іске асырылатын (немесе ұсынылатын) идеялар мен жобаларды жария етуге арналған. Бұл тақырып азаматтар мен шағын бизнес субъектілері өндірген қалдықтарды жинау және қайта өңдеу болып табылады. Бұл «CASE STUDY» нақты жобалардың «case study» әдісі, яғни А.О. Хиршман (АҚШ) ауытқыған және Лука Мельтолеси (ЕУРОПА) өзінің итальяндық жұмыс тобымен (1986 жылдан бастап белсенді мүше болып келемін) әзірлеген даму экономикасының жаңа саласы. Бизнес-экономист болып жұмыс істеген жылдары мен бизнесті дамыту және құру тақырыбына мүмкіндік беретін әдістің талдау және

жедел құралдарын бейімдеп, ұлғайттым, тәжірибелік жұмысымнан және жұмыс істеген түрлі болмыстарды талдаудан алынған жаңа операциялық құралдармен әдісті кеңейттім. «Мүмкіншіліктің» бизнес-экономикаға бейімделуі маған қолайсыз әлеуметтік-экономикалық контексте күрделі проблемалардың ықтимал шешімін табуға көмектескені үшін ерекше пайдалы болды.

Бұл зерттеудің мақсаты экономиканың кез келген саласында жұмыс пен бизнес құру үшін мүмкін әдістің қаншалықты пайдалы екенін нақты мысалға келтіру болып табылады..

Мақалада автордың жобасы және оның нәтижелері талданады.

«Экономикадағы мүмкіншіліктің» бизнес-экономикаға бейімделуі экономистке қолайсыз әлеуметтік-экономикалық контекстерде күрделі проблемалардың «мүмкін» шешімдерін табуға көмектесетін пайдалылықтың көрінісі болып табылады.

Кілт сөздер: дөңгелек экономика; экономикадағы поссибилизм; зерттеулер мен әзірлемелер; бизнесті құру.

P. Caputo[1], Ivan F. Spera[2]

[1]Университет Парфеноп, Университет Федерико II, Италия, Международный институт Ачии, Италия, Фонд Гуида алла Культура, Италия

[2]Независимый исследователь, старший научный сотрудник Государственного университета Салерно, Италия

Циркулярная экономика. Возможные решения для сбора и переработки отходов. Как собирать бумагу и картон. Практический опыт в Италии

Эта статья предназначена для распространения идей и проектов, реализованных (или предложенных) в рамках циркулярной экономики. Тема статьи - сбор и переработка отходов, производимых гражданами и малым бизнесом. Это «CASE STUDY» конкретных проектов, разработанных с использованием метода «поссибилистской экономики», т.е. нового направления экономики развития, разработанного А.О. Хиршманом (США) и развиваемого Лукой Мелдолези (Европа) с его итальянской рабочей группой (группой, активным членом которой я являюсь с 1986 года). За годы работы экономистом в сфере бизнеса я адаптировал и расширил анализ и операционные инструменты метода поссибилизма к теме развития и создания бизнеса, дополнив метод некоторыми новыми операционными инструментами, полученными в результате моей практической работы и анализа различных реалий, в которых я работал. Эта адаптация «поссибилизма» к экономике бизнеса оказалась особенно полезной, помогая мне находить возможные решения сложных проблем в неблагополучных социальных и экономических контекстах.

Цель данного исследования – дать конкретный пример того, как метод поссибилизма полезен для создания работы и бизнеса в любой сфере экономики.

В статье анализируется авторский проект и его результаты.

Эта адаптация «поссибилизма в экономике» к экономике бизнеса является демонстрацией того, как полезно помогать экономисту находить «возможные» решения сложных проблем в неблагополучных социальных и экономических контекстах.

Ключевые слова: циркулярная экономика; поссибилизм в экономике; исследования и разработки; создание бизнеса.

Date of receipt of the manuscript to the editor: 2026/04/14

УДК 336.76
МРНТИ 06.73.75

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/66-70

Ж.А. Нигматуллин[1*]
[1]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
*(e-mail: nigmatullin@gmail.com)

Механизмы привлечения инвестиций международных финансовых организаций в Республике Казахстан

Аннотация

Основная проблема: В статье рассматриваются теоретико-методологические основы привлечения инвестиций международных финансовых организаций в экономику Республики Казахстан.

Цель: Исследование и раскрытие теоретико-методологических основ привлечения инвестиций международных финансовых организаций в экономику Республики Казахстан, а также анализ стратегий их деятельности.

Методы: Исследование включает системно-институциональный подход, компаративный (сравнительный) анализ инвестиционных стратегий и метод структурного моделирования.

Результаты и их значимость: Раскрывается сущность международных финансовых организаций как института глобального инвестиционного взаимодействия, анализируются стратегии их инвестиционной деятельности и влияние на макроэкономические процессы. Особое внимание уделено моделям взаимодействия государства и международных финансовых организаций при реализации совместных инвестиционных проектов. Обосновано, что участие международных финансовых организаций способствует не только мобилизации долгосрочных финансовых ресурсов, но и формированию институциональной среды, ориентированной на устойчивое развитие, снижение инвестиционных рисков и усиление инвестиционной привлекательности страны. Сделан вывод о стратегической значимости сотрудничества Казахстана с международными финансовыми организациями в условиях трансформации мировой финансовой архитектуры и усиления региональной интеграции.

Ключевые слова: международные финансовые организации, инвестиции, Республика Казахстан, Евразийский банк развития, инвестиционное финансирование, государственно-международное партнерство, макроэкономическое развитие, инвестиционные механизмы.

Введение

В современных условиях глобальной экономической взаимозависимости привлечение внешних инвестиционных ресурсов становится важнейшим фактором обеспечения устойчивого роста национальной экономики. Для развивающихся государств и стран с переходной экономикой особое значение приобретает сотрудничество с международными финансовыми организациями, которые выступают не только источником долгосрочного финансирования, но и важным институтом передачи управленческих, аналитических и институциональных практик. В этом контексте Республика Казахстан занимает особое место, поскольку, с одной стороны, нуждается в расширении инвестиционной базы для модернизации экономики, а с другой стороны, обладает высоким потенциалом интеграции в региональные и глобальные финансово-экономические процессы.

Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях усиления глобальной нестабильности, трансформации потоков прямых иностранных инвестиций и роста конкуренции за финансовые ресурсы возрастает необходимость совершенствования механизмов взаимодействия государства с международными финансовыми организациями. Такие организации, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития и Евразийский банк развития, оказывают значительное влияние на инвестиционную динамику, структуру финансирования и институциональные преобразования в национальных экономиках. Для Казахстана данное взаимодействие представляет стратегический интерес в связи с необходимостью

финансирования инфраструктурных, энергетических, промышленных и интеграционных проектов.

Цель статьи заключается в исследовании теоретико-методологических аспектов привлечения инвестиций международных финансовых организаций в Республике Казахстан. Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть сущность международных финансовых организаций как института глобального инвестиционного взаимодействия, определить специфику их инвестиционных стратегий и выявить основные модели взаимодействия государства и международных финансовых организаций при реализации совместных проектов.

Материалы и методы

Международные финансовые организации представляют собой важнейший элемент современной мировой финансовой архитектуры. Их формирование было обусловлено необходимостью координации международных потоков капитала, снижения системных рисков и обеспечения более сбалансированного социально-экономического развития государств. В отличие от частных инвесторов, ориентированных преимущественно на получение прибыли, международные финансовые организации выполняют более широкий круг функций, включая финансирование долгосрочных проектов, содействие институциональным реформам, макроэкономическую стабилизацию и поддержку устойчивого развития.

В научной литературе международные организации трактуются как институционально оформленные объединения государств, созданные на договорной основе и действующие в соответствии с нормами международного права. Международные финансовые организации являются специализированной разновидностью таких институтов, деятельность которых сосредоточена на валютно-кредитных, инвестиционных и финансово-экономических вопросах [1]. Их значимость определяется тем, что они обеспечивают доступ стран к относительно дешевым и долгосрочным ресурсам, способствуют снижению инвестиционных рисков и формируют благоприятную основу для привлечения частного капитала.

Результаты

Роль международных финансовых организаций в глобальном инвестиционном взаимодействии проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, они выступают каналом перераспределения финансовых ресурсов в пользу стран, испытывающих дефицит внутренних инвестиций. Во-вторых, они обеспечивают финансирование тех сфер, которые имеют высокое общественное значение, но не всегда привлекательны для частных инвесторов из-за длительных сроков окупаемости или высокой степени риска. В-третьих, участие международных финансовых организаций в проектах повышает доверие других участников рынка, поскольку сигнализирует о наличии предварительной экспертизы, институционального сопровождения и контроля.

Для Казахстана сотрудничество с международными финансовыми организациями имеет особую значимость. Национальная экономика характеризуется потребностью в долгосрочных инвестициях в транспортную инфраструктуру, энергетический сектор, промышленную модернизацию, экологические проекты и развитие межгосударственных логистических коридоров. В данных условиях международные финансовые организации становятся не только дополнительным источником капитала, но и механизмом интеграции Казахстана в более широкое региональное экономическое пространство.

Существенное место в исследовании занимает анализ стратегий инвестиционной деятельности международных финансовых организаций. Стратегия каждой из них формируется в зависимости от институционального мандата, географической специализации и приоритетов развития. Так, Всемирный банк ориентирован на структурные преобразования, развитие инфраструктуры, человеческого капитала и качества государственного управления. Международный валютный фонд сосредоточен на вопросах макроэкономической стабилизации, бюджетной устойчивости и восстановлении финансового равновесия. Европейский банк реконструкции и развития делает акцент на развитии частного сектора, поддержке рыночных институтов и совершенствовании корпоративного управления [2]. Азиатский банк развития фокусируется на региональной связности, транспортной и энергетической инфраструктуре. Евразийский банк развития, в свою очередь, выступает как важный институт поддержки интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Обсуждение

Стратегии инвестиционной деятельности международных финансовых организаций оказывают комплексное воздействие на макроэкономические процессы. Прежде всего, это воздействие выражается в увеличении доступности инвестиционных ресурсов для стран-реципиентов. Кроме того, реализация совместных проектов способствует расширению производственных мощностей, модернизации инфраструктуры, повышению занятости и развитию смежных отраслей. Не менее значимым является и косвенный эффект, выражающийся в улучшении инвестиционного климата, укреплении доверия со стороны внешних инвесторов и снижении стоимости привлечения капитала.

Особое внимание в рамках данной темы необходимо уделить механизмам инвестиционного финансирования, применяемым международными финансовыми организациями. Эти механизмы представляют собой комплексную систему, включающую источники финансирования, набор финансовых инструментов и модели взаимодействия между государством, международными институтами и частным сектором. Финансовая база международных финансовых организаций формируется за счет взносов государств-участников, привлечения средств на международных рынках капитала и доходов от собственной инвестиционной деятельности. Инструментальная составляющая представлена кредитами, гарантиями, долевым участием, технической помощью и программами софинансирования.

Одним из ключевых аспектов статьи является рассмотрение моделей взаимодействия государства и международных финансовых организаций. Такое взаимодействие представляет собой институциональное партнерство, в рамках которого сочетаются государственные приоритеты развития и возможности международного инвестиционного финансирования. В научно-экономическом плане можно выделить несколько основных моделей такого взаимодействия.

Первая модель является государственно-кредитной. В ее рамках государство выступает основным заемщиком и координатором проекта, а международная финансовая организация обеспечивает финансирование и контроль за эффективностью использования средств. Эта модель характерна для реализации крупных инфраструктурных проектов, имеющих высокую социально-экономическую значимость.

Вторая модель носит партнерский характер. В данном случае государство и международная финансовая организация выступают как соинвесторы или институциональные партнеры, совместно формирующие архитектуру проекта. Такая модель особенно эффективна в условиях, когда необходимо не только привлечь финансовые ресурсы, но и обеспечить участие частного сектора, снизить инвестиционные риски и повысить управленческую эффективность.

Третья модель может быть определена как интеграционная. Она наиболее характерна для проектов, реализуемых в рамках межгосударственного сотрудничества и региональной экономической интеграции. Для Казахстана данная модель особенно актуальна в контексте сотрудничества с Евразийским банком развития.

Четвертая модель является катализирующей. Ее сущность заключается в том, что международная финансовая организация участвует в проекте не столько как основной источник финансирования, сколько как институт, повышающий доверие частного капитала и снижающий неопределенность для других инвесторов. Экономический эффект данной модели выражается в мультипликативном росте инвестиций.

Для Казахстана особый практический интерес представляет сотрудничество с Евразийским банком развития. Значимость ЕАБР определяется не только объемами финансирования, но и его ориентацией на поддержку интеграционных и инфраструктурных проектов, имеющих стратегическое значение для стран Евразийского региона [3]. Анализ показывает, что в последние годы роль международных финансовых организаций в Евразийском регионе усиливается. Это связано как с изменением структуры глобальных инвестиционных потоков, так и с ростом значения Центральной Азии как перспективного пространства инвестиционной активности.

Необходимым условием повышения эффективности такого взаимодействия является институциональная готовность государства [4]. Она включает наличие стратегически выверенной инвестиционной политики, согласованность действий государственных органов, прозрачность процедур, качество подготовки проектной документации и способность обеспечивать мониторинг социально-экономических результатов [5].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что международные финансовые организации являются важнейшим институтом глобального инвестиционного взаимодействия и играют стратегическую роль в развитии национальных экономик. Их участие в инвестиционных процессах выходит за рамки простого предоставления финансовых ресурсов и включает институциональную, аналитическую и координационную поддержку, способствующую повышению качества экономического управления и снижению инвестиционных рисков.

Установлено, что стратегии инвестиционной деятельности международных финансовых организаций оказывают существенное влияние на макроэкономические процессы. Выявлено, что взаимодействие государства и международных финансовых организаций реализуется через различные модели, включая государственно-кредитную, партнерскую, интеграционную и катализирующую. Для Республики Казахстан наиболее перспективным представляется дальнейшее развитие гибких форм сотрудничества, ориентированных на привлечение долгосрочных инвестиций, реализацию инфраструктурных и интеграционных проектов, а также усиление региональной экономической кооперации.

Таким образом, механизмы привлечения инвестиций международных финансовых организаций в Казахстане следует рассматривать как важный инструмент устойчивого экономического развития. Их эффективное использование способно обеспечить не только дополнительный приток капитала, но и качественную модернизацию институциональной среды, укрепление инвестиционного климата и расширение возможностей страны в условиях меняющейся мировой экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Международные финансовые институты как отдельный тип эмитента на рынке капитала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru

2 Инвестиции в будущее: проекты международных финансовых организаций в Евразии [Электронный ресурс]. – Евразийский банк развития. – Режим доступа: https://eabr.org

3 Кенжебаева А.Т., Смагулова Ж.Б. Роль международных финансовых организаций в развитии экономики Казахстана / А.Т. Кенжебаева / Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2021. – № 2 (134). – С. 45–52.

4 Данельян А.А. Роль международных организаций в регулировании международных экономических отношений: опыт, современные проблемы и тенденции / А.А. Данельян / Международное право и международные организации. – 2012. – № 3. – С. 12–18.

5 Коновалов В.В. Международные финансовые организации и их роль в мировой финансовой системе / В.В. Коновалов / Современные тенденции развития экономики России и зарубежных стран. – 2017. – С. 9–11.

REFERENCES

1 Mezhdunarodnye finansovye instituty kak otdelnyi tip emitenta na rynke kapitala [International financial institutions as a separate type of issuer in the capital market]. acra-ratings.ru. Retrieved from https://www.acra-ratings.ru [in Russian].

2 Investitsii v budushchee: proekty mezhdunarodnykh finansovykh organizatsii v Evrazii [Investment in the future: projects of international financial organizations in Eurasia]. eabr.org. Retrieved from https://eabr.org [in Russian].

3 Kenzhebaeva, A.T., & Smagulova, Zh.B. (2021). Rol mezhdunarodnykh finansovykh organizatsii v razvitii ekonomiki Kazakhstana [The role of international financial organizations in the development of Kazakhstan's economy]. Vestnik KazNU. Seriia ekonomicheskaia – Bulletin of KazNU. Economic series, 2 (134), 45–52 [in Kazakh].

4 Danelian, A.A. (2012). Rol mezhdunarodnykh organizatsii v regulirovanii mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii [The role of international organizations in regulating international economic relations]. Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii – International law and international organizations, 3, 12–18 [in Russian].

5 Konovalov, V.V. (2017). Mezhdunarodnye finansovye organizatsii i ikh rol v mirovoi finansovoi sisteme [International financial organizations and their role in the world financial system].

Sovremennye tendentsii razvitiia ekonomiki Rossii i zarubezhnykh stran – Modern development trends of the Russian and foreign economies. *Moscow* [in Russian].

Ж.А. Нигматуллин[1]
[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразиялық ұлттық университеті, Қазақстан

Қазақстан Республикасындағы халықаралық қаржы ұйымдары инвестицияларын тарту тетіктері

Мақалада Халықаралық қаржы ұйымдарының (ХҚҰ) инвестицияларын Қазақстан Республикасының экономикасына тартудың теориялық-әдіснамалық негіздері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – инвестицияларды тартудың теориялық-әдіснамалық негіздерін зерделеу мен ашу, сондай-ақ бұл ұйымдардың қызмет стратегияларын талдау болып табылады. Зерттеу әдістері жүйелі-институционалдық тәсілді, инвестициялық стратегиялардың компаративті (салыстырмалы) талдауын және құрылымдық модельдеу әдісін қамтиды. Мақалада халықаралық қаржы ұйымдарының жаһандық инвестициялық өзара іс-қимыл институты ретіндегі мәні ашылып, олардың инвестициялық қызметінің стратегиялары мен макроэкономикалық процестерге тигізетін әсері талданады. Бірлескен инвестициялық жобаларды жүзеге асыру кезіндегі мемлекет пен халықаралық қаржы ұйымдарының өзара іс-қимыл модельдеріне ерекше назар аударылған. Халықаралық қаржы ұйымдарының қатысуы ұзақ мерзімді қаржы ресурстарын жұмылдыруға ғана емес, сонымен қатар тұрақты дамуға, инвестициялық тәуекелдерді азайтуға және елдің инвестициялық тартымдылығын арттыруға бағытталған институционалдық ортаны қалыптастыруға ықпал ететіні негізделген. Әлемдік қаржылық архитектураның трансформациясы мен өңірлік интеграцияның күшеюі жағдайында Қазақстанның халықаралық қаржы ұйымдарымен ынтымақтастығының стратегиялық маңыздылығы туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: халықаралық қаржы ұйымдары, инвестициялар, Қазақстан Республикасы, Еуразиялық даму банкі, инвестициялық қаржыландыру, мемлекеттік-халықаралық серіктестік, макроэкономикалық даму, инвестициялық механизмдер.

Zh.A. Nigmatullin[1]
[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Mechanisms of Attracting Investments from International Financial Organizations in the Republic of Kazakhstan

The article examines the theoretical and methodological foundations of attracting investments from international financial institutions (IFIs) into the economy of the Republic of Kazakhstan. The study aims to investigate and disclose these theoretical and methodological frameworks, as well as to analyze the operational strategies of IFIs. The research methodology includes a systemic-institutional approach, a comparative analysis of investment strategies, and the method of structural modeling. The paper reveals the essence of international financial institutions as an instrument of global investment interaction, analyzing their investment strategies and impact on macroeconomic processes. Particular attention is paid to the interaction models between the state and IFIs in the implementation of joint investment projects. It is substantiated that the participation of international financial institutions contributes not only to the mobilization of long-term financial resources but also to the formation of an institutional environment focused on sustainable development, mitigating investment risks, and enhancing the country's investment attractiveness. The author concludes that Kazakhstan's cooperation with international financial institutions is of strategic importance in the context of the global financial architecture transformation and strengthening regional integration.

Key words: international financial institutions, investments, Republic of Kazakhstan, Eurasian Development Bank, investment financing, state-international partnership, macroeconomic development, investment mechanisms.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.

УДК 378.1
МРНТИ 14.35.07

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/71-78

А. Сыздыкова[1*], К. Аленова[2]
[1]Областной многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей, Казахстан
[2]Казахский агротехнический исследовательский университет имени С. Сейфуллина, Казахстан
[*](e-mail: aizhan-syzdykova@yandex.ru)

«Fast Track» – ускоренная модель интеграции школы и вуза в рамках стратегического партнерства

Аннотация

Основная проблема: В настоящей работе предложена инновационная модель сотрудничества, не имеющая аналогов в Казахстане, проект «Fast Track», направленная на раннее освоение дисциплин Математика 1,2 и английский язык первого курса университета учащимися 11 классов с последующим их зачетом при поступлении в ВУЗ, осуществляющий данный проект.

Цель: Проанализировать механизмы реализации проекта «Fast Track» и оценить ее эффективность в контексте повышения качества подготовки обучающихся. Сам проект реализуется на основе перераспределения уже существующих образовательных бюджетов родителей.

Методы: Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования учащихся 10, 11 классов областного многопрофильного лицея интерната для одаренных детей и интервьюирования директора лицея и руководителей отделов профориентации вузов: Инновационного Евразийского университета и Торайгыров университета, а также финансово-экономические показатели реализации проекта «Fast Track».

Результаты и их значимость: Для комплексной оценки эффективности проекта применялись экономико-управленческие методы анализа. В частности, была проведена оценка инвестиционной привлекательности и устойчивости проекта с использованием показателя чистой приведенной стоимости, позволяющего определить экономическую целесообразность внедрения проекта в долгосрочной перспективе. Дополнительно осуществлялся анализ чувствительности ключевых параметров проекта с целью выявления факторов, оказывающих наибольшее влияние на его финансовые результаты.

Ключевые слова: партнерство, интеграция, ускоренная модель, Fast Track.

Введение

В условиях формирования экономики знаний образование становится ключевой сферой долгосрочных инвестиций, определяющих темпы социально-экономического развития и конкурентоспособность национальной экономики. С позиций экономических наук система образования рассматривается как механизм воспроизводства человеческого капитала, а эффективность её функционирования – как фактор роста производительности труда, инновационной активности и занятости.

Одной из существенных проблем образовательных систем является несогласованность между уровнями среднего и высшего образования, приводящая к росту транзакционных издержек, неэффективному использованию бюджетных средств и снижению отдачи от инвестиций в обучение. В этой связи стратегическое партнёрство между школами и вузами приобретает значение не только педагогического, но и экономического инструмента оптимизации образовательных траекторий.

Современная система образования сегодня сталкивается с необходимостью более тесной интеграции общего среднего и высшего образования для обеспечения непрерывности образовательной траектории обучающихся и повышения их готовности к требованиям рынка труда. Переход от общего среднего образования к высшему является одним из самых сложных этапов для учащихся. Первый курс университета для всех учащихся сопровождается повышенным уровнем стресса, неуверенности, необходимости адаптации к совершенно

непривычным для них новым требованиям, а также высокой учебной нагрузкой, что часто приводит к снижению академической успеваемости и мотивации.

В условиях необходимости повышения качества подготовки абитуриентов и оптимизации образовательных траекторий возникает потребность в новых форматах взаимодействия школ и вузов. В настоящей работе представлен проект «Fast Track» – инновационная модель сотрудничества, направленная на раннее освоение дисциплин Математика 1, 2 и английский язык первого курса университета учащимися 11 классов с последующим их зачетом при поступлении в ВУЗ, осуществляющий данный проект. Отметим, что данный проект не имеет аналогов в Казахстане и его разработка впервые представлена в настоящем исследовании. Целью исследования настоящей работы является анализ механизмов реализации проекта «Fast Track» и оценка ее эффективности в контексте повышения качества подготовки обучающихся.

На первом этапе, рекомендуется реализовать проект на основе заключения стратегического партнерства между ВУЗом и специализированной школой с численностью не менее 21 обучающихся 11 класса, прошедших отбор. Сам проект реализуется на основе перераспределения уже существующих образовательных бюджетов родителей. Финансовая модель предполагает распределение ресурсов в пропорции 70 % (вуз) и 30 % (школа). В рамках проекта университет в своих стенах обеспечивает проведение лекций и экзаменов, контроль качества обучения, предоставление грантов и скидок лучшим учащимся. В свое время, школа отвечает за организацию учебного процесса, сопровождение учащихся (практические, самостоятельные работы), наставничество и поддержку. В случае поступления в вуз, осуществляющий данный проект, результаты экзаменов по дисциплинам Математика 1, 2 и английский язык (а также их аналогов) засчитываются, что позволяет студентам сократить учебную нагрузку на первом курсе.

Материалы и методы

В исследовании использовались данные заключенных меморандумов в рамках соглашений о стратегическом партнерстве между образовательными организациями среднего общего и высшего образования. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования учащихся 10 и 11 классов областного многопрофильного лицея интерната для одаренных детей г. Павлодара и интервьюирования директора лицея-интерната и руководителей отделов профориентации вузов города Павлодар: Инновационного Евразийского университета и Торайгыров университета, а также финансово-экономические показатели реализации проекта «Fast Track».

Методологическая основа исследования включает системный подход и методы педагогического моделирования. Для комплексной оценки эффективности проекта также применялись экономико-управленческие методы анализа. В частности, была проведена оценка инвестиционной привлекательности и устойчивости проекта с использованием показателя чистой приведенной стоимости (NPV), позволяющего определить экономическую целесообразность внедрения проекта в долгосрочной перспективе. Дополнительно осуществлялся анализ чувствительности ключевых параметров проекта с целью выявления факторов, оказывающих наибольшее влияние на его финансовые результаты.

Для стратегической оценки применялся SWOT-анализ, позволивший определить сильные и слабые стороны проекта, а также возможности и угрозы ее реализации в системе образования. На основе прогнозных данных был разработан трехлетний финансовый прогноз, включающий доходную и расходную части проекта с учетом динамики масштабирования.

Также использовался сценарный анализ, включающий базовый, оптимистический и пессимистический сценарии развития проекта, что позволило оценить диапазон возможных результатов при различных условиях внешней и внутренней среды.

Методы прогнозирования применялись для оценки устойчивости проекта «Fast Track» в долгосрочной перспективе, включая анализ тенденций изменения контингента обучающихся и затрат на реализацию образовательных программ.

В рамках управленческого сопровождения была разработана кампания по управлению проектом, включающая этапы планирования, реализации, мониторинга и оценки эффективности. Дополнительно применялись методы статистической обработки данных для анализа образовательных и финансовых результатов участников программы.

Результаты

В анкетировании приняли участие 78 учащихся 10 и 11 классов из 109, занятых на дополнительных курсах подготовки, что составляло 52 из 61 учащихся 11 классов (85 %) и 26 из 48 учащихся 10 классов (54 %). Результаты анкетирования показали, что большинство учащихся рассматривают поступление в казахстанские вузы 74 учащихся (92 % в 10 классе, 96 % в 11 классе), из них 63 учащихся занимаются с репетитором и ходят на дополнительные курсы подготовки (79 % и 88 % соответственно), из которых 49 учащихся заняты на подготовке по математике и английскому языку (84 % и 75 % соответственно), из которых 33 учащихся считают свою нагрузку нормальной. На рисунке 1 представлены результаты опроса 49 учащихся, занятых на подготовке по математике и английскому языку, который показывает влияние финансовой нагрузки на бюджет семьи.

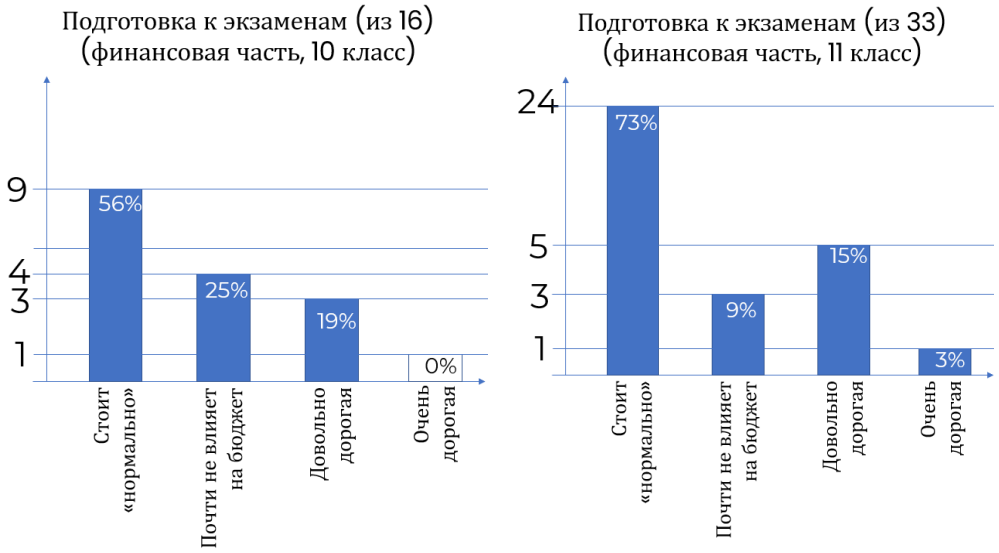


Рисунок 1. – Результаты опроса учащихся, занятых на подготовке по математике и английскому языку, который показывает влияние финансовой нагрузки на бюджет семьи

Считая исходные данные проекта следующими: количество учеников – 25, минимальная плата родителей в год: 60 000 тг/ученик → общий доход: 1 500 000 тг. Распределение: ВУЗ 70 % (1 050 000 тг), школа 30 % (450 000 тг). Фонд грантов: 250 000 тг (из бюджета ВУЗа). Остаток ВУЗа на покрытие расходов и прибыль: 800 000 тг. Расходы на преподавателей, администрирование и организацию: 1000000 тг (ВУЗ + школа). Если допустить, что допустить, что дисконтная ставка равна 12 % для образовательного проекта в Казахстане, то NPV≈223,214 тг. NPV>0, следовательно, проект финансово привлекательный. Таблица 1 представляет собой чувствительный анализ проекта если рассматривать варианты уменьшения численности учащихся, скидки на курс и увеличение грантов на обучение.

Таблица 1. – Чувствительный анализ проекта «Fast Track»

Вариант 1: меньше учеников (20 vs 25)	Вариант 2: скидка на курс (50000 тг/ученик)	Вариант 3: увеличение грантов (500 000 тг)
Доход: 20×60 000=1 200 000 тг Расходы и гранты 1 000 000+200 000=1 200 000 тг CF=0 → NPV = 0	Доход: 25×50 000=1 250 000 тг Расходы и гранты 1 000 000 + 250 000=1 250 000 тг CF=0 → NPV = 0	CF=1500000-1000000-500000=0 → NPV = 0
Вывод: минимум участников ~21 для сохранения NPV > 0	Вывод: нельзя снижать цену без потери финансовой устойчивости	Вывод: щедрые гранты убивают чистую прибыль

Таблица 2. – SWOT-анализ проекта «Fast Track»

Сильные стороны: - NPV>0 при минимальном масштабе; - доход + стратегическая выгода (готовые абитуриенты); - низкий риск: пилотная группа ограничена, экзамены ВУЗа.	Слабые стороны: - малый масштаб → ограниченный доход; - зависимость от оплаты родителей.
Возможности: - масштабирование на больше школ → рост дохода; - возможность привлечь спонсоров или гранты на развитие программы.	Угрозы: - снижение числа участников → NPV падает до нуля; - конкуренция с другими курсами → снижение цены.
Вывод NPV >0 → финансово целесообразно запускать пилот. Минимальное количество участников – 21–25 учеников. Грантовый фонд и цену курса нужно держать в балансе, чтобы не убить чистый денежный поток. Финансово проект безопасен, при этом стратегически выгоден ВУЗу.	

Финансовый прогноз проекта «Fast Track» на 3 года, если брать исходные данные проекта следующими: количество учеников в первый год – 25 (+20 % ежегодно), плата родителей за курс в первый год: 60 000 тг/ученик (+3 % ежегодно). Распределение: ВУЗ 70 %, школа 30 %. Расходы на ППС и организацию в первый год: 1 000 000 тг (+10 % ежегодно). Фонд грантов в первый год: 250 000 тг (+10 % ежегодно), дисконтная ставка равна 12 %, тогда сценарный анализ, включающий базовый, оптимистический и пессимистический сценарии развития проекта представляется в виде таблицы 3.

Таблица 3. – Сценарный анализ проекта «Fast Track»

Базовый сценарий	Оптимистичный сценарий	Пессимистичный сценарий
Рост учеников: 20 % Цена: +3 % Выручка: Год 3 ~ 2.3 млн.тг Прибыль: Год 3 ~ 780 тыс.тг	Рост учеников: +30 % Лучшая заполняемость Год 3: ~ 42 ученика Выручка: Год 3 ~ 2.7–2.9 млн.тг Прибыль: Год 3 ~ 1.0–1.2 млн.тг	Рост учеников: +10 % Неполные группы Год 3: ~ 30 учеников Выручка: Год 3 ~ 1.9 млн.тг Прибыль: Год 3 ~ 400–500 тыс.тг .
NPV ≈ 1.16 млн. тг	NPV ≈ 1.5–1.8 млн. тг	NPV ≈ 0.6–0.8 млн. тг

Таблица 4. – Точка безубыточности (BE) проекта «Fast Track»

Год 1	Год 2	Год 3
Расходы: 1 250 000 тг Цена: 60 000 тг BE ≈ 20.8	Расходы: 1 375 000 тг Цена: 61 800 тг BE ≈ 22.2	Расходы: 1 512 500 тг Цена: 63 654 тг BE ≈ 23.8
~21 ученик	~23 ученика	~24 ученика

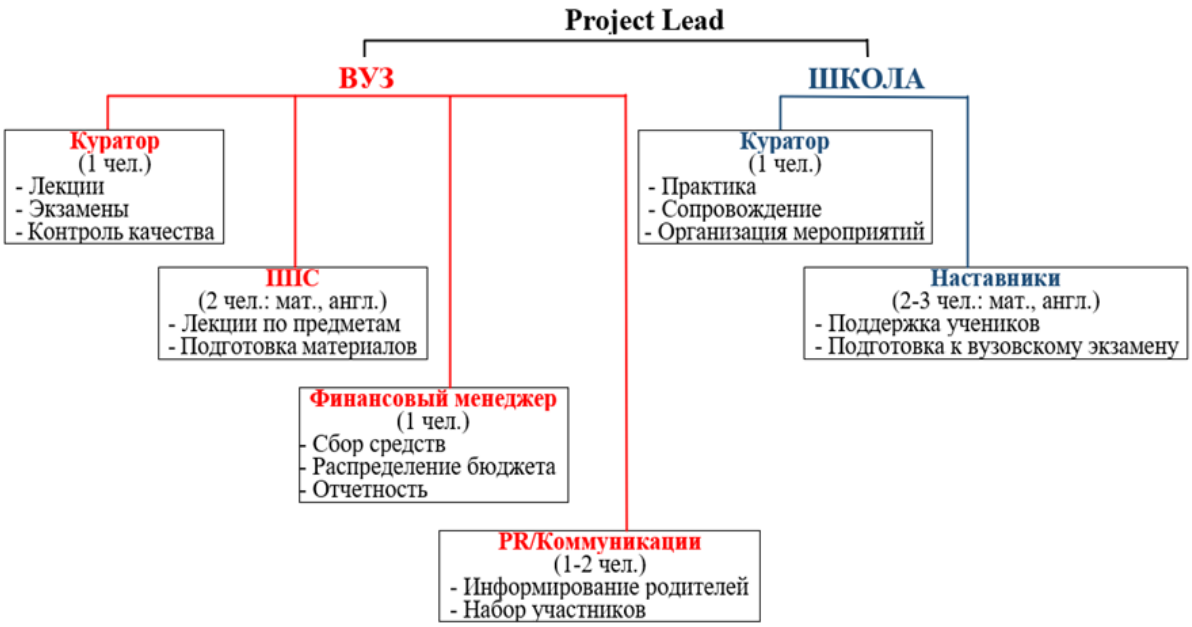


Рисунок 2. – HR-кампания управления проектом

Таблица 5. – Потенциальные риски управления

Риск	Причина	Меры снижения
Перегрузка кураторов	Кураторы ведут все лекции и практику одновременно, работают с родителями	Ограничить количество учеников до 21–25; расписание с перерывами
Потеря специализации	Кураторы делают все роли → меньше экспертизы	При необходимости подключать внешнего эксперта к отдельным лекциям
Блокировка при болезни / отпуске	Минимальная команда → отсутствие резервов	План «замещающий преподаватель» или заранее подготовленные материалы
Ограниченные масштабы	5 человек = максимум 25 учеников без снижения качества	Масштабировать позже, подключая дополнительных преподавателей
Риск выгорания	Высокая нагрузка на кураторов	Чёткое расписание, соблюдение выходных, мотивация

Цели HR-кампании должны быть четкими и включать в основу обеспечение достаточным количеством преподавателей и кураторов, поддерживать мотивацию и вовлечённость команды, минимизировать риск перегрузки и выгорания. Команда должна включать не менее 5 человек (т.е. когда оба куратора ведут занятия). Основными преимуществами такой команды можно будет считать:

– Контроль качества и посещаемости (кураторы лично видят прогресс каждого ученика).

– Экономия ресурсов (меньше человек → меньше расходов на зарплаты и координацию).

– Быстрая коммуникация (вся информация «с рук в руки» → меньше бюрократии).

Немаловажную роль играет и совместная разработка материалов курса и основных документов: договоров о сотрудничестве, договоров между субъектами образовательного процесса, соглашений о грантах, и конфиденциальности, лицензионных соглашений и регламента внутреннего контроля (таблица 6).

Таблица 6. – Карта юридических документов проекта

Документ	Подписанты	Основная зона ответственности
Договор о сотрудничестве	ВУЗ (ректор), Школа (директор)	Финансовые потоки, контроль качества, экзамены
Договор с учениками / родителями	Родители/опекуны, Project Lead	Оплата, участие, правила поведения
Соглашение о грантах	ВУЗ (ректор), ученик/родитель	Выдача грантов, зачёт дисциплин
NDA (соглашение о конфиденциальности)	Все кураторы, преподаватели, наставники	Конфиденциальность материалов
Лицензионное соглашение	ВУЗ, Школа	Использование материалов, авторские права
Регламент внутреннего контроля	Project Lead, кураторы	Контроль посещаемости, успеваемости, организация

Обсуждение

Рассматривая теоретико-экономические основания партнёрства «школа-вуз», с точки зрения экономики образования, такое партнёрство представляет собой институциональный механизм координации образовательных инвестиций, направленный на повышение их отдачи [1]. Отсутствие координации между школой и вузом увеличивает вероятность ошибочного выбора специальности, академического отсева и повторного обучения, что приводит к потерям как для домохозяйств, так и для государства.

В Казахстане партнёрства «школа-вуз» развиваются фрагментарно, что ограничивает их экономический эффект, а также большинство инициатив реализуется в форме краткосрочных проектов, не обеспечивающих эффекта масштаба и устойчивого снижения удельных затрат. Отсутствие системных данных и показателей эффективности не позволяет в полной мере оценить вклад партнёрств в экономические результаты образования.

Если рассматривать международный опыт (программы Advanced Placement, Dual Enrollment, США), то исследования показывают, что программы двойного зачёта при университетах позволяют снизить академический отсев, ускорить получение степени и уменьшить совокупные затраты на обучение одного выпускника. Работа Барбера [2] указывает, что системные изменения в образовании возможны даже в странах с ограниченными ресурсами. Барбер рассматривает опыт Пакистана как модель, потенциально применимую и в других государствах, стремящихся к быстрому и устойчивому улучшению образовательных систем, но также подчеркивает, что отсутствие стабильного финансирования и управленческих структур снижает экономическую отдачу партнёрств. Центральной идеей книги Hargreaves [3] является создание инновационных сетей школ, где учителя и руководители выступают активными создателями и распространителями новых педагогических решений. Особое внимание уделяется роли профессионального сотрудничества, обмена опытом и коллективного обучения. Исследования [4] и [5] фиксируют положительное влияние раннего доступа к университетским курсам на показатели завершения обучения и будущие доходы. В совокупности международный опыт подтверждает, что партнёрства наиболее экономически эффективны, когда они встроены в институциональную инфраструктуру и поддерживаются механизмами мониторинга и финансирования.

Проект «Fast Track» представляет собой новую в Казахстане модель интеграции школьного и высшего образования. Его ключевое отличие заключается в использовании уже существующих ресурсов без увеличения финансовой нагрузки на семьи, а также в раннем включении учащихся в университетскую среду. Сильной стороной проекта является сочетание академической строгости (со стороны вуза) и педагогической поддержки (со стороны школы). Это снижает риски перегрузки учащихся и способствует более плавному переходу между уровнями образования. Вместе с тем, реализация проекта требует четкой координации между образовательными организациями, разработки единых стандартов оценки и учета индивидуальных особенностей учащихся. Перспективным направлением развития является расширение перечня дисциплин и масштабирование проекта на другие школы и вузы.

Заключение

Проект «Fast Track» является эффективной моделью стратегического взаимодействия школы и вуза, способствующей повышению качества подготовки учащихся, их раннему самоопределению и успешной адаптации к высшему образованию. Дальнейшее развитие проекта требует совершенствования нормативной базы и образовательных стандартов, однако уже сейчас он демонстрирует высокий потенциал как основа для создания непрерывной и результативной образовательной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Becker, G.S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education: Chicago, University of Chicago Press, 1964.
2 Barber, M. The good news from Pakistan: How a revolutionary new approach to education reform is transforming a nation. Reform, 2013.
3 Hargreaves, D. H. Education epidemic: Transforming secondary schools through innovation networks. Demos, 2003.
4 Bailey, T., Hughes, K., & Karp, M. M. What role can dual enrollment programs play in easing the transition between high school and postsecondary education? Community College Research Center, 2002.
5 Vignoles, A. Widening participation and social mobility. British Journal of Sociology of Education, 2012, 33(5), 667–680.

REFERENCES

1 Becker, G.S. (1964). Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago, University of Chicago Press. [in English].
2 Barber, M. (2013). The good news from Pakistan: How a revolutionary new approach to education reform is transforming a nation. Reform. [in English].
3 Hargreaves, D. H. (2003). Education epidemic: Transforming secondary schools through innovation networks. Demos. [in English].
4 Bailey, T., Hughes, K., & Karp, M. M. (2002). What role can dual enrollment programs play in easing the transition between high school and postsecondary education? Community College Research Center. [in English].
5 Vignoles, A. (2012). Widening participation and social mobility. British Journal of Sociology of Education. [in English].

А. Сыздыкова[1*], К. Аленова[2]
[1]Облыстық көп салалы дарынды балаларға арналған лицей-интернат, Қазақстан
[2]С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Қазақстан

«Fast Track» – стратегиялық ынтымақтастық аясында мектеп пен жоғары оқу орнының интеграциясының жеделдетілген моделі

Осы жұмыста Қазақстанда баламасы жоқ инновациялық ынтымақтастық моделі – «Fast Track» жобасы ұсынылады. Аталған жоба 11-сынып оқушыларына университеттің бірінші курсындағы Математика 1, 2 пәндері мен ағылшын тілін ерте кезеңде меңгеруге мүмкіндік беріп, кейін осы пәндерді жобаны жүзеге асыратын жоғары оқу орнына түсу барысында қайта есептеуді көздейді.

Зерттеу жұмысының мақсаты – «Fast Track» жобасын іске асыру тетіктерін талдау және білім алушылардың даярлық сапасын арттыру тұрғысынан оның тиімділігін бағалау. Жоба ата-аналардың қолданыстағы білім беру шығындарын қайта бөлу негізінде жүзеге асырылады. Зерттеудің эмпирикалық базасын облыстық дарынды балаларға арналған көпсалалы лицей-интернатының 10–11 сынып оқушылары арасында жүргізілген сауалнама нәтижелері, лицей директоры және жоғары оқу орындарының – Инновациялық Еуразия университеті мен Торайғыров университетінің кәсіптік бағдар беру бөлімдері басшыларымен жүргізілген сұхбаттар, сондай-ақ «Fast Track» жобасын іске асырудың қаржылық-экономикалық көрсеткіштері құрайды.

Жобаның тиімділігін кешенді бағалау үшін экономикалық-басқарушылық талдау әдістері қолданылды. Атап айтқанда, жобаның инвестициялық тартымдылығы мен тұрақтылығы таза келтірілген құн көрсеткіші негізінде бағаланды, бұл оның ұзақ мерзімді перспективадағы экономикалық орындылығын айқындауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, жобаның негізгі параметрлеріне сезімталдық талдауы жүргізіліп, оның қаржылық нәтижелеріне елеулі ықпал ететін факторлар анықталды.

Түйін сөздер: серіктестік, интеграция, жеделдетілген модель, Fast Track.

A. Syzdykova[1*], K. Alenova[2]
[1]Regional Multidisciplinary Boarding Lyceum for Gifted Children, Kazakhstan
[2]S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Kazakhstan

«Fast Track» – an accelerated model for the integration of school and university within the framework of a strategic partnership

This study proposes an innovative model of collaboration – the «Fast Track» project – which has no existing analogues in Kazakhstan. The project is designed to enable 11th-grade students to undertake first-year university courses in Mathematics 1, Mathematics 2, and English at an early stage, with subsequent credit recognition upon admission to the higher education institution implementing the program.

The aim of this research is to analyze the mechanisms for implementing the «Fast Track» project and to evaluate its effectiveness in improving the quality of student preparation. The project itself is implemented through the redistribution of already existing parental educational expenditures. The empirical basis of the study includes the results of surveys conducted among 10th–11th grade students of a regional multidisciplinary boarding lyceum for gifted children, as well as interviews with the lyceum director and heads of career guidance departments at higher education institutions – Innovative Eurasian University and Toraighyrov University – along with financial and economic indicators related to the implementation of the «Fast Track» project.

A comprehensive evaluation of the project's effectiveness was carried out using economic and managerial analysis methods. In particular, the project's investment attractiveness and sustainability were assessed using the net present value (NPV) indicator, which makes it possible to determine the long-term economic feasibility of its implementation. In addition, a sensitivity analysis of key project parameters was conducted to identify the factors exerting the greatest influence on its financial outcomes.

Keywords: partnership, integration, accelerated model, Fast Track.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.

УДК 330.15:338.43
МРНТИ 68.75.31

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/79-84

А.И. Ткачева[1*]
[1]Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Казахстан
[*](e-mail: nastya.tk98@mail.ru)

Зеленая экономика как основа устойчивого развития сельских территорий Республики Казахстан

Аннотация

Основная проблема: Для Республики Казахстан вопросы экологической устойчивости и рационального использования природных ресурсов остаются одними из важных направлений развития. Среди основных проблем выделяются высокая ресурсоемкость экономики, ухудшение состояния земельных ресурсов, дефицит воды и недостаточный уровень социально-экономического развития сельских территорий. В этих условиях возрастает значение перехода к принципам зеленой экономики, ориентированным на устойчивое развитие и улучшение условий жизни населения.

Цель: Изучение развития зеленой экономики в Республике Казахстан и ее значения для устойчивого развития сельских территорий. В исследовании рассматриваются направления государственной экологической политики, состояние аграрного сектора, а также вопросы внедрения экологически ориентированных технологий в сельской местности.

Методы: Основу исследования составили методы сравнительного, системного и статистического анализа, а также методы обобщения научной литературы и нормативно-правовых документов Республики Казахстан в сфере экологической и аграрной политики.

Результаты и их значимость: установлено, что развитие зеленой экономики способствует рациональному использованию природных ресурсов, повышению энергоэффективности, внедрению возобновляемых источников энергии и модернизации сельского хозяйства. Установлено, что экологизация аграрного сектора, развитие органического производства и внедрение ресурсосберегающих технологий положительно влияют на устойчивость сельских территорий, уровень занятости населения и экологическую безопасность регионов.

Ключевые слова: зеленая экономика, устойчивое развитие, сельские территории, Республика Казахстан, аграрный сектор, экология, возобновляемые источники энергии, ресурсосбережение.

Введение

В условиях глобальных экологических изменений и усиления антропогенного воздействия на окружающую среду вопросы перехода к устойчивой модели экономического развития приобретают особую актуальность. Во многих странах мира принципы зеленой экономики используются как инструмент обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования и повышения уровня жизни населения. Для Республики Казахстан вопросы экологически устойчивого развития имеют особое значение в связи с наличием значительного природно-ресурсного потенциала и одновременно существующими экологическими проблемами.

Переход к зеленой экономике в Казахстане связан с высокой энергоемкостью производства, зависимостью экономики от сырьевого сектора, деградацией земель, дефицитом водных ресурсов и ухудшением экологической ситуации в отдельных регионах страны. Наиболее остро данные проблемы проявляются в сельской местности, где природные ресурсы являются основой хозяйственной деятельности и оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое развитие территорий. В этих условиях развитие сельских территорий требует применения принципов устойчивого развития, экологической безопасности и рационального использования ресурсов. Сельские территории имеют важное значение для обеспечения продовольственной безопасности, развития агропромышленного комплекса и сохранения трудовых ресурсов регионов. Вместе с тем сельская местность характеризуется

рядом социально-экономических проблем, среди которых недостаточный уровень инфраструктуры, ограниченный объем инвестиций, отток населения и снижение плодородия почв. Использование технологий зеленой экономики способствует снижению экологической нагрузки, повышению эффективности сельскохозяйственного производства и развитию сельских территорий.

Изучение особенностей развития зеленой экономики и ее влияния на сельские территории Республики Казахстан представляет научный и практический интерес.

Материалы и методы

В основу исследования положены научные подходы к изучению зеленой экономики и устойчивого развития сельских территорий. В ходе работы использовались труды отечественных и зарубежных исследователей в области экологической экономики, аграрной политики, рационального природопользования и регионального развития.

Информационной базой исследования послужили нормативно-правовые документы Республики Казахстан, включая Концепцию перехода Республики Казахстан к «зеленой экономике», государственные программы развития агропромышленного комплекса, стратегические документы в области экологии и регионального развития, а также статистические данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан, материалы международных организаций и аналитические отчеты [1].

В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы анализа. Системный подход дал возможность рассмотреть зеленую экономику с позиции взаимосвязи экономических, экологических и социальных факторов. Сравнительный анализ применялся при изучении особенностей развития зеленой экономики в Казахстане и современных направлений экологизации сельских территорий.

Статистические методы использовались при анализе показателей аграрного сектора, использования природных ресурсов, развития возобновляемой энергетики и состояния сельских территорий. Анализ научных публикаций и аналитических материалов позволил выделить основные проблемы и тенденции развития зеленой экономики в Республике Казахстан.

Для изучения связи между экологизацией экономики и развитием сельских территорий применялся структурно-функциональный подход. Результаты исследования представлены в виде таблиц и схем, отражающих основные направления развития зеленой экономики и факторы устойчивого развития сельской местности.

Применение указанных методов позволило рассмотреть основные аспекты исследуемой темы и сделать соответствующие выводы.

Результаты и обсуждение

В Казахстане постепенно расширяется использование экологически ориентированных технологий в различных отраслях экономики. Основное внимание уделяется развитию солнечной и ветровой энергетики, вопросам энергоэффективности и снижению уровня вредных выбросов в окружающую среду.

Таблица 1. – Направления развития зеленой экономики в Республике Казахстан

Направление	Основные мероприятия	Ожидаемый эффект
Возобновляемая энергетика	Строительство солнечных и ветровых электростанций	Снижение выбросов CO_2
Энергоэффективность	Модернизация инфраструктуры	Снижение энергопотребления
Экологизация АПК (Агропромышленного комплекса)	Ресурсосберегающие технологии	Повышение урожайности
Водосбережение	Капельное орошение	Экономия водных ресурсов
Переработка отходов	Сортировка и переработка мусора	Снижение загрязнения

Проведенный анализ показывает, что внедрение элементов зеленой экономики способствует снижению экологической нагрузки и развитию более устойчивых форм хозяйственной деятельности.

Рисунок 1. – Влияние зеленой экономики на развитие сельских территорий

Сельские территории Казахстана обладают значительным потенциалом для внедрения принципов зеленой экономики. Особенно перспективными направлениями являются:

– органическое сельское хозяйство;
– внедрение водосберегающих технологий;
– использование возобновляемых источников энергии;
– развитие экологического туризма;
– цифровизация аграрного сектора.

Вместе с тем сохраняется ряд проблем, препятствующих устойчивому развитию сельской местности.

Таблица 2. – Основные проблемы сельских территорий Казахстана

Проблема	Причины	Последствия
Деградация земель	Нерациональное использование почв	Снижение урожайности
Дефицит воды	Климатические изменения	Ухудшение состояния АПК
Миграция населения	Низкий уровень доходов	Сокращение трудовых ресурсов
Изношенная инфраструктура	Недостаток инвестиций	Снижение качества жизни
Низкий уровень инноваций	Недостаточная цифровизация	Замедление модернизации

Полученные результаты показывают, что устойчивое развитие сельских территорий невозможно без комплексной модернизации аграрного сектора и внедрения современных экологически безопасных технологий.

Одним из важнейших направлений зеленой экономики является экологизация сельского хозяйства. Проведенный анализ показал, что применение ресурсосберегающих технологий позволяет значительно повысить эффективность использования природных ресурсов.

Наиболее распространенными мерами экологизации АПК являются:

– капельное орошение;
– минимальная обработка почвы;
– использование органических удобрений;
– внедрение цифровых агротехнологий;
– применение альтернативных источников энергии.

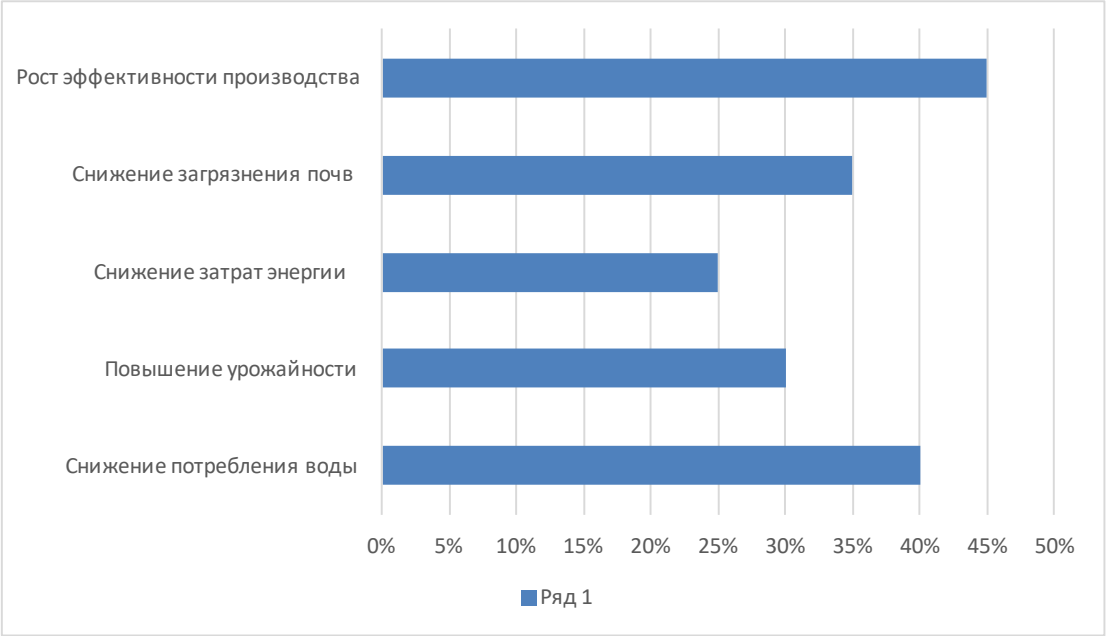


Рисунок 2. – Эффекты внедрения зеленых технологий в сельском хозяйстве

Результаты анализа показывают, что внедрение современных технологий способствует не только улучшению экологической ситуации, но и повышению экономической эффективности аграрного производства.

Одним из перспективных направлений развития зеленой экономики является использование возобновляемых источников энергии в сельских регионах. Казахстан обладает значительным потенциалом солнечной и ветровой энергии, особенно в южных и центральных регионах страны [2].

Использование возобновляемых источников энергии в сельской местности позволяет:

– обеспечить удаленные населенные пункты электроэнергией;

– снизить зависимость от традиционного топлива;

– сократить расходы на энергоснабжение;

– улучшить экологическую ситуацию.

Результаты исследования подтверждают, что переход к зеленой экономике является необходимым условием устойчивого развития Республики Казахстан. Особое значение данный процесс приобретает для сельских территорий, поскольку именно сельская местность наиболее чувствительна к изменениям экологического состояния окружающей среды.

В ходе исследования установлено, что развитие зеленой экономики оказывает комплексное воздействие на сельские территории:

– способствует повышению эффективности аграрного производства;

– улучшает экологическое состояние регионов;

– создает новые рабочие места;

– стимулирует развитие инноваций;

– повышает качество жизни населения.

Вместе с тем реализация принципов зеленой экономики требует значительных инвестиций, совершенствования государственной поддержки и активного внедрения инновационных технологий.

Таким образом, устойчивое развитие сельских территорий Казахстана напрямую связано с дальнейшим развитием зеленой экономики, модернизацией аграрного сектора и рациональным использованием природных ресурсов [3].

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что развитие зеленой экономики является одним из приоритетных направлений устойчивого развития Республики Казахстан. В современных условиях экологические проблемы, связанные с деградацией земель, дефицитом водных ресурсов, высокой энергоемкостью экономики и загрязнением окружающей среды, требуют перехода к экологически ориентированной модели хозяйствования.

Исследование показало, что реализация принципов зеленой экономики способствует повышению эффективности использования природных ресурсов, развитию возобновляемых источников энергии, внедрению ресурсосберегающих технологий и модернизации агропромышленного комплекса. Для сельских территорий данные процессы имеют особое значение, поскольку сельское хозяйство напрямую связано с использованием земельных и водных ресурсов, а также состоянием окружающей среды.

Проведенный анализ показал, что развитие сельских территорий связано с экологизацией аграрного сектора, внедрением современных технологий и обновлением инфраструктуры [4]. Использование капельного орошения, развитие органического земледелия, применение альтернативных источников энергии и цифровых решений в сельском хозяйстве способствуют повышению эффективности производства и снижению нагрузки на окружающую среду.

Развитие зеленой экономики связано и с социально-экономическими изменениями в регионах. В сельской местности появляются дополнительные возможности для занятости населения, развития предпринимательства и привлечения инвестиций.

В то же время сохраняются проблемы, связанные с недостаточным финансированием экологических проектов, сырьевой направленностью экономики, ограниченным внедрением инноваций и нехваткой специалистов. Это требует дальнейшего развития мер государственной поддержки и внедрения современных технологий.

Зеленая экономика и развитие сельских территорий остаются взаимосвязанными направлениями экономической политики Казахстана. Их развитие связано с вопросами экологической безопасности, рационального природопользования и повышения уровня жизни населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике»: утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577.
2 OECD Green Growth Studies: Kazakhstan. – Paris: OECD Publishing, 2018. – 224 p.
3 Ашимбаев Т.А. Устойчивое развитие сельских территорий Казахстана: монография. – Алматы : Экономика, 2019. – 214 с.
4 Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication / United Nations Environment Programme (UNEP). – New York: UNEP, 2011. – 624 p.

REFERENCES

1 Kontseptsiya po perekhodu Respubliki Kazakhstan k «zelenoi ekonomike»: utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 30 maya 2013 goda № 577 [Concept of transition of the Republic of Kazakhstan to a green economy]. (2013). [in Russian].
2 OECD Green Growth Studies: Kazakhstan. (2018). Paris: OECD Publishing.
3 Ashimbaev, T.A. (2019). Ustoichivoe razvitie selskikh territorii Kazakhstana [Sustainable development of rural territories of Kazakhstan]. Almaty: Ekonomika [in Russian].
4 United Nations Environment Programme (UNEP). (2011). Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. New York: UNEP.

А.И. Ткачева[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан

Қазақстан Республикасының ауылдық аумақтарын тұрақты дамытудың негізі ретіндегі жасыл экономика

Қазақстан Республикасы үшін экологиялық тұрақтылық пен табиғи ресурстарды ұтымды пайдалану мәселелері маңызды даму бағыттарының бірі болып табылады. Негізгі мәселелер қатарына экономикадағы ресурстарды көп қажет ету, жер ресурстарының тозуы, су тапшылығы және ауылдық аумақтардың әлеуметтік-экономикалық даму деңгейінің төмендігі жатады. Осындай жағдайда тұрақты даму мен халықтың өмір сүру сапасын жақсартуға бағытталған жасыл экономика қағидаттарына көшудің маңызы артып отыр.

Зерттеудің мақсаты – Қазақстан Республикасындағы жасыл экономиканың дамуын және оның ауылдық аумақтардың тұрақты дамуындағы маңызын қарастыру. Зерттеу барысында мемлекеттік экологиялық саясаттың негізгі бағыттары, аграрлық сектордың жағдайы, сондай-ақ ауылдық жерлерде экологиялық бағытталған технологияларды енгізу мәселелері қарастырылады.

Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы, жүйелік және статистикалық талдау әдістері, сондай-ақ Қазақстан Республикасының экологиялық және аграрлық саясат саласындағы ғылыми әдебиеттері мен нормативтік-құқықтық құжаттарын жалпылау әдістері құрады.

Зерттеу нәтижесінде жасыл экономиканы дамыту табиғи ресурстарды ұтымды пайдалануға, энергия тиімділігін арттыруға, жаңартылатын энергия көздерін енгізуге және ауыл шаруашылығын жаңғыртуға ықпал ететіні анықталды. Аграрлық секторды экологияландыру, органикалық өндірісті дамыту және ресурс үнемдеуші технологияларды енгізу ауылдық аумақтардың тұрақтылығына, халықты жұмыспен қамту деңгейіне және өңірлердің экологиялық қауіпсіздігіне оң әсер ететіні анықталды.

Түйінді сөздер: жасыл экономика, тұрақты даму, ауылдық аумақтар, Қазақстан Республикасы, аграрлық сектор, экология, жаңартылатын энергия көздері, ресурс үнемдеу.

A.I. Tkacheva[1]
[1]Innovative Eurasian University, Pavlodar, Kazakhstan

Green Economy as a Basis for Sustainable Development of Rural Territories in the Republic of Kazakhstan

For the Republic of Kazakhstan, issues of environmental sustainability and rational use of natural resources remain among the important areas of development. The main problems include the high resource intensity of the economy, degradation of land resources, water scarcity, and the insufficient level of socio-economic development of rural territories. Under these conditions, the transition to the principles of a green economy focused on sustainable development and improving the quality of life of the population becomes increasingly important.

The purpose of the study is to examine the development of the green economy in the Republic of Kazakhstan and its importance for the sustainable development of rural territories. The study considers the main directions of state environmental policy, the condition of the agricultural sector, and the implementation of environmentally oriented technologies in rural areas.

The methodological basis of the research includes comparative, systemic, and statistical analysis methods, as well as methods of generalizing scientific literature and regulatory documents of the Republic of Kazakhstan in the field of environmental and agricultural policy.

The study revealed that the development of a green economy contributes to the rational use of natural resources, improvement of energy efficiency, implementation of renewable energy sources, and modernization of agriculture. It was established that the greening of the agricultural sector, the development of organic production, and the implementation of resource-saving technologies positively affect the sustainability of rural territories, employment levels, and environmental safety of the regions.

Key words: green economy, sustainable development, rural territories, Republic of Kazakhstan, agricultural sector, ecology, renewable energy sources, resource conservation.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.

Мақала авторлары туралы ақпарат
Сведения об авторах статей
Information about authors of articles

Аленова К. – э.ғ.д., профессор, С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы. **Аленова К. –** д.э.н., профессор Казахского агротехнического исследовательского университета имени С. Сейфуллина, г. Астана, Республика Казахстан. **Alenova, K. –** Doctor of Economics, professor, S.Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Astana c., Republic of Kazakhstan. E-mail: alen4411@mail.ru

Иван Ф. Спера ‾ тәуелсіз зерттеуші, Италиядағы Салерно мемлекеттік университетінің аға ғылыми серіктесі. **Иван Ф. Спера** ‾ независимый исследователь, старший научный сотрудник Государственного университета Салерно, Италия. **Ivan F. Spera** – Indipendent Researcher, Senior Scientific collaborator Universita Statale di Salerno, Italy – email: ispera@unisa.it

Капуто П. – Италиядағы Парфенопе университетінің аға «ғылыми серіктесі», Италиядағы Федерико II университетінің аға «ғылыми серіктесі», Италиядағы «Achii» халықаралық институтының аға оқытушысы, Fondazione Guida alla cultura-ның Еуразия бойынша ғылыми директоры, халықаралық аға экономист, г. Неаполь, Италия. **Капуто П. –** старший научный партнер Университета Парфенопе в Италии, старший научный партнёр Университета Федерико II в Италии, старший преподаватель Международного института «Ахии» в Италии, научный директор по Евразии Фонда культуры Гуида алла Культура, международный старший экономист, г. Неаполь, Италия. **Caputo, P.** – Senior «Scientific collaborator» at Parthenope University, Italy, Senior 'Scientific collaborator' at the University of Federico II, Italy, Senior lecturer at «Achii» International Institute, Italy, Scientific Director for Eurasia of the Fondazione Guida alla cultura, International Senior Economist, Naples, Italy. E-mail: info@paolocaputo.eu

Нигматуллин Ж.А. – ЕҰУ магистратурасының 2-курс магистранты, Астана қ., Қазақстан Республикасы. **Нигматуллин Ж.А.** – магистрант 2 курса магистратуры ЕНУ, г. Астана, Республика Казахстан. **Nigmatullin, Zh.** – 2nd year Master's student, ENU, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: nigmatullin@gmail.com

Сыздыкова А. – магистр, әдіскер, Облыстық көп салалы дарынды балаларға арналған лицей-интернат, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Сыздыкова А. –** магистр, методист Областного многопрофильного лицея-интерната для одаренных детей, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Syzdykova, A. –** master, educational methodologist, Regional Multidisciplinary Boarding Lyceum for Gifted Children, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: aizhan-syzdykova@yandex.ru

Ткачева А.И. – Инновациялық Еуразия университетінің аға оқытушысы, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Ткачева А.И. –** старший преподаватель Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Tkacheva, A. –** Senior Lecturer at the Innovative Eurasian University, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: nastya.tk98@mail.ru

ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР ЖӘНЕ ТЕХНОЛОГИЯЛАР

УДК 004.8:004.5
МРНТИ 20.01.45

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/86-92

А.Т. Берикова[1]*, М.М. Илипов[2]
[1]Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Казахстан
(e-mail: aruzhan8787@gmail.com)

Интеллектуальная система контроля доступа на основе распознавания лиц и анализа поведения пользователя с использованием методов глубокого обучения

Аннотация.

Актуальность: Современные системы контроля доступа уже не справляются с требованиями к безопасности, если опираются только на пароли, PIN-коды и другие классические способы аутентификации. Такие методы легко украсть, подобрать или передать другим людям, поэтому они становятся слабым звеном защиты. На этом фоне особенно востребованы решения, которые используют биометрию и умеют «понимать» поведение пользователя, а не только сверять введённые данные.

Цель: В работе создаётся программная система, которая не просто идентифицирует человека по биометрическим признакам, но и оценивает, насколько типично он себя ведёт при попытке входа. Задача состоит в том, чтобы получить инструмент, способный вовремя заметить подозрительную активность и автоматически усилить защиту.

Методы: В качестве технической основы выбраны методы компьютерного зрения и глубокого обучения, которые применяются для распознавания лиц в видеопотоке. Дополнительно используется модуль поведенческого анализа, отслеживающий последовательность и частоту попыток входа, время и контекст доступа. Система структурирована на несколько взаимосвязанных модулей: распознавание лиц, проверка прав по времени и зоне, оценка уровня риска.

Результаты: Разработанный прототип показывает, что сочетание биометрии и поведенческих признаков позволяет заметно повысить качество контроля доступа. Если количество ошибок или необычных действий превышает заданный порог, система автоматически блокирует пользователя и запускает тревожный сценарий. Такой подход уменьшает вероятность несанкционированного входа и снижает нагрузку на администратора безопасности за счёт частичной автоматизации реагирования.

Научная новизна: Предложенная система объединяет распознавание лиц и поведенческий анализ не как два отдельных слоя защиты, а как элементы единой архитектуры принятия решения. Это позволяет одновременно учитывать биометрические характеристики пользователя и контекст его действий – от времени и места доступа до паттернов неудачных попыток. Такой интегрированный подход формирует более гибкий и «умный» контур безопасности по сравнению с классическими однофакторными решениями.

Ключевые слова: распознавание лиц, контроль доступа, поведенческий анализ, биометрия, компьютерное зрение, глубокое обучение, Python.

Введение

В условиях быстрого развития цифровых технологий и возрастания требований к информационной и физической безопасности особую актуальность приобретают системы контроля доступа. Традиционные методы аутентификации – пароли и PIN-коды – обладают рядом существенных недостатков: они подвержены утечкам, могут быть утрачены или переданы третьим лицам. В связи с этим всё большее распространение получают биометрические технологии, в частности системы распознавания лиц, обеспечивающие бесконтактную и более надёжную идентификацию пользователей [1].

Вместе с тем применение единственного биометрического признака не всегда гарантирует достаточный уровень защиты, что обусловливает необходимость интеграции

распознавания лиц с анализом поведения пользователя. Поведенческий анализ позволяет выявлять аномальные действия: попытки несанкционированного доступа, вход в запрещённые зоны или активность в нерабочее время [2]. Нормативные аспекты управления правами доступа также требуют учёта соответствующих ограничений, что подтверждается современными подходами к биометрической идентификации [3]. Совместное применение биометрии и поведенческой аналитики повышает надёжность системы и снижает вероятность ошибок первого и второго рода [4].

Целью данной работы является разработка интеллектуальной системы контроля доступа на основе совместного использования распознавания лиц и анализа поведения пользователя. Для её достижения поставлены следующие задачи: провести анализ современных методов биометрической идентификации; исследовать подходы к поведенческому анализу; разработать архитектуру системы; реализовать программную модель и оценить её эффективность. В разработанной системе используются библиотеки компьютерного зрения для распознавания лиц, а также модуль поведенческого анализа, учитывающий количество неудачных попыток входа и другие факторы риска [5]. Дополнительно реализована верификация по времени и зоне доступа, что позволяет принимать во внимание контекст использования системы [6].

Методы и материалы

В рамках данного исследования разработана интеллектуальная система контроля доступа на основе методов распознавания лиц и анализа поведения пользователя. Основными инструментами реализации послужили язык программирования Python и библиотеки компьютерного зрения – OpenCV и face_recognition. Основу системы составляет алгоритм распознавания лиц, реализованный с использованием библиотеки face_recognition.

Процесс распознавания включает следующие этапы: захват изображения с камеры; обнаружение лица посредством HOG-детектора; извлечение 128-мерного вектора признаков; сравнение с базой данных известных пользователей по евклидову расстоянию. При нахождении совпадения в пределах установленного порогового значения определяется имя пользователя, в противном случае в доступе отказывается.

Дополнительно в системе реализован метод поведенческого анализа, основанный на отслеживании действий пользователя: по мере накопления неудачных попыток входа система последовательно повышает уровень риска (низкий → средний → высокий → критический) и при достижении критического порога блокирует учётную запись, активируя сигнал тревоги. Для реализации системы использовались: веб-камера, персональный компьютер под управлением Windows 10, библиотеки OpenCV и face_recognition, стандартные библиотеки Python. База данных пользователей представлена в виде словаря, содержащего имя, роль, доступные зоны и временны́е ограничения. Сбор данных осуществляется в реальном времени: при запуске системы захватывается видеопоток, извлекается кадр, изображение преобразуется в формат RGB, после чего выполняется поиск и идентификация лиц. Функция проверки прав доступа показана на рисунке 1.

```
def check_access(user, zone):

    if user is None:
        return False, "Нет в базе"

    if user["zone"] != zone and user["zone"] != "all":
        return False, "Нет доступа в эту зону"

    hour = datetime.now().hour

    if hour < user["time_start"]:
        return False, "Рано"

    if hour > user["time_end"]:
        return False, "Поздно"

    return True, "Доступ разрешён"
```

Рисунок 1. – Функция проверки прав доступа

Все действия пользователей сохраняются в журнале для последующего ретроспективного анализа и выявления аномалий. Итоговый набор функций системы включает: успешный вход, отказ в доступе по зоне, отказ по времени и блокировку пользователя.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования реализована интеллектуальная система контроля доступа, объединяющая распознавание лиц и анализ поведения пользователя. В процессе тестирования система продемонстрировала стабильную работу в четырёх ключевых сценариях.

1. Успешная идентификация пользователя. При корректном распознавании лица и наличии необходимых прав система разрешает вход. В журнале зафиксировано значительное число успешных попыток доступа, как показано на рисунке 2.

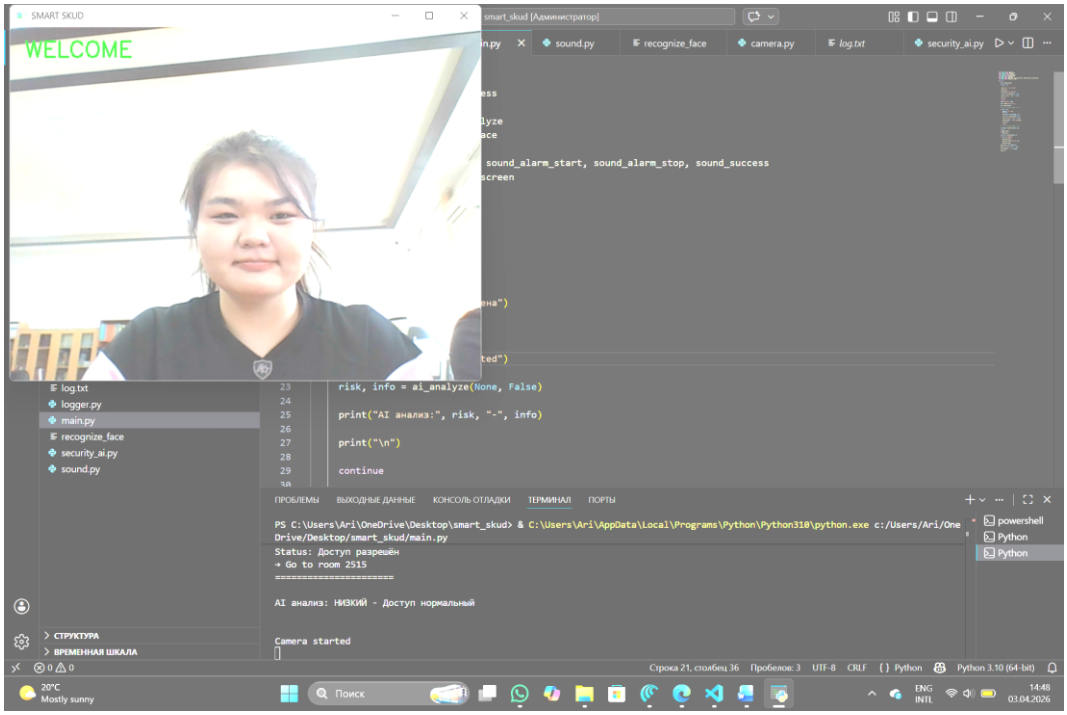


Рисунок 2. – Журнал успешной авторизации

2. Отказ в доступе по зоне. При попытке входа в запрещённую зону система корректно отклоняет запрос без увеличения счётчика риска, поскольку личность пользователя уже подтверждена, как показано на рисунке 3.

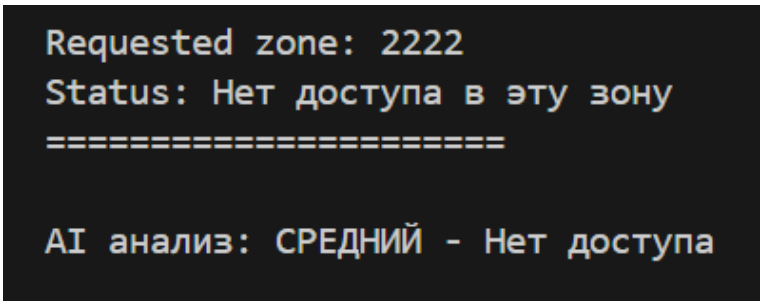


Рисунок 3. – Отказ в доступе по зоне

3. Отказ в доступе по времени. Система учитывает временные ограничения и блокирует вход вне разрешённого периода, возвращая сообщение об отказе с указанием причины, как показано на рисунке 4.

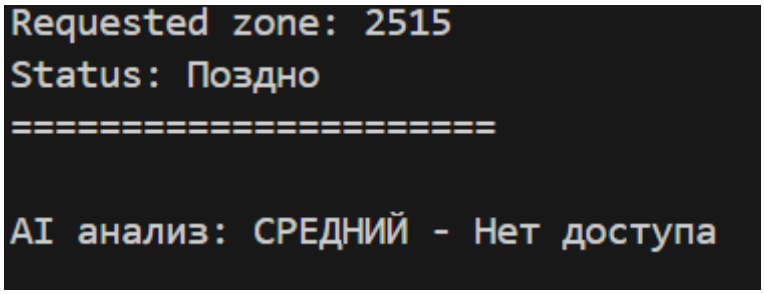


Рисунок 4. – Отказ в доступе по времени

4. Неуспешное распознавание лица. При отсутствии совпадения в базе данных система фиксирует ошибку и увеличивает счётчик риска, как показано на рисунке 5.

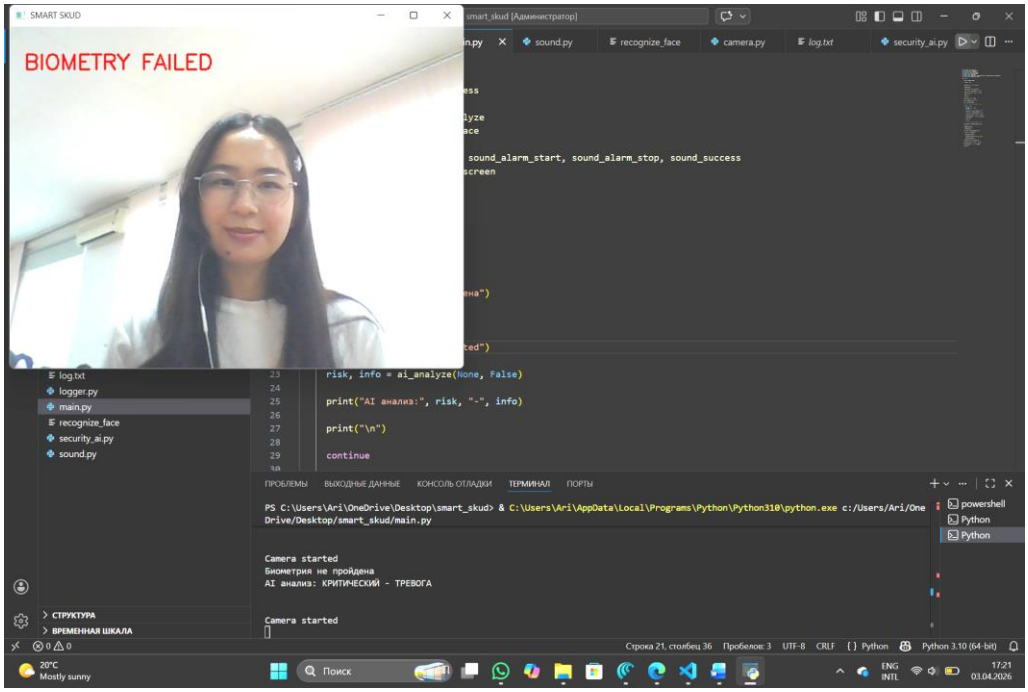


Рисунок 5. – Неуспешное распознавание лица

Процесс распознавания лица реализован в виде, представленном на рисунках 6 и 7. Алгоритм итерирует по всем областям лиц в текущем кадре, вычисляет совпадения с эталонными дескрипторами и извлекает имя пользователя при выполнении условия допуска.

```
faces = face_recognition.face_locations(rgb)
```

Рисунок 6 – Фрагмент кода распознавания лиц (часть 1)

```
encodings = face_recognition.face_encodings(rgb, faces)
```

Рисунок 7. – Фрагмент кода распознавания лиц (часть 2)

При обнаружении совпадения доступ предоставляется и событие регистрируется в журнале, как показано на рисунке 8.

```
result = face_recognition.compare_faces(
    [enc[0]],
    cam_encoding,
    tolerance=0.5
)
```

Рисунок 8. – Совпадение найдено: доступ разрешён

Логика поведенческого анализа и активации сигнала тревоги представлена на рисунке 9. Система последовательно отслеживает накопленное число ошибочных попыток и при достижении критического порога автоматически переходит в режим блокировки.

```
if name is None:

    attempts += 1

    if attempts == 1:
        return "СРЕДНИЙ", "Лицо не найдено"

    if attempts == 2:
        return "ВЫСОКИЙ", "Подозрительное поведение"

    if attempts >= 3:
        blocked = True
        return "КРИТИЧЕСКИЙ", "ТРЕВОГА"
```

Рисунок 9. – Поведенческий анализ и логика сигнализации

Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработанная система эффективно распознаёт пользователей, корректно ограничивает доступ по времени и зонам, успешно обнаруживает подозрительное поведение и автоматически реагирует на угрозы. Особую значимость представляет поведенческий анализ, который существенно расширяет возможности классических биометрических систем, учитывая контекст действий пользователя. Таким образом, результаты эксперимента подтверждают эффективность разработанного подхода: объединение распознавания лиц и анализа поведения позволяет повысить надёжность контроля доступа и снизить вероятность несанкционированного входа.

Заключение

В данной работе разработана интеллектуальная система контроля доступа на основе методов распознавания лиц и анализа поведения пользователя. В ходе исследования рассмотрены современные подходы к биометрической идентификации и поведенческой аналитике, реализована программная модель, объединяющая указанные технологии в единую систему. Результаты экспериментов подтвердили корректность идентификации пользователей и эффективность управления доступом с учётом временных ограничений и зон.

Реализация поведенческого анализа повысила уровень безопасности за счёт своевременного выявления подозрительных действий и автоматической блокировки при превышении порогового числа ошибок. Практическая значимость работы определяется возможностью внедрения системы в учебных заведениях, офисах, на производственных предприятиях и иных объектах, требующих надёжного контроля доступа. Применение биометрических технологий повышает удобство пользователей и снижает зависимость от традиционных средств аутентификации.

Научная новизна состоит в интеграции методов распознавания лиц и поведенческого анализа в единой системе принятия решений о допуске, что позволяет одновременно учитывать как биометрические, так и поведенческие характеристики пользователя. Данный подход

повышает надёжность системы и снижает вероятность несанкционированного входа. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются расширение набора биометрических модальностей, интеграция с облачными сервисами управления идентификацией и разработка адаптивных моделей обнаружения аномалий на основе рекуррентных нейронных сетей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Распознование лиц: польза или вред? // Mobikom.ru. – URL: https://www.mobicom.ru
2 UEBA: анализ поведения защищает // Habr. – URL: https://habr.com
3 Распознование лиц: законно ли видеонаблюдение с II // CVC.ai. – URL: https://cvc.ai
4 Биометрическая идентификация: утверждены правила её использования // Zakon.kz. – URL: https://www.zakon.kz
5 Мультимодальные биометрические системы аутентификации // Wikipedia. – URL: https://ru.wikipedia.org
6 Выравнивание лица: что это такое // AIEW.ru. – URL: https://aiew.ru

REFERENCES

1 Raspoznavanie lits: polza ili vred? [Facial recognition: benefit or harm?]. Mobikom.ru. – URL: https://www.mobicom.ru
2 UEBA: analiz povedeniya zashchishchaet dannye [UEBA:behavior analysis protects]. Habr. – URL: https://habr.com
3 Raspoznavanie lits: zakonno li videonablyudenie s II [Facial Recognition: Is Video Surveillance Legal with II]. CVC.ai. – URL: https://cvc.ai
4 Biometricheskaya identifikatsiya: utverzhdeny pravila ee ispolzovaniya [Biometric identification: rules for its use have been approved]. Zakon.kz. – URL: https://www.zakon.kz
5 Multimodalnye biometricheskie sistemy autentifikatsii [Multimodal biometric authentication systems]. Wikipedia. – URL: https://ru.wikipedia.org
6 Vyravnivanie litsa: chto eto takoe [Facial alignment: what is it?]. AIEW.ru. – URL: https://aiew.ru

А.Т. Берикова[1]*, М.М. Илипов[1]
[1]Қазақ агротехникалық университеті С. Сейфуллин атындағы, Қазақстан

Терең оқыту әдістерін пайдалана отырып бет-әлпет тану және пайдаланушы мінез-құлқын талдауға негізделген интеллектуалды қолжетімділікті басқару жүйесі

Қазіргі кезде қолжетімділікті бақылау жүйелері тек парольдер мен PIN-кодтарға сүйенген кезде қауіпсіздік талаптарына толық жауап бере алмайды. Мұндай дәстүрлі әдістерді ұрлау, болжап табу немесе басқа адамға беру оңай, сондықтан олар қорғаныс жүйесінің әлсіз буынына айналады. Осы жағдайда пайдаланушының тек деректерін ғана емес, оның өзін қалай ұстайтынын да «түсіне алатын» биометриялық және поведенциялық тәсілдер ерекше сұранысқа ие болып отыр.

Бұл жұмыста адамның бет-әлпеті бойынша ғана емес, сонымен қатар оның жүйеге кіру кезіндегі мінез-құлқына сүйеніп шешім қабылдайтын бағдарламалық жүйе әзірленеді. Мақсат – күмәнді әрекеттерді дер кезінде байқап, қолжетімділікті автоматты түрде шектеуге қабілетті құрал жасау.

Техникалық негіз ретінде бейнеағыннан бет-әлпетті тану үшін компьютерлік көру мен терең оқыту әдістері қолданылады. Сонымен бірге, уақыт, аймақ және сәтсіз әрекеттердің жинақталуын ескеретін мінез-құлықты талдау модулі іске асырылған. Жүйе бірнеше өзара байланысты бөліктерден тұрады: бет-әлпетті тану, қолжетімділікті уақыт пен аймақ бойынша тексеру және тәуекел деңгейін бағалау.

Жасалған прототип биометриялық және поведенциялық белгілерді біріктіру қолжетімділікті бақылаудың сапасын айтарлықтай жақсартатынын көрсетті. Егер қате әрекеттер саны немесе әдеттен тыс қадамдар белгіленген шектен асып кетсе, жүйе пайдаланушыны автоматты түрде бұғаттап, дабыл сценарийін іске қосады. Осылайша,

рұқсатсыз кіру ықтималдығы азаяды, ал қауіпсіздік әкімшісінің жүктемесі жүйенің дербес әрекеті есебінен төмендейді.

Ұсынылған тәсілдің ғылыми жаңалығы – бет-әлпетті тану мен мінез-құлықты талдауды бірегей шешім қабылдау архитектурасында біріктіруінде. Бұл пайдаланушыға қолжетімділік беру туралы шешім қабылдағанда биометриялық сипаттамаларды да, оның әрекет контекстін де (кіру уақыты, орны, сәтсіз талпыныстардың құрылымы) қатар ескеруге мүмкіндік береді. Мұндай интеграцияланған тәсіл дәстүрлі бір факторлы жүйелермен салыстырғанда анағұрлым икемді және «зияткерлік» қауіпсіздік контурын қалыптастырады.

Түйін сөздер: бетті тану, қолжетімділікті бақылау, мінез-құлық талдауы, биометрия, компьютерлік көру, терең оқыту.

A.T. Berikova[1]*, M.M. Ilipov[1]
[1]S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Kazakhstan

Intelligent access control system based on face recognition and user behavior analysis using deep learning methods

Today, access control systems that rely only on passwords and PIN codes can no longer keep up with growing security requirements. These traditional methods are easy to steal, guess, or share with someone else, which turns them into the weakest link in the protection chain. In this context, solutions that use biometrics and can also “understand” user behavior, rather than just verify entered data, are becoming especially relevant.

This study develops a software system that makes decisions not only based on a person’s biometric features, but also on how they behave when trying to log in. The aim is to obtain a tool that can detect suspicious activity in time and automatically strengthen access restrictions when necessary.

As a technical foundation, computer vision and deep learning methods are used to recognize faces in a video stream. In addition, a behavioral analysis module is implemented that tracks the sequence and frequency of login attempts, as well as the time and context of access. The system is structured into several interconnected modules: face recognition, time- and zone-based access verification, and risk level assessment.

The prototype shows that combining biometric and behavioral features can significantly improve the quality of access control. When the number of errors or atypical actions exceeds a predefined threshold, the system automatically blocks the user and triggers an alarm scenario. In this way, the probability of unauthorized access is reduced, while part of the routine work of the security administrator is offloaded to the system itself.

The scientific novelty of the proposed approach lies in integrating face recognition and behavioral analysis not as two separate layers of protection, but as components of a single decision-making architecture. This makes it possible to consider both the user’s biometric characteristics and the context of their actions-such as time, location, and patterns of failed attempts-simultaneously when deciding whether to grant access. Compared to classical single-factor solutions, such an integrated approach forms a more flexible and intelligent security perimeter.

Keywords: face recognition, access control, behavioral analysis, biometrics, computer vision, deep learning, Python.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.04.2026 г.

УДК 338.439:631.1(574.52)
МРНТИ 68.75.13

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/93-101

Ж.Б. Исаева[1*]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
[*](e-mail: zhanetta.aysha@mail.ru)

Интегральная оценка экологических факторов продовольственной безопасности Жамбылской области в контексте развития пищевых технологий

Аннотация

Основная проблема: В аридных регионах обеспечение продовольственной безопасности осложняется деградацией земель, нестабильностью водных ресурсов и локальными экологическими загрязнениями, что снижает устойчивость агропродовольственной системы и качество сельскохозяйственной продукции, а также ограничивает потенциал её переработки.

Цель: Оценить влияние экологических факторов на продовольственную безопасность Жамбылской области и обосновать роль пищевых технологий в повышении качества и безопасности продукции.

Методы: Использованы системный анализ, сравнительно-географический подход, а также обработка данных экологического мониторинга почв, атмосферного воздуха и поверхностных вод за 2023-2024 гг. с последующей интерпретацией результатов.

Результаты и их значимость: Установлено, что деградация земель, включая снижение содержания гумуса и развитие дефляционных процессов, является ключевым ограничивающим фактором сельскохозяйственного производства. Концентрации тяжёлых металлов в почвах не превышают допустимых норм. Атмосферный воздух характеризуется в целом низким уровнем загрязнения при наличии локальных превышений предельно допустимых концентраций. Зафиксирована положительная динамика качества поверхностных вод при отсутствии экстремального загрязнения. Полученные результаты подтверждают необходимость внедрения ресурсосберегающих и очистных технологий и могут быть использованы при разработке региональной политики продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, пищевые технологии, деградация земель, водные ресурсы, загрязнение воздуха, экологический мониторинг, устойчивое развитие.

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности рассматривается как ключевой фактор устойчивого развития агропромышленного комплекса и социальной стабильности. По данным FAO, деградация земель затрагивает около 34% сельскохозяйственных угодий мира и влияет на более чем 3,2 млрд. человек [1].

В современных условиях особую значимость приобретает региональный уровень анализа, поскольку обеспеченность продовольствием определяется состоянием локальных агроэкосистем, природно-ресурсного потенциала и инфраструктуры. В странах Центральной Азии продовольственная устойчивость осложняется водным дефицитом и проблемами питания населения [2]. Согласно исследованиям FAO, деградация земель и снижение качества водных ресурсов являются ключевыми факторами риска для устойчивости агропродовольственных систем в аридных регионах. В Центральной Азии экологические ограничения усиливаются высокой зависимостью сельского хозяйства от орошаемого земледелия и трансграничных водных ресурсов.

Эволюция научных подходов к обеспечению продовольственной безопасности демонстрирует переход от оценки объёмов сельскохозяйственного производства к анализу устойчивости агропродовольственных систем с учётом экологических факторов. В условиях аридных территорий особое значение приобретают деградация земель, дефицит водных ресурсов и загрязнение компонентов окружающей среды.

Деградационные процессы сопровождаются ухудшением агрофизических и агрохимических свойств почв, снижением содержания гумуса, развитием дефляции и

опустынивания, что приводит к уменьшению продуктивности сельскохозяйственных угодий и росту рисков продовольственной нестабильности. Для Жамбылской области данные процессы имеют особую актуальность вследствие сочетания засушливого климата, высокой антропогенной нагрузки и интенсивного сельскохозяйственного использования земель.

Жамбылская область характеризуется значительным аграрным потенциалом, однако его реализация ограничена деградацией земель и зависимостью от трансграничных водных ресурсов. По данным экологического мониторинга, состояние окружающей среды региона требует комплексной оценки [3].

В современных условиях обеспечение продовольственной безопасности невозможно рассматривать исключительно через показатели объёмов производства сельскохозяйственной продукции. Существенное значение приобретают экологическая устойчивость агроландшафтов, качество природных ресурсов и способность агропродовольственной системы адаптироваться к климатическим и антропогенным изменениям. В этой связи комплексная оценка экологических факторов становится важным элементом разработки региональных стратегий устойчивого развития.

Цель исследования – разработать интегральную оценку влияния экологических факторов на продовольственную безопасность региона и определить роль пищевых технологий.

Научная новизна исследования заключается в комплексной интеграции показателей состояния почв, атмосферного воздуха и водных ресурсов в систему оценки продовольственной безопасности аридного региона. В отличие от существующих исследований, в работе продовольственная безопасность рассматривается через взаимосвязь экологических ограничений и устойчивости агропродовольственной системы.

Материалы и методы

Исследование основано на комплексном анализе природно-ресурсных и экологических факторов, влияющих на устойчивость агропродовольственной системы Жамбылской области. Особое внимание уделено состоянию почвенных, водных и атмосферных ресурсов как ключевых компонентов продовольственной безопасности аридного региона.

Информационную базу исследования составили данные экологического мониторинга РГП «Казгидромет» за 2023–2024 гг., а также аналитические материалы и статистические базы данных FAO. В работе использовались официальные сведения о состоянии атмосферного воздуха, почвенного покрова и поверхностных вод Жамбылской области.

Методологическую основу исследования составили системный подход, сравнительно-географический метод, методы экологического анализа и элементы интегральной оценки природно-ресурсного потенциала. Использование комплексного подхода позволило определить взаимосвязь между состоянием окружающей среды и устойчивостью региональной продовольственной системы.

Оценка качества поверхностных вод проводилась в соответствии с классификацией экологического состояния водных объектов Республики Казахстан. Анализ включал сопоставление фактических концентраций загрязняющих веществ с нормативными значениями предельно допустимых концентраций (ПДК), применяемых в системе государственного экологического мониторинга [4].

При исследовании поверхностных вод учитывались гидрохимические, физико-химические и санитарно-экологические показатели, включая уровень минерализации, содержание растворённого кислорода, биохимическое потребление кислорода (БПК5), химическое потребление кислорода (ХПК), концентрации сульфатов, тяжёлых металлов и взвешенных веществ.

Для интерпретации результатов использовались методы сравнительного, динамического и аналитического анализа, позволяющие выявить изменения экологического состояния водных объектов за исследуемый период.

Особое внимание в исследовании уделено состоянию водных ресурсов, поскольку сельское хозяйство региона в значительной степени зависит от орошаемого земледелия. По данным FAO, около 70 % мирового водозабора используется в аграрном секторе, что определяет стратегическое значение водных ресурсов для обеспечения продовольственной безопасности.

Для аридных территорий Жамбылской области устойчивость сельскохозяйственного производства напрямую связана с качеством и доступностью поверхностных вод, формирующихся преимущественно за счёт трансграничного стока.

Обработка и интерпретация полученных данных включали сопоставление фактических показателей с экологическими нормативами, анализ пространственной дифференциации загрязнения и оценку динамики экологического состояния за 2023–2024 гг. Полученные результаты использовались для определения степени влияния экологических факторов на продовольственную безопасность региона.

Результаты

Для оценки влияния экологических факторов на продовольственную безопасность региона был проведён комплексный анализ состояния почвенных, водных и атмосферных ресурсов Жамбылской области за 2023-2024 гг. Основные результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Экологические показатели и их влияние на продовольственную безопасность Жамбылской области (2023-2024 гг.)

Экологический фактор	Показатель	Динамика	Оценка состояния	Влияние на продовольст-венную безопасность
Почвы	Содержание гумуса	Снижение	Неблагоприятное	Снижение плодородия, уменьшение урожайности
Почвы	Тяжёлые металлы	В пределах ПДК	Удовлетворительное	Отсутствие токсикологическ ого риска продукции
Атмосферный воздух	ИЗА (Тараз – 4,15)	Стабильно	Низкий уровень	Локальное влияние на качество продукции
Атмосферный воздух	Превышения ПДК (H_2S, CO)	Локальные случаи	Умеренный риск	Потенциальное загрязнение агроландшафтов
Водные ресурсы	Класс качества (Талас: >5 → 3)	Улучшение	Положительное	Повышение устойчивости орошаемого земледелия
Водные ресурсы	Минерализация, сульфаты	Стабильно	Контролируемое	Ограничение для некоторых культур

Как видно из таблицы 1, наибольшее влияние на продовольственную безопасность региона оказывают процессы деградации почв, выражающиеся в снижении содержания гумуса и развитии дефляции. Указанные процессы приводят к снижению плодородия земель и уменьшению устойчивости сельскохозяйственного производства.

Снижение плодородия почв оказывает прямое влияние на устойчивость агропродовольственной системы региона, поскольку ухудшение агрохимических свойств земель сопровождается уменьшением урожайности сельскохозяйственных культур и ростом экологической уязвимости агроландшафтов. В долгосрочной перспективе деградационные процессы могут ограничивать эффективность использования земельных ресурсов и снижать уровень продовольственной обеспеченности населения (таблица 2).

Таблица 2. – Основные проявления деградации земель и их влияние на агропродовольственную систему Жамбылской области

Проявление деградации	Экологические последствия	Влияние на продовольственную безопасность
Снижение содержания гумуса	Потеря плодородия почв	Снижение урожайности сельскохозяйственных культур
Дефляция	Разрушение верхнего почвенного горизонта	Ухудшение структуры и продуктивности земель
Вторичное засоление	Нарушение водно-солевого баланса	Ограничение выращивания сельскохозяйственных культур
Опустынивание	Сокращение продуктивных земель	Повышение рисков продовольственной нестабильности

Представленные данные показывают, что деградационные процессы оказывают комплексное воздействие на устойчивость агропродовольственной системы региона. Наиболее существенным фактором является снижение содержания гумуса, поскольку именно органическое вещество определяет уровень плодородия, влагоудерживающую способность и биологическую активность почв.

Развитие дефляции и процессов опустынивания усиливает экологическую уязвимость агроландшафтов и способствует сокращению продуктивных сельскохозяйственных земель. В долгосрочной перспективе данные процессы могут привести к снижению эффективности сельскохозяйственного производства и росту рисков продовольственной нестабильности.

При этом результаты мониторинга показывают, что концентрации тяжёлых металлов в почвах не превышают предельно допустимых концентраций, что свидетельствует об отсутствии критических рисков загрязнения пищевой продукции.

Положительная динамика качества поверхностных вод, особенно в бассейне реки Талас, указывает на снижение антропогенной нагрузки и улучшение условий для орошаемого земледелия. Вместе с тем наличие локальных превышений загрязняющих веществ в атмосферном воздухе создаёт потенциальные риски для агроландшафтов и требует усиления природоохранных мероприятий. Аналогичные тенденции характерны для других аридных регионов Центральной Азии, где деградация земель рассматривается как один из основных факторов снижения устойчивости сельскохозяйственного производства [4].

Особое значение для оценки экологической устойчивости региона имеет пространственная дифференциация загрязнения атмосферного воздуха, отражающая уровень антропогенной нагрузки в населённых пунктах Жамбылской области. Результаты мониторинга атмосферного воздуха свидетельствуют о значительной пространственной неоднородности загрязнения в пределах региона, что отражает различия в промышленной и транспортной нагрузке.

Данные таблицы 3 показывают, что наиболее напряжённая экологическая ситуация наблюдается в городе Таразе, где фиксируются многочисленные превышения предельно допустимых концентраций сероводорода, оксида углерода и диоксида азота. Это связано с высокой плотностью автотранспорта и воздействием промышленных предприятий.

Таблица 3. – Пространственная дифференциация загрязнения атмосферного воздуха (2024 г.)

Населённый пункт	Уровень загрязнения	Основные загрязнители	Количество превышений ПДК	Интерпретация
Тараз	Повышенный	H_2S, CO, NO_2	>600 случаев	Высокая транспортная и промышленная нагрузка
Шу	Низкий	H_2S, O_3	>1400 случаев	Локальные выбросы и климатические факторы
Каратау	Повышенный	Промышленные выбросы	Н/д	Влияние горнодобывающей отрасли

продолжение таблицы 3

Жанатас	Низкий	-	Низкий уровень	Экологически стабильная зона
Кордай	Низкий	H_2S, O_3	~300 случаев	Локальное загрязнение

Несмотря на общий низкий уровень загрязнения в городе Шу, количество зарегистрированных превышений ПДК является наибольшим среди исследуемых населённых пунктов, что может быть обусловлено сочетанием локальных выбросов и неблагоприятных метеорологических условий. В городе Шу количество превышений ПДК по сероводороду достигло 1129 случаев, что почти в 1,8 раза превышает аналогичный показатель города Тараза. Это указывает на высокую локальную концентрацию загрязняющих веществ и недостаточную эффективность их рассеивания.

Для Каратау характерно влияние горнодобывающей промышленности, тогда как Жанатас демонстрирует наиболее стабильные экологические показатели. В селе Кордай загрязнение носит локальный характер и связано преимущественно с сероводородом и приземным озоном. По данным международных исследований, загрязнение атмосферного воздуха в промышленных и транспортных узлах оказывает негативное влияние на агроэкосистемы и может снижать качество сельскохозяйственной продукции [5].

Полученные результаты свидетельствуют о пространственной неоднородности экологической нагрузки в пределах региона, что необходимо учитывать при разработке мер по обеспечению продовольственной безопасности и экологическому мониторингу.

Мониторинг качества поверхностных вод Жамбылской области в 2024 году осуществлялся на 13 створах восьми водных объектов, включая реки Шу, Талас, Асса, Аксу, Карабалта, Токташ, Сарыкау, озеро Биликоль и Тасоткельское водохранилище. При изучении поверхностных вод в отбираемых пробах воды определяются 36 физико-химических показателей качества: визуальные наблюдения, расход воды, температура воды, водородный показатель, прозрачность, растворенный кислород, взвешенные вещества, БПК5, ХПК, главные ионы солевого состава, биогенные элементы, органические вещества (нефтепродукты, фенолы), тяжелые металлы, пестициды. Комплексный гидрохимический анализ позволил оценить степень антропогенной нагрузки на водные объекты и определить потенциальные риски для орошаемого земледелия и агропродовольственной системы региона.

Информация о качестве поверхностных вод в Жамбылской области за 2023-2024 годы представлена в таблице 4.

Таблица 4. – Качество поверхностных вод в Жамбылской области на 2023-2024 годы

Наименование водного объекта	Класс качества воды		Параметры	Ед. изм.	Концентрация в 2024 году
	за 2023 год	за 2024 год			
река Талас	не нормируется (>5 класс)	3 класс	Магний	мг/дм^3	27,63
река Асса	3 класс	3 класс	Магний	мг/дм^3	22,56
река Шу	3 класс	3 класс	Магний	мг/дм^3	25,02
река Карабалта	5 класс	4 класс	Магний	мг/дм^3	58,18
			Сульфаты	мг/дм^3	596,58
			Минерализация	мг/дм^3	1339,5
река Аксу	4 класс	4 класс	Магний	мг/дм^3	43,27
река Токташ	не нормируется (>5 класс)	4 класс	Магний	мг/дм^3	46,84
Вдхр. Тасоткель	5 класс	4 класс	Взвешенные вещества	мг/дм^3	82,0

Как видно из таблицы 3, в 2024 году для большинства исследуемых водных объектов Жамбылской области наблюдалась положительная динамика качества поверхностных вод. Наиболее значительное улучшение зафиксировано в реке Талас, где качество воды изменилось

с уровня выше 5 класса до 3 класса, что свидетельствует о снижении антропогенной нагрузки и стабилизации гидрохимических показателей.

Улучшение качества воды также отмечено в реках Карабалта и Токташ, а также в Тасоткельском водохранилище, где наблюдался переход с 5 класса к 4 классу качества. В реках Шу и Асса существенных изменений не выявлено, что свидетельствует об относительной стабильности гидроэкологической ситуации.

Основными загрязняющими веществами являются магний, сульфаты, минерализация и взвешенные вещества. Повышенные значения минерализации характерны для аридных территорий и связаны как с природными геохимическими особенностями региона, так и с интенсивным сельскохозяйственным водопользованием [5].

Отсутствие случаев экстремально высокого загрязнения свидетельствует о сохранении удовлетворительного экологического состояния поверхностных вод и возможности их дальнейшего использования в целях орошаемого земледелия и продовольственного обеспечения региона.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что экологические факторы оказывают определяющее влияние на устойчивость агропродовольственных систем аридных регионов. Наиболее существенным ограничивающим фактором для Жамбылской области выступают процессы деградации земель, сопровождающиеся снижением содержания гумуса, ухудшением структуры почв и развитием дефляции.

Снижение содержания органического вещества приводит к уменьшению влагоудерживающей способности почв, ухудшению агрофизических свойств и сокращению биологической продуктивности агроландшафтов. В условиях аридного климата данные процессы усиливают риски опустынивания и снижения урожайности сельскохозяйственных культур.

Полученные результаты согласуются с международными исследованиями, в которых деградация земель рассматривается как один из ключевых факторов глобальных рисков продовольственной безопасности и устойчивого сельскохозяйственного развития.

Несмотря на наличие локальных превышений загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, общий уровень загрязнения в большинстве населённых пунктов Жамбылской области оценивается как относительно низкий. Вместе с тем зафиксированные превышения по сероводороду, оксиду углерода и приземному озону в городах Тараз и Шу свидетельствуют о высокой локальной антропогенной нагрузке.

Значительное количество случаев превышения ПДК по сероводороду может быть связано как с промышленными выбросами, так и с особенностями рассеивания загрязняющих веществ в условиях городской застройки и климатических характеристик региона. Дополнительным фактором загрязнения выступает автотранспорт, особенно на участках с интенсивным движением.

По данным Всемирной организации здравоохранения, загрязнение атмосферного воздуха оказывает негативное влияние не только на состояние окружающей среды, но и на качество сельскохозяйственной продукции и безопасность продовольственных систем.

Особое значение для продовольственной безопасности региона имеет состояние водных ресурсов, поскольку сельское хозяйство Жамбылской области в значительной степени зависит от орошаемого земледелия. Формирование речного стока преимущественно за счёт трансграничных водных ресурсов повышает уязвимость агропродовольственной системы к изменениям гидрологического режима и качественного состояния воды.

Положительная динамика качества поверхностных вод свидетельствует о снижении экологической нагрузки на отдельные водные объекты региона. Однако сохраняющаяся минерализация, содержание сульфатов и взвешенных веществ продолжают оказывать негативное влияние на состояние орошаемых земель.

В условиях аридного климата повышенная минерализация вод может способствовать вторичному засолению почв, снижению эффективности сельскохозяйственного производства и усилению деградации агроландшафтов. Дополнительным фактором экологической уязвимости региона являются климатические изменения, сопровождающиеся ростом температур, увеличением засушливости и изменением гидрологического режима трансграничных рек. В условиях аридного климата данные процессы способны усиливать деградацию земель и повышать риски нестабильности продовольственного обеспечения. Аналогичные тенденции

характерны для других регионов Центральной Азии, где дефицит и качество водных ресурсов рассматриваются как ключевые ограничения устойчивого развития аграрного сектора.

В условиях возрастающей экологической нагрузки особую роль приобретают пищевые технологии, ориентированные на рациональное использование сельскохозяйственного сырья, снижение потерь продукции и повышение устойчивости продовольственных систем. Внедрение ресурсосберегающих технологий переработки позволяет повысить эффективность использования сырьевых ресурсов и частично компенсировать последствия деградации земель.

Существенное значение также имеют технологии, направленные на повышение экологической безопасности пищевой продукции, снижение уровня загрязняющих веществ и минимизацию производственных отходов. Развитие данных направлений рассматривается как один из механизмов адаптации агропродовольственного сектора к экологическим ограничениям аридных территорий.

Заключение

Проведённое исследование показало, что продовольственная безопасность Жамбылской области в значительной степени определяется состоянием природно-ресурсной среды и уровнем экологической устойчивости агроландшафтов. Установлено, что ключевыми ограничениями устойчивого развития агропродовольственной системы региона выступают деградация земель, локальное загрязнение атмосферного воздуха и высокая зависимость от трансграничных водных ресурсов.

Результаты исследования показали, что концентрации тяжёлых металлов в почвах Жамбылской области не превышают допустимых нормативов, что свидетельствует об относительно благоприятном состоянии почвенного покрова по исследуемым показателям. Вместе с тем выявлены процессы деградации земель, связанные со снижением содержания гумуса, развитием дефляции и рисками вторичного засоления почв.

Установлено также, что качество поверхностных вод в ряде водных объектов демонстрирует положительную динамику, однако сохраняющаяся минерализация и содержание взвешенных веществ продолжают оставаться потенциальными факторами экологического риска.

Полученные результаты подтверждают необходимость внедрения ресурсосберегающих и экологически ориентированных пищевых технологий, направленных на повышение качества и безопасности продукции, снижение экологической нагрузки и рациональное использование природных ресурсов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке региональных программ экологической и продовольственной безопасности, совершенствовании системы экологического мониторинга и внедрении адаптивных технологий устойчивого природопользования. Полученные результаты могут быть использованы при разработке региональных программ рационального водопользования, мониторинга деградации земель и внедрения экологически безопасных технологий переработки сельскохозяйственного сырья.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой интегральных индексов экологической устойчивости агропродовольственных систем, применением геоинформационных технологий мониторинга и оценкой влияния климатических изменений на продовольственную безопасность аридных регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Food and Agriculture Organization of the United Nations. The State of the World’s Land and Water Resources for Food and Agriculture – Systems at Breaking Point. – Rome: FAO, 2021. – 308 p.

2 Food and Agriculture Organization of the United Nations. Europe and Central Asia – Regional Overview of Food Security and Nutrition 2024. – Rome: FAO, 2024. – 180 p.

3 РГП «Казгидромет». Ежемесячный информационный бюллетень о состоянии окружающей среды Республики Казахстан за 2024 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kazhydromet.kz (дата обращения: 04.05.2026).

4 United Nations Economic Commission for Europe. Water resources management in Central Asia under climate change conditions. – New York: UNECE, 2021. – 112 p.

5 World Health Organization. Air pollution and agriculture: impacts on food production and environmental sustainability. – Geneva: WHO, 2022. – 145 p.

REFERENCES

1 Food and Agriculture Organization of the United Nations. The State of the World's Land and Water Resources for Food and Agriculture (2021). – Systems at Breaking Point. – Rome: FAO. – 308 p.
2 Food and Agriculture Organization of the United Nations. Europe and Central Asia – Regional Overview of Food Security and Nutrition 20242024. – Rome: FAO. – 180 p.
3 RGP «Kazgidromet». Ezhemesyachnyj informacionnyj byulleten' o sostoyanii okruzhayushchej sredy Respubliki Kazahstan za 2024 god [Monthly information bulletin on the state of the environment of the Republic of Kazakhstan for 2024] (2024). – Rezhim dostupa: https://www.kazhydromet.kz (data obrashcheniya: 04.05.2026) [in Russian].
4 United Nations Economic Commission for Europe. Water resources management in Central Asia under climate change conditions (2021). – New York: UNECE. – 112 p.
5 World Health Organization. Air pollution and agriculture: impacts on food production and environmental sustainability (2022). – Geneva: WHO. – 145 p.

Ж.Б. Исаева[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Жамбыл облысының азық-түлік қауіпсіздігіне әсер ететін экологиялық факторларды тағамдық технологияларды дамыту контекстінде кешенді бағалау

Аридтік өңірлерде азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету жердің тозуы, су ресурстарының тұрақсыздығы және жергілікті экологиялық ластанулардың әсерімен күрделене түседі, бұл агроазық-түлік жүйесінің тұрақтылығын төмендетіп, ауыл шаруашылығы өнімдерінің сапасына және өңдеу мүмкіндіктеріне кері әсер етеді.

Бұл жұмыстың мақсаты Жамбыл облысында экологиялық факторлардың азық-түлік қауіпсіздігіне әсерін бағалау және тағамдық технологиялардың өнім сапасы мен қауіпсіздігін арттырудағы рөлін негіздеу болып табылады.

Зерттеу барысында жүйелік талдау, салыстырмалы-географиялық тәсіл және 2023-2024 жылдардағы топырақ, атмосфералық ауа және жерүсті сулары бойынша экологиялық мониторинг деректерін кешенді өңдеу және нәтижелерін ғылыми тұрғыдан талдау қолданылды.

Зерттеу нәтижесінде қарашірік мөлшерінің төмендеуі мен дефляциялық үдерістердің күшеюі жердің тозуы негізгі шектеуші факторы екені анықталды. Ескере кететін жайт, деректерге сүйенсек, топырақтағы ауыр металдардың концентрациясы рұқсат етілген деңгейден аспайтындығы дәлелденді. Атмосфералық ауада жалпы ластану деңгейі төмен болғанымен, жекелеген аумақтарда шекті рұқсат етілген концентрациядан асу жағдайлары тіркелген. Беттік сулар сапасының жақсаруы байқалып, экстремалды ластану анықталмаған. Жоғарыда алынған нәтижелер ресурстарды үнемдейтін технологияларды енгізудің маңыздылығын көрсетеді және өңірлік саясатта қолданылуы мүмкін.

Түйін сөздер: азық-түлік қауіпсіздігі, тағамдық технологиялар, жердің тозуы, су ресурстары, ауа ластануы, экологиялық мониторинг, тұрақты даму.

Zh. Isaeva[1]
[1]Innovative Eurasian University, Kazakhstan

Integrated assessment of environmental factors influencing food security in the Zhambyl region in the context of food technology development

In arid regions, food security is constrained by land degradation, unstable water resources, and localized environmental pollution, which reduce the resilience of agri-food systems and negatively affect product quality and processing potential.

The purpose of the study was to assess the impact of environmental factors on food security in the Zhambyl region and to substantiate the role of food technologies in improving product quality and safety.

The study applies a systems approach, comparative geographical analysis, and environmental monitoring data on soils, air, and surface waters for 2023-2024, followed by scientific interpretation of the results.

Land degradation, including humus decline and deflation processes, is identified as the main limiting factor for agricultural productivity. Heavy metal concentrations in soils remain within permissible limits. Air quality is generally characterized by low pollution levels, although local exceedances of maximum allowable concentrations are observed. Surface water quality shows a positive trend with no cases of extreme pollution. The findings emphasize the importance of implementing resource-efficient and treatment technologies and can be used in developing regional food security policies.

Keywords: food security, food technologies, land degradation, water resources, air pollution, environmental monitoring, sustainability.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.

УДК 004.056:004.8
МРНТИ 20.01.45

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/102-107

А.Ғ. Керім[1]*
[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
*(e-mail kerim_ag_2@enu.kz)

Криптография мен жасанды интеллект интеграциясы: ақпараттық қауіпсіздік жүйелерінің тиімділігін арттыру

Аңдатпа

Негізгі мәселе: Қазіргі цифрлық қоғам жағдайында ақпараттық жүйелердің дамуы деректер қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесінің маңыздылығын арттырып отыр. Осыған байланысты криптография мен жасанды интеллект технологияларының өзара әрекеттесуін зерттеу өзекті ғылыми бағыттардың біріне айналды.

Мақсаты: Бұл мақалада криптографиялық жүйелерде жасанды интеллект технологияларын қолданудың мүмкіндіктері, қауіптері және даму перспективалары қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – дәстүрлі криптографиялық алгоритмдер мен жасанды интеллект негізінде оңтайландырылған алгоритмдердің тиімділігін салыстырмалы түрде талдау.

Әдістері: Зерттеу барысында эксперименттік модельдеу әдісі қолданылып, әртүрлі көлемдегі деректерді шифрлау уақыты өлшенді.

*Нәтижелер және олардың маңыздылығы:*Алынған нәтижелер жасанды интеллект негізіндегі алгоритмдер дәстүрлі әдістермен салыстырғанда жоғары өнімділік көрсететінін анықтады. Сонымен қатар жасанды интеллект криптографиялық жүйелердегі осалдықтарды анықтау және қауіпсіздік жүйелерін бейімдеу мүмкіндігін арттырады. Зерттеу нәтижелері криптография мен жасанды интеллект интеграциясы ақпараттық қауіпсіздік жүйелерін жетілдірудің маңызды бағыты екенін көрсетеді.

Түйінді сөздер: криптография, жасанды интеллект, ақпараттық қауіпсіздік, шифрлау алгоритмдері, криптоанализ, машиналық оқыту, деректерді қорғау, киберқауіпсіздік.

Кіріспе

Қазіргі цифрлық қоғам жағдайында ақпараттық жүйелердің күрделенуі мен деректер көлемінің қарқынды артуы ақпараттық қауіпсіздік мәселелерінің маңыздылығын арттырып отыр. Деректердің құпиялылығын, тұтастығын және қолжетімділігін қамтамасыз етудің негізгі құралдарының бірі – криптографиялық әдістер болып табылады. Бүгінгі таңда AES, RSA сияқты криптографиялық алгоритмдер көптеген ақпараттық жүйелерде кеңінен қолданылады.

Алайда үлкен көлемдегі деректерді өңдеу барысында дәстүрлі криптографиялық алгоритмдердің есептеу шығындары айтарлықтай өседі. Бұл мәселе әсіресе бұлттық есептеулер, үлкен деректер (Big Data) және IoT жүйелерінде өзекті болып отыр. Сондықтан криптографиялық жүйелердің өнімділігін арттыру үшін жаңа технологияларды қолдану қажеттілігі туындады.

Соңғы жылдары жасанды интеллект (Artificial Intelligence) және машиналық оқыту әдістері ақпараттық қауіпсіздік саласында кеңінен зерттелуде. AI алгоритмдері жүйелердің жұмыс параметрлерін автоматты түрде бейімдеуге, деректерді талдауға және қауіптерді алдын ала анықтауға мүмкіндік береді. Осыған байланысты криптография мен жасанды интеллект технологияларының интеграциясы ақпараттық қауіпсіздік саласындағы перспективалы ғылыми бағыттардың бірі болып саналады.

Осы зерттеудің негізгі мақсаты – дәстүрлі криптографиялық алгоритмдер мен жасанды интеллект негізінде оңтайландырылған алгоритмдердің өнімділігін салыстырмалы түрде талдау.

Зерттеу барысында келесі міндеттер қойылды:

- криптографиялық алгоритмдердің жұмыс тиімділігін бағалау;
- деректер көлеміне байланысты шифрлау уақытының өзгеруін анықтау;
- AI қолдану арқылы алгоритмдердің өнімділігін арттыру мүмкіндігін зерттеу;

– алынған нәтижелерді салыстырмалы талдау.

Зерттеу әдістері

Зерттеу барысында криптографиялық алгоритмдердің өнімділігін бағалау үшін салыстырмалы талдау және эксперименттік модельдеу әдістері қолданылды. Бұл тәсілдер криптографиялық жүйелердің тиімділігін зерттеуде кеңінен қолданылатын ғылыми әдістердің қатарына жатады.

Зерттеу әдістемесі қолданбалы криптография және жасанды интеллект саласындағы ғылыми еңбектерге негізделді. Атап айтқанда, криптографиялық алгоритмдердің теориялық негіздері В. Столлингс [1], Дж. Кац және Й. Линделл [2], сондай-ақ Б. Шнайер [3] еңбектерінде сипатталған криптографиялық жүйелерді талдау қағидаттарына сүйене отырып қарастырылды. AES және RSA алгоритмдерінің құрылымы мен жұмыс істеу ерекшеліктері Р. Ривест, А. Шамир, Л. Адлеман [10] және Й. Даэмен мен В. Реймен [11] еңбектеріндегі классикалық модельдер негізінде таңдалды.

Жасанды интеллект және машиналық оқыту әдістерін қолдану тәсілдері И. Гудфеллоу, Й. Бенджио және А. Курвилльдің Deep Learning еңбегіндегі нейрондық желілер мен алгоритмдерді оңтайландыру принциптеріне, сондай-ақ С. Рассел мен П. Норвигтің жасанды интеллект жүйелерін талдау әдістеріне негізделді [4;5]. Сонымен қатар киберқауіпсіздік саласында жасанды интеллект қолдану мәселелері Y. Chen және әріптестерінің зерттеулерінде қарастырылған тәсілдерге сүйенді [13].

Эксперименттік зерттеу криптографиялық алгоритмдердің өнімділігін модельдеу арқылы жүргізілді. Мұндай тәсіл алгоритмдердің есептеу тиімділігін нақты жүйені толық іске қоспай-ақ бағалауға мүмкіндік береді. Эксперимент барысында әртүрлі көлемдегі тесттік деректер жиынтығы қолданылды: 100 МБ, 200 МБ, 400 МБ, 600 МБ, 800 МБ және 1000 МБ. Бұл деректер көлемдері ақпараттық жүйелердегі типтік жүктемені модельдеу мақсатында таңдалды.

Зерттеу барысында екі түрлі алгоритмдік тәсіл қарастырылды:

– дәстүрлі криптографиялық алгоритмдер (AES, RSA);

– жасанды интеллект негізінде оңтайландырылған алгоритмдер.

AI негізіндегі тәсілде машиналық оқыту алгоритмдері жүйенің есептеу жүктемесін және деректер көлемін талдау арқылы шифрлау алгоритмдерінің параметрлерін динамикалық түрде бейімдеу үшін қолданылды.

Алгоритмдердің тиімділігін бағалау үшін негізгі көрсеткіш ретінде шифрлау операциясының орындалу уақыты (секунд) алынды. Алынған нәтижелер кейіннен кестелер мен графиктер арқылы салыстырмалы түрде талданды.

Зерттеу логикасын көрсету мақсатында криптографиялық алгоритмдерді AI негізінде оңтайландырудың авторлық эксперименттік схемасы ұсынылды (Сурет 1). Бұл схема криптография және жасанды интеллект саласындағы ғылыми зерттеулерді талдау негізінде әзірленген тұжырымдамалық модель болып табылады.

Зерттеу нәтижелері

Эксперимент криптографиялық алгоритмдердің өнімділігін бағалау мақсатында жүргізілді. Зерттеу барысында деректер көлемінің өзгеруі шифрлау алгоритмдерінің жұмыс уақытына қалай әсер ететіні талданды. Эксперименттік зерттеу Python бағдарламалау ортасында жүзеге асырылды. Криптографиялық операцияларды іске асыру үшін PyCryptodome кітапханасы қолданылды, ал деректерді өңдеу және нәтижелерді визуализациялау үшін NumPy, Pandas және Matplotlib кітапханалары пайдаланылды.

Есептеу эксперименттері келесі аппараттық конфигурацияда орындалды:

Intel Core i7 процессоры, 16 ГБ жедел жады (RAM), Windows 10 операциялық жүйесі.

Эксперимент бірнеше кезеңнен тұрды:

– Әртүрлі көлемдегі тесттік деректер жиынтығын генерациялау (100 МБ, 200 МБ, 400 МБ, 600 МБ, 800 МБ және 1000 МБ).

– Әрбір деректер көлемі үшін AES және RSA алгоритмдері арқылы шифрлау операциясын орындау.

– Сол деректер жиынтығы үшін AI негізінде оңтайландырылған алгоритмді қолдану.

– Әрбір шифрлау операциясының орындалу уақытын секундпен өлшеу.

– Әрбір тәжірибені бірнеше рет қайталап, нәтижелердің орташа мәнін есептеу.

Алынған нәтижелер негізінде алгоритмдердің өнімділігін сипаттайтын сандық деректер қалыптастырылды. Бұл мәліметтер 1-кестеде көрсетілген.

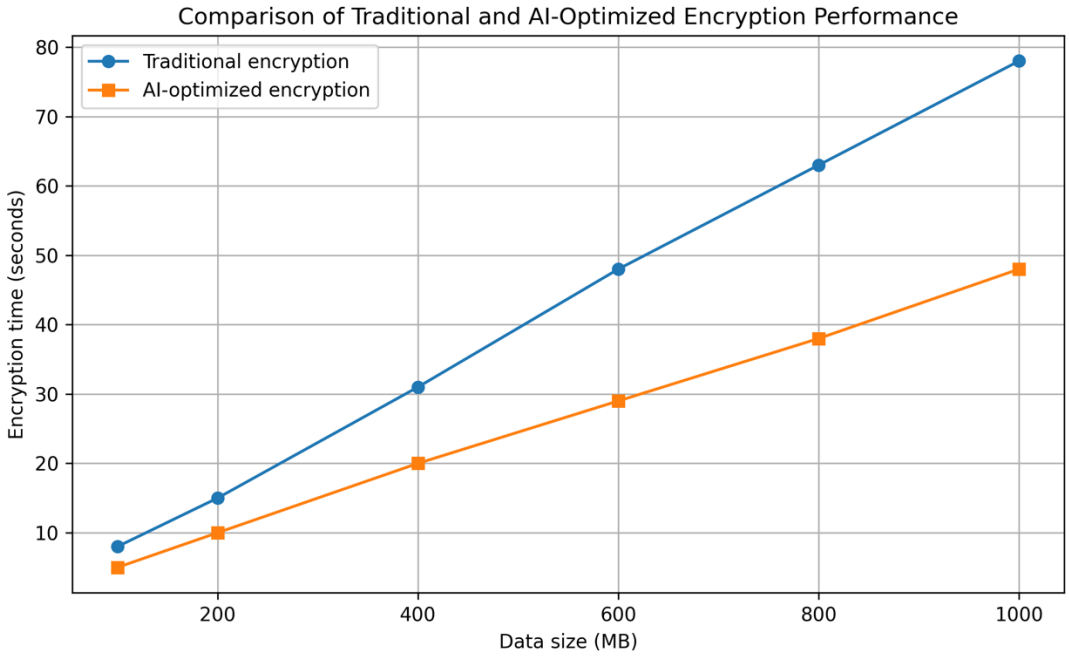
Кесте 1. – Деректер көлеміне байланысты шифрлау алгоритмдерінің өнімділігі

Деректер көлемі (МБ)	Дәстүрлі алгоритмдер (сек)	AI алгоритмдері (сек)
100	8	5
200	15	10
400	31	20
600	48	29
800	63	38
1000	78	48

Кестеден көріп отырғанымыздай, деректер көлемі артқан сайын дәстүрлі криптографиялық алгоритмдердің шифрлау уақыты айтарлықтай өседі. Мысалы, 100 МБ деректерді өңдеу кезінде шифрлау уақыты шамамен 8 секунд болса, 1000 МБ көлемінде бұл көрсеткіш 78 секундқа дейін артады.

Ал AI негізіндегі алгоритмдерді қолдану кезінде шифрлау уақыты салыстырмалы түрде төмен болады. Мысалы, 1000 МБ деректерді өңдеу кезінде AI алгоритмдерінің шифрлау уақыты шамамен 48 секундты құрады.

Кестеде көрсетілген сандық нәтижелер негізінде алгоритмдердің өнімділігін визуалды түрде көрсету үшін график құрастырылды.



Сурет 1. – Дәстүрлі және AI негізіндегі шифрлау алгоритмдерінің өнімділігін салыстыру

1-ші суретте көлденең осьте деректер көлемі (МБ), ал тік осьте шифрлау операциясының орындалу уақыты (секунд) көрсетілген. График екі түрлі алгоритмдік тәсілді салыстыруға мүмкіндік береді: дәстүрлі криптографиялық алгоритмдер және AI негізіндегі оңтайландырылған алгоритмдер.

График нәтижелері деректер көлемі артқан сайын дәстүрлі алгоритмдердің есептеу уақыты тез өсетінін көрсетеді. Ал AI негізіндегі алгоритмдерде уақыттың өсу қарқыны біршама төмен болады. Бұл жасанды интеллект алгоритмдерінің жүйе параметрлерін динамикалық түрде бейімдеу арқылы криптографиялық процестердің тиімділігін арттыра алатынын көрсетеді.

Осылайша, жүргізілген эксперимент нәтижелері AI технологияларын криптографиялық жүйелерде қолдану деректерді өңдеу жылдамдығын арттыруға және үлкен көлемдегі ақпаратпен жұмыс істеу тиімділігін жақсартуға мүмкіндік беретінін көрсетті.

Нәтижелерді талқылау

Жүргізілген эксперимент нәтижелері жасанды интеллект технологиялары криптографиялық жүйелердің тиімділігін арттыруда маңызды рөл атқара алатынын көрсетті. Машиналық оқыту әдістері шифрлау алгоритмдерінің параметрлерін динамикалық түрде өзгерту арқылы жүйенің жұмысын оңтайландыра алады.

AI қолданудың негізгі артықшылықтарына мыналар жатады:

– криптографиялық алгоритмдердің жұмыс жылдамдығын арттыру;
– қауіпсіздік жүйелеріндегі осалдықтарды автоматты түрде анықтау;
– қауіптерге бейімделетін адаптивті жүйелер құру мүмкіндігі.

Сонымен қатар AI қолданудың белгілі бір шектеулері де бар. Машиналық оқыту модельдерін әзірлеу және оқыту үшін үлкен есептеу ресурстары қажет. Сонымен қатар қауіпсіздік жүйелерінде AI қолдану деректердің құпиялылығы мен құқықтық реттеу мәселелерін туындатуы мүмкін.

Болашақта криптография мен жасанды интеллекттің интеграциясы келесі бағыттар бойынша дамуы мүмкін:

– кванттық есептеулерге төзімді криптографиялық алгоритмдерді әзірлеу;
– адаптивті қауіпсіздік жүйелерін дамыту;
– AI негізіндегі криптоанализ әдістерін жетілдіру.

Жалпы алғанда, жүргізілген зерттеу жасанды интеллект технологиялары криптографиялық жүйелердің тиімділігін арттырудың перспективалы құралы екенін көрсетеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеу криптография мен жасанды интеллект технологияларының өзара әрекеттесуі ақпараттық қауіпсіздік жүйелерін дамытуда маңызды рөл атқаратынын көрсетті. Эксперименттік талдау нәтижелері дәстүрлі криптографиялық алгоритмдер мен жасанды интеллект негізінде оңтайландырылған алгоритмдердің өнімділігі арасында айырмашылық бар екенін анықтады. Алынған нәтижелер жасанды интеллект технологияларын қолдану шифрлау процесінің тиімділігін арттыруға және деректерді өңдеу уақытын қысқартуға мүмкіндік беретінін дәлелдейді.

Сонымен қатар зерттеу барысында жасанды интеллект криптографиялық жүйелердегі осалдықтарды анықтау процесін автоматтандыруға, қауіпсіздік жүйелерінің адаптивтілігін арттыруға және ықтимал қауіптерді алдын ала анықтауға мүмкіндік беретіні анықталды. Бұл факторлар ақпараттық жүйелердің сенімділігі мен тұрақтылығын арттыруға ықпал етеді.

Сонымен бірге жасанды интеллектті криптография саласында қолдану белгілі бір қиындықтар мен шектеулерді де қамтиды. Оларға есептеу ресурстарының жоғары талаптары, машиналық оқыту модельдерін оқыту үшін үлкен деректер көлемінің қажеттілігі және қауіпсіздік жүйелерінде AI қолдануға байланысты құқықтық және этикалық мәселелер жатады.

Жалпы алғанда, криптография мен жасанды интеллекттің интеграциясы ақпараттық қауіпсіздік жүйелерінің тиімділігін арттырудың перспективалы бағыты болып табылады. Болашақ зерттеулер кванттық есептеулерге төзімді криптографиялық алгоритмдерді әзірлеуге, адаптивті қауіпсіздік жүйелерін жетілдіруге және AI негізіндегі криптографиялық әдістердің қауіпсіздігін тереңірек зерттеуге бағытталуы тиіс.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1 Stallings W. Cryptography and Network Security: Principles and Practice. – 7th ed. – Boston: Pearson Education, 2017. – 768 p.
2 Katz J., Lindell Y. Introduction to Modern Cryptography. – 2nd ed. – Boca Raton: CRC Press, 2015. – 640 p.
3 Schneier B. Applied Cryptography: Protocols, Algorithms and Source Code in C. – New York: John Wiley & Sons, 2015. — 816 p.
4 Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 652 p.
5 Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – 4th ed. – Boston: Pearson, 2021. – 1408 p.
6 Абдикеев Н.М., Тютюнник И.Г. Искусственный интеллект в экономике и управлении. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 336 с.
7 Малюк А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации. – Москва: Горячая линия–Телеком, 2020. – 312 с.

8 Хорошко В.А., Азаров А.А. Основы информационной безопасности. – Москва: Либроком, 2018. – 256 с.
9 Баранов А.А. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в условиях цифровизации // Информационное право. – 2020. – № 3. – С. 15–21.
10 Rivest R.L., Shamir A., Adleman L. A Method for Obtaining Digital Signatures and Public-Key Cryptosystems // Communications of the ACM. – 1978. – Vol. 21. – No. 2. – P. 120–126.
11 Daemen J., Rijmen V. The Design of Rijndael: AES – The Advanced Encryption Standard. – Berlin: Springer, 2002. – 238 p.
12 Dwork C., Roth A. The Algorithmic Foundations of Differential Privacy. – Boston: Now Publishers Inc., 2014. – 407 p.
13 Chen Y., Yu F.R., Song M., Zhang Z. Artificial Intelligence in Cyber Security: Research Advances and Challenges // IEEE Access. – 2018. – Vol. 6. – P. 35330–35341.
14 Boneh D., Shoup V. A Graduate Course in Applied Cryptography. – Stanford University, 2020. – 824 p.

REFERENCES

1 Stallings W. (2017). Cryptography and Network Security: Principles and Practice. 7th ed. – Boston: Pearson Education. – 768 p.
2 Katz J., Lindell Y. (2015). Introduction to Modern Cryptography. 2nd ed. – Boca Raton: CRC Press. – 640 p.
3 Schneier B. (2015) Applied Cryptography: Protocols, Algorithms and Source Code in C. – New York: John Wiley & Sons. – 816 p.
4 Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. (2016). Deep Learning. – Cambridge: MIT Press. – 652 p.
5 Russell S., Norvig P. (2021). Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. – Boston: Pearson. – 1408 p.
6 Abdikeev N.M., Tyutyunnik I.G. (2019). Iskusstvennyj intellekt v ekonomike i upravlenii. [Artificial intelligence in economics and management]. – Moscow: INFRA-M. – 336 p.
7 Malyuk A.A. (2020). Informatsionnaya bezopasnost′: kontseptual′nye i metodologicheskie osnovy zashchity informatsii. [Information Security: Conceptual and Methodological Foundations of Information Protection]. Moscow: Goryachaya Liniya-Telecom. – 312 p.
8 Khoroshko V.A., Azarov A.A. (2018). Osnovy informatsionnoj bezopasnosti. [Fundamentals of Information Security]. – Moscow: Librokom. – 256 p.
9 Baranov A.A. (2020). Pravovye aspekty obespecheniya informatsionnoj bezopasnosti v usloviyakh tsifrovizatsii. [Legal aspects of ensuring information security in the context of digitalization]. Informatsionnoe pravo – Information law. – No. 3. – P. 15-21.
10 Rivest R.L., Shamir A., Adleman L. (1978) A Method for Obtaining Digital Signatures and Public-Key Cryptosystems. Communications of the ACM. – Vol. 21. – No. 2. – P. 120–126.
11 Daemen J., Rijmen V. (2002). The Design of Rijndael: AES – The Advanced Encryption Standard. – Berlin: Springer. – 238 p.
12 Dwork C., Roth A. (2014). The Algorithmic Foundations of Differential Privacy. – Boston: Now Publishers Inc. – 407 p.
13 Chen Y., Yu F.R., Song M., Zhang Z. (2018). Artificial Intelligence in Cyber Security: Research Advances and Challenges. IEEE Access– Vol. 6. – P. 35330–35341.
14 Boneh D., Shoup V. (2020). A Graduate Course in Applied Cryptography. – Stanford University. – 824 p.

А.Ғ. Керім[1]
[1]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Интеграция криптографии и искусственного интеллекта: повышение эффективности систем информационной безопасности

В условиях стремительного развития цифровых технологий вопросы обеспечения безопасности данных приобретают особую актуальность. В этой связи исследование взаимодействия криптографии и технологий искусственного интеллекта становится одним из перспективных научных направлений. В данной статье рассматриваются возможности, риски и перспективы применения искусственного интеллекта в криптографических системах. Целью исследования является сравнительный анализ эффективности традиционных криптографических алгоритмов и алгоритмов, оптимизированных с использованием методов искусственного интеллекта. В ходе исследования применялось экспериментальное моделирование, в рамках которого измерялось время шифрования данных различного объема. Полученные результаты показали, что алгоритмы, оптимизированные с использованием искусственного интеллекта, демонстрируют более высокую производительность по сравнению с традиционными методами. Кроме того, использование искусственного интеллекта позволяет автоматизировать процесс обнаружения уязвимостей и повышает адаптивность систем информационной безопасности. Результаты исследования свидетельствуют о значительном потенциале интеграции криптографии и искусственного интеллекта для повышения эффективности систем защиты информации.

Ключевые слова: криптография, искусственный интеллект, информационная безопасность, алгоритмы шифрования, криптоанализ, машинное обучение, защита данных.

A.G. Kerim[1]
[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Integration of cryptography and artificial intelligence: enhancing the efficiency of information security systems

The rapid development of digital technologies has significantly increased the importance of ensuring data security. In this context, the study of the interaction between cryptography and artificial intelligence has become one of the most relevant research areas. This article examines the opportunities, risks, and future prospects of applying artificial intelligence technologies in cryptographic systems. The main objective of the study is to perform a comparative analysis of the efficiency of traditional cryptographic algorithms and algorithms optimized using artificial intelligence techniques. The research is based on experimental modeling, during which the encryption time for different data volumes was measured. The obtained results demonstrate that AI-optimized algorithms provide higher performance compared to traditional methods. In addition, artificial intelligence can automate the process of identifying vulnerabilities in cryptographic systems and improve the adaptability of security mechanisms. The findings indicate that the integration of cryptography and artificial intelligence has significant potential for enhancing modern information security systems.

Key words: cryptography, artificial intelligence, information security, encryption algorithms, cryptoanalysis, machine learning, data protection, cybersecurity.

Қолжазбаның редакцияға келіп түскен күні: 31.03.2026 ж.

Мақала авторлары туралы ақпарат
Сведения об авторах статей
Information about authors of articles

Берикова А.Т. – бакалавриат студенті, информатика кафедрасы, С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана қаласы, Қазақстан Республикасы. **Берикова А.Т.** – студент бакалавриата, кафедра информатики, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан. **Berikova, A.** – Bachelor's student, Department of Computer Science, S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: aruzhan8787@gmail.com

Илипов М.М. – физика және компьютерлік технологиялар магистрі, тәрбие және әлеуметтік жұмыс жөніндегі директордың орынбасары, аға оқытушы, информатика кафедрасы, С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана қаласы, Қазақстан Республикасы. **Илипов М.М.** – магистр физики и компьютерных технологий, заместитель директора по воспитательной и социальной работе, старший преподаватель, кафедра информатики, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан. **Ilipov, M.** – Master of Physics and Computer Technologies, Deputy Director for Educational and Social Affairs, Senior Lecturer, Department of Computer Science, S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: Marlen.illipov@mail.ru

Исаева Ж.Б. – PhD, Инновациялық Еуразия университетінің қауымдастырылған профессоры, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Исаева Ж.Б.** – PhD, ассоциированный профессор Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Zh. Issaeva** – PhD, Associate Professor of Innovative University of Eurasia, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: zhanetta.aysha@mail.ru

Керім А.Ғ. – техника ғылымдарының магистрі, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ оқытушысы, Астана. **Керім А.Ғ.** –магистр технических наук, преподаватель, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана. **Kerim, A.** – L.N. Gumilyov ENU Lecturer, Astana. E-mail: e-mail kerim_ag_2@enu.kz

ҚҰҚЫҚ

УДК 343.61
МРНТИ 10.77.51

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/109-114

Т.С. Дурманов[1*]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: timoha1976@mail.ru)

Убийство, совершенное в состоянии аффекта: проблемы разграничения с умышленным убийством

Аннотация

Основная проблема: Ключевой проблемой квалификации преступлений против жизни является системная сложность разграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта, от умышленного убийства (в том числе совершенного из мести или в ходе ссоры). На практике грань между внезапно возникшим сильным душевным волнением (физиологическим аффектом) и обычным эмоциональным возбуждением или спланированным умыслом часто оказывается размытой. Ошибки следствия и судов в оценке длительности психотравмирующей ситуации и триггерных действий потерпевшего приводят либо к необоснованно суровому наказанию лиц, действовавших в состоянии аффекта, либо, напротив, к неоправданному смягчению ответственности за умышленные преступления.

Цель: Целью статьи является комплексный уголовно-правовой и психолого-криминалистический анализ критериев аффектированного убийства, выявление дефектов судебно-следственной практики при его отграничении от смежных составов, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию нормативных критериев оценки внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Методы: В исследовании используются формально-догматический (нормативный), сравнительно-правовой, системно-структурный методы, а также комплексный анализ материалов судебной практики и заключений судебно-психиатрических и психологических экспертиз.

Результаты и их значимость: В ходе анализа выявлено, что суды часто игнорируют феномен «кумулятивного аффекта» (накопившейся агрессии в результате длительного домашнего насилия), ошибочно трактуя такие действия как предумышленные. Обоснована необходимость обязательного назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы во всех случаях, где подсудимый заявляет о дезориентации сознания. Разработан четкий алгоритм разграничения аффекта и умысла по временному интервалу и характеру посягательства. Практическая значимость заключается в минимизации судебных ошибок при квалификации насильственных преступлений против жизни.

Ключевые слова: Уголовное право, убийство в состоянии аффекта, умышленное убийство, сильное душевное волнение, судебно-психологическая экспертиза, кумулятивный аффект.

Введение

Защита человеческой жизни является приоритетной задачей уголовного законодательства любого правового государства. В системе преступлений против личности особое место занимают так называемые привилегированные составы, среди которых традиционно выделяется убийство, совершенное в состоянии аффекта. Данный правовой институт выступает проявлением принципа гуманизма и справедливости, поскольку законодатель дифференцирует ответственность, признавая, что сознание и воля человека в момент совершения преступления были существенно ограничены деструктивным поведением самого потерпевшего.

Однако в судебно-следственной практике отграничение аффектированного убийства от умышленного (совершенного на почве личных неприязненных отношений, в ходе ссоры или из

мести) остается одной из наиболее лакунарных и дискуссионных проблем. Эмоциональное возбуждение, вызванное конфликтом, часто ошибочно принимается следователями за юридически значимый аффект, либо, напротив, глубокая психологическая реакция жертвы длительного домашнего насилия трактуется как хладнокровный умысел. Ошибки в квалификации приводят к нарушению прав граждан и подрывают единообразие правоприменения. Настоящая статья направлена на комплексный юридический анализ критериев разграничения данных составов с привлечением данных судебной психологии.

Материалы и методы

Методологический фундамент исследования базируется на системном сочетании нормативно-правового (формально-догматического) и психолого-правового подходов.

В качестве материалов исследования послужили:

Уголовное законодательство (Общая и Особенная части) в сфере регулирования ответственности за преступления против жизни и здоровья.

Обобщенные материалы судебной практики, нормативные постановления Верховного Суда, а также конкретные кейсы по делам об умышленных и аффектированных убийствах.

Заключения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ).

Результаты

В ходе исследования системных дефектов квалификации были получены следующие результаты:

1. Выявление феномена «кумулятивного аффекта» как слепого пятна практики

Установлено, что суды и следственные органы демонстрируют жесткий стереотип в понимании аффекта, признавая его исключительно в формате классической «вспышки» – немедленной реакции на единичное насилие или оскорбление. Ситуации «кумулятивного (накопительного) аффекта», когда последней каплей становится незначительный повод, но сама вспышка подготовлена месяцами или годами издевательств со стороны потерпевшего, квалифицируются как умышленное убийство из мести. Суды ошибочно трактуют временной разрыв между первыми актами насилия и финальной реакцией как признак формирования хладнокровного, обдуманного умысла.

2. Смешение понятий «аффект» и «обида/месть» в ходе ссоры

Анализ судебных решений показал регулярное размывание критериев противоправности поведения потерпевшего. Обычная бытовая ссора, сопровождающаяся взаимными оскорблениями (где инициаторами выступают обе стороны), нередко ошибочно квалифицируется как убийство в состоянии аффекта, если виновный находился в состоянии сильного алкогольного или эмоционального возбуждения. Наблюдается подмена юридического понятия физиологического аффекта общеупотребительным понятием «вспыльчивости».

3. Игнорирование результатов психологических экспертиз

Выявлена системная проблема недооценки заключений психологов. Следствие нередко ставит перед экспертами некорректные вопросы либо трактует промежуточные выводы (например, наличие у виновного индивидуально-психологических особенностей в виде повышенной ранимости) как доказательство умысла на убийство, игнорируя факт сужения сознания в момент детонации конфликта.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования убедительно доказывают, что правоприменительная практика в вопросах отграничения аффектированного убийства от умышленного преступления до сих пор находится под сильным влиянием догматических стереотипов, сформировавшихся еще в середине прошлого века. Основная сложность кроется в комплексной, междисциплинарной природе самого института аффекта. Будучи по своей сути понятием психологическим и психофизиологическим, в уголовном праве он приобретает жесткие юридические рамки, которые далеко не всегда способны вместить в себя реальное многообразие и пластичность человеческой психики. Следственные органы, стремясь к максимальному упрощению процесса доказывания, зачастую игнорируют внутреннюю динамику развития эмоциональных состояний, заменяя глубокий психологический анализ формальным подсчетом минут, прошедших между действием потерпевшего и ответной реакцией обвиняемого [1].

Центральным узлом этой дискуссии выступает уголовно-правовой критерий «внезапности». В традиционном, поверхностном понимании следователя внезапность трактуется исключительно линейно: потерпевший совершил насилие или нанес тяжкое

оскорбление – виновный тут же, в ту же секунду, ответил физической агрессией. Если же между провокацией и действиями обвиняемого обнаруживается временной зазор (например, виновный ушел в другую комнату, сидел там полчаса, а затем вернулся и совершил убийство), следствие практически автоматически констатирует наличие умышленного убийства, совершенного из мести или в ходе ссоры.

Однако с точки зрения современной судебной психологии такой подход является грубейшей методологической ошибкой. Внезапность в контексте аффекта – это не характеристика скорости физического действия, а характеристика динамики психического состояния. Физиологический аффект может развиваться по кумулятивному (накопительному) типу. При кумулятивном аффекте психика человека, находящегося в условиях длительной психотравмирующей ситуации (например, жертвы системного семейно-бытового насилия, регулярных издевательств на работе или травли), работает в режиме непрерывного подавления агрессии и страха. Внешне такой человек может казаться абсолютно спокойным, однако внутри него происходит лавинообразное накопление эмоционального напряжения. В этой ситуации «последней каплей» (детонатором) может выступить абсолютно незначительный, на первый взгляд, повод – тихое циничное замечание, бытовой упрек или просто характерный жест потерпевшего. Для стороннего наблюдателя и для неискушенного следователя ответный взрыв ярости покажется неадекватным и «подготовленным», поскольку реальный масштаб издевательств, предшествовавших этому дню, просто выбрасывается за рамки уголовно-правовой оценки. Суды ошибочно трактуют этот финальный взрыв как хладнокровную, отсроченную месть, в то время как перед нами классическая разрядка кумулятивной системы психики, где сознательный контроль воли был полностью парализован.

Вторым важнейшимаспектом, требующим глубокого переосмысления, является механизм критического осмысления и целеполагания. При умышленном убийстве – даже если умысел возник мгновенно в ходе внезапной бытовой ссоры – волевая и интеллектуальная сферы виновного остаются сохранными. Субъект понимает, где он находится, осознает общественную опасность своего деяния, выбирает из множества предметов наиболее эффективное орудие преступления (например, целенаправленно идет на кухню за ножом) и координирует свои движения. Его удары точны, целенаправленны, и он способен остановиться в любой момент, если цель достигнута или изменились внешние обстоятельства.

Картина кардинально меняется при истинном аффекте, сопровождающемся сужением сознания. В этот момент поле восприятия преступника резко сужается до одного объекта – источника угрозы или оскорбления. Психика блокирует долгосрочное планирование, моральные фильтры и инстинкт самосохранения. Виновный действует импульсивно, хаотично, нанося множество беспорядочных ударов (нередко исчисляемых десятками) первым попавшимся под руку предметом, вне зависимости от его поражающей способности. Архитектоника места преступления при аффектированном убийстве всегда несет на себе явные следы эмоционального хаоса и дезориентации. Более того, сразу после выхода из этого состояния наступает так называемая постаффективная фаза (астенический синдром). Человек испытывает глубочайшее физическое и психическое истощение, впадает в ступор, плачет, нередко сам вызывает сотрудников полиции и скорую помощь, демонстрируя полную растерянность. Часто наблюдается частичная ретроградная амнезия – подсудимый искренне не помнит, как именно наносил удары. Игнорирование этих ярких психофизиологических маркеров следствием и судом и замена их сухой юридической формулировкой «на почве внезапно возникших неприязненных отношений» искажает саму суть правосудия.

Третья проблема лежит в плоскости алкогольного опьянения. В практической деятельности следователи часто путают обычную алкогольную растормаживаемость и агрессию с физиологическим аффектом. Алкоголь действительно снимает социальные запреты и делает поведение человека импульсивным, однако он не порождает аффект в его юридическом смысле. Физиологический аффект – это защитная реакция здоровой психики на сверхсильный внешний раздражитель, в то время как пьяная драка – это следствие химического подавления функции коры головного мозга. Разграничение этих состояний – прямая обязанность комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). К сожалению, на практике заключения экспертов-психологов нередко воспринимаются судами как факультативные документы. Если эксперт указывает, что подсудимый находился в состоянии «сильного эмоционального возбуждения, не достигшего степени аффекта», суд часто трактует это против обвиняемого, усиливая квалификацию до умышленного убийства, хотя

такое состояние также свидетельствует о существенном ограничении способности руководить своими действиями.

Для преодоления этих системных дефектов квалификации необходим уход от формального радикализма. Предложенная нами сравнительная таблица должна стать основой для формирования четких методических рекомендаций на уровне Верховного Суда. Необходимо нормативно закрепить, что [2]:

Длительность и глубина психотравмирующей ситуации (семейный деспотизм, шантаж, систематические унижения со стороны жертвы) являются самостоятельными и достаточными юридическими основаниями для признания наличия кумулятивного аффекта, даже если финальный повод со стороны жертвы казался незначительным.

Наличие на месте преступления признаков хаотичности действий, избыточности насилия (overkilling) и последующего астенического ступора виновного должно в обязательном порядке влечь за собой выдвижение следственной версии об аффектированном характере преступления и назначение КСППЭ с постановкой вопросов о сужении сознания и кумулятивных состояниях [3].

Оценочные категории «тяжкое оскорбление» и «издевательство» должны интерпретироваться не с позиции субъективного мнения следователя, а с учетом индивидуально-психологических особенностей и уязвимостей конкретного обвиняемого, чьи адаптивные механизмы могли быть разрушены поведением потерпевшего.

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы:

– Эффективное расследование серийных преступлений против личности в современных условиях невозможно в рамках изолированных ведомственных подходов. Требуется жесткая интеграция криминалистических, экспертных и психологических знаний.

– Главными факторами успешного реформирования системы должны стать: нормативное признание поведенческого следа как полноценного объекта криминалистического анализа, внедрение сквозных цифровых систем учета серийных признаков и создание постоянных мультидисциплинарных следственных групп.

– Решение указанных методологических проблем позволит распознавать серийный характер преступлений на самых ранних этапах (после 2-го, а в некоторых случаях и 1-го эпизода), что минимизирует количество потенциальных жертв, повысит раскрываемость наиболее тяжких преступлений и укрепит доверие общества к институтам справедливого правосудия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 2017. – 368 с.
2 Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 421 с.
3 Ситковская О.Д. Аффект: Криминологический и судебно-психологический контекст. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 192 с.

REFERENCES

1 Antonyan, Yu.M., Enikeev, M.I., Eminov, V.E. (2017). Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy [Psychology of the criminal and crime investigation]. Moscow: Yurist. [In Russian]
2 Safuanov, F.S. (2022). Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: uchebnik dlya vuzov [Forensic psychological examination: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt Publishing House. [In Russian]
3 Sitkovskaya, O.D. (2018). Affekt: Kriminologicheskiy i sudebno-psikhologicheskiy kontekst [Affect: Criminological and forensic psychological context]. Moscow: Yurlitinform. [In Russian]

Т.С. Дурманов[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Аффект жағдайында жасалған кісі өлтіру: оны қасақана кісі өлтіруден ажырату мәселелері

Өмірге қарсы қылмыстарды саралаудың негізгі мәселесі – жан күйзелісі (аффект) жағдайында жасалған кісі өлтіруді қасақана кісі өлтіруден (соның ішінде кек алу немесе жанжал барысында жасалған) ажыратудың жүйелі күрделілігі болып табылады. Практикада кенеттен пайда болған күшті жан толқыны (физиологиялық аффект) мен әдеттегі эмоционалды қозу немесе алдын ала жоспарланған ниет арасындағы шекара көбінесе бұлыңғыр болады. Тергеу мен соттардың жәбірленушінің психотравмалық жағдайының ұзақтығын және триггерлік әрекеттерін бағалаудағы қателіктері аффект жағдайында әрекет еткен адамдарға негізсіз қатал жаза қолдануға немесе, керісінше, қасақана қылмыстар үшін жауаптылықты негізсіз жеңілдетуге әкеледі.

Мақаланың мақсаты – аффект жағдайындағы кісі өлтіру критерийлеріне кешенді қылмыстық-құқықтық және психологиялық-криминалистикалық талдау жасау, оны аралас құрамдардан ажырату кезіндегі сот-тергеу практикасының дефектілерін анықтау, сондай-ақ кенеттен пайда болған күшті жан толқынын бағалаудың нормативтік критерийлерін жетілдіру бойынша ғылыми негізделген ұсынымдарды әзірлеу.

Зерттеуде формальды-догматикалық (нормативтік), салыстырмалы-құқықтық, жүйелі-құрылымдық әдістер, сондай-ақ сот практикасы материалдары мен сот-психиатриялық және психологиялық сараптамалар қорытындыларын кешенді талдау қолданылады.

Талдау барысында соттардың «кумулятивтік аффект» (ұзақ уақыт бойы үйдегі зорлық-зомбылық нәтижесінде жинақталған агрессия) феноменін жиі ескермей, мұндай әрекеттерді қасақана деп қате түсіндіретіні анықталды. Жауапкердің санасының дезориентациясы туралы мәлімдеген барлық жағдайларда кешенді сот психологиялық-психиатриялық сараптамасын міндетті түрде тағайындау қажеттілігі негізделді. Тәжірибелік маңыздылығы өмірге қарсы зорлық-зомбылық қылмыстарын саралау кезінде сот қателіктерін барынша азайту болып табылады.

Негізгі сөздер: Қылмыстық құқық, аффект жағдайында кісі өлтіру, қасақана кісі өлтіру, күшті жан толқыны, сот-психологиялық сараптама, кумулятивтік аффект.

T.S. Durmanov[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Murder Committed in a State of Affect: Problems of Differentiating from Intentional Murder

The key problem in the qualification of crimes against life is the systemic complexity of differentiating murder committed in a state of affect (temporary insanity/passion) from intentional murder (including those motivated by revenge or committed during an altercation). In practice, the boundary between sudden intense mental agitation (physiological affect) and ordinary emotional excitement or planned intent often remains blurred. Mistakes by investigators and courts in assessing the duration of the psychotraumatic situation and the trigger actions of the victim lead either to unjustifiably harsh punishment for individuals acting in a state of affect, or, conversely, to the unwarranted mitigation of liability for intentional crimes.

The purpose of the article is a comprehensive legal, psychological, and forensic analysis of the criteria for affected murder, identification of defects in judicial and investigative practice during its separation from related offenses, and the development of scientifically grounded recommendations for improving normative criteria for assessing sudden intense mental agitation.

The study utilizes formal-dogmatic (normative), comparative-legal, and systemic-structural methods, along with a comprehensive analysis of judicial practice materials and the findings of forensic psychiatric and psychological examinations.

The analysis revealed that courts often ignore the phenomenon of "cumulative affect" (aggression accumulated due to prolonged domestic violence), erroneously interpreting such actions as

premeditated. The necessity of mandatory appointment of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in all cases where the defendant claims disorientation of consciousness is substantiated. The practical significance lies in minimizing judicial errors in the qualification of violent crimes against life.

Keywords: Criminal law, murder committed in a state of affect, intentional murder, intense mental agitation, forensic psychological examination, cumulative affect.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.

УДК 343.62
МРНТИ 10.77.51

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/115-119

Т.С. Дурманов[1*]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: timoha1976@mail.ru)

Уголовно-правовая квалификация истязания: проблемы отграничения от систематических побоев и умышленного причинения вреда здоровью

Аннотация

Основная проблема: Ключевой проблемой правоприменения при квалификации насильственных преступлений против личности является размытость критериев отграничения истязания от смежных составов: систематических побоев и умышленного причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью. Изменения в уголовном законодательстве, направленные на декриминализацию или повторную криминализацию бытового насилия, создали правовые коллизии. На практике следственные органы часто заменяют сложную в доказывании статью «Истязание» более простыми составами (побои), игнорируя системный характер психических и физических страданий жертвы. И наоборот, разовые конфликты с причинением вреда здоровью ошибочно трактуются как истязание, что ведет к нарушению принципа справедливости наказания.

Цель: Целью статьи является комплексный уголовно-правовой анализ диспозиции статьи «Истязание», выявление материальных и психологических критериев его отграничения от побоев и причинения вреда здоровью, а также разработка четких методических рекомендаций для судебно-следственных органов по квалификации систематического насилия.

Методы: В работе использованы формально-догматический метод (анализ уголовного закона), сравнительно-правовой метод, системно-структурный подход, а также контент-анализ материалов судебной практики и заключений судебно-медицинских и психологических экспертиз.

Результаты и их значимость: В ходе исследования доказано, что ключевым маркером истязания выступает не просто кратность действий, а особая цель — причинение глубоких психических страданий и установление контроля над жертвой. Предложен авторский алгоритм исчисления «систематичности». Обоснована необходимость обязательного проведения судебно-психологической экспертизы для фиксации морального ущерба при истязании. Практическая значимость заключается в выработке рекомендаций, позволяющих исключить следственные ошибки и повысить уровень правовой защиты жертв домашнего насилия.

Ключевые слова: Уголовное право, истязание, систематические побои, вред здоровью, семейно-бытовое насилие, квалификация преступлений, психические страдания.

Введение

Трансформация уголовного законодательства Республики Казахстан в 2024–2026 годах, направленная на жесткое противодействие семейно-бытовому насилию, актуализировала фундаментальные проблемы квалификации насильственных преступлений. Одной из наиболее сложных дилемм для следственно-судебной практики является применение статьи «Истязание». Данный состав традиционно находится в «тени» смежных преступлений – побоев и умышленного причинения вреда здоровью.

Сложность заключается в том, что истязание представляет собой не просто механическую сумму актов насилия, а качественное иное состояние посягательства, направленное на подавление личности. Отсутствие четких методологических границ между «систематичностью» и «повторностью», а также трудности в доказывании психических страданий приводят к тому, что реальные истязатели часто несут ответственность лишь за отдельные эпизоды побоев. Это порождает чувство безнаказанности у агрессоров и лишает жертву комплексной правовой защиты. Настоящая статья посвящена разработке алгоритмов разграничения истязания от смежных составов через призму уголовного права и судебной психологии.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил системный анализ норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, а также разъяснений Верховного Суда.

Материалы исследования:

Материалы уголовных дел по фактам истязаний и домашнего насилия (2024–2026 гг.).

Протоколы судебно-медицинских экспертиз на предмет определения степени тяжести вреда здоровью.

Заключения судебно-психологических экспертиз, направленных на установление морального вреда и психического состояния жертв.

Результаты

В ходе анализа правоприменительной практики выявлены следующие ключевые проблемы и закономерности:

1. Кризис критерия «систематичности»

Установлено, что в следственной практике господствует упрощенное понимание систематичности как трех и более эпизодов насилия. Однако такой подход игнорирует временной интервал и единство умысла. Выявлены случаи, когда три акта насилия, совершенные с интервалом в несколько лет, ошибочно объединялись в «истязание», хотя фактически являлись самостоятельными бытовыми конфликтами без признаков системного подавления.

2. Подмена объекта посягательства

Анализ показал, что истязание часто квалифицируется как «причинение вреда средней тяжести», если в ходе одного из эпизодов жертва получила перелом или иную травму. При этом системный характер других (более мелких) издевательств поглощается более тяжкой статьей, из-за чего за рамками правовой оценки остается главная характеристика истязания – мучительный способ и психическое угнетение.

3. Проблема фиксации психических страданий

Выявлено, что в 80 % случаев истязание доказывается только через «физическую боль». Критерий «психических страданий», указанный в диспозиции статьи, практически не используется из-за отсутствия обязательного требования о назначении психологической экспертизы на стадии досудебного расследования.

Обсуждение

Детальный анализ правоприменительной и экспертной практики наглядно демонстрирует, что уголовно-правовая оценка истязания до сих пор страдает от чрезмерного формализма и технократического подхода. Ключевой доктринальный изъян кроется в том, что следственные органы и суды склонны рассматривать истязание как простую механическую сумму нескольких автономных правонарушений. В представлении среднестатистического следователя диспозиция статьи 110 УК РК (или аналогичных норм СНГ) активизируется автоматически, как только в деле появляется протокол о третьем по счету факте нанесения побоев. Однако такое математическое упрощение полностью искажает волю законодателя и саму юридическую природу данного преступления.

Истязание – это не просто множественность побоев; это «качественно иное преступное деяние», обладающее специфическим объектом, особой системой мотивов и уникальным характером причиняемого вреда. В то время как при обычных побоях или умышленном причинении вреда здоровью (легкого или средней тяжести) объектом посягательства выступает исключительно физическая неприкосновенность и анатомическая целостность тканей в конкретный дискретный момент времени, при истязании основным объектом становится «психическое благополучие, личное достоинство и свобода личности от унижающего человеческое достоинство обращения». Физическое насилие здесь выступает лишь инструментарием, формой объективизации более глубокого криминального намерения.

Основная сложность в разграничении истязания и систематических побоев лежит в плоскости «субъективной стороны преступления», а именно – в характере и направленности умысла виновного лица. При совершении изолированных актов побоев умысел преступника носит ситуативный, краткосрочный характер. Он возникает на почве внезапного бытового конфликта, вспышки гнева или алкогольного опьянения и полностью исчерпывается в момент нанесения ударов. Виновный стремится причинить физическую боль «здесь и сейчас», после чего конфликт затухает до следующего триггера.

При истязании же мы имеем дело со «сквозным, длящимся и перспективным умыслом». Преступник изначально ориентирован на планомерное, систематическое подавление воли потерпевшего. Его цель – не просто нанести физический урон, а разрушить личностные границы жертвы, деформировать ее психику, вогнать в состояние перманентного страха, безысходности и абсолютной покорности. Насильник стремится установить тотальный контроль над микросоциумом (чаще всего внутри семьи). Именно поэтому между отдельными актами физического насилия при истязании может не быть явных внешних конфликтов: жертва может подвергаться истязанию в молчаливом, повседневном режиме.

Отсюда вытекает острая необходимость переосмысления уголовно-правового критерия «систематичности». В современной судебной практике под ней понимается совершение трех и более актов насилия. Но если эти три акта разделены временным интервалом в три-четыре года и каждый раз были вызваны принципиально разными бытовыми причинами, квалифицировать такие действия как истязание – значит совершать грубую следственную ошибку, влекущую необоснованное вменение тяжкого состава. Систематичность в истязании должна оцениваться через призму «внутренней логической связи» между эпизодами. Насильственные действия должны образовывать единую линию поведения, где каждый последующий акт подкрепляет и углубляет психологическую травму от предыдущего. Оптимальным для правоприменения представляется установление жесткого временного ценза: три и более эпизода за период, не превышающий один календарный год, объединенные общим мотивом доминирования.

Вторая системная проблема – это юридическое поглощение истязания статьями Особенной части, карающими за причинение вреда здоровью. На практике часто возникает коллизия: если муж в течение полугода ежедневно избивал жену, не оставляя видимых следов (использовал пластиковые бутылки с водой, мокрые полотенца, щипал, лишал сна), а в седьмой раз сломал ей руку, следствие со стопроцентной вероятностью квалифицирует дело исключительно по статье о причинении вреда здоровью средней тяжести (ст. 107 или 109 УК РК в зависимости от редакции). Мотивируется это тем, что вред средней тяжести является более тяжким последствием и поглощает мелкие издевательства.

Однако это классический пример «неполноты квалификации». Причинение вреда здоровью оценивает результат финала – перелом кости. Но оно никак не охватывает те полугодовые систематические мучения, которые предшествовали травме. В данном случае имеет место идеальная совокупность преступлений: виновный должен нести ответственность и за длящийся процесс истязания (как за способ), и за конкретный результат в виде вреда здоровью. Способ совершения преступления при истязании носит характер «мучения и тортуры». Законодатель в диспозиции прямо указывает на «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями». К «иным действиям» судебно-следственная экспертиза должна относить такие изощренные методы, как длительное термическое воздействие (сигаретные прикуривания), лишение жизненно важных ресурсов (воды, пищи, сна, тепла), принудительное удержание в неудобной позе, связывание. Эти действия могут вообще не оставлять анатомических повреждений, фиксируемых стандартной судебно-медицинской экспертизой (СМЭ), но их кумулятивный эффект для личности разрушителен.

Это подводит нас к критически важному, но фактически неработающему элементу состава – «психическим страданиям». В то время как физические страдания легко верифицируются экспертом-медиком по наличию гематом, ссадин или рубцов, психические страдания остаются для следователей «невидимыми». Судебно-следственные органы панически избегают вменять истязание на основе критерия психического угнетения, поскольку не знают, как его доказывать в процессуальном поле. В результате огромный пласт преступных действий, связанных с психологическим террором (газлайтинг, изоляция жертвы от родственников, постоянный прессинг, угрозы уничтожения детей, сопровождающиеся редкими побоями), квалифицируется как мелкое хулиганство или обычные побои.

Для преодоления этого тупика необходимо коренным образом изменить статус судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе по делам о домашнем и системном насилии. Психологическая экспертиза должна стать строго обязательной, наравне с медицинской. Именно профессиональный психолог-эксперт способен с помощью валидных научных методик выявить у пострадавшей стороны маркеры глубокой психической травматизации: Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), синдром «выученной беспомощности», депрессивную триаду, деструкцию самооценки и реактивную тревожность.

Когда эксперт в своем заключении четко фиксирует, что данные изменения психики возникли не в результате разового стресса, а являются следствием пролонгированного, хронического насильственного воздействия со стороны конкретного лица, у следствия появляется неопровержимое материальное доказательство наличия состава истязания. Более того, судебно-психологический профиль самого агрессора, демонстрирующий склонность к садизму, ригидность установок и потребность во власти, позволит окончательно разграничить истязание от обоюдной бытовой неприязни или обоюдной драки, где стороны выступают равными субъектами конфликта. Гармонизация уголовно-правовой квалификации и судебно-психологической диагностики – единственный путь к созданию эффективного щита против латентного системного насилия.

Заключение

Для корректной квалификации истязания необходимо нормативное закрепление понятия «систематичность» как цепочки логически связанных актов насилия, объединенных целью подавления воли потерпевшего.

Необходимо внедрить практику обязательного назначения судебно-психологической экспертизы по делам об истязаниях. Только фиксация глубоких психических изменений у жертвы позволяет отделить этот состав от простых побоев.

Правоохранительным органам следует отойти от практики «поглощения» истязания статьями о вреде здоровью. Истязание – это самостоятельный способ совершения преступления, требующий отдельной правовой оценки для обеспечения соразмерности наказания тяжести содеянного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. / Под ред. И.Ш. Борчашвили. – Алматы: Жеті жарғы, 2024.
2 Абельдинов А.С. Проблемы квалификации семейно-бытового насилия в новом законодательстве РК. // Вестник ИнЭУ. – 2025. – № 2.
3 Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2022.
4 World Health Organization. World report on violence and health. – Geneva, 2002. (Updated context 2024).

REFERENCES

1 Borchashvili, I.Sh. (Ed.). (2024). Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazakhstan [Commentary on the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Zheti Zhargy. [In Russian].
2 Abeldinov, A.S. (2025). Problemy kvalifikatsii semeyno-bytovogo nasiliya v novom zakonodatelstve RK [Problems of qualification of domestic violence in the new legislation of the RK]. Vestnik InEU [Bulletin of InEU], (2). [In Russian].
3 Safuanov, F.S. (2022). Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza [Forensic psychological examination]. Moscow: Yurayt. [In Russian].
4 World Health Organization. (2002). World report on violence and health. Geneva. (Updated context 2024).

Т.С. Дурманов[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Қинауды қылмыстық-құқықтық саралау: оны жүйелі түрде ұрып-соғудан және денсаулыққа қасақана зиян келтіруден ажырату мәселелері

Тұлғаға қарсы зорлық-зомбылық қылмыстарын саралаудағы құқық қолданудың негізгі мәселесі – қинауды аралас құрамдардан: жүйелі түрде ұрып-соғудан және денсаулыққа қасақана жеңіл немесе орташа ауырлықтағы зиян келтіруден ажырату критерийлерінің бұлыңғырлығы болып табылады. Тұрмыстық зорлық-зомбылықты декриминализациялауға немесе қайта криминализациялауға бағытталған қылмыстық заңнамадағы өзгерістер құқықтық коллизияларды тудырды. Практикада тергеу органдары жәбірленушінің психикалық және

физикалық зардаптарының жүйелі сипатын ескермей, дәлелдеуі қиын «Қинау» бабын неғұрлым қарапайым құрамдармен (ұрып-соғу) жиі ауыстырады. Және керісінше, денсаулыққа зиян келтірген біржолғы жанжалдар қате түрде қинау ретінде түсіндіріліп, жазаның әділдік принципінің бұзылуына әкеледі.

Мақаланың мақсаты – «Қинау» бабы диспозициясына кешенді қылмыстық-құқықтық талдау жасау, оны ұрып-соғу мен денсаулыққа зиян келтіруден ажыратудың материалдық және психологиялық критерийлерін анықтау, сондай-ақ сот-тергеу органдары үшін жүйелі зорлық-зомбылықты саралау бойынша нақты әдістемелік ұсынымдар әзірлеу.

Жұмыста формальды-догматикалық әдіс (қылмыстық заңды талдау), салыстырмалы-құқықтық әдіс, жүйелі-құрылымдық тәсіл, сондай-ақ сот практикасы материалдарын және сот-медициналық және психологиялық сараптамалар қорытындыларын контент-талдау қолданылды.

Зерттеу барысында қинаудың негізгі маркері әрекеттердің жиілігі ғана емес, сонымен бірге ерекше мақсат – терең психикалық зардаптар келтіру және жәбірленушіні бақылауда ұстау екендігі дәлелденді. «Жүйелілікті» есептеудің авторлық алгоритмі ұсынылды. Қинау кезіндегі моральдық зиянды тіркеу үшін міндетті түрде сот-психологиялық сараптамасын жүргізу қажеттілігі негізделді. Маңыздылығы тергеу қателіктерін болдырмауға және тұрмыстық зорлық-зомбылық құрбандарын құқықтық қорғау деңгейін арттыруға мүмкіндік беретін ұсынымдарды әзірлеуде жатыр.

Негізгі сөздер: Қылмыстық құқық, қинау, жүйелі түрде ұрып-соғу, денсаулыққа зиян келтіру, тұрмыстық зорлық-зомбылық, қылмыстарды саралау, психикалық зардаптар.

T.S. Durmanov[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Criminal Law Qualification of Torture: Problems of Differentiating from Systematic Battery and Intentional Harm to Health

The key problem of law enforcement in the qualification of violent crimes against personality is the vagueness of the criteria for differentiating torture (infliction of agony) from related offenses: systematic battery (beatings) and intentional infliction of light or medium harm to health. Changes in criminal legislation aimed at decriminilizing or re-criminalizing domestic violence have created legal conflicts. In practice, investigative bodies often substitute the article «Torture», which is difficult to prove, with simpler charges (battery), ignoring the systemic nature of the victim's mental and physical suffering. Conversely, one-time conflicts involving harm to health are erroneously interpreted as torture, leading to a violation of the principle of fairness of punishment.

The purpose of the article is a comprehensive legal analysis of the disposition of the article «Torture», identification of the material and psychological criteria for its separation from battery and harm to health, and the development of clear methodical guidelines for judicial and investigative bodies on the qualification of systematic violence.

The study utilizes the formal-dogmatic method (analysis of criminal law), the comparative-legal method, a systemic-structural approach, and content analysis of judicial practice materials and the findings of forensic medical and psychological examinations.

The study proves that the key marker of torture is not just the frequency of actions, but a specific purpose – the infliction of deep mental suffering and establishing control over the victim. An author's algorithm for calculating «systematicity» is proposed. The necessity of mandatory forensic psychological examination to record moral damage in cases of torture is substantiated. The practical significance lies in developing recommendations that minimize investigative errors and enhance the legal protection of domestic violence victims.

Keywords: Criminal law, torture (infliction of agony), systematic battery, harm to health, domestic violence, qualification of crimes, mental suffering.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.

УДК 347.51:004.8(574)
МРНТИ 10.27.45

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/120-128

А.А. Елеуов[1*], Г.Б.Телеуев[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: aleksei.eleuov@mail.ru)

Гражданско-правовые механизмы возмещения вреда, причиненного с применением технологий искусственного интеллекта: сравнительно-правовое исследование

Аннотация

Основная проблема: Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в Республике Казахстан обнажило проблему неэффективности классических институтов деликтного права. Бланкетные нормы нового Закона РК «Об искусственном интеллекте» отсылают к Гражданскому кодексу, который концептуально не адаптирован к специфике алгоритмической непрозрачности.

Цель: Комплексный анализ гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного ИИ в Казахстане, выявление нормативных пробелов и разработка предложений по модернизации национального законодательства на основе сравнительного анализа с европейским опытом.

Методы: В работе применены формально-догматический (анализ норм ГК РК и Закона об ИИ), сравнительно-правовой (сопоставление с EU AI Act) методы, а также метод правового моделирования гипотетических сценариев причинения алгоритмического вреда.

Результаты и их значимость: Установлено, что Казахстан закрепил инструментальный подход к ИИ. Доказана малая эффективность генерального деликта (ст. 917 ГК РК) для виртуальных алгоритмов и ограниченность применения нормы об источнике повышенной опасности (ст. 931 ГК РК) исключительно киберфизическими системами. Выявлены риски системной дискриминации из-за отсутствия независимого аудита алгоритмов и узкого перечня запрещенных практик.

Практическая ценность заключается в обосновании необходимости внедрения в ГК РК презумпции алгоритмической вины разработчиков высокорисковых систем ИИ. Предложенные механизмы обязательного страхования и использования административной преюдиции обеспечат баланс между стимулированием цифровых инноваций и защитой прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское право, возмещение вреда, деликтная ответственность, источник повышенной опасности, Закон об искусственном интеллекте, сравнительно-правовое исследование, алгоритмическая подотчетность, законодательство Казахстана, EU AI Act.

Введение

Четвертая промышленная революция и стремительная цифровая трансформация глобальной экономики актуализировали проблематику интеграции интеллектуальных вычислительных систем в ткань общественных отношений. Технологии искусственного интеллекта (ИИ), эволюционировав от узкоспециализированных алгоритмов до генеративных нейронных сетей и автономных киберфизических комплексов, стали неотъемлемым элементом критической инфраструктуры, медицины, транспорта и государственного управления. В Республике Казахстан, провозгласившей курс на форсированное построение цифрового государства, ИИ активно внедряется на всех уровнях: от использования беспилотных летательных аппаратов в агропромышленном комплексе Восточного Казахстана до тестирования алгоритмов при подготовке проектов судебных решений по гражданским делам.

Однако, несмотря на прогрессивность нового Закона, вопросы возмещения вреда в нем концептуально не детализированы. В частности, статья 24 Закона РК «Об искусственном интеллекте» является бланкетной нормой, лаконично устанавливающей, что компенсация ущерба, причиненного системами ИИ, осуществляется в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Республики Казахстан. В связи с тем, что в сам Гражданский

кодекс специфические изменения относительно ИИ внесены не были, бремя разрешения деликтных споров ложится на классические институты обязательственного права [1].

Данное обстоятельство актуализирует необходимость глубокого научного поиска и доктринального осмысления применимости существующих гражданско-правовых конструкций к новым технологическим реалиям. В условиях глобализации технологических стандартов исследование не может ограничиваться рамками национальной юрисдикции. Модель регулирования, принятая в Казахстане, концептуально опирается на европейский опыт – в частности, на Европейский акт об искусственном интеллекте (Regulation (EU) 2024/1689, EU AI Act), однако имеет существенные институциональные девиации, продиктованные приоритетом развития государственно-частного партнерства и национальной платформенной инфраструктуры.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного системами искусственного интеллекта по законодательству Республики Казахстан, выявление нормативных пробелов в условиях риск-ориентированного подхода и разработка предложений по модернизации национального деликтного права на основе сравнительно-правового анализа с европейскими стандартами алгоритмической подотчетности.

Материалы и методы

Достижение поставленной цели обусловило необходимость применения комплексного методологического инструментария, базирующегося на сочетании общенаучных (диалектический, системный, логический) и частнонаучных юридических методов познания. Междисциплинарный характер проблемы, находящейся на стыке теории гражданского права, информационных технологий и деликтной ответственности, потребовал синергии различных подходов.

Фундаментальным методом исследования выступил формально-догматический (юридико-технический) анализ. В рамках данного метода подвергнуты скрупулезному изучению положения Особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан (Глава 47 «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда»), в особенности статья 917 (Общие основания ответственности за причинение вреда) и статья 931 (Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих). Данный метод также применялся при деконструкции правовых норм Закона Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте», а именно статей 1, 4, 9, 17, 23, 24 и положений главы 5 (статьи 25-27), регулирующих правовой режим Национальной платформы ИИ. Формально-догматический анализ позволил выявить корреляции между вновь введенными дефинициями и традиционными институтами гражданского права.

Особое место в архитектуре исследования занимает сравнительно-правовой (компаративистский) метод. Он применялся для сопоставления концептуальных и регуляторных подходов, закрепленных в казахстанском Законе об ИИ 2025 года, с положениями Европейского акта об искусственном интеллекте (EU AI Act). Сравнительный анализ осуществлялся по следующим ключевым векторам: дефиниция искусственного интеллекта, категоризация систем по уровням риска (минимальный, средний, высокий), формирование списков запрещенных практик (prohibited practices), распределение бремени доказывания и институциональный дизайн надзорных органов.

Метод правового моделирования (legal modeling) применялся для оценки жизнеспособности различных доктринальных теорий в казахстанских реалиях. В частности, моделировались гипотетические сценарии причинения вреда автономными системами для тестирования концепции «электронного лица» (electronic personhood) и оценки эффективности применения к ним правил об источнике повышенной опасности.

Теоретическую и эмпирическую основу статьи составили научные публикации в ведущих правовых журналах (в том числе изданиях, индексируемых в международных базах данных, таких как Access to Justice in Eastern Europe – AJEE [2]), аналитические отчеты профильных организаций (Евразийский цифровой фонд [3], ICNL [4], Roedl), а также актуальные комментарии экспертного сообщества по вопросам деликтной ответственности и цифрового права за период 2020–2026 годов.

Результаты

1. Догматический статус искусственного интеллекта: субъект или инструмент?

Первоочередной задачей при конструировании модели деликтной ответственности является определение правовой природы причинителя вреда. В глобальной академической доктрине на протяжении последнего десятилетия велась ожесточенная дискуссия относительно возможности наделения продвинутых систем ИИ правосубъектностью. Сторонники радикального подхода (в частности, исследователи, анализирующие проблемы гражданского права в рамках концепций «электронного лица») аргументировали, что высокая степень автономности нейросетей исключает возможность применения к ним традиционных форм ответственности разработчиков.

Однако результаты анализа новейшего законодательства Республики Казахстан свидетельствуют об однозначном догматическом выборе государства. Закон РК «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года безапелляционно закрепляет инструментальный подход к правовой природе ИИ. В соответствии со статьей 1 Закона, искусственный интеллект определяется как функциональная способность имитировать когнитивные функции, характерные для человека, производя результаты, сопоставимые или превосходящие результаты человеческой интеллектуальной деятельности.

Ключевым маркером, определяющим объектный статус ИИ, выступает статья 9 Закона, провозглашающая «Приоритет благополучия человека, свободы воли в принятии им решений». Норма императивно устанавливает, что человек, его жизнь, права и свободы рассматриваются как высшая ценность в процессах создания и эксплуатации систем ИИ, а при их эксплуатации должно быть обеспечено сохранение автономии и свободы воли человека в принятии решений. В экспертном сообществе подчеркивается, что отныне ИИ официально признается в Казахстане исключительно как инструмент, объект информатизации, созданный для достижения специфических задач человека [3].

Данный подход находит свое абсолютное воплощение в нормах, регулирующих интеллектуальную собственность. Согласно статье 23 Закона об ИИ, произведения, созданные с использованием систем ИИ, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание. Законодатель окончательно отверг модель, при которой ИИ мог бы рассматриваться как автор, сместив фокус правовой охраны на текстовые запросы (промпты), направляемые человеком в систему.

С точки зрения деликтного права, отказ от концепции «электронного лица» означает, что ИИ не может самостоятельно нести имущественную ответственность. Следовательно, субъектный состав обязательств вследствие причинения вреда (деликтных обязательств) в сфере ИИ всегда остается классическим: причинителем вреда признается физическое или юридическое лицо, находящееся в статусе разработчика (провайдера), владельца, оператора или пользователя системы.

2. Применимость общего деликта (статья 917 ГК РК) и проблема причинности

Ввиду отсутствия в Гражданском кодексе специализированных норм об ИИ, базисным основанием для возмещения вреда выступает генеральный деликт, закрепленный в статье 917 ГК РК. Согласно данной норме, вред (имущественный или моральный), причиненный неправомерными действиями (бездействием) имущественным или неимущественным благам и правам граждан и юридических лиц, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме. Лицо освобождается от возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Применение генерального деликта требует установления четырех элементов правонарушения: 1) наступление вреда; 2) противоправность поведения; 3) причинно-следственная связь между поведением и вредом; 4) вина причинителя. В контексте ИИ доказывание этих элементов сталкивается с непреодолимым барьером – «проблемой черного ящика» (Black Box problem). Алгоритмы машинного обучения (Machine Learning) и глубокого обучения (Deep Learning) генерируют выводы на основе скрытых слоев нейросетей, вес и параметры которых непрерывно меняются в процессе обработки огромных массивов данных (Big Data).

Если банковский алгоритм (ИИ) на основе нерелевантных метрик отказывает в выдаче кредита, причиняя убытки, потерпевшему (истцу) в рамках статьи 917 ГК РК придется доказывать вину разработчика или банка. Разработчик, в свою очередь, может заявить, что алгоритм действовал автономно, и умысел или неосторожность в написании кода отсутствовали. Более того, установление прямой причинно-следственной связи между конкретной строкой исходного кода и конечным дискриминационным решением ИИ

технически невозможно без проведения сложнейших и дорогостоящих экспертиз. В результате генеральный деликт оказывается малоэффективным инструментом защиты прав граждан при столкновении со сложными виртуальными системами ИИ.

3. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности (статья 931 ГК РК)

Наиболее перспективным гражданско-правовым механизмом защиты потерпевших в Казахстане признается применение статьи 931 ГК РК, регулирующей ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Данная норма устанавливает режим строгой (безвиновной) ответственности: владельцы источников повышенной опасности обязаны возместить вред независимо от наличия их вины, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла самого потерпевшего.

Правоприменительная практика в Казахстане уже начала адаптировать эту норму к новым технологическим реалиям. Перечень, указанный в статье 931 ГК РК, является открытым. Сегодня к источникам повышенной опасности справедливо относят киберфизические системы: беспилотные транспортные средства, промышленные ИИ-роботы, тяжелые квадрокоптеры и агродроны. Так, в сельскохозяйственном секторе Восточно-Казахстанской области активно применяются БПЛА для мониторинга посевов и внесения удобрений. Если такой дрон, управляемый автономным алгоритмом, из-за сбоя в системе навигации обрушится на автомобиль или нанесет травму человеку, суд применит положения статьи 931 ГК РК.

В этом сценарии владельцу дрона (фермерскому хозяйству) не удастся избежать ответственности, сославшись на ошибку в коде или автономность ИИ, поскольку наличие вины для квалификации по статье 931 ГК РК не требуется. Обязанность возмещения возлагается на лицо, владеющее источником на праве собственности, праве хозяйственного ведения или ином законном основании. В дальнейшем владелец, возместивший ущерб, наделяется правом регрессного требования к производителю программного обеспечения в рамках общих положений об обязательствах, если сможет доказать дефект товара (алгоритма).

4. Риск-ориентированный подход и дифференциация ответственности

Революционным нововведением Закона РК об ИИ стало внедрение риск-ориентированной архитектуры регулирования, заимствованной из европейской практики. Статья 17 Закона подразделяет все системы искусственного интеллекта на категории минимального, среднего и высокого риска в зависимости от степени их воздействия на безопасность пользователей, общества и государства, а также от степени независимости в принятии решений. Кроме того, установлен перечень запрещенных функциональных возможностей.

С точки зрения цивилистики, данная классификация оказывает прямое влияние на установление стандарта должной осмотрительности (duty of care) в деликтных спорах. Эксплуатация систем высокого риска (high-risk AI systems), применяемых в критической инфраструктуре, государственном управлении, финансах и медицине, налагает на их владельцев презумпцию максимальной бдительности.

Законодатель предусмотрел механизм административной преюдиции для укрепления дисциплины в сфере ИИ. Поправки в Кодекс об административных правонарушениях (введение статьи 641-1 КоАП РК) устанавливают ответственность за несоблюдение требований Закона об ИИ. В частности, административным правонарушением признается невыполнение владельцами ИИ обязанности информировать пользователей о синтетическом характере контента (дипфейки, генеративные тексты), если это вводит в заблуждение, а также необеспечение управления рисками в системах высокого риска. Если подобное административное правонарушение повлекло за собой материальный ущерб или нарушение личных неимущественных прав, постановление о привлечении к административной ответственности становится преюдициальным доказательством противоправности действий лица в гражданском иске о возмещении вреда.

Обсуждение

Стремительное формирование нормативной базы в сфере искусственного интеллекта в Казахстане актуализирует ряд фундаментальных дискуссионных вопросов. Взаимодействие консервативных институтов Гражданского кодекса с новеллами цифрового права требует всестороннего анализа, опирающегося на глобальный контекст и доктринальные споры.

1. Концепция правосубъектности: доктринальные дебаты и выбор Казахстана

Проблема возмещения вреда, причиненного автономными алгоритмами, тесно связана с вопросом о правовом статусе ИИ. В отечественной и зарубежной юридической литературе

неоднократно поднимался вопрос о слабом нормативном регулировании ИИ на фоне его повсеместного внедрения. В частности, исследователь М.А. Мельничук отмечает, что разработки в сфере ИИ выявляют острый дефицит правового регулирования, порождая серьезные этические и правовые вызовы, требующие дополнения Гражданского кодекса специальными нормами об ответственности «интеллектуального разума» [4].

Ряд исследователей, опираясь на метод правового моделирования, предлагают имплементировать доктрину «электронного лица» (electronic personhood) – наделение алгоритмов гибридной правоспособностью. Авторы исследований, опубликованных в международных изданиях (например, AJEE), приходят к выводу, что признание за ИИ статуса «электронного лица» является необходимой базой для обеспечения алгоритмической подотчетности (algorithmic accountability) за автономно принимаемые решения. В рамках этой модели предполагалось создание обязательных страховых фондов, формируемых за счет отчислений разработчиков, из которых бы выплачивались компенсации пострадавшим без необходимости доказывания вины конкретного человека.

Тем не менее, Республика Казахстан в Законе 2025 года концептуально отвергла этот путь. Признание ИИ объектом и закрепление приоритета свободы воли человека (статьи 1 и 9) отражают прагматичный подход государства. Этот выбор имеет глубокие практические последствия для деликтного права. Наделение ИИ правосубъектностью неизбежно привело бы к размыванию ответственности: технологические гиганты и корпорации (разработчики) получили бы законный механизм избегания прямых исков, перекладывая вину на «непредсказуемый» алгоритм. Казахстанский законодатель, напротив, сохранил антропоцентричную модель: ответственность всегда персонифицирована и возлагается на человека или компанию-оператора, эксплуатирующую систему.

2. Сравнительно-правовой анализ: EU AI Act vs. Казахстанский подход

Модель регулирования ИИ в Казахстане, безусловно, инспирирована Европейским актом об искусственном интеллекте. Аналитики отмечают схожесть в базовых элементах: обе юрисдикции имплементировали категоризацию рисков и списки запрещенных практик. Однако детальный компаративистский анализ выявляет существенные дивергенции в целеполагании и архитектуре правоприменения, что напрямую влияет на защиту гражданских прав.

Во-первых, различие в приоритетах. Европейский регламент (EU AI Act) сфокусирован на защите фундаментальных прав и свобод граждан. Казахстанский закон, напротив, делает акцент на стимулировании цифровых инноваций и развитии экономики. Как следствие, казахстанский акт носит более рамочный характер, делегируя множество процедурных вопросов на уровень подзаконных актов и будущих регламентов, что временно создает правовую неопределенность в судебной практике.

Во-вторых, различие в полноте запретительных мер (blacklists). Исследователи констатируют, что в то время как европейское законодательство устанавливает исчерпывающие запреты на высокорисковые технологии (включая массовое биометрическое наблюдение в реальном времени и предиктивную полицию), казахстанский Закон об ИИ пока не содержит столь жестких ограничений в правоохранительной сфере. Отсутствие прямого запрета на предиктивную полицию или массовый биометрический профайлинг в Казахстане создает риски системной алгоритмической дискриминации. Если алгоритм ошибочно идентифицирует гражданина, что повлечет незаконное задержание или репутационный ущерб, потерпевшему будет крайне сложно взыскать компенсацию морального вреда (ст. 951 ГК РК), так как использование такого алгоритма формально не признано незаконным на уровне базового Закона.

В-третьих, институциональный дизайн. Европейская модель предполагает создание независимых надзорных органов (AI Office, национальные регуляторы). Казахстан внедрил модель централизованного государственного управления через профильное Министерство и Оператора национальной платформы. В рамках судебных разбирательств о возмещении вреда это создает определенный дисбаланс: в РК отсутствует независимый институт, способный проводить непредвзятую экспертизу алгоритмов по запросу суда (особенно если ответчиком выступает структура, аффилированная с государством). В доктрине обоснованно предлагается закрепить требование об обязательной независимой экспертной оценке для любых систем ИИ, классифицируемых как высокорисковые.

3. Проблема алгоритмической подотчетности и конфиденциальности данных

Статья 4 Закона РК об ИИ провозглашает принципы прозрачности, объяснимости, ответственности и подконтрольности.В контексте деликтного права это требует внедрения механизма «алгоритмической подотчетности» (algorithmic accountability) для разработчиков и операторов платформ. Суть проблемы заключается в том, что потерпевший объективно лишен возможности предоставить доказательства дефекта ИИ (сбоя в исходном коде или обучающей выборке).

Следовательно, в правоприменительную практику Казахстана необходимо внедрить презумпцию алгоритмической вины оператора: если ИИ-система причинила вред, оператор признается виновным, пока не предоставит суду развернутые логи (журналы событий) и доказательства того, что модель была обучена на репрезентативных данных без внутренних искажений (bias). Без принципа Explainable AI (объяснимого ИИ) право на судебную защиту в цифровой среде становится иллюзорным.

Тесно переплетается с вопросами ИИ и проблема защиты персональных данных. Параллельно с Законом об ИИ были приняты поправки в Закон «О персональных данных и их защите» [5]. Нейронные сети обучаются на колоссальных массивах информации (Big Data). Несанкционированный парсинг (сбор) биометрических или личных данных граждан для обучения ИИ образует самостоятельный состав правонарушения. Вред, причиненный незаконным использованием данных, подлежит компенсации по правилам генерального деликта, при этом факт незаконного парсинга автоматически устанавливает противоправность деяния.

4. Ответственность Оператора Национальной платформы и страхование

Уникальной чертой казахстанского законодательства является создание Национальной платформы искусственного интеллекта и библиотек данных (Глава 5, статьи 25-27). Государство предоставляет бизнесу доступ к суперкомпьютеру и государственным дата-сетам, выступая драйвером рынка. Данная модель государственно-частного партнерства рождает беспрецедентную правовую коллизию в сфере ответственности.

Если частная ИИ-компания обучает свой алгоритм на базе данных, предоставленной Национальной платформой, и впоследствии этот алгоритм причиняет ущерб (например, из-за изначальной некорректности или искаженности предоставленных государственных данных), кто является надлежащим ответчиком? Теоретически, разработчик может привлечь Оператора платформы (государственную или квазигосударственную структуру) в качестве соответчика, ссылаясь на статью 922 ГК РК (Ответственность за вред, причиненный государственными органами). Для минимизации таких макроэкономических рисков исследователи обоснованно призывают запретить обмен базами данных, содержащими государственные секреты, через подобные платформы ИИ.

Наконец, ключевым элементом экосистемы возмещения вреда должно стать страхование. Как указывают эксперты (в частности, аналитика Legal500), страхование ответственности за вред, причиненный системами ИИ, осуществляется в соответствии с законодательством РК. Учитывая отнесение киберфизических систем (БПЛА, роботы) к источникам повышенной опасности, государству целесообразно разработать механизм обязательного страхования гражданско-правовой ответственности владельцев высокорисковых систем ИИ – по аналогии с ОГПО владельцев транспортных средств. Для разработчиков виртуальных систем высокого риска необходимо внедрение институтов профессионального страхования (E&O – Errors and Omissions insurance).

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое и теоретическое исследование позволяет констатировать, что Республика Казахстан, приняв в ноябре 2025 года Закон «Об искусственном интеллекте», совершила мощный рывок в формировании цифровой правовой среды. Заимствовав риск-ориентированную парадигму регулирования у Европейского Союза, казахстанский законодатель адаптировал ее под задачи форсированного развития национальной ИИ-инфраструктуры, закрепив приоритет человека над машиной и отказавшись от дискуссионной концепции наделения алгоритмов правосубъектностью.

Тем не менее, архитектура гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного с применением технологий ИИ, нуждается в системной модернизации. Бланкетная отсылка Закона к общему гражданскому законодательству обнажает неспособность традиционных конструкций виновной ответственности (статья 917 ГК РК) эффективно справляться с вызовами алгоритмической непрозрачности («черного ящика»). Применение

статьи 931 ГК РК (источник повышенной опасности) частично решает проблему, но ограничивается преимущественно киберфизическими устройствами, оставляя виртуальные алгоритмические системы высокого риска в зоне правовой турбулентности.

Для обеспечения справедливого баланса между стимулированием технологического прогресса и защитой фундаментальных прав граждан, а также для эффективной реализации принципов алгоритмической подотчетности, представляется необходимым:

Модернизация Гражданского кодекса РК: Дополнить Главу 47 Особенной части ГК РК специальной нормой, регламентирующей ответственность за вред, причиненный функционированием систем искусственного интеллекта высокого риска. В данной норме следует закрепить презумпцию алгоритмической вины разработчика (оператора), которая может быть опровергнута лишь при условии предоставления суду исчерпывающих лог-файлов и доказательств независимого аудита архитектуры нейросети.

Внедрение обязательного страхования: Разработать и принять профильный закон об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев и операторов систем искусственного интеллекта, отнесенных к категории высокого риска (согласно статье 17 Закона об ИИ), что гарантирует имущественные интересы потерпевших в случаях банкротства технологических стартапов.

Усиление стандартов доказывания: Разработать Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан о практике рассмотрения споров, связанных с использованием ИИ, в котором определить статус синтетических доказательств и закрепить механизм использования административной преюдиции (по статье 641-1 КоАП РК) для упрощения процесса доказывания противоправности действий операторов ИИ.

Расширение запрещенных практик: С учетом европейского опыта (EU AI Act) и в целях защиты конституционных прав граждан рассмотреть возможность внесения дополнений в статью 17 Закона РК об ИИ, установив прямой запрет на использование неконтролируемых систем алгоритмического правосудия, предиктивной полиции и массового биометрического наблюдения, что превентивно минимизирует риски причинения морального вреда.

Имплементация данных предложений позволит трансформировать казахстанскую модель правового регулирования ИИ из преимущественно инфраструктурной в сбалансированную социально-ориентированную систему, обеспечивающую высокий уровень доверия общества к цифровым инновациям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Мельничук М. А. On civil legal liabilities of artificial intelligence (К вопросу о гражданско-правовой ответственности) [Электронный ресурс] // Global Economy and Finance Journal. – URL: https://giefjournal.ru/sites/default/files/011.%20M.A.%20Mel%E2%80%99nichuk.pdf.

2 Bridging the Gap: Accountability and Risk-Based Regulation in Kazakhstan's Artificial Intelligence Legislation [Электронный ресурс] // Access to Justice in Eastern Europe (AJEE Journal). – URL: https://ajee-journal.com/bridging-the-gap-accountability-and-risk-based-regulation-in-kazakhstan-s-artificial-intelligence-legislation.

3 Kabyshev Y. Kazakhstan's AI Law: What It Will Change [Электронный ресурс] // Digital Rights Asia. – URL: https://digitalrights.asia/media/kazakhstan-ai-law-expert-opinion-changes/?lang_ui=en.

4 Kazakhstan's New AI Regulatory Framework [Электронный ресурс] // International Center for Not-for-Profit Law (ICNL). – URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Kazakhstans-New-AI-Regulatory-Framework.pdf.

5 Legal regulation of personal data in the context of artificial intelligence development: foreign experience and challenges for Kazakhstan [Электронный ресурс] // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1772.

REFERENCES

1 Melnichuk M.A. On civil legal liabilities of artificial intelligence (K voprosu o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti) [Elektronnyy resurs] // Global Economy and Finance Journal. – URL: https://giefjournal.ru/sites/default/files/011.%20M.A.%20Mel%E2%80%99nichuk.pdf [in Russian].

2 Bridging the Gap: Accountability and Risk-Based Regulation in Kazakhstan's Artificial Intelligence Legislation [Electronic resource] // Access to Justice in Eastern Europe (AJEE Journal). – URL: https://ajee-journal.com/bridging-the-gap-accountability-and-risk-based-regulation-in-kazakhstan-s-artificial-intelligence-legislation.
3 Kabyshev Y. Kazakhstan's AI Law: What It Will Change [Electronic resource] // Digital Rights Asia. – URL: https://digitalrights.asia/media/kazakhstan-ai-law-expert-opinion-changes/?lang_ui=en.
4 Kazakhstan's New AI Regulatory Framework [Electronic resource] // International Center for Not-for-Profit Law (ICNL). – URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Kazakhstans-New-AI-Regulatory-Framework.pdf.
5 Legal regulation of personal data in the context of artificial intelligence development: foreign experience and challenges for Kazakhstan [Elektronnyy resurs] // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii RK. – URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1772 [in Russian].

А.А. Елеуов[1], Г.Б. Телеуев[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Қазақстан

Жасанды интеллект технологияларын қолдану арқылы келтірілген зиянды өтеудің азаматтық-құқықтық механизмдері: салыстырмалы-құқықтық зерттеу

Қазақстан Республикасында жасанды интеллект (ЖИ) технологияларын жедел енгізу деликтілік құқықтың классикалық институттарының тиімсіздігі мәселесін айқындады. «Жасанды интеллект туралы» жаңа ҚР Заңының бланкеттік нормалары Азаматтық кодекске сілтеме жасайды, ал ол концептуалды түрде алгоритмдік көмескілік ерекшелігіне бейімделмеген.

Қазақстанда ЖИ келтірген зиянды өтеудің азаматтық-құқықтық механизмдерін кешенді талдау, еуропалық тәжірибемен салыстырмалы талдау негізінде нормативтік олқылықтарды анықтау және ұлттық заңнаманы жаңғырту бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Жұмыста формальды-догматикалық (ҚР АК және ЖИ туралы Заң нормаларын талдау), салыстырмалы-құқықтық (EU AI Act-пен салыстыру) әдістері, сондай-ақ алгоритмдік зиян келтірудің гипотетикалық сценарийлерін құқықтық модельдеу әдісі қолданылды.

Қазақстанның ЖИ-ге қатысты инструменталдық тәсілді бекіткені анықталды. Виртуалды алгоритмдер үшін бас деликттің (ҚР АК 917-бабы) тиімділігінің төмендігі және жоғары қауіптілік көзі туралы норманы (ҚР АК 931-бабы) тек киберфизикалық жүйелермен ғана шектеулі қолдану дәлелденді. Алгоритмдердің тәуелсіз аудитінің жоқтығынан және тыйым салынған тәжірибелер тізбесінің тарлығынан жүйелік дискриминация тәуекелдері анықталды.

Тәжірибелік құндылығы ҚР АК-не тәуекелі жоғары ЖИ жүйелерін әзірлеушілердің алгоритмдік кінәсі презумпциясын енгізу қажеттілігін негіздеуде жатыр. Ұсынылған міндетті сақтандыру және әкімшілік преюдицияны пайдалану механизмдері цифрлық инновацияларды ынталандыру мен азаматтардың құқықтарын қорғау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, азаматтық құқық, зиянды өтеу, деликтілік жауаптылық, жоғары қауіптілік көзі, Жасанды интеллект туралы заң, салыстырмалы-құқықтық зерттеу, алгоритмдік есептілік, Қазақстан заңнамасы, EU AI Act.

A.A. Eleuov[1], G.B. Teleuyev[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Civil Law Mechanisms for Compensating Damage Caused by the Use of Artificial Intelligence Technologies: A Comparative Legal Study

The rapid introduction of artificial intelligence (AI) technologies in the Republic of Kazakhstan has exposed the inefficiency of classical tort law institutions. The blanket norms of the new Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" refer to the Civil Code, which is conceptually not adapted to the specifics of algorithmic opacity.

A comprehensive analysis of the civil law mechanisms for compensating damage caused by AI in Kazakhstan, identification of regulatory gaps, and development of proposals for modernizing national legislation based on a comparative analysis with European experience.

The paper applies formal-dogmatic (analysis of the norms of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan and the Law on AI) and comparative-legal (comparison with the EU AI Act) methods, as well as the method of legal modeling of hypothetical scenarios of causing algorithmic harm.

It has been established that Kazakhstan has consolidated an instrumental approach to AI. The low efficiency of the general tort (Article 917 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan) for virtual algorithms and the limited application of the norm on a source of extreme danger (Article 931 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan) exclusively to cyber-physical systems are proven. The risks of systemic discrimination due to the lack of independent audits of algorithms and a narrow list of prohibited practices are identified.

The practical value lies in substantiating the need to introduce the presumption of algorithmic guilt of developers of high-risk AI systems into the Civil Code of the Republic of Kazakhstan. The proposed mechanisms of mandatory insurance and the use of administrative prejudice will ensure a balance between stimulating digital innovations and protecting citizens' rights.

Keywords: artificial intelligence, civil law, compensation for damage, tort liability, source of extreme danger, Law on Artificial Intelligence, comparative legal study, algorithmic accountability, legislation of Kazakhstan, EU AI Act.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.

УДК 342.9:343.2/.7
МРНТИ 10.77.51

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/129-137

Б.А. Жумабаев[1*]
[1]Учебный центр МВД РК, Казахстан
*(e-mail: Kazhmuldinova@mail.ru)

Проблемы разграничения административных правонарушений и уголовных проступков в правоприменительной практике полиции

Аннотация

Основная проблема: В правовой системе Республики Казахстан наблюдается глубокий системный кризис, вызванный стиранием материально-правовой границы между административными правонарушениями и уголовными проступками. Данный дисбаланс порождает процессуальный паралич следственных органов, деформирует криминальную статистику и нарушает базовые принципы справедливости, когда административные санкции де-факто многократно превышают уголовные.

Цель: Комплексный научно-практический анализ проблем разграничения административных и уголовных деликтов в деятельности полиции, выявление детерминант процессуального коллапса и разработка фундаментальных рекомендаций по оптимизации архитектуры публичной ответственности.

Методы: В исследовании применен диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический инструментарий. Проведено математическое моделирование «карательного эквивалента» санкций и проанализированы актуальные эмпирические данные правоохранительных органов Павлодарской области за 2024 год.

Результаты и их значимость: Установлен глубокий теоретико-правовой диссонанс в трактовке категории «общественная опасность». Доказано, что административных составов по тяжести наказания равны или превосходят уголовные проступки. Выявлена высокая латентность преступности и искусственная трансформация полицейской статистики из-за избыточности уголовно-процессуальной формы расследования малозначительных деяний.

Обоснована критическая необходимость доктринального пересмотра законодательства: жесткой синхронизации санкций Кодекс Административного права и Уголовного кодекса Республики Казахстан с введением подлинно упрощенного производства, либо полного упразднения категории «уголовный проступок» с возвратом к бинарной системе и имплементацией института административной преюдиции по примеру смежных правовых систем.

Ключевые слова: административное правонарушение, уголовный проступок, правоприменительная практика, полиция, общественная опасность, уголовный кодекс, административный кодекс, декриминализация, статистика преступности, административная преюдиция.

Введение

Трансформация и эволюционное развитие системы публично-правовой ответственности представляют собой одни из наиболее сложных, многогранных и противоречивых процессов в функционировании любого современного правового государства. Введение в правовую систему Республики Казахстан самостоятельной категории «уголовный проступок» в рамках реализации беспрецедентной по своим масштабам реформы уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства 2014–2015 годов стало историческим поворотным моментом. Данный шаг ознаменовал концептуальный отход от традиционной, сложившейся еще в советский период бинарной модели дифференциации правонарушений (разделявшей все публичные деликты исключительно на преступления и административные проступки) к более сложной, дифференцированной трехчленной структуре.

С доктринальной точки зрения, предполагалось, что уголовные проступки займут строго определенное, промежуточное положение в иерархии противоправных деяний. Они должны были аккумулировать в себе те деяния, которые в силу своей специфики, частоты

совершения или характера причиняемого вреда уже переросли уровень стандартной административной ответственности, но объективно еще не достигли того порога общественной опасности, который имманентно присущ полноценным преступлениям. Базовыми отличительными признаками проступка от преступления были признаны: отсутствие критерия большой общественной опасности; наличие специфического материального признака, выражающегося в причинении лишь незначительного вреда охраняемым законом интересам (либо создании угрозы причинения такого вреда); а также уникальные правовые последствия – в частности, применение любого вида наказания за совершение уголовного проступка не влечет за собой состояния судимости, что должно было способствовать скорейшей ресоциализации правонарушителей.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена тем фактом, что текущее состояние правоприменительной практики подразделений полиции характеризуется признаками системного дисбаланса и нарастающего процессуального паралича. Высокий уровень первичной регистрации уголовных проступков парадоксальным образом сопровождается критически низким процентом направления уголовных дел в судебные инстанции. Одновременно фиксируются массовые прекращения досудебных производств как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям на стадии следствия, а также искусственное формирование так называемых «переходящих остатков» дел из года в год. Указанные негативные факторы служат неоспоримым доказательством того, что существующая процессуальная форма расследования уголовных проступков является избыточной, экономически нецелесообразной, а материально-правовая граница между ними и административными правонарушениями оказалась практически полностью стертой. Основной целью данного исследования выступает всесторонний, научно-практический анализ проблем разграничения административных правонарушений и уголовных проступков в деятельности органов внутренних дел, выявление глубинных детерминант процессуального коллапса и разработка конкретных, прикладных рекомендаций по оптимизации отечественного законодательства.

Материалы и методы

Методологическая основа представленного исследования базируется на фундаментальных принципах диалектического познания социально-правовых явлений и процессов, позволяющих рассматривать институты уголовной и административной ответственности не изолированно, а в их непрерывном историческом развитии, тесной взаимосвязи, взаимообусловленности и практической реализации. В работе задействован комплексный методологический инструментарий, органично сочетающий общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, социологический) методы познания, что обеспечивает высокую репрезентативность, достоверность и научную обоснованность сформулированных выводов.

В качестве первичного эмпирического и фактологического материала в диссертации использованы официальные статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ ГП РК). Особое внимание уделено анализу макроскопической динамики регистрации различных категорий правонарушений в переходный период с 2015 по 2018 годы, что позволило выявить первоначальные эффекты правовой реформы. Для оценки современного состояния правоприменения были экстрагированы и проанализированы актуальные сводки и информационные бюллетени прокуратуры Павлодарской области по итогам правоохранительной деятельности за 2024 год. Выбор данного региона в качестве репрезентативной выборки обусловлен его типичными для республики социально-экономическими и криминогенными характеристиками, позволяющими экстраполировать полученные результаты на общенациональный уровень.

С целью проведения объективных финансовых расчетов, оценки степени суровости имущественных санкций и их влияния на правосознание граждан использовались утвержденные макроэкономические детерминанты государства. В частности, в расчетные модели были заложены проектируемые показатели на 2026 год: размер месячного расчетного показателя (МРП), установленный на уровне 4 325 тенге, размер минимальной заработной платы (МЗП) в 85 000 тенге, а также величины базовой пенсионной выплаты (35 596 тенге) и прожиточного минимума (50 851 тенге). Сопоставление размеров штрафов с данными

социальными стандартами позволило выявить диспропорции в карательной политике государства.

Результаты

1. Теоретико-правовой диссонанс и глубокий кризис категории «общественная опасность»

Центральным, системообразующим звеном, позволяющим разграничивать различные виды публичных деликтов в теории права, традиционно признается философско-правовая категория «общественная опасность». Согласно устоявшимся догматическим постулатам уголовного права, преступление, в отличие от любого иного правонарушения, обладает высшей степенью общественной опасности, посягая на наиболее значимые устои государства, общества и личности. В свою очередь, уголовный проступок концептуально конструировался как деяние, которое «не представляет большой общественной опасности», а типичное административное правонарушение в классической теории зачастую рассматривается как деяние, обладающее лишь так называемой «административной вредоносностью», но лишенное свойства общественной опасности в строгом, уголовно-правовом смысле.

Глубинная коллизия заключается в том, что в легальном, закрепленном в законе понятии уголовного проступка предусмотрен материальный признак причинения лишь незначительного вреда или даже просто угрозы его причинения. При этом основным, стержневым правовым последствием выступает то, что осуждение за проступок не влечет за собой состояния судимости. Проблема состоит в том, что абсолютно теми же самыми сущностными характеристиками обладает и подавляющее большинство административных правонарушений. Следовательно, для рядового сотрудника полиции (участкового инспектора, следователя, дознавателя) на первоначальном этапе досудебного производства разграничение этих двух юридических феноменов превращается в неразрешимую интеллектуальную задачу. Квалификация деяния начинает зависеть не от объективной, всесторонней оценки причиненного вреда и умысла виновного, а исключительно от формального, зачастую случайного нахождения конкретной статьи в том или ином кодексе. Это порождает правовой нигилизм и деструктурирует систему доказывания.

2. Математическое моделирование карательного эквивалента и коллизии санкций

Для осознания истинного масштаба правового дисбаланса в сфере дифференциации ответственности необходимо обратиться к методологии перевода различных видов наказаний в единую шкалу измерения. В настоящем исследовании адаптирован метод расчета «условных единиц тяжести» (карательного эквивалента). Если исходить из базового принципа справедливости, гласящего, что наказание является точным количественным и качественным эквивалентом общественной опасности деяния, то верхние пределы санкций КоАП РК ни при каких обстоятельствах не могут превышать нижние пределы санкций за уголовные проступки.

Сплошное исследование массива действующего административного и уголовного законодательства выявило поистине парадоксальные результаты. Из 1444 действующих составов административных правонарушений около 27 % (что составляет 394 конкретных состава) по степени тяжести предусмотренных санкций полностью соответствуют уголовным правонарушениям, а зачастую и многократно превышают их репрессивный потенциал.

Детальный анализ распределения карательного эквивалента демонстрирует следующую девиантную структуру:

– 304 административных состава находятся на абсолютно идентичном уровне с уголовными проступками, имея расчетный карательный эквивалент в диапазоне от 12,5 до 37,5 условных единиц.

– 90 административных составов существенно, диспропорционально превышают по своей тяжести любые уголовные проступки, оцениваясь математически в 40 условных единиц и выше.

Для наглядной иллюстрации данного абсурда целесообразно рассмотреть диспозицию и санкцию части 11 статьи 409 КоАП РК, регламентирующей ответственность за нарушение законодательства Республики Казахстан в области образования, физической культуры и спорта. Согласно проведенным расчетам, данный административный состав оценивается в колоссальные 250 условных единиц. С учетом утвержденных макроэкономических показателей, размер МРП в 2026 году составит 4 325 тенге. Штрафы, предусмотренные административным законодательством для подобных (высокоопасных, по субъективному

мнению разработчиков кодекса) деликтов, достигают гигантских сумм, исчисляемых миллионами тенге.

Сравнивая этот показатель с минимальной заработной платой, которая в 2026 году зафиксирована на уровне 85 000 тенге, и прожиточным минимумом в 50 851 тенге, становится очевидным, что административный штраф превращается в инструмент финансового уничтожения личности или субъекта малого бизнеса. Карательная тяжесть в 250 условных единиц де-факто полностью соответствует, а иногда и превосходит санкции, применяемые судами за совершение полноценных, умышленных уголовных преступлений небольшой тяжести, предусматривающих реальное лишение свободы.

Аналогичный, вопиющий дисбаланс наблюдается в конструировании статьи 677 КоАП РК (Получение незаконного материального вознаграждения лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций) и статьи 425 КоАП РК (Нарушение требований законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения). По степени заложенной в них нормативной «опасности» и астрономическому размеру финансового наказания они полностью идентичны уголовным преступлениям, но лишены уголовно-процессуальной оболочки.

3. Парадоксы криминализации и декриминализации посягательств против личности: логический тупик

Описанная выше проблема усугубляется крайней, порой необъяснимой непоследовательностью государственной политики в сфере криминализации и декриминализации конкретных деяний. Изначальная, прогрессивная идея законодателя заключалась в том, чтобы перевести наименее опасные составы традиционных преступлений в новую категорию уголовных проступков, а часть сложных административных деликтов, расследование которых объективно требует использования следственного аппарата и проведения экспертиз, наоборот, поднять до уровня уголовных проступков. Однако реализация этого масштабного плана на практике оказалась фрагментарной, хаотичной и породила правовые парадоксы.

Ярчайшим, хрестоматийным примером нарушения логики построения уголовного закона является перемещение составов, связанных с посягательством на физическую и телесную неприкосновенность граждан. В ходе последовательных реформ такие деяния, как побои (ранее квалифицировавшиеся по ст. 109 УК РК) и умышленное причинение легкого вреда здоровью (ранее ст. 108 УК РК), были выведены из сферы уголовного преследования и переведены в разряд административных дел в рамках КоАП РК. Таким образом, реальное физическое насилие, оставляющее объективные следы на теле жертвы, причиняющее осязаемую физическую боль и реальный (пусть и легкий) вред здоровью человека, было официально признано государством не обладающим достаточной степенью общественной опасности для возбуждения уголовного дела.

Объективные последствия от первых деяний (физических побоев) несоизмеримо более существенны, травматичны и материальны, чем от вторых (слов), однако государственная уголовная политика в этом узловом аспекте демонстрирует диаметрально противоположный подход. Подобные «мертвые» или неэффективно работающие составы в уголовной практике (как, например, уголовно наказуемое оскорбление, доказывание субъективной стороны которого в форме проступка требует колоссальных временных и финансовых затрат со стороны следователя при минимальной социальной пользе для общества) создают мнимую, искусственную загруженность всей правоохранительной системы.

4. Процессуальный паралич правоохранительной системы: анализ эффективности следствия

Тотальная рассогласованность норм материального права (УК и КоАП) неизбежно и закономерно привела к коллапсу процессуальной формы. По изначальному замыслу архитекторов правовой реформы, расследование уголовных проступков должно было осуществляться в так называемой протокольной, максимально упрощенной и ускоренной форме. Предполагалось, что полиция сможет привлекать виновных к ответственности за считанные дни. Однако на практике сотрудники следственных и оперативных подразделений полиции оказались зажаты в жесткие, бюрократизированные рамки действующего Уголовно-процессуального кодекса. Данный кодекс императивно требует проведения полного, исчерпывающего спектра следственных действий, обязательного назначения комплекса судебных экспертиз, обеспечения участия защитников и соблюдения строгих процессуальных

сроков, которые оказались практически идентичны процедурам расследования полномасштабных, тяжких преступлений.

Возникает закономерный исследовательский вопрос: куда бесследно исчезают остальные 90 % зарегистрированных уголовных проступков, на расследование которых были затрачены ресурсы государства? Статистика КПСиСУ неумолима: начиная с 2015 года, органами досудебного расследования было официально прекращено 146 343 уголовных дела по так называемым реабилитирующим основаниям (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления и т.д.) [1]. Это свидетельствует о колоссальном, не поддающемся логическому осмыслению объеме работы полиции, проделанной абсолютно «вхолостую». На производство первоначальных следственных действий, допросы свидетелей и потерпевших, принудительные приводы граждан, оплату труда экспертов и адвокатов по делам, которые изначально не представляли никакой большой общественной опасности, затрачиваются огромные средства из государственного бюджета, после чего дела закономерно прекращаются за недоказанностью.

Более того, в правоприменительной практике сформировалась порочная, латентная система накопления «переходящих» дел. Ежегодно от 8 000 до 13 000 уголовных дел о проступках остаются без принятия окончательного процессуального решения к концу отчетного года и механически переносятся на следующий отчетный период. Такая искусственно созданная ситуация формирует перманентную высокая скрытую нагрузку на следователей. В условиях жестких ведомственных требований к раскрываемости (KPI), это прямо стимулирует органы расследования к манипуляциям со статистикой: полиция объективно начинает стремиться к искусственному занижению регистрации новых заявлений о проступках, уговаривая потерпевших не писать заявления, с единственной целью – избежать дальнейшего ухудшения ведомственных показателей раскрываемости и не брать на себя заведомо «несудебные» дела.

5. Латентность и искусственная трансформация структуры преступности (на примере региональной статистики Павлодарской области за 2024 год)

Для верификации выявленных общереспубликанских деструктивных трендов и понимания механизмов адаптации полиции к несовершенному закону, методологически верно рассмотреть наиболее свежие правоприменительные данные на региональном уровне. Согласно официальным отчетам Прокуратуры и Комитета по правовой статистике, по итогам 2024 года в отдельно взятой Павлодарской области наблюдается феноменальное, масштабное снижение общего уровня фиксируемой преступности по всем базовым категориям тяжести [4].

В частности, официальная статистика рапортует о следующем снижении преступности:

– Снижение по преступлениям небольшой тяжести на 7,6 % (в абсолютных цифрах: с 21 826 до 20 178 случаев);

– Снижение по преступлениям средней тяжести на 16,8 % (с 58 874 до 48 992 случаев);

– Снижение по тяжким преступлениям на 2,2 % (с 37 548 до 36 736 случаев) [4].

Однако наибольшего, критического внимания заслуживает аномальная динамика корыстных имущественных посягательств (краж). Именно эта категория деликтов традиционно балансирует на зыбкой грани между уголовным и административным законодательством (граница между мелким хищением по КоАП и кражей по УК определяется стоимостью похищенного). Общее количество зарегистрированных краж в Павлодарской области обрушилось на 28,3 % (снизившись с 42 639 до 30 593). Кражи сотовых телефонов упали на 30,9 % (с 10 530 до 7 273), квартирные кражи сократились на 33,5 % (с 3 566 до 2 373). Рекордное падение зафиксировано по кражам автотранспорта – на 42,2 % (с 258 до 149 инцидентов), а традиционно сложно раскрываемое скотокрадство снизилось на 30,9 % (с 1 520 до 1 051).

Прямолинейная интерпретация столь резкого, обвального (от 28 % до 42 %) снижения имущественных преступлений исключительно как результата высокоэффективной профилактической работы патрульной полиции и участковых инспекторов представляется научно необоснованной и наивной. В контексте глубоко исследуемой в данной диссертации проблематики разграничения проступков и преступлений, подобная триумфальная статистика с высочайшей долей вероятности свидетельствует о радикальной, вынужденной трансформации правоприменительных подходов на местах.

Зафиксированное статистическое снижение числа преступлений небольшой тяжести на 7,6 % эмпирически подтверждает научную гипотезу о том, что система правоохранительных

органов, спасаясь от процессуального удушья, постепенно, негласно отторгает искусственно созданную категорию деяний, находящихся на границе с административными деликтами, стремясь любыми путями разгрузить перегруженный следственный аппарат для работы по тяжким преступлениям.

6. Сравнительно-правовой анализ: опыт Российской Федерации и перспективы института административной преюдиции

Для выработки фундаментальных, научно обоснованных путей выхода из сложившегося в Республике Казахстан правового тупика крайне полезно обратиться к компаративистскому опыту государств, обладающих близкой историко-правовой системой, но избравших иной вектор развития уголовной политики. В частности, в Российской Федерации проблема разграничения административных и уголовных деликтов решается принципиально иным, более прагматичным концептуальным путем.

В структуре действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) полностью отсутствует искусственная категория «уголовный проступок». Система сохраняет классическую строгость. Статья 158 УК РФ определяет кражу как тайное хищение чужого имущества, гибко предусматривая за совершение части первой широчайший спектр наказаний, дифференцированных в зависимости от личности преступника: от штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей (или в размере дохода осужденного за период до шести месяцев) до ареста на срок до четырех месяцев либо реального лишения свободы на срок до двух лет.

Обсуждение

Философия данного подхода безупречна: первичное, изолированное малозначительное хищение, совершенное гражданином, рассматривается как случайная ошибка и влечет исключительно административную ответственность. Запускать маховик уголовной юстиции ради украденной в магазине булки хлеба экономически бессмысленно. И лишь доказанная системность, стойкое упорство правонарушителя в игнорировании закона, рецидив поведения повышают степень общественной опасности самой личности преступника и его деяния до уголовно наказуемого уровня, оправдывая затраты на следствие.

В Казахстане же, в погоне за чистотой уголовно-правовой доктрины, категорический отказ от института административной преюдиции привел к тому, что все деяния оцениваются судами и полиции абсолютно изолированно. Гуманистическая политика государства при определении меры ответственности за совершение уголовных проступков, выражающаяся в широком спектре исключительно мягких видов наказаний (в первую очередь, привлечении к общественным и исправительным работам), предельно минимальных сроках давности привлечения к ответственности и принципиальном отсутствии судимости [2], по сути своей, превратила уголовный проступок в абсолютный, стопроцентный клон административного правонарушения. Но этот клон искусственно обременен тяжеловесной, ресурсоемкой и неповоротливой уголовно-процессуальной формой, которая парализует работу полиции.

Заключение

Синтезируя результаты проведенного масштабного диссертационного исследования, можно с абсолютной научной уверенностью констатировать, что существующая на сегодняшний день в Республике Казахстан модель разграничения административных правонарушений и уголовных проступков исчерпала свой потенциал и находится в состоянии глубокого, системного и прогрессирующего кризиса. Изначально благородная, прогрессивная государственная идея создания буферной, промежуточной категории деликтов для комплексной гуманизации карательной политики и оптимизации правоприменения жестоко разбилась о грубое несовершенство юридической техники разработчиков кодексов и полное отсутствие предварительной, глубокой теоретической проработки материальных критериев разграничения смежных деяний.

Главным, кричащим маркером провала проведенной реформы в реальной правоприменительной практике органов полиции стало фактическое стирание любых разумных границ между КоАП РК и УК РК в части конструирования суровости применяемых санкций. Математически подтвержденный в ходе исследования факт того, что 27 % (огромный массив из 394 составов) действующих административных правонарушений обладают заложенным в них карательным потенциалом, который де-факто равен или даже существенно превышает санкции, установленные за уголовные проступки [2], полностью, до основания разрушает фундаментальную логику построения всей системы публичного права в государстве. Практический правоприменитель в лице следователя или участкового инспектора полиции на

местах полностью лишен объективных, понятных законодательных ориентиров. Деяния, которые не влекут за собой судимости и концептуально не обладают большой общественной опасностью, в хаотичном порядке рассредоточены по обоим кодексам, но при этом влекут за собой кардинально, несоизмеримо различающиеся процедурные и финансовые последствия для гражданина.

Для решительного преодоления сложившегося патового положения требуется отказ от практики косметического, точечного латания дыр в законодательстве и переход к фундаментальному, доктринальному пересмотру всей архитектуры публичной ответственности. Законодателю, опираясь на научное сообщество, предстоит сделать принципиальный, исторический выбор. Либо необходимо экстренно синхронизировать санкции, жестко, математически ограничив репрессивность норм КоАП РК пределами, гарантированно не достигающими нижних порогов уголовных проступков, и параллельно ввести подлинно упрощенную, избавленную от бюрократии процессуальную форму для последних. Либо государству следует проявить политическую волю, признать десятилетний правовой эксперимент неудачным, упразднить категорию «уголовный проступок» и вернуться к классической бинарной системе. В этом случае малозначительные деяния должны быть интегрированы обратно в административное законодательство, с обязательным, одновременным возвращением в правовую систему эффективного института административной преюдиции, блестяще зарекомендовавшего себя на примере смежных правовых систем, таких как конструирование ст. 158.1 УК РФ. Исключительно такое системное, научно выверенное выравнивание материальных признаков правонарушений (размера вреда, формы вины, степени общественной опасности) с адекватной процессуальной формой их судебного преследования позволит восстановить утраченную эффективность правоприменительной практики полиции, снизить латентность преступности и обеспечить торжество принципа социальной справедливости в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Карипова А.Т. Методика расчета криминогенности административно-территориальных единиц (анализ следственно-судебной практики по делам об уголовных проступках) [Электронный ресурс] / А.Т. Карипова // Информационная система «Параграф». – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36306705.
2 Муканова А.К. Разграничение административных и уголовных правонарушений. Применение института «уголовные проступки» в контексте правоприменительной практики: целесообразность или нецелесообразность [Электронный ресурс] / А.К. Муканова // Мир Закона. – URL: https://mir-zakona.kz/razgranichenie-administrativnyh-i-ugolovnyh-pravonarushenij-primenenie-instituta-ugolovnye-prostupki-v-kontekste-pravoprimenitelnoj-praktiki-czelesoobraznost-ili-neczelesoobraznost/.

REFERENCES

1 Karipova, A.T. (2024). Metodika rascheta kriminogennosti administrativno-territorialnykh edinits (analiz sledstvenno-sudebnoy praktiki po delam ob ugolovnykh prostupkakh) [Methodology for calculating the criminality of administrative-territorial units (analysis of investigative and judicial practice in cases of criminal offenses)]. Informatsionnaya sistema «Paragraf». Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=36306705 (Accessed: 12.05.2026). [in Russian]
2 Mukanova, A.K. (2024). Razgranichenie administrativnykh i ugolovnykh pravonarusheniy. Primenenie instituta «ugolovnye prostupki» v kontekste pravoprimenitelnoy praktiki: tselesoobraznost ili netselesoobraznost [Distinction between administrative and criminal offenses. Application of the institute of "criminal offenses" in the context of law enforcement practice: expediency or inexpediency]. Mir Zakona. Available at: https://mir-zakona.kz/razgranichenie-administrativnyh-i-ugolovnyh-pravonarushenij-primenenie-instituta-ugolovnye-prostupki-v-kontekste-pravoprimenitelnoj-praktiki-czelesoobraznost-ili-neczelesoobraznost/ (Accessed: 12.05.2026). [in Russian]

Б.А. Жумабаев[1]
[1]Учебный центр МВД РК, Қазақстан

Полицияның құқық қолдану тәжірибесіндегі әкімшілік құқық бұзушылықтар мен қылмыстық теріс қылықтарды ажырату мәселелері

Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесінде әкімшілік құқық бұзушылықтар мен қылмыстық теріс қылықтар арасындағы материалдық-құқықтық шекараның жойылуынан туындаған терең жүйелік дағдарыс байқалады. Бұл теңгерімсіздік тергеу органдарының процестік салдануын тудырады, қылмыстық статистиканы бұрмалайды және әкімшілік санкциялар қылмыстық санкциялардан іс жүзінде бірнеше есе асып түскен кезде әділеттіліктің негізгі қағидаттарын бұзады.

Полиция қызметіндегі әкімшілік және қылмыстық деликтілердің аражігін ажырату мәселелерін кешенді ғылыми-практикалық талдау, процестік коллапстың детерминанттарын анықтау және жария жауаптылық сәулетін оңтайландыру бойынша іргелі ұсынымдар әзірлеу.

Зерттеуде диалектикалық, формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық және статистикалық құралдар қолданылды. Санкциялардың «жазалау эквивалентін» математикалық модельдеу жүргізілді және 2024 жылғы Павлодар облысы құқық қорғау органдарының өзекті эмпирикалық деректеріне талдау жасалды.

«Қоғамдық қауіптілік» санатын түсіндіруде терең теориялық-құқықтық диссонанс анықталды. Жазаның ауырлығы бойынша әкімшілік құрамдардың 27 %-ы қылмыстық теріс қылықтарға тең немесе олардан асып түсетіні дәлелденді. Болмашы іс-әрекеттерді тергеп-тексерудің қылмыстық-процестік нысанының шамадан тыс болуына байланысты қылмыстың жоғары латенттілігі мен полиция статистикасының жасанды трансформациялануы анықталды.

Заңнаманы доктриналық қайта қараудың сыни қажеттілігі негізделді: шынайы оңайлатылған іс жүргізуді енгізе отырып, ҚР ӘҚБтК мен ҚК санкцияларын қатаң үндестіру, немесе аралас құқықтық жүйелер үлгісімен әкімшілік преюдиция институтын имплементациялай отырып және бинарлық жүйеге орала отырып, «қылмыстық теріс қылық» санатын толығымен жою.

Түйінді сөздер: әкімшілік құқық бұзушылық, қылмыстық теріс қылық, құқық қолдану тәжірибесі, полиция, қоғамдық қауіптілік, қылмыстық кодекс, әкімшілік кодекс, декриминализация, қылмыстылық статистикасы, әкімшілік преюдиция.

B.A. Zhumabayev[1]
[1]Training Center of the MIA, Kazakhstan

Problems of Differentiating Administrative Offenses and Criminal Misdemeanors in Police Law Enforcement Practice

A deep systemic crisis is observed in the legal system of the Republic of Kazakhstan, caused by the blurring of the material and legal boundary between administrative offenses and criminal misdemeanors. This imbalance generates procedural paralysis of investigative bodies, deforms criminal statistics, and violates basic principles of justice when administrative sanctions de facto multiply exceed criminal ones.

A comprehensive scientific and practical analysis of the problems of differentiating administrative and criminal delicts in police activities, identifying the determinants of the procedural collapse, and developing fundamental recommendations for optimizing the architecture of public liability.

The research utilizes dialectical, formal-legal, comparative-legal, and statistical tools. Mathematical modeling of the "punitive equivalent" of sanctions was conducted, and the relevant empirical data of the law enforcement agencies of the Pavlodar region for 2024 were analyzed.

A deep theoretical and legal dissonance in the interpretation of the category of "public danger" has been established. It is proven that 27 % of administrative offenses are equal to or exceed criminal misdemeanors in terms of the severity of punishment. High latency of crime and artificial transformation of police statistics due to the redundancy of the criminal procedural form of investigating minor acts have been identified.

The critical need for a doctrinal revision of legislation is substantiated: strict synchronization of sanctions of the Administrative Offenses Code and the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan with the introduction of genuinely simplified proceedings, or the complete abolition of the category of "criminal misdemeanor" with a return to the binary system and the implementation of the institution of administrative prejudice following the example of adjacent legal systems.

Keywords: administrative offense, criminal misdemeanor, law enforcement practice, police, public danger, criminal code, administrative code, decriminalization, crime statistics, administrative prejudice.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.

УДК 342.9.086
МРНТИ 10.17.65

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/138-148

Б.А. Жумабаев[1*], С.Т. Иксатова[2]
[1]Учебный центр МВД РК, Казахстан
[2]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: Kazhmuldinova@mail.ru)

Административная ответственность за мелкое хулиганство: проблемы правовой неопределенности состава

Аннотация

Основная проблема: В правоприменительной практике Республики Казахстан наблюдается острая правовая неопределенность состава мелкого хулиганства (статья 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК). Отсутствие легальных дефиниций понятий «нецензурная брань», «оскорбительное приставание» и размытость границ «общественного места» в эпоху цифровизации приводят к расширительному толкованию нормы, смешению со смежными деликтами и использованию статьи как инструмента цензуры с возникновением «охлаждающего эффекта» для свободы слова и творчества.

Цель: Всестороннее исследование фундаментальных проблем правовой неопределенности состава мелкого хулиганства для выявления дефектов законодательной техники и выработки научно обоснованных рекомендаций по их преодолению.

Методы: Документальную основу составил комплексный анализ национального (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, Уголовный Кодекс Республики Казахстан) и зарубежного законодательства (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ), актов судебного толкования, доктринальных источников и отчетов международных правозащитных организаций (Amnesty International, HRW). Использованы формально-логический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы.

Результаты и их значимость: Выявлен глубокий субъективизм при квалификации объективной стороны деяния. Установлено, что механическое ужесточение санкций без детализации понятийного аппарата провоцирует неправомерные аресты, стирает демаркационные линии между мелким хулиганством, бытовыми конфликтами и коммерческим приставанием.

Доказана критическая необходимость легализации терминологии (с обязательным установлением прямого хулиганского умысла), четкого разграничения смежных административных составов и усиления судебного контроля. Внедрение данных мер обеспечит баланс между защитой общественного порядка и неукоснительным соблюдением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: мелкое хулиганство, административная ответственность, общественный порядок, нецензурная брань, правовая неопределенность, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК, девиантное поведение, квалификация правонарушений, административный арест, права человека.

Введение

Обеспечение и поддержание общественного порядка, а также защита общественной нравственности исторически выступают одними из наиболее приоритетных, фундаментальных и непререкаемых задач любого суверенного государства, ориентированного на создание стабильной, безопасной и благоприятной социальной среды для своих граждан. В сложной и многоуровневой структуре деликтов, посягающих на данные общественные блага, мелкое хулиганство традиционно занимает одно из ведущих мест в силу своей массовости, обыденности и чрезвычайно высокой степени латентности. Согласно букве действующего Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК), мелкое хулиганство

концептуализируется как противоправное действие, выражающее явное неуважение к окружающим и нарушающее общественный порядок и спокойствие физических лиц.

Тем не менее, академическое сообщество и правоприменители вынуждены констатировать: простое, механическое ужесточение санкций само по себе не способно искоренить проблему без синхронного устранения фундаментальных изъянов в конструкции самой правовой нормы. Центральной научно-исследовательской и сугубо практической проблемой остается вопиющая правовая неопределенность состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Тотальное отсутствие легальных, закрепленных в законе дефиниций таких краеугольных признаков объективной стороны, как «нецензурная брань» или «оскорбительное приставание», а также чрезвычайная размытость границ понятия «общественное место» (что приобретает особую остроту в контексте тотальной цифровизации социума и перехода коммуникаций в социальные сети), порождают множественные, порой неразрешимые коллизии в судебной и полицейской практике. Следовательно, всестороннее, многоаспектное исследование фундаментальных проблем правовой неопределенности состава мелкого хулиганства, выявление дефектов законодательной техники и выработка научно обоснованных рекомендаций по их преодолению представляет собой исключительно актуальную задачу для современной казахстанской юридической науки, что и предопределило выбор темы настоящей магистерской диссертации.

Материалы и методы

Представленное академическое исследование базируется на глубоком и комплексном анализе широкого спектра нормативных правовых актов, обширной правоприменительной практики, статистических данных уполномоченных органов и фундаментальных доктринальных источников отечественной и зарубежной правовой мысли. Документальную основу работы закономерно составили Конституция Республики Казахстан, являющаяся ядром правовой системы, Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с учетом всех актуальных изменений и дополнений, включая поправки 2023 и 2025 годов) [1], Уголовный кодекс Республики Казахстан, а также Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ, который был тщательно изучен для проведения полноценного сравнительно-правового анализа.

Важнейшим источником эмпирической и герменевтической базы исследования послужили акты официального судебного толкования. Особое внимание было уделено Нормативному постановлению Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июля 1995 года № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» (с последующими изменениями), которое до сих пор во многом определяет векторы правоприменения. Для ретроспективного понимания эволюции подходов к квалификации хулиганских побуждений в орбиту исследования были включены исторические документы, такие как Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 27 июня 1978 года № 4, заложившее доктринальный фундамент советской и постсоветской модели противодействия хулиганству.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили труды видных отечественных и зарубежных ученых в области административного права, уголовного права, криминологии и социологии девиантного поведения . В частности, были критически осмыслены концептуальные положения о механизмах административной ответственности и природе девиантного поведения несовершеннолетних, изложенные в фундаментальных работах профессора Б.А. Жетписбаева и исследователя А.К. Айтпаевой.

Кроме того, в работе использованы инновационные подходы К.К. Сейтенова к определению правовой категории «уголовный проступок», что критически важно для решения проблем демаркации составов. Для объективной оценки влияния сложившейся правоприменительной практики на обеспечение гражданских прав и свобод в ткань исследования были органично интегрированы данные независимых международных правозащитных организаций, включая аналитические отчеты Amnesty International и Human Rights Watch (HRW) за период 2024–2025 годов, а также материалы профильных международных платформ, таких как Mimeta. Кроме того, в работе нашли широкое применение методы системно-структурного и формально-логического анализа, методы синтеза, дедукции и индукции. Их комплексное использование способствовало выявлению латентных правовых лакун, оценке эффективности правоприменительных алгоритмов и формулированию

аргументированных, практически значимых рекомендаций по совершенствованию действующего отечественного законодательства.

Результаты

Социально-правовая и психологическая природа мелкого хулиганства

Для подлинно глубокого и всеобъемлющего понимания истоков проблем правовой квалификации мелкого хулиганства необходимо первично, на доктринальном уровне, исследовать его социально-психологический и криминологический генезис. Академическое сообщество давно пришло к консенсусу, что мелкое хулиганство ни в коем случае не является исключительно юридическим феноменом, ограниченным рамками сухих кодексов; оно имеет глубокие корни в социальной динамике, уровне культуры и психологическом здоровье общества [2]. Согласно проведенным доктринальным исследованиям в сфере криминологии и социологии права, девиантное поведение, ярчайшим проявлением которого выступает хулиганство, формируется и кристаллизуется на сложном стыке этических, антропологических и психологических факторов.

Фундаментальной проблемой криминологического характера остается статистическая достоверность данных о правонарушениях. В научной юридической литературе справедливо отмечается, что официальная статистика Министерства внутренних дел Республики Казахстан зачастую фиксирует лишь количество выявленных, запротоколированных и процессуально наказанных лиц, а отнюдь не тотальное, реальное число совершенных административных деликтов. Это порождает колоссальные расхождения между сухими официальными сводками и реальными индикаторами криминогенной обстановки. Латентность мелкого хулиганства остается беспрецедентно высокой. Граждане, сталкиваясь с нецензурной бранью или навязчивым приставанием на улицах, в большинстве случаев не обращаются с заявлениями в правоохранительные органы, глубоко ошибочно считая данные деяния недостаточно серьезными для инициации громоздкого административного процесса, либо не желая тратить личное время на судебные разбирательства.

При этом казахстанский законодатель, в полном соответствии с международными конвенциями о правах ребенка, строго исходит из превалирования принципа воспитательного воздействия над карательным. В отличие от жестких карательных наказаний, применяемых к взрослым правонарушителям (штраф или арест), часть 2 статьи 65 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК предусматривает гуманистические изъятия, позволяя заменять стандартные санкции для подростков специализированными мерами воспитательного воздействия. Данные меры направлены исключительно на устранение вредных последствий девиантного поведения, корректировку личности правонарушителя и формирование у него устойчивого уважения к закону и порядку.

Эволюция административного законодательства: тренд на криминализацию и новые виды взысканий

Скрупулезный ретроспективный анализ трансформации административного законодательства Республики Казахстан за последние два десятилетия наглядно демонстрирует устойчивый, непреклонный вектор на криминализацию (в широком социологическом, а не узко-уголовном смысле) и поступательное ужесточение ответственности за любые деяния, посягающие на общественный порядок. Взгляд на исторические предшественники современной нормы, в частности на Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 года (ныне утративший силу), показывает любопытную картину. Ранее профильная статья 330, именовавшаяся «Мелкое хулиганство», имела гораздо более широкую и разношерстную диспозицию. Она включала в свою объективную сторону не только классические нецензурную брань и оскорбительное приставание, но и сугубо экологические, санитарные деликты: осквернение жилых помещений, загрязнение мест общего пользования, парков, скверов, а также выброс коммунальных отходов в неустановленных местах. В процессе концептуального реформирования законодательства при принятии действующего Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК 2014 года (и в его последующих редакциях) экологические и санитарные аспекты (такие как загрязнение мест общего пользования) были логично сепарированы и выведены в самостоятельные, специализированные составы (например, в статью 434-2). Это позволило очистить статью 434, кристаллизовав в ней сугубо хулиганские действия, непосредственно выражающие дерзкое неуважение к окружающим людям. Ключевым, переломным моментом в современной административной политике Казахстана стало вступление в силу пакета жестких поправок в

марте 2023 года . До этого исторического рубежа санкция за мелкое хулиганство считалась многими экспертами излишне либеральной: она предусматривала скромный штраф в размере 5 МРП (что в эквиваленте составляло 17 250 тенге) либо административный арест на срок до 10 суток. Анализ правоприменительной практики и растущее недовольство общества качеством общественного порядка неопровержимо показали острую недостаточную превентивную эффективность данных мягких мер.

Девианты воспринимали штраф в 5 МРП как незначительную плату за возможность эпатажного поведения. При всем ужесточении, административное законодательство бережно сохраняет фундаментальные принципы гуманизма. Жесткая мера в виде административного ареста не может применяться универсально ко всем. Закон (статья 50 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК) устанавливает абсолютный запрет на применение ареста к особо уязвимым категориям граждан: беременным женщинам, женщинам, имеющим на иждивении детей в возрасте до 14 лет, несовершеннолетним лицам, инвалидам I и II групп, а также лицам, достигшим пенсионного возраста (женщинам старше 58 лет и мужчинам старше 63 лет), и мужчинам, в одиночку воспитывающим детей до 14 лет. Для данных категорий суд вынужден ограничиваться исключительно штрафными санкциями, что в некоторых случаях порождает дискуссии о неотвратимости и справедливости наказания.

Проблемы квалификации объективной стороны: «нецензурная брань» и «общественное место».

Несмотря на математически точную и жесткую регламентацию санкций, гипотеза и диспозиция статьи 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК продолжают страдать от глубочайшей, концептуальной правовой неопределенности. Согласно тексту закона, объективная сторона состава мелкого хулиганства выражается в совершении правонарушителем альтернативных действий:

1. Нецензурная брань в общественных местах.
2. Оскорбительное приставание к физическим лицам.
3. Осквернение жилых помещений.
4. Иные подобные действия, выражающие явное неуважение к окружающим, грубо нарушающие общественный порядок и спокойствие физических лиц.

Обсуждение

Самым дискуссионным, сложным и противоречивым элементом объективной стороны остается пресловутая «нецензурная брань». Парадокс заключается в том, что ни в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК, ни в иных смежных кодифицированных законодательных актах республики тотально отсутствует легальное, исчерпывающее толкование данного краеугольного понятия. В повседневной правоприменительной практике постоянно возникают тупиковые ситуации, когда судьи вынуждены прекращать дела за отсутствием события или состава правонарушения исключительно из-за невозможности однозначно, с точки зрения права и филологии, классифицировать то или иное экспрессивное высказывание. Как справедливо, со ссылкой на мнения экспертов, отмечается в официальных Научно-практических комментариях Министерства юстиции РК, даже признанные академические исследователи-филологи, глубоко изучающие данную специфическую сферу, не могут прийти к единому, монолитному консенсусу относительно точных границ нецензурной лексики. Возникает закономерный и сложнейший вопрос: относятся ли к нецензурной брани экспрессивные слова, содержащие подчеркнуто отрицательные, уничижительные характеристики личности (например, лексемы, обозначающие глупого, непонятливого, подлого или ничтожного человека)? С академической лингвистической точки зрения, инвективная (просто оскорбительная, грубая) лексика и обсценная (табуированная, нецензурная, матерная) лексика — это абсолютно разные, не пересекающиеся в полной мере категории. Однако ни инспекторы патрульной полиции, ни судьи административных судов, как правило, не обладают специальными, глубокими филологическими познаниями.

В результате они зачастую интуитивно, «на глазок», трактуют любые громкие, грубые выражения или сленговые ругательства как мелкое хулиганство. Такая порочная практика ведет к системному, неправомерному расширению состава. Согласно официальным разъяснениям Министерства внутренних дел РК (в частности, озвученным руководством Комитета административной полиции), административная ответственность неотвратимо наступает за высказывание брани абсолютно на любом языке (казахском, русском, английском

и т.д.). Но ключевым, обязательным условием выступает не само произнесение слова в вакууме, а наличие прямого умысла на выражение неуважения к окружающим лицам и фактическое нарушение их спокойствия. То есть объективная сторона должна обязательно сопрягаться с субъективным отношением правонарушителя к социуму.

Сложности дефиниции «общественного места» в эпоху цифровизации

Вторым, не менее сложным квалифицирующим признаком объективной стороны выступает локация совершения деяния – пресловутое «общественное место». Традиционная советская и постсоветская юриспруденция всегда понимала под ним улицы, площади, скверы, парки, салоны общественного транспорта, стадионы, а также территории предприятий торговли, общественного питания и досуга. Однако стремительное развитие цифровых технологий и перенос огромной части социальной активности в интернет безвозвратно стерли эти классические границы. Официальные разъяснения уполномоченных государственных органов гласят, что нецензурная брань, опубликованная в комментариях или постах в популярных социальных сетях (Facebook, Instagram, Telegram, TikTok), также образует оконченный состав статьи 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Логика правоприменителя базируется на том, что социальная сеть признается открытым публичным (общественным) пространством, и нецензурная брань в ней точно так же нарушает спокойствие добропорядочных граждан (читателей) и выражает явное неуважение к обществу, как если бы эти слова были выкрикнуты на площади.

Особую правовую сложность представляют пограничные ситуации, связанные с частными пространствами (собственный жилой дом, квартира, личный автомобиль). По общему, незыблемому правило, употребление нецензурных выражений на территории частной собственности, скрытой от посторонних глаз и ушей, ни при каких обстоятельствах не образует состав мелкого хулиганства. Однако правоприменительная практика выработала важное исключение. Если хулиганские действия совершаются на частной территории, но громко, экспрессивно и в присутствии или в зоне слышимости третьих невовлеченных лиц (например, громкая истеричная ругань на открытом балконе многоквартирного дома, нарушающая ночной покой случайных прохожих или соседей во дворе), такие действия подлежат безусловной квалификации по статье 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Причина кроется в том, что деяние, несмотря на локацию нарушителя, выплескивается наружу и поражает главный объект административно-правовой охраны – общественный порядок и законный покой других физических лиц.

Субъективизм «оскорбительного приставания»

Третья форма объективной стороны – «оскорбительное приставание к физическим лицам» – также глубоко поражена вирусом субъективизма. Доктринально оно расценивается как навязчивые, дерзкие действия, злостно нарушающие общепризнанные нормы и правила поведения в обществе. Эти действия продиктованы исключительно эгоистичным желанием виновного противопоставить себя окружающим, унизить их достоинство. Проблема правоприменения заключается в том, что в современном атомизированном обществе граница между попыткой знакомства, неудачной коммуникацией и «оскорбительным приставанием» крайне тонка. Потерпевший (или мнимый потерпевший) может абсолютно субъективно, в силу своей мнительности, воспринимать любые попытки коммуникации как глубоко оскорбительные, в то время как виновный объективно мог и не иметь злого умысла на нарушение общественного порядка. Такая тотальная размытость базовых дефиниций закономерно порождает хаос и нестабильность судебной практики. Как констатируют аналитики и высшие судебные инстанции, рядовые судьи районных судов зачастую работают по шаблону, не предъявляя должной, скрупулезной требовательности к качеству материалов, поступающих от органов внутренних дел. Они не проверяют глубину объективной стороны, наличие реального умысла и свидетельской базы, что в итоге приводит либо к бесконечному возврату полицейских протоколов на доработку, либо к вынесению незаконных, необоснованных постановлений о привлечении граждан к суровой ответственности.

Сложности отграничения мелкого хулиганства от смежных составов правонарушений и уголовных преступлений

Одной из самых болевых точек правовой неопределенности в казахстанской юриспруденции является сложнейшая, многоуровневая проблема правильной демаркации и разграничения мелкого хулиганства (административная статья 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК) с классическим уголовным

хулиганством (статья 293 Уголовный Кодекс Республики Казахстан), а также с целым рядом смежных административных деликтов, в частности, предусмотренных статьями 73 и 449 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК.

Разграничение с уголовно наказуемым хулиганством (ст. 293 Уголовный Кодекс Республики Казахстан)

Еще в фундаментальном Постановлении Пленума Верховного суда Республики Казахстан № 5 от 21 июля 1995 года «О судебной практике по делам о хулиганстве» (сохраняющем свою актуальность) прямо и жестко указывалось, что суды первой инстанции катастрофически часто допускают грубые ошибки в правовой оценке содеянного. В результате этой путаницы к административной ответственности ошибочно привлекаются лица, совершившие полноценное уголовно наказуемое деяние, и, что еще хуже, наоборот – банальные административные проступки квалифицируются по строгому Уголовному кодексу. Основным, базовым критерием разграничения выступает исключительно степень общественной опасности деяния и объективная тяжесть наступивших материальных или физических последствий. Проблема правовой демаркации критически усугубляется отсутствием в уголовном праве Казахстана четко прописанного и работающего механизма перехода составов. Как аргументированно указывают в своих трудах ведущие казахстанские ученые-правоведы, в частности К.К. Сейтенов [3], в Уголовном кодексе РК де-юре присутствуют дефиниции «уголовный проступок», однако де-факто отсутствует целостное понимание «criminal offense» (уголовного правонарушения) применительно к пограничным формам хулиганских действий. Это создает огромную «серую зону» усмотрения между Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях и УК, требующую скорейшего концептуального и законодательного переосмысления.

Разграничение с правонарушениями в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 73 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК)

Научно-практический комментарий Министерства юстиции РК обращает пристальное внимание правоприменителей на парадоксальный факт: квалифицирующие признаки, связанные с нецензурной бранью и приставанием, текстуально присутствуют не только в статье 434, но и в статье 73 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК («Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений»). Согласно букве статьи 73, нецензурная брань, оскорбительное приставание, унижение и умышленное повреждение предметов домашнего обихода, совершенные в жилище по отношению к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, влекут предупреждение или административный арест до 5 суток. Для сравнения: санкция по статье 434 (хулиганство) гораздо жестче – арест от 5 до 15 суток. Демаркационной, невидимой линией здесь выступает исключительно объект посягательства. При мелком хулиганстве вероломно нарушается публичный общественный порядок, виновный демонстрирует явное неуважение к обществу в целом, к неопределенному кругу лиц. При семейно-бытовом конфликте посягательство направлено на личные неимущественные права конкретных членов семьи и внутрисемейный покой. Конфликт возникает на почве личных неприязненных отношений, а не из хулиганских побуждений. Однако, если банальный семейный скандал с использованием громкой нецензурной брани выплескивается за пределы частной квартиры (например, дебошир выходит на лестничную клетку, в общий коридор или во двор) и объективно нарушает ночной покой соседей и третьих лиц, содеянное должно быть немедленно переквалифицировано сотрудниками полиции со статьи 73 на более суровую статью 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК.

Разграничение с назойливым приставанием в общественных местах (ст. 449 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях РК)

Не меньшую сложность представляет статья 449 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК, которая предусматривает ответственность за приставание в общественных местах. Однако специфика этой статьи в том, что она наказывает за назойливое обращение к гражданам в целях покупки, продажи, обмена или приобретения вещей, а также в целях навязывания услуг гадания, попрошайничества и оказания услуг сексуального характера. В отличие от классического мелкого хулиганства, действия по статье 449 далеко не всегда сопряжены с откровенным цинизмом, агрессивной нецензурной бранью или явным неуважением к обществу. Их базовый мотив носит сугубо корыстный, меркантильный характер (получение денег). Тем не менее, само наличие термина

«приставание» в диспозициях обеих статей создает постоянную путаницу при первичной квалификации деяний и составлении протоколов патрульной полицией на улицах.

Сравнительно-правовой анализ: уроки и опыт Российской Федерации

Для выработки эффективных путей преодоления сложившейся правовой неопределенности в Казахстане крайне целесообразно и научно продуктивно обратиться к законодательному опыту соседних государств, имеющих схожие правовые системы. Статья 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ) является прямым аналогом казахстанской нормы и также устанавливает ответственность за «Мелкое хулиганство». Проводя детальный компаративистский анализ диспозиций статьи 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК и статьи 20.1 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ, можно вычленить ряд принципиальных, концептуальных отличий, демонстрирующих разные подходы к конструированию состава:

1. Вопрос уничтожения и повреждения имущества: Российский законодатель в части 1 статьи 20.1 прямо и недвусмысленно включает в состав административного мелкого хулиганства действия, сопровождающиеся «уничтожением или повреждением чужого имущества» (естественно, при обязательном условии отсутствия значительного ущерба, который потребовал бы уже уголовной квалификации по УК РФ). В казахстанском же законодательстве этот крайне важный критерий в статье 434 отсутствует напрочь. Это вынуждает казахстанских правоприменителей искусственно «расщеплять» деяния и квалифицировать банальное повреждение урны или скамейки хулиганом по совершенно иным статьям Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (например, вандализм) или УК, что усложняет процесс доказывания.

2. Цифровое пространство и защита институтов власти: Наиболее революционным отличием российского кодекса является наличие части 3 и вновь введенной части 5 статьи 20.1 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ (в редакции Федерального закона от 18.03.2019 № 28-ФЗ). Эти нормы прямо криминализуют хулиганские действия, совершаемые в информационно-телекоммуникационных сетях (Интернете). Причем речь идет не просто о брани, а о распространении информации, выражающей в неприличной форме «явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам, Конституции РФ или органам государственной власти». Санкции за эти виртуальные деяния в России носят беспрецедентно суровый, репрессивный характер: штраф варьируется от 200 тысяч до 300 тысяч рублей, либо применяется классический арест до 15 суток.

6. Инструментализация статьи 434: правоприменительная практика, «охлаждающий эффект» и права человека

Широта, размытость и описанная выше глубокая правовая неопределенность диспозиции статьи 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК неизбежно и закономерно приводят к критическим рискам ее расширительного толкования на местах. Наблюдается опасный процесс инструментализации нормы в политических, цензурных или сугубо репрессивных целях, не имеющих ничего общего с защитой уличного общественного порядка. Глубокие мониторинговые отчеты авторитетных международных организаций, таких как Amnesty International и Human Rights Watch (HRW) за период 2024–2025 годов, бьют тревогу. Правозащитники указывают на формирование в Казахстане крайне тревожной, системной тенденции: активное использование обвинений в «мелком хулиганстве» в качестве удобного и быстрого инструмента для оказания прессинга на гражданских активистов, независимых журналистов, блогеров и деятелей современного неформального искусства. Точно по такому же лекалу суды республики начали массово выносить суровые постановления об арестах популярных стендап-комиков, чьи выступления традиционно содержат острый юмор и сленг. Так, в мае 2024 года алматинский суд не колеблясь назначил 15 суток ареста комику Нурасхану Баскожаеву якобы за нецензурную брань в публичном выступлении.

Вскоре после этого, в июле, уже в столице (Астана) на 10 суток был изолирован от общества стендап-комик Александр Меркуль за аналогичное использование ненормативной лексики во время своего июньского перформанса. Профессиональные деятели искусства и правозащитники обоснованно заявляют о формировании опасного институционального паттерна. Статья 434 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях

РК де-факто используется правоохранительной системой как квази-легальный инструмент цензуры, действующий аналогично применению более тяжелой статьи 174 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН («Разжигание социальной розни») или новых, скандальных положений о запрете «ЛГБТИ-пропаганды» в кинематографе. Современное искусство, в особенности уличные жанры рэпа и комедийного стендапа, исторически, стилистически и культурологически может включать в себя обсценную лексику. Однако эта лексика используется авторами отнюдь не с маргинальной целью оскорбления случайных прохожих (то есть полностью отсутствует прямой хулиганский умысел на циничное нарушение общественного порядка). Она выступает как неотъемлемый элемент художественного замысла, средства выразительности и перформанса перед специально собравшейся, подготовленной и лояльной аудиторией, купившей билеты на концерт.

Упорное подведение подобных творческих действий под диспозицию «нецензурная брань в общественных местах, выражающая неуважение к окружающим» является ярчайшим, неопровержимым свидетельством того, что правовая неопределенность состава позволяет правоприменителю осознанно игнорировать контекст (художественный, политический, сатирический) и полностью выхолащивать субъективную сторону деяния (отсутствие хулиганского мотива). Практика применения статьи 434 становится механизмом устрашения. Это порождает классический, описанный в международном праве «охлаждающий эффект» (chilling effect) для свободы слова, свободы собраний и свободы художественного творчества в транзитном государстве. Базовые положения Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК торжественно провозглашают непоколебимые принципы законности, презумпции невиновности и гуманизма: никто не обязан доказывать свою невиновность, любые сомнения должны толковаться исключительно в пользу лица, привлекаемого к административной ответственности, а меры взыскания не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Однако сложившаяся в 2024-2025 годах рутинная судебная практика назначения максимальных сроков ареста (10–15 суток изоляции в спецприемнике) просто за произнесенные слова, сказанные в ходе художественного сценического выступления или при реализации права на критику власти, вступает в острейшее, неразрешимое противоречие с духом и буквой административного законодательства. Такая практика грубо попирает принцип соразмерности (пропорциональности) наказания реальной тяжести содеянного, на который неоднократно указывал Верховный Суд РК в своих нормативных постановлениях.

Заключение

Проведенный в рамках настоящей магистерской диссертации глубокий, всеобъемлющий теоретико-правовой и прикладной анализ позволяет сделать однозначный вывод: институт административной ответственности за мелкое хулиганство в Республике Казахстан находится в состоянии сложной, противоречивой и болезненной трансформации. С одной стороны, государственная власть оперативно реагирует на объективный запрос социума по обеспечению личной безопасности и порядка на улицах, последовательно и неуклонно ужесточая карательные санкции. Кардинальное увеличение штрафов до 20 МРП, расширение минимальных и максимальных сроков ареста до 15 суток, а также внедрение (с 1 сентября 2025 года) прогрессивного института обязательных общественных работ (вплоть до 100 часов за повторное нарушение) – все это убедительно свидетельствует о серьезности намерений казахстанского законодателя искоренить любые проявления антисоциального, деструктивного поведения.

Для стратегического разрешения выявленных глубинных проблем, преодоления правового коллапса и приведения законодательства в соответствие с международными стандартами прав человека необходимо безотлагательно предпринять следующий комплекс мер нормативно-правового и интерпретационного характера:

1. Легализация и детализация понятийного аппарата: Необходимо срочно внести дополнения в понятийный раздел Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК (либо утвердить новое, актуализированное Нормативное постановление Верховного Суда РК), содержащие предельно четкие, поддержанные лингвистами правовые критерии «нецензурной брани» и «оскорбительного приставания». Критически важно императивно установить, что использование бранной лексики образует состав мелкого хулиганства исключительно при наличии доказанного прямого умысла, направленного на грубое нарушение общественного спокойствия и выражение явного циничного неуважения к

невовлеченным лицам. Это позволит легально исключить из-под карательного действия статьи 434 произведения искусства, сценические выступления, политическую публицистику и частное общение, которые объективно не посягают на покой третьих, случайных лиц.

2. Четкая демаркация смежных составов: Требуется на уровне закона детализировать разграничительные линии между статьями 434 (хулиганство), 449 (коммерческое приставание в общественных местах) и 73 (семейно-бытовые отношения) Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РК. Демаркация должна жестко базироваться на точном определении основного объекта посягательства и локации деяния, исключая возможность двойного толкования протоколов полицией.

3. Имплементация института уголовного проступка: В рамках грядущего глобального реформирования уголовного и административного законодательства (в соответствии с Концепцией правовой политики) научно целесообразно имплементировать четко прописанную концепцию «уголовного проступка» для пограничных форм хулиганства. Сравнительный анализ с Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях РФ убедительно доказывает, что такие элементы, как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, целесообразно прямо прописывать в диспозиции нормы о мелком хулиганстве, либо четко и безвозвратно относить к ведению исключительно Уголовного кодекса, дабы избежать правового вакуума.

4. Усиление ведомственного и судебного контроля: Высшим судебным инстанциям Республики Казахстан (судам кассационной и надзорной инстанций) необходимо жестко, бескомпромиссно пресекать сложившуюся практику вынесения обвинительных постановлений в случаях, когда в материалах административного дела отсутствует объективно и процессуально доказанный факт реального нарушения общественного спокойствия (например, когда в деле полностью отсутствуют заявления потерпевших или показания независимых свидетелей, чей покой был фактически нарушен действиями привлекаемого лица). Системное устранение правовой неопределенности состава мелкого хулиганства позволит не только кардинально повысить качество и прозрачность отправления административного правосудия, но и обеспечит жизненно важный баланс между защитой общественной нравственности, поддержанием порядка на улицах и строгим соблюдением фундаментальных прав и свобод человека в Республике Казахстан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Жетписбаев Б.А. Административная ответственность в Республике Казахстан : учеб. пособие / Б.А. Жетписбаев. – Алматы: Данекер, 2000.
2 Айтпаева А.К. Концептуально-теоретические основы девиантного поведения и правовой социализации несовершеннолетних в Республике Казахстан / А.К. Айтпаева. – [Б. м.], 2012.
3 Сейтенов К. К. Понятие уголовного проступка в законодательстве Республики Казахстан: современное состояние и перспективы развития / К. К. Сейтенов. – [Б. м.], 2022.

REFERENCES

1 Zhetpisbaev, B.A. (2000). Administrativnaya otvetstvennost v Respublike Kazakhstan: ucheb. posobie [Administrative responsibility in the Republic of Kazakhstan: textbook]. Almaty: Daneker. [in Russian]
2 Aytpaeva, A.K. (2012). Kontseptualno-teoreticheskie osnovy deviantnogo povedeniya i pravovoy sotsializatsii nesovershennoletnikh v Respublike Kazakhstan [Conceptual and theoretical foundations of deviant behavior and legal socialization of minors in the Republic of Kazakhstan]. n.p. [in Russian]
3 Seytenov, K.K. (2022). Ponyatie ugolovnogo prostupka v zakonodatelstve Respubliki Kazakhstan: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [The concept of a criminal offense in the legislation of the Republic of Kazakhstan: current state and development prospects]. n.p. [in Russian]

Б.А. Жумабаев[1], С.Т. Иксатова[2]
[1]Учебный центр МВД РК, Казахстан
[2]Инновационный Евразийский университет, Казахстан

Ұсақ бұзақылық үшін әкімшілік жауаптылық: құрамның құқықтық белгісіздігі мәселелері

Қазақстан Республикасының құқық қолдану практикасында ұсақ бұзақылық құрамының (ҚР ӘҚБтК-нің 434-бабы) өткір құқықтық белгісіздігі байқалады. «Былапыт сөйлеу», «қорлап тиісу» ұғымдарының легальды (заңдық) дефиницияларының болмауы және цифрландыру дәуіріндегі «қоғамдық орын» шекараларының бұлыңғырлығы норманы кеңейтіп түсіндіруге, аралас деликтілермен шатастыруға және бапты сөз бен шығармашылық еркіндігі үшін «салқындатушы әсер» (chilling effect) тудыратын цензура құралы ретінде пайдалануға әкеп соғады.

Заңнамалық техниканың ақауларын анықтау және оларды еңсеру бойынша ғылыми негізделген ұсынымдар әзірлеу үшін ұсақ бұзақылық құрамының құқықтық белгісіздігінің іргелі мәселелерін жан-жақты зерттеу.

Құжаттық негізді ұлттық (ҚР ӘҚБтК, ҚК) және шетелдік заңнаманы (РФ ӘҚБтК), соттық түсіндіру актілерін, доктриналық көздерді және халықаралық құқық қорғау ұйымдарының (Amnesty International, HRW) есептерін кешенді талдау құрады. Формальды-логикалық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелі-құрылымдық әдістер қолданылды.

Іс-әрекеттің объективті жағын саралау кезінде терең субъективизм анықталды. Ұғымдық аппаратты нақтыламай санкцияларды механикалық түрде қатайту заңсыз қамауға алуды тудыратыны, ұсақ бұзақылық, тұрмыстық жанжалдар және коммерциялық тиісу арасындағы демаркациялық сызықтарды жоятыны белгілі болды.

Терминологияны легализациялаудың (тікелей бұзақылық ниетті міндетті түрде белгілей отырып), аралас әкімшілік құрамдардың аражігін нақты ажыратудың және сот бақылауын күшейтудің сыни қажеттілігі дәлелденді. Осы шараларды енгізу қоғамдық тәртіпті қорғау мен азаматтардың конституциялық құқықтарын мүлтіксіз сақтау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: ұсақ бұзақылық, әкімшілік жауаптылық, қоғамдық тәртіп, балағат сөздер, құқықтық белгісіздік, ҚР ӘҚБтК, девиантты мінез-құлық, құқық бұзушылықтарды саралау, әкімшілік қамауға алу, адам құқықтары.

B.A. Zhumabayev[1], S.T. Iksatova[2]
[1]Training Center of the MIA of the RK, Kazakhstan
[2]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Administrative responsibility for petty hooliganism: problems of legal uncertainty of the elements of the offense

In the law enforcement practice of the Republic of Kazakhstan, there is acute legal uncertainty regarding the elements of petty hooliganism (Article 434 of the Administrative Offenses Code of the RK). The lack of legal definitions for the concepts of «obscene language» and «offensive harassment,» along with the blurred boundaries of a «public place» in the digitalization era, leads to a broad interpretation of the norm, confusion with adjacent offenses, and the use of the article as a censorship tool, creating a «chilling effect» on freedom of speech and artistic expression.

A comprehensive study of the fundamental problems of the legal uncertainty surrounding the elements of petty hooliganism to identify defects in legislative drafting and to develop scientifically grounded recommendations to overcome them.

The documentary basis consisted of a comprehensive analysis of national (Administrative Offenses Code, Criminal Code of the RK) and foreign legislation (Administrative Offenses Code of the Russian Federation), acts of judicial interpretation, doctrinal sources, and reports from international human rights organizations (Amnesty International, HRW). Formal-logical, comparative-legal, and systemic-structural methods were applied.

Deep subjectivism was revealed in the qualification of the objective side of the act. It has been established that the mechanical tightening of sanctions without detailing the conceptual apparatus provokes unlawful arrests and erases the demarcation lines between petty hooliganism, domestic conflicts, and commercial harassment.

The critical need to legalize terminology (with the mandatory establishment of direct hooligan intent), strictly differentiate adjacent administrative offenses, and strengthen judicial control has been proven. The implementation of these measures will ensure a balance between protecting public order and strictly observing the constitutional rights of citizens.

Keywords: petty hooliganism, administrative responsibility, public order, obscene language, legal uncertainty, Administrative Offenses Code of the RK, deviant behavior, qualification of offenses, administrative arrest, human rights.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.

УДК 342.95:004.93'1
МРНТИ 10.19.00

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/149--154

С.С. Каримова[1*]
[1]Учебный центр МВД РК, Казахстан
*(e-mail: saltanat_karimova01@mail.ru)

Использование систем распознавания лиц административной полицией: обеспечение баланса между общественной безопасностью и правом на частную жизнь

Аннотация

Основная проблема: Стремительное внедрение технологий алгоритмического распознавания лиц (FRT) в деятельность административной полиции порождает глубокий институциональный дисбаланс. Формирование инфраструктуры тотального видеонаблюдения создает прямую угрозу конституционным правам граждан на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения, усугубляемую отсутствием четкого профильного законодательства и рисками машинной предвзятости.

Цель: Комплексный концептуальный анализ существующих правовых моделей применения биометрических технологий полицией для выработки научно обоснованных рекомендаций по достижению баланса между общественной безопасностью и информационной автономией личности.

Методы: В исследовании применен комплексный подход, включающий системный, формально-догматический и сравнительно-правовой (ЕС, США, Великобритания, РК) методы. Особый акцент сделан на анализе прецедентной практики ЕСПЧ (дело Glukhin v. Russia) и актуальной эмпирической статистики МВД РК за 2024–2025 годы.

Результаты и их значимость: Признана высокая криминалистическая эффективность FRT. Однако установлено, что в Казахстане применение систем распознавания регламентируется преимущественно подзаконными актами, что предоставляет силовым структурам чрезмерную дискрецию. Неизбирательное биометрическое сканирование населения де-факто стирает презумпцию невиновности.

Обоснована критическая необходимость реформирования национального законодательства путем имплементации международных риск-ориентированных стандартов (EU AI Act) и принципов ЕСПЧ (extrema ratio). Предложены конкретные шаги: обязательное судебное санкционирование алгоритмического розыска, закрепление исчерпывающего перечня преступлений для использования FRT и создание института независимого аудита Искусственный Интеллект.

Ключевые слова: распознавание лиц, административная полиция, общественная безопасность, право на частную жизнь, биометрические персональные данные, видеонаблюдение, права человека, искусственный интеллект, прецедентная практика, информационная автономия, Республика Казахстан.

Введение

Стремительное развитие технологий на стыке XX и XXI веков привело к фундаментальному и необратимому пересмотру подходов к осуществлению административно-полицейских функций. Взрывной рост IT-сферы бросает серьезный вызов классическим правовым институтам, вынуждая государство и общество непрерывно подстраиваться под новые технологические реалии. В богатом арсенале современных правоохранительных структур наиболее перспективным, но в то же время дискуссионным инструментом выступают алгоритмы распознавания лиц (Facial Recognition Technology – FRT), базирующиеся на технологиях искусственного интеллекта (ИИ) и глубоком машинном обучении.

Если рассматривать историческую ретроспективу, методы криминалистической идентификации эволюционировали от антропометрических измерений и дактилоскопии до высокоточного анализа ДНК. Тем не менее внедрение FRT знаменует собой переход на совершенно иной уровень. Этот формат алгоритмического контроля способен функционировать в плотном потоке людей, демонстрируя скорость и точность, многократно

превосходящие возможности человеческого восприятия. Для современной концепции «безопасного города» способность вычислительных мощностей мгновенно выявлять разыскиваемых лиц и пресекать правонарушения на этапе покушения стала критически важной. Тенденция к масштабированию таких интеллектуальных систем в целях охраны правопорядка будет только усиливаться.

Вместе с тем, тотальное внедрение «умных» камер в полицейскую практику генерирует пласт сложнейших социальных, правовых и этических дилемм. Перед мировой юстицией встает проблема защиты от формирования инфраструктуры абсолютного алгоритмического контроля. Наделяя административную полицию инструментами для непрерывной и автоматизированной обработки чувствительных биометрических данных неограниченного числа граждан, государство создает прямую угрозу конституционным правам: свободе передвижения, неприкосновенности частной жизни и свободе выражения мнений.

На глобальном уровне регулирование биометрических инноваций характеризуется крайней нестабильностью и фрагментарностью, граничащей с правовым вакуумом. Отсутствие единого подхода приводит к полярным решениям: от строгих запретов на использование FRT полицией в некоторых американских штатах до формирования тотальных государственных биометрических реестров в других юрисдикциях. Возникает острая потребность в академическом осмыслении механизмов сдержек и противовесов, способных сбалансировать публичный запрос на безопасность и персональное право на информационную независимость.

Ситуация осложняется феноменом «черного ящика» ИИ. Нейросети, натренированные на гигантских массивах данных, склонны перенимать и масштабировать скрытые социальные предубеждения, что повышает риск дискриминационного профилирования. В связи с этим разработка строгих регламентов, повышение стандартов доказывания соразмерности вмешательства и учреждение институтов независимого аудита алгоритмов становятся ключевыми задачами для правовой науки.

Данная работа посвящена всестороннему концептуальному анализу существующих парадигм применения FRT. Центральная гипотеза сводится к следующему: использование биометрических решений административной полицией может считаться легитимным и соответствующим международным правозащитным стандартам исключительно при соблюдении принципов ultima ratio (крайней необходимости), точечной обоснованности и при наличии многоуровневого независимого контроля.

Материалы и методы

Сложность, многомерность и междисциплинарный характер темы потребовали использования комплексного методологического аппарата, синтезирующего подходы юридической, технической и социологической наук. Исследование феноменов, находящихся на стыке IT и юриспруденции, обусловило применение широкого набора научных инструментов.

Фундаментальным общенаучным методом стал системный анализ. Он позволил исследовать внедрение FRT в полицейскую деятельность не просто как процесс технической модернизации, а как масштабный социально-правовой сдвиг, меняющий саму природу взаимодействия государственного аппарата принуждения и личности. Логико-дедуктивный метод применялся для формулирования выводов о влиянии цифровизации на правовую доктрину.

Для скрупулезного анализа нормативной базы использовался формально-догматический (юридико-технический) инструментарий. С его помощью были детально исследованы: Директива ЕС (LED), Регламент ЕС об искусственном интеллекте (EU AI Act), положения Конституции РК, а также национальные законы, регламентирующие работу с биометрией (включая Закон РК «О персональных данных и их защите» и нормы КоАП РК).

Учитывая глобальный характер развития ИИ, важнейшую роль сыграл сравнительно-правовой (компаративистский) метод. Сопоставление правоприменительных и регуляторных стратегий ЕС, США, Великобритании и Казахстана дало возможность выявить национальную специфику правовой адаптации к цифровым угрозам.

Существенный акцент сделан на методе анализа судебных прецедентов, в первую очередь – знаковых постановлений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), касающихся пределов электронного наблюдения. Особое внимание уделено историческому решению по делу Glukhin v. Russia.

Эмпирический фундамент работы опирается на актуальную статистику МВД РК по раскрываемости преступлений, а также на отчетные данные о работе Национальной системы видеомониторинга (НСВМ) и аппаратно-программных комплексов в 2024–2025 годах.

Результаты

Технико-правовая природа систем распознавания лиц в полицейском контексте Разработка качественного правового регулирования невозможна без понимания технической специфики объекта. Технология FRT работает путем обработки визуальной информации для алгоритмического подтверждения или установления личности. Базовый цикл включает: фиксацию лица в видеопотоке, пространственное выравнивание и захват узловых точек, после чего программа трансформирует эти данные в уникальный математический «шаблон» (вектор).

Далее этот вектор мгновенно сопоставляется с обширными базами данных, источниками которых выступают государственные реестры, криминалистические учеты, а в последнее время – открытые профили граждан в социальных сетях.

С точки зрения полицейской практики, выделяют три операционных режима FRT:

Верификация (1:1) – подтверждение личности конкретного человека.

Идентификация (1:N) – поиск неустановленного лица в базе данных путем сканирования толпы.

Категоризация – алгоритмический анализ демографии или эмоционального фона.

Для административной полиции ключевым является режим идентификации (1:N) в публичных местах. Он позволяет оперативно находить преступников и предотвращать угрозы. Однако переход к такой предиктивной (превентивной) модели контроля несет колоссальные риски. Технические искажения алгоритмов часто провоцируют ложноположительные срабатывания (False Positives), что на практике оборачивается незаконными задержаниями и грубым нарушением прав граждан.

Международный и зарубежный опыт правового регулирования Европейский Союз демонстрирует наиболее проработанную парадигму защиты прав человека в цифровую эпоху. Директива LED наделяет биометрию статусом особо чувствительных данных. Принятие Регламента об ИИ (EU AI Act) утвердило риск-ориентированный подход, согласно которому использование полицией систем онлайн-идентификации в общественных местах признано источником неприемлемого риска и категорически запрещено (за исключением узких экстренных случаев).

В Соединенных Штатах федерального законодательства об ИИ пока нет. Регулирование децентрализовано: если ряд муниципалитетов ввел жесткие моратории на FRT для местной полиции, то федеральные службы активно сотрудничают с коммерческими вендорами вроде Clearview AI.

В Великобритании, опирающейся на прецедентное право, специального статутного закона о FRT не существует. Правоохранительные органы легитимизируют применение камер, ссылаясь на свои общие полномочия по поддержанию порядка [1].

Эволюция прецедентной практики Европейского суда по правам человека Практика ЕСПЧ выступает золотым стандартом в вопросах определения границ полицейского биометрического вмешательства. Критерии соразмерности цифровой слежки поэтапно формировались в решениях S. and Marper v. the United Kingdom, Uzun v. Germany и Roman Zakharov v. Russia.

Обсуждение

Рубиконом стало постановление по делу Glukhin v. Russia от 4 июля 2023 года. В данном кейсе заявителя оштрафовали за одиночный мирный пикет после того, как его личность установила система распознавания лиц в метрополитене [2]. ЕСПЧ признал технологию тотального распознавания «крайне интрузивной» (highly intrusive). Исходя из позиции Суда, можно выделить три фундаментальных правовых принципа:

Принцип extrema ratio: технология применима лишь тогда, когда все менее радикальные методы исчерпали свою эффективность.

Принцип обоснованного подозрения: алгоритмы должны базироваться на конкретных фактах, тотальное сканирование населения (blanket use) недопустимо.

Принцип выборочной легитимности: использование FRT оправдано только для розыска строго лимитированного круга особо опасных лиц [3].

Правовое регулирование и правоприменительная практика в Республике Казахстан В Казахстане внедрение алгоритмов компьютерного зрения в контур общественной безопасности

идет беспрецедентно быстрыми темпами, формируя новую архитектуру профилактики правонарушений и цифрового урбанизма [4].

На уровне закона оборот биометрии регулируется Законом РК «О персональных данных и их защите». Хотя закон требует согласия субъекта на обработку данных, он содержит широкие исключения для силовых структур, позволяя собирать информацию в целях национальной безопасности без ведома граждан [5].

Важнейшим инфраструктурным этапом стало внедрение Национальной системы видеомониторинга (НСВМ), утвержденной соответствующим приказом КНБ РК. НСВМ выступает централизованным хабом, агрегирующим видеопотоки с государственных и частных камер по всей республике [6].

Статистика МВД РК иллюстрирует масштаб происходящего: в 2024–2025 годах в стране функционирует более 1,4 млн камер. Интеграция систем «Сергек» и «TargetEYE» в работу полиции показала впечатляющие результаты: с помощью цифрового мониторинга раскрывается 56 % уголовных и 66 % административных деяний в публичных местах. Внедрение ИИ-камер и патрульных дронов позволило снизить общий уровень уголовной преступности на 10,9 %.

Законодатель также расширяет сферу алгоритмического контроля в КоАП РК, позволяя выписывать автоматические штрафы с помощью FRT за мелкие проступки (выброс мусора, переход дороги в неположенном месте) [7].

Однако такая повсеместная экспансия видеоаналитики вызывает критику экспертов. В Казахстане пока не принят узкопрофильный закон, который бы жестко ограничивал полицейское использование алгоритмов. Неизбирательный сбор биометрии несет угрозы конфиденциальности. На практике уже фиксировались инциденты, когда система TargetEYE в аэропортах ошибочно идентифицировала блогеров и активистов, что приводило к их необоснованным задержаниям [8]. Отсутствие строгих процессуальных фильтров, аналогичных европейскому AI Act, чревато трансформацией систем безопасности в механизм гипертрофированного контроля, нарушающего конституционные свободы казахстанцев.

Заключение

Внедрение FRT и машинного обучения в рутинную работу административной полиции представляет собой тектонический сдвиг в развитии правоохранительных органов. Интеллектуальный видеомониторинг доказал свою феноменальную эффективность: статистика Республики Казахстан наглядно подтверждает успешность алгоритмов в профилактике преступлений и розыске правонарушителей.

Однако проведенное исследование выявило глубокий институциональный дисбаланс: технологический потенциал полицейского надзора развивается в геометрической прогрессии, тогда как правовые механизмы защиты частной жизни остаются консервативными. В силу своей технической интрузивности технология FRT при массовом применении де-факто стирает презумпцию невиновности, превращая любого горожанина в объект перманентного сканирования.

Анализ международной практики демонстрирует, что демократические страны двигаются в сторону жестких риск-ориентированных моделей, где эталоном выступает европейский AI Act. В Казахстане, при наличии базового Закона «О персональных данных», реальное применение FRT полицией регулируется в основном ведомственными приказами (как в случае с НСВМ). Подобный подход предоставляет исполнительной власти чрезмерно широкую дискрецию.

Для выстраивания конституционно сбалансированной системы необходимо кардинально реформировать национальное законодательство. Оптимальным решением станет имплементация принципов ЕСПЧ (extrema ratio, обоснованного подозрения и выборочной легитимности) в уголовно-процессуальное и административное право РК.

Рекомендуется предпринять следующие шаги: закрепить на уровне закона строгий и исчерпывающий перечень тяжких преступлений, допускающих использование FRT в реальном времени; ввести обязательное судебное санкционирование для загрузки профилей граждан в базы алгоритмического розыска; а также создать независимый контролирующий орган для аудита полицейских ИИ-систем на предмет предвзятости. Лишь перевод биометрического мониторинга в русло прозрачного и демократически контролируемого процесса позволит обществу безопасно пользоваться плодами цифровой революции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Bonsor K. How Facial Recognition Systems Work / K. Bonsor, R. Johnson // PCEINC. – 2019.
2 Studies on facial recognition technology use and racial disparities in policing / Johnson [et al.] // Tandfonline. – 2024.
3 Akbari Facial recognition technology categories and implications / Akbari, Lynch, Chen // MDPI. – 2024.
4 Perez S. H. The Impact of Facial Recognition Technology in Law Enforcement. A Leadership White Paper / S. H. Perez // LEMIT (The Bill Blackwood Law Enforcement Management Institute of Texas). – 2025.
5 Gültekin-Várkonyi G. Navigating data governance risks: Facial recognition / G. Gültekin-Várkonyi // Policy Review. – 2024.
6 Joldoshev J. Glukhin v. Russia: The European Court of Human Rights' First Step into the Age of AI Surveillance / J. Joldoshev // Federal Bar Association. – 2024.
7 Palmiotto F. Facial Recognition Before the European Court of Human Rights / F. Palmiotto // European Review of Digital Administration & Law (Erdal). – 2025. – Vol. 6, Issue 1.
8 Утеген Д. Защита биометрических данных: анализ законодательства Казахстана в контексте зарубежной практики / Д. Утеген // Maqsut Narikbayev University. – 2025.

REFERENCES

1 Bonsor K. How Facial Recognition Systems Work / K. Bonsor, R. Johnson // PCEINC. – 2019.
2 Studies on facial recognition technology use and racial disparities in policing / Johnson [et al.] // Tandfonline. – 2024.
3 Akbari Facial recognition technology categories and implications / Akbari, Lynch, Chen // MDPI. – 2024.
4 Perez S. H. The Impact of Facial Recognition Technology in Law Enforcement. A Leadership White Paper / S. H. Perez // LEMIT (The Bill Blackwood Law Enforcement Management Institute of Texas). – 2025.
5 Gültekin-Várkonyi G. Navigating data governance risks: Facial recognition / G. Gültekin-Várkonyi // Policy Review. – 2024.
6 Joldoshev J. Glukhin v. Russia: The European Court of Human Rights' First Step into the Age of AI Surveillance / J. Joldoshev // Federal Bar Association. – 2024.
7 Palmiotto F. Facial Recognition Before the European Court of Human Rights / F. Palmiotto // European Review of Digital Administration & Law (Erdal). – 2025. – Vol. 6, Issue 1.
8 Utegen D. Zashchita biometricheskikh dannykh: analiz zakonodatelstva Kazakhstana v kontekste zarubezhnoy praktiki / D. Utegen // Maqsut Narikbayev University. – 2025. [in Russian].

С.С. Каримова[1]
[1]ҚР ІІМ Оқу орталығы, Қазақстан

Әкімшілік полицияның адам жүзін тану жүйелерін пайдалануы: қоғамдық қауіпсіздік пен жеке өмірге қолсұғылмаушылық құқығы арасындағы теңгерімді қамтамасыз ету

Бет-әлпетті алгоритмдік тану (FRT) технологияларын әкімшілік полиция қызметіне қарқынды енгізу терең институционалдық теңгерімсіздікті тудырады. Жаппай бейнебақылау инфрақұрылымын қалыптастыру азаматтардың жеке өмірге қолсұғылмаушылық және жүріп-тұру бостандығына қатысты конституциялық құқықтарына тікелей қауіп төндіреді, бұл нақты бейінді заңнаманың жоқтығымен және машиналық біржақтылық (предвзятость) тәуекелдерімен ушыға түседі.

Қоғамдық қауіпсіздік пен жеке тұлғаның ақпараттық дербестігі арасындағы теңгерімге қол жеткізу бойынша ғылыми негізделген ұсынымдар әзірлеу үшін полицияның биометриялық технологияларды қолдануының қолданыстағы құқықтық модельдерін кешенді тұжырымдамалық талдау.

Зерттеуде жүйелік, формальды-догматикалық және салыстырмалы-құқықтық (ЕО, АҚШ, Ұлыбритания, ҚР) әдістерді қамтитын кешенді тәсіл қолданылды. Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық соттың (АҚЕС/ЕСПЧ) прецеденттік практикасын (Glukhin v. Russia ісі)

және ҚР ІІМ-нің 2024–2025 жылдардағы өзекті эмпирикалық статистикасын талдауға ерекше назар аударылды.

FRT-тің жоғары криминалистикалық тиімділігі мойындалды. Алайда, Қазақстанда тану жүйелерін қолдану негізінен заңға тәуелді актілермен реттелетіні анықталды, бұл күштік құрылымдарға шамадан тыс дискреция (еркіндік) береді. Халықты талғамсыз биометриялық сканерлеу іс жүзінде кінәсіздік презумпциясын жоққа шығарады.

Халықаралық тәуекелге бағдарланған стандарттарды (EU AI Act) және Еуропалық соттың қағидаттарын (extrema ratio) имплементациялау арқылы ұлттық заңнаманы реформалаудың сыни қажеттілігі негізделді. Нақты қадамдар ұсынылды: алгоритмдік іздестіруді міндетті түрде соттың санкциялауы, FRT қолдану үшін қылмыстардың толық тізбесін бекіту және ЖИ тәуелсіз аудиті институтын құру.

Түйінді сөздер: адам жүзін тану, әкімшілік полиция, қоғамдық қауіпсіздік, жеке өмірге қолсұғылмаушылық құқығы, биометриялық дербес деректер, бейнебақылау, адам құқықтары, жасанды интеллект, прецеденттік тәжірибе, ақпараттық дербестік, Қазақстан Республикасы.

S.S. Karimova[1]
[1]Training Center of the MIA of the RK, Kazakhstan

Use of Facial Recognition Systems by Administrative Police: Ensuring a Balance Between Public Safety and the Right to Privacy

The rapid integration of algorithmic facial recognition technologies (FRT) into the activities of the administrative police generates a deep institutional imbalance. The formation of a total video surveillance infrastructure poses a direct threat to citizens' constitutional rights to privacy and freedom of movement, exacerbated by the lack of clear specific legislation and the risks of machine bias.

A comprehensive conceptual analysis of existing legal models for the use of biometric technologies by the police to develop scientifically grounded recommendations for achieving a balance between public safety and the informational autonomy of the individual.

The research applies a comprehensive approach, including systemic, formal-dogmatic, and comparative-legal (EU, USA, UK, RK) methods. Special emphasis is placed on the analysis of the ECtHR case law (Glukhin v. Russia) and the relevant empirical statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan for 2024–2025.

The high forensic effectiveness of FRT is recognized. However, it has been established that in Kazakhstan, the use of recognition systems is primarily regulated by subordinate acts, which provides law enforcement agencies with excessive discretion. Indiscriminate biometric scanning of the population de facto erases the presumption of innocence.

The critical need to reform national legislation by implementing international risk-oriented standards (EU AI Act) and ECtHR principles (extrema ratio) is substantiated. Specific steps are proposed: mandatory judicial authorization of algorithmic searches, establishment of an exhaustive list of crimes for FRT use, and the creation of an independent AI audit institution.

Keywords: facial recognition, administrative police, public safety, right to privacy, biometric personal data, video surveillance, human rights, artificial intelligence, case law, informational autonomy, Republic of Kazakhstan.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.

УДК 343.1; 343.34
МРНТИ 10.77.51

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/155-163

О.С. Коновалов[1*], Д.Н. Бекежанов[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: konovalovo042@gmail.com)

Проблемы допустимости и верификации доказательств, полученных с применением технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе: сравнительно-правовое исследование

Аннотация

Основная проблема: Стремительное внедрение искусственного интеллекта в уголовный процесс и массовое распространение технологии «дипфейк» разрушают традиционные парадигмы доказывания. Возникает острая необходимость верификации машинных выводов и защиты правосудия от цифровых фальсификаций, что усугубляется процессуальным отставанием законодательства.

Цель: Формирование комплексного доктринального понимания механизмов верификации и условий допустимости ИИ-доказательств на основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта и оценки законодательных новелл Республики Казахстан.

Методы: В исследовании применялся комплексный подход, включающий сравнительно-правовой (анализ систем США, Великобритании, Германии, ЕС), формально-юридический, формально-логический и системно-структурный методы.

Результаты и их значимость: Выявлен эпистемологический дуализм ИИ-доказательств («заявленные» алгоритмические решения и «незаявленные» дипфейки). Установлено, что зарубежный опыт (EU AI Act, практика США и ЕСПЧ) доказывает острую необходимость жесткого процессуального аудита алгоритмов для предотвращения судебных ошибок (феномен «дивиденд лжеца»). Доказано, что отечественный УПК РК объективно отстает от норм нового Закона РК «Об искусственном интеллекте» и требует адаптации.

Обоснована критическая потребность в модернизации доктринального концепта «специальных научных знаний». Внедрение обязательных механизмов алгоритмического аудита интеллектуальных систем позволит исключить монополию ИИ-разработчиков на установление истины, обеспечив идеальный баланс между технологической эффективностью расследования преступлений и строгим соблюдением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: уголовный процесс, искусственный интеллект, свобода оценки доказательств, допустимость доказательств, дипфейки, машинные доказательства, сравнительно-правовое исследование, цифровая криминалистика, прозрачность алгоритмов, верификация данных, Закон об искусственном интеллекте.

Введение

Современная система уголовного правосудия переживает глубокий эпистемологический и парадигмальный сдвиг, обусловленный беспрецедентным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность органов досудебного расследования, прокуратуры и суда [1]. В последние годы применение интеллектуальных систем перестало быть предметом научной фантастики и превратилось в рутинную правоприменительную практику: от алгоритмов автономного роботизированного патрулирования и предиктивной аналитики мест совершения преступлений до систем биометрической идентификации лиц и автоматизированного анализа колоссальных массивов цифровых следов [2]. Этот технологический скачок открывает широкие горизонты для повышения эффективности раскрытия и расследования уголовных правонарушений, однако он же порождает критические вызовы для устоявшихся принципов уголовно-процессуального права [3].

Проблематика усугубляется взрывным развитием генеративного искусственного интеллекта, который окончательно стер демаркационную линию между объективной физической реальностью и синтетической цифровой фальсификацией. Эпоха, когда фотография, видео- и аудиозапись считались неоспоримым, объективным отражением

действительности, завершилась с массовым распространением технологии «дипфейк» (deepfake) [4]. В мировой судебной практике уже фиксируются прецеденты, когда сторона защиты обоснованно или сугубо спекулятивно ставит под сомнение подлинность ключевых мультимедийных улик, ссылаясь на техническую доступность их искусственной генерации [5].

Целью настоящего исследования является формирование комплексного, научно обоснованного доктринального понимания механизмов верификации и условий допустимости доказательств, полученных с применением ИИ, на основе сравнительно-правового анализа передового зарубежного опыта и критической оценки недавних законодательных новелл Республики Казахстан.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплексный инструментарий, включающий общенаучные и частнонаучные методы познания. Базовым методом выступил сравнительно-правовой подход, позволивший сопоставить концептуальные основы доказательственного права различных правовых семей в условиях цифровизации. В рамках англосаксонской правовой семьи были проанализированы Федеральные правила доказывания США (Federal Rules of Evidence) и новейшие законодательные инициативы отдельных штатов по их адаптации к угрозам дипфейков [6]; прецедентное право, а также аналитические отчеты Правовой комиссии Великобритании (Law Commission) за 2025 год, касающиеся отмены презумпции надежности компьютеров [7].

В рамках романо-германской правовой семьи детальному изучению подверглись положения Уголовно-процессуального кодекса Германии (Strafprozessordnung – StPO) и доктринальные подходы к свободной оценке машинных доказательств [8]. Важным элементом исследования стал формально-юридический анализ наднационального регулирования Европейского Союза, в первую очередь фундаментального Закона ЕС об искусственном интеллекте (EU AI Act) и Директивы о защите данных в правоохранительной сфере (LED) [9].

Особый акцент сделан на отечественной нормативной базе: нормах Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК) и положениях концептуального Закона РК от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте». Использование формально-логического и системно-структурного методов позволило выявить нормативные пробелы в действующем законодательстве и смоделировать последствия внедрения алгоритмических систем в механизм доказывания по уголовным делам.

Результаты

1. Эпистемологическая и теоретико-правовая природа доказательств, связанных с искусственным интеллектом Внедрение искусственного интеллекта в уголовный процесс требует кардинального пересмотра традиционных криминалистических классификаций. Как справедливо отмечается в современной юридической литературе, новейшие интеллектуальные системы представляют собой не просто усовершенствованные технические инструменты фиксации (подобно фотокамере, лупе или диктофону), а выступают в роли квазисубъектов, способных автономно регистрировать, анализировать, коррелировать и интерпретировать многомерные массивы данных [10].

Вопрос о сущности ИИ в криминалистике выходит далеко за рамки технической проблематики. Прежде всего, речь идет о переосмыслении подходов к восприятию и оценке цифровых следов [11]. В американской и европейской уголовно-процессуальной доктрине наметилось четкое разделение ИИ-доказательств на две фундаментальные категории, каждая из которых порождает свой уникальный спектр правовых проблем: «заявленные» (acknowledged) и «незаявленные» (unacknowledged) ИИ-доказательства [12].

Фундаментальная проблема заявленных ИИ-доказательств заключается в доказательстве их валидности и надежности в суде [13]. Понятие валидности (validity) подразумевает, что алгоритм действительно измеряет или предсказывает именно тот феномен, для которого он был концептуально создан (например, алгоритм точно идентифицирует конкретное лицо, а не выдает ложное совпадение из-за особенностей освещения или расовой принадлежности). Понятие надежности (reliability) означает стабильность и воспроизводимость результатов при повторном применении инструмента в схожих условиях [14].

2. Кризис аутентичности: феномен дипфейков и «дивиденд лжеца» Вектор угрозы, исходящий от «незаявленных» ИИ-доказательств, в первую очередь связан с развитием генеративных сетей (GAN). Дипфейки, массово появившиеся в публичном цифровом пространстве около 2017 года, стремительно эволюционировали от сатирических роликов до

мощнейшего криминального инструмента мошенничества, шантажа и целенаправленной фабрикации уголовных улик [10]. Легкость, с которой в настоящее время могут быть созданы сверхреалистичные сфабрикованные видео- и аудиозаписи, наносит колоссальный удар по процессу доказывания.

Как справедливо отмечал судья Верховного суда округа Колумбия Герберт Б. Диксон-младший, из-за внедрения дипфейков, которые спроектированы специально для того, чтобы осуществлять «газлайтинг» наблюдателя, древний постулат «увидеть – значит поверить» может навсегда исчезнуть из нашего правового и культурного этоса.

Процессуальная опасность этого явления носит глубоко двойственный характер. Во-первых, существует очевидный риск неправомерного осуждения невиновных лиц на основании мастерски сфабрикованных улик. Во-вторых, возникает сложный психологический и правовой феномен, получивший в доктрине название «дивиденд лжеца» (liar's dividend) [15]. Суть данного феномена заключается в том, что реально виновный субъект может вполне обоснованно заявить в суде, что подлинная видеозапись совершения им преступления является дипфейком, сгенерированным его недоброжелателями или коррумпированными полицейскими. Учитывая общеизвестность технологии, такое заявление неизбежно зароняет зерно разумного сомнения у судьи или присяжных заседателей. В результате судебные органы сталкиваются с беспрецедентным скептицизмом присяжных в отношении абсолютно любых цифровых доказательств, даже тех, достоверность которых не вызывает сомнений у экспертов.

3. Англосаксонская правовая модель: вызовы и реакция в США и Великобритании

3.1. Подход Соединенных Штатов Америки В правовой системе США допуск доказательств к судебному следствию жестко регламентируется Федеральными правилами доказывания (Federal Rules of Evidence – FRE). Исторически американская модель устанавливала достаточно низкий порог для первоначальной допустимости релевантных доказательств (правила 401 и 402), ограничивая их представление присяжным лишь в том случае, если риск несправедливого предубеждения, путаницы или затягивания процесса существенно перевешивает их доказательственную ценность (правило 403).

Оценка научных экспертных заключений (правило 702) проходит через строгие фильтры прецедентных стандартов Дауберта (Daubert) или Фрая (Frye), требующих доказывания того, что теория или метод были проверены, подвергнуты рецензированию, имеют известный уровень ошибок и общепризнаны в научном сообществе. Однако действующие нормы базовой аутентификации доказательств (правило 901) формировались задолго до появления генеративного ИИ. Согласно классическому правилу 901, для аутентификации документа или видеозаписи стороне достаточно предоставить минимальный объем информации, на основе которой разумное жюри присяжных могло бы сделать логический вывод о том, что предмет с большей долей вероятности является тем, за что его выдают. В эпоху дипфейков этот барьер оказался катастрофически низким.

Помимо борьбы с дипфейками, американские суды пытаются регламентировать и заявленные ИИ-доказательства. В частности, в законодательное собрание штата Нью-Йорк был внесен передовой законопроект, добавляющий параграф § 60.80 в Уголовно-процессуальный закон (CPL). Данная норма содержит жесткое требование: доказательства, созданные с участием ИИ, не могут быть приняты судом в уголовном процессе, если они существенно не подкреплены иными независимыми и допустимыми уликами, а сторона, представляющая их, не установила надежность и точность конкретного способа использования алгоритма.

3.2. Эволюция подходов в Великобритании Правовая система Англии и Уэльса демонстрирует совершенно иную историческую траекторию, которая привела юрисдикцию к одной из крупнейших судебных катастроф современности. Как отмечается в английской доктрине, с 1999 года в уголовном и гражданском судопроизводстве Великобритании действует презумпция общего права, согласно которой компьютер, создавший доказательственную запись, работал исправно в соответствующее время, пока не доказано обратное.

До 1999 года действовала статья 69 Закона о полиции и доказательствах по уголовным делам (PACE), которая жестко требовала от стороны обвинения позитивно доказывать, что компьютер функционировал правильно, прежде чем распечатки признавались допустимыми. Однако Правовая комиссия (Law Commission) рекомендовала отменить эту норму как «громоздкую и непрактичную», опираясь на мнение профессора Колина Таппера, высказанное

в 1991 году, о том, что большинство компьютерных ошибок легко обнаружимы и возникают исключительно из-за неверного ввода данных человеком [16].

Отмена презумпции необходимости независимой проверки систем обернулась делом Post Office / Horizon — величайшей системной судебной ошибкой в истории британского правосудия. Сотни невиновных руководителей почтовых отделений были неправомерно осуждены за хищения исключительно на основе данных автоматизированной бухгалтерской системы Horizon. Лишь спустя годы выяснилось, что система содержала критические архитектурные ошибки, которые плодили несуществующие недостачи. Суды годами отказывались верить подсудимым, опираясь на презумпцию исправности машины.

4. Романо-германская правовая модель и наднациональное регулирование Европейского Союза

4.1. Доктрина и практика Германии Германия представляет собой классический, исторически устоявшийся пример смешанного (с преобладанием следственных или инквизиционных элементов) типа уголовного процесса. В отличие от состязательной англо-американской модели, где суд выступает пассивным арбитром, в Германии бремя установления объективной (материальной) истины возложено на самого судью. Уголовно-процессуальный кодекс Германии (Strafprozessordnung – StPO) содержит крайне мало формальных правил априорного исключения доказательств. Допустимость и достоверность улик в немецком суде определяется фундаментальным принципом свободной оценки доказательств (§ 261 StPO), согласно которому суд принимает решение по своему внутреннему убеждению, сформированному на основе всестороннего исследования всего хода судебного разбирательства.

В отношении сбора и изъятия цифровых данных StPO устанавливает строгие материальные и процессуальные гарантии. Так, параграфы 100a и 100b детально регламентируют негласное прослушивание и удаленный доступ к информационно-техническим системам, защищая так называемое «ядро частной жизни» (Kernbereich privater Lebensgestaltung). Правила исключения незаконно полученных доказательств (Beweisverwertungsverbot) в последнее время были дополнительно усилены прецедентами Европейского суда справедливости (ECJ). В частности, суд постановил, что доказательства, собранные государством посредством неизбирательного и массового удержания данных граждан, должны безусловно исключаться из процесса, если обвиняемый не имеет эффективной возможности оспорить их техническую природу.

4.2. Наднациональное регулирование: AI Act Европейского Союза Европейский Союз предпринял самую масштабную в современной истории попытку кодификации правил разработки и эксплуатации ИИ, приняв EU Artificial Intelligence Act (AI Act). Данный беспрецедентный акт базируется на риск-ориентированном подхода. Системы ИИ, используемые правоохранительными органами для оценки достоверности доказательств в ходе расследования, профилирования подозреваемых, прогнозирования преступлений (Predictive Policing) или полиграфирования, жестко классифицируются законом как высокорисковые (high-risk).

Однако с точки зрения защиты прав личности в уголовном процессе AI Act содержит весьма тревожные компромиссы. Статьи 49 и 71 акта устанавливают строгие требования прозрачности, ведения технической документации и регистрационные обязательства для операторов высокорисковых систем. Но для правоохранительных органов эти обязательства существенно смягчены: публичные органы (полиция, спецслужбы) получили законное право скрывать данные о работе алгоритма от общественности и обвиняемых под предлогом оперативной необходимости и защиты тайны следствия.

Как аргументированно отмечают европейские исследователи из Центра ИТ и IP-права (CiTiP) Лёвенского католического университета (KU Leuven), такой подход создает прямую коллизию со статьей 6 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ), гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство. Право на справедливый суд имплицитно включает право обвиняемого иметь достаточное время и возможности для подготовки защиты (ст. 6(3)(b) ЕКПЧ) и право допрашивать показывающих против него свидетелей (ст. 6(3)(d) ЕКПЧ).

5. Имплементация технологий ИИ в правовую систему Республики Казахстан: текущее состояние и векторы развития Республика Казахстан демонстрирует высокую динамику интеграции в глобальные процессы цифровизации государственного управления и

судопроизводства. Важнейшей вехой в формировании национальной цифровой среды стало принятие Закона Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте». Данный нормативный правовой акт закладывает базовые этические и юридические принципы функционирования ИИ в стране и вводит в юридический оборот критически важную правовую конструкцию — «алгоритмическое решение с юридическим значением», а также закрепляет требования прозрачности применяемых алгоритмов.

Обсуждение

Вместе с тем, как справедливо отмечается в новейшей отечественной правовой литературе, вопросы процессуальной формы, допустимости, верификации и пределов использования доказательств, полученных с использованием ИИ в рамках уголовного судопроизводства, остались за рамками регулирования профильного закона об ИИ. Эти вопросы требуют глубокой, органичной интеграции в ткань Уголовно-процессуального кодекса РК.

Согласно статье 1 УПК РК, порядок уголовного судопроизводства на территории страны определяется Конституцией Республики Казахстан, конституционными законами и Уголовно-процессуальным кодексом. Фундаментальные задачи уголовного процесса (статья 8 УПК РК) предписывают не только быстрое и полное раскрытие преступлений, но и обеспечение надежной защиты граждан от необоснованного обвинения и осуждения, от незаконного ограничения прав и свобод человека. Принцип равенства граждан перед законом (статья 16 УПК РК) исключает любую дискриминацию, в том числе ту, которая может быть алгоритмически заложена в предвзятые системы предиктивной юстиции.

Специфика казахстанского уголовного процесса состоит в том, что применение сложных научно-технических и алгоритмических инструментов правоохранительными органами должно проходить строгую, формализованную оценку через институт судебной экспертизы. УПК РК (в частности, статья 114 и смежные нормы) оперирует фундаментальным понятием «специальные научные знания» – это области специальных знаний, содержание которых составляют научные достижения, реализованные в валидированных методиках судебно-экспертного исследования.

В научной доктрине Казахстана и стран СНГ уже активно поднимаются смежные вопросы. Например, в монографии И.Н. Мосечкина (2020 г.) исследуются перспективы уголовной ответственности самого ИИ как нового вида субъекта преступления и пределы невменяемости (соотнесение с разделом 15 УПК РК и ст. 16 УК). Однако для практической криминалистики куда более актуален процессуальный аспект: как оценивать вину и умысел разработчика, оператора или следователя, если алгоритмическая ошибка («галлюцинация» системы распознавания лиц) привела к незаконному аресту или конфискации имущества (ст. 118 УПК РК).

Заключение

Проведенное глубокое сравнительно-правовое исследование со всей очевидностью свидетельствует о том, что интеграция технологий искусственного интеллекта в уголовный процесс является не просто рутинным вопросом внедрения новых эффективных аппаратно-программных комплексов. Это глобальный вызов, требующий фундаментального концептуального переосмысления базовых институтов доказательственного права.

Мировая правоприменительная практика столкнулась с острой дуалистической проблемой. С одной стороны, правоохранительным органам жизненно необходимо процессуально легализовать и верифицировать «заявленные» решения легитимных нейросетей, преодолев гносеологическую проблему «черного ящика» и катастрофический дефицит воспроизводимости машинных выводов. С другой стороны – налицо экзистенциальная необходимость выстроить надежные барьеры для защиты самой системы правосудия от «незаявленных» алгоритмических манипуляций в виде дипфейков и синтетических улик, разрушающих вековое доверие общества к объективным визуальным и аудиальным фактам.

Республика Казахстан, сделав значительный, исторически важный шаг вперед путем разработки и принятия профильного Закона «Об искусственном интеллекте» в ноябре 2025 года, заложила прочный этико-правовой и административный фундамент для цифрового рывка. Однако уголовно-процессуальное законодательство (в частности, нормы УПК РК, регламентирующие процесс доказывания и назначения экспертиз) пока объективно отстает от стремительно меняющихся технологических реалий.

Для обеспечения идеального баланса между необходимостью повышения эффективности раскрытия преступлений новыми методами и конституционной обязанностью государства по защите фундаментальных прав и свобод личности, представляется критически важным срочно модернизировать доктринальный и законодательный концепт «специальных научных знаний». Внедрение в отечественную криминалистику обязательных механизмов алгоритмического аудита интеллектуальных систем и создание жестких процессуальных гарантий проверки так называемых «машинных доказательств» позволит исключить опасную монополию разработчиков программного обеспечения на установление истины по уголовным делам. Только гармоничный симбиоз технологической прозрачности (Explainable AI) и неукоснительного соблюдения классических уголовно-процессуальных гарантий позволит национальному и международному правосудию сохранить свою легитимность, авторитет и справедливость в наступающую эпоху искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Уголовный процесс, свобода оценки доказательств, искусственный интеллект, цифровизация уголовного судопроизводства // Вестник Академии Права и Управления [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82462787 (дата обращения: 07.04.2026).
2 Singh S. et al. Reliability and Admissibility of AI-Generated Forensic Evidence in Criminal Trials // National Seminar on Criminal Law and Justice Reforms [Electronic resource]. – 2025. – P. 45-53. – URL: https://arxiv.org/abs/2601.06048 (date of access: 07.04.2026).
3 Gless S. AI in the Courtroom: A Comparative Analysis of Machine Evidence in Criminal Trials // Georgetown Journal of International Law [Electronic resource]. – 2020. – Vol. 51. – P. 195-253. – URL: https://ius.unibas.ch/fileadmin/user_upload/ius/09_Upload_Personenprofile/01_Professuren/Gless_Sabine/AI_in_the_courtroom_GT-GJIL2020.pdf (date of access: 07.04.2026).
4 Gless S., Silverman E., Weigend T. If Robots Cause Harm, Who Is to Blame? Self-Driving Cars and Criminal Liability // New Criminal Law Review [Electronic resource]. – 2016. – Vol. 19, № 3. – P. 412-436. – URL: https://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3206&context=facpubs (date of access: 07.04.2026).
5 Grimm P. W., Grossman M. R., Cormack G. V. Artificial Intelligence as Evidence // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property [Electronic resource]. – 2021. – Vol. 19, № 1. – P. 9-106. – URL: https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1349&context=njtip (date of access: 07.04.2026).
6 Quezada-Tavárez K., Vogiatzoglou P., Royer S. Artificial Intelligence in Criminal Justice: Fair Trial Challenges // KU Leuven Centre for IT and IP Law [Electronic resource]. – 2021. – URL: https://lirias.kuleuven.be/retrieve/638528 (date of access: 07.04.2026).
7 A Deepfake Evidentiary Rule - Just in Case // UIC Law News [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://library.law.uic.edu/news-stories/a-deepfake-evidentiary-rule-just-in-case/ (date of access: 07.04.2026).
8 Delfino R. A Suggestion for Amending Rule 901 regarding Deepfakes // US Courts Publications [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/2025-04/25-ev-a_suggestion_from_prof.rebecca_delfino-_rule_901.pdf (date of access: 07.04.2026).
9 Deepfakes in the Courtroom: Problems and Solutions // ISBA Bench Newsletter [Electronic resource]. – 2025. – № 3. – URL: https://www.isba.org/sections/bench/newsletter/2025/03/deepfakesinthecourtroomproblemsandsolutions (date of access: 07.04.2026).
10 Deepfakes and Evidence Authentication in Courts // Thomson Reuters Institute [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/ai-in-courts/deepfakes-evidence-authentication/ (date of access: 07.04.2026).
11 Imwinkelried E.J. Deepfakes in Court: How Judges Can Proactively Manage Alleged AI-Generated Material // University of Chicago Legal Forum [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://legal-forum.uchicago.edu/print-archive/deepfakes-court-how-judges-can-proactively-manage-alleged-ai-generated-material (date of access: 07.04.2026).
12 Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография / И. Н. Мосечкин. – Киров: ВятГУ, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/Монографии/2020/mosechkin-maket-itog.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

13 Калиев А. Искусственный интеллект в уголовном процессе Республики Казахстан // Maqsut Narikbayev University [Электронный ресурс]. – URL: https://km.mnu.kz/pdf/release/7%20статья%20–%20Калиев%20А..pdf (дата обращения: 07.04.2026).
14 EU Artificial Intelligence Act: Law Enforcement Exceptions and Transparency Obligations // Open Research Europe [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://open-research-europe.ec.europa.eu/articles/5-361 (date of access: 07.04.2026).
15 The EU AI Act and Criminal Procedure: Protecting Fundamental Rights [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://www.hpnlu.ac.in/PDF/c609c1a4-81ce-47ea-839b-5a5eb3fc2724.pdf (date of access: 07.04.2026).
16 How the AI Act Enhances the Need for EU Regulation on Evidence in Criminal Proceedings // Maastricht Student Law Review [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://www.maastrichtstudentlawreview.com/post/how-the-ai-act-enhances-the-need-for-eu-regulation-on-evidence-in-criminal-proceedings (date of access: 07.04.2026).
17 Adapting the Rules of Evidence for the Age of AI // Quinn Emanuel Publications [Electronic resource]. – URL: https://www.quinnemanuel.com/the-firm/publications/adapting-the-rules-of-evidence-for-the-age-of-ai/ (date of access: 07.04.2026).

REFERENCES

1 Ugolovnyi protsess, svoboda otsenki dokazatelstv, iskusstvennyi intellekt, tsifrovizatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva [Criminal process, freedom of evaluation of evidence, artificial intelligence, digitalization of criminal proceedings]. (2023). Vestnik Akademii Prava i Upravleniya. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=82462787 (Accessed: 07.04.2026). [in Russian]
2 Singh, S. et al. (2025). Reliability and Admissibility of AI-Generated Forensic Evidence in Criminal Trials. National Seminar on Criminal Law and Justice Reforms, 45-53. Available at: https://arxiv.org/abs/2601.06048 (Accessed: 07.04.2026).
3 Gless, S. (2020). AI in the Courtroom: A Comparative Analysis of Machine Evidence in Criminal Trials. Georgetown Journal of International Law, 51, 195-253. Available at: https://ius.unibas.ch/fileadmin/user_upload/ius/09_Upload_Personenprofile/01_Professuren/Gless_Sabine/AI_in_the_courtroom_GT-GJIL2020.pdf (Accessed: 07.04.2026).
4 Gless, S., Silverman, E., Weigend, T. (2016). If Robots Cause Harm, Who Is to Blame? Self-Driving Cars and Criminal Liability. New Criminal Law Review, 19(3), 412-436. Available at: https://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3206&context=facpubs (Accessed: 07.04.2026).
5 Grimm, P. W., Grossman, M. R., Cormack, G. V. (2021). Artificial Intelligence as Evidence. Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property, 19(1), 9-106. Available at: https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1349&context=njtip (Accessed: 07.04.2026).
6 Quezada-Tavárez, K., Vogiatzoglou, P., Royer, S. (2021). Artificial Intelligence in Criminal Justice: Fair Trial Challenges. KU Leuven Centre for IT and IP Law. Available at: https://lirias.kuleuven.be/retrieve/638528 (Accessed: 07.04.2026).
7 A Deepfake Evidentiary Rule - Just in Case. (2024). UIC Law News. Available at: https://library.law.uic.edu/news-stories/a-deepfake-evidentiary-rule-just-in-case/ (Accessed: 07.04.2026).
8 Delfino, R. (2025). A Suggestion for Amending Rule 901 regarding Deepfakes. US Courts Publications. Available at: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/2025-04/25-ev-a_suggestion_from_prof.rebecca_delfino-_rule_901.pdf (Accessed: 07.04.2026).
8 Deepfakes in the Courtroom: Problems and Solutions. (2025). ISBA Bench Newsletter, (3). Available at: https://www.isba.org/sections/bench/newsletter/2025/03/deepfakesinthecourtroomproblemsandsolutions (Accessed: 07.04.2026).
9 Deepfakes and Evidence Authentication in Courts. (2024). Thomson Reuters Institute. Available at: https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/ai-in-courts/deepfakes-evidence-authentication/ (Accessed: 07.04.2026).
10 Imwinkelried, E. J. (2024). Deepfakes in Court: How Judges Can Proactively Manage Alleged AI-Generated Material. University of Chicago Legal Forum. Available at: https://legal-

forum.uchicago.edu/print-archive/deepfakes-court-how-judges-can-proactively-manage-alleged-ai-generated-material (Accessed: 07.04.2026).
11 Mosechkin, I.N. (2020). Iskusstvennyi intellekt v ugolovnom prave: perspektivy sovershenstvovaniya okhrany i regulirovaniya [Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation]. Kirov: VyatGU. Available at: https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/Монографии/2020/mosechkin-maket-itog.pdf (Accessed: 07.04.2026). [in Russian]
12 Kaliev, A. (2024). Iskusstvennyi intellekt v ugolovnom protsesse Respubliki Kazakhstan [Artificial intelligence in the criminal process of the Republic of Kazakhstan]. Maqsut Narikbayev University. Available at: https://km.mnu.kz/pdf/release/7%20статья%20–%20Калиев%20A..pdf (Accessed: 07.04.2026). [in Russian]
13 EU Artificial Intelligence Act: Law Enforcement Exceptions and Transparency Obligations. (2025). Open Research Europe. Available at: https://open-research-europe.ec.europa.eu/articles/5-361 (Accessed: 07.04.2026).
14 The EU AI Act and Criminal Procedure: Protecting Fundamental Rights. (2024). Available at: https://www.hpnlu.ac.in/PDF/c609c1a4-81ce-47ea-839b-5a5eb3fc2724.pdf (Accessed: 07.04.2026).
15 How the AI Act Enhances the Need for EU Regulation on Evidence in Criminal Proceedings. (2024). Maastricht Student Law Review. Available at: https://www.maastrichtstudentlawreview.com/post/how-the-ai-act-enhances-the-need-for-eu-regulation-on-evidence-in-criminal-proceedings (Accessed: 07.04.2026).
16 Adapting the Rules of Evidence for the Age of AI. Quinn Emanuel Publications. Available at: https://www.quinnemanuel.com/the-firm/publications/adapting-the-rules-of-evidence-for-the-age-of-ai/ (Accessed: 07.04.2026).

О.С. Коновалов[1], Д.Н. Бекежанов[1]
[1]Инновациялық Еуразиялық университеті, Казахстан

Қылмыстық процесте жасанды интеллект технологияларын қолдану арқылы алынған дәлелдемелердің жарамдылығы мен верификациясы мәселелері: салыстырмалы-құқықтық зерттеу

Жасанды интеллектіні қылмыстық процеске қарқынды енгізу және «дипфейк» технологиясының жаппай таралуы дәлелдеудің дәстүрлі парадигмаларын бұзады. Машиналық тұжырымдарды верификациялау және сот төрелігін цифрлық қолдан жасаудан қорғаудың өткір қажеттілігі туындайды, бұл заңнаманың процестік тұрғыдан артта қалуымен ушыға түседі.

Шетелдік тәжірибені салыстырмалы-құқықтық талдау және Қазақстан Республикасының заңнамалық жаңашылдықтарын бағалау негізінде ЖИ-дәлелдемелерін верификациялау тетіктері мен рұқсат етілу шарттарын кешенді доктриналық түсінуді қалыптастыру.

Зерттеуде салыстырмалы-құқықтық (АҚШ, Ұлыбритания, Германия, ЕО жүйелерін талдау), формальды-заңдық, формальды-логикалық және жүйелі-құрылымдық әдістерді қамтитын кешенді тәсіл қолданылды.

ЖИ-дәлелдемелерінің эпистемологиялық дуализмі («мәлімделген» алгоритмдік шешімдер және «мәлімделмеген» дипфейктер) анықталды. Шетелдік тәжірибе (EU AI Act, АҚШ пен АҚЕС практикасы) сот қателіктерін («өтірікші дивиденді» феномені) болдырмау үшін алгоритмдерге қатаң процестік аудит жүргізудің өткір қажеттілігін дәлелдейтіні анықталды. Отандық ҚР ҚІЖК жаңа «Жасанды интеллект туралы» ҚР Заңының нормаларынан объективті түрде артта қалатыны және бейімдеуді қажет ететіні дәлелденді.

«Арнайы ғылыми білім» доктриналық тұжырымдамасын жаңғыртудың сыни қажеттілігі негізделді. Зияткерлік жүйелерге алгоритмдік аудит жүргізудің міндетті тетіктерін енгізу қылмыстарды тергеп-тексерудің технологиялық тиімділігі мен азаматтардың конституциялық құқықтарын қатаң сақтау арасындағы мінсіз теңгерімді қамтамасыз ете отырып, ЖИ-әзірлеушілердің ақиқатты анықтаудағы монополиясын жоюға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: қылмыстық процесс, жасанды интеллект, дәлелдемелерді бағалау еркіндігі, дәлелдемелердің жарамдылығы, дипфейктер, машиналық дәлелдемелер,

салыстырмалы-құқықтық зерттеу, цифрлық криминалистика, алгоритмдердің ашықтығы, деректерді верификациялау, Жасанды интеллект туралы заң.

O.S. Konovalov[1], D.N. Bekezhanov[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Problems of admissibility and verification of evidence obtained using artificial intelligence technologies in criminal proceedings: a comparative legal study

The rapid introduction of artificial intelligence into the criminal process and the mass proliferation of "deepfake" technology are destroying traditional paradigms of proof. There is an acute need to verify machine conclusions and protect justice from digital falsifications, which is exacerbated by the procedural lag of legislation.

The formation of a comprehensive doctrinal understanding of the mechanisms of verification and the conditions for the admissibility of AI evidence based on a comparative legal analysis of foreign experience and an assessment of the legislative novelties of the Republic of Kazakhstan.

The study applied a comprehensive approach, including comparative-legal (analysis of the systems of the USA, UK, Germany, EU), formal-legal, formal-logical, and systemic-structural methods.

The epistemological dualism of AI evidence ("acknowledged" algorithmic decisions and "unacknowledged" deepfakes) was revealed. It has been established that foreign experience (EU AI Act, US and ECtHR practice) proves the acute need for a strict procedural audit of algorithms to prevent miscarriages of justice (the "liar's dividend" phenomenon). It is proven that the domestic Criminal Procedure Code of the RK objectively lags behind the norms of the new Law of the RK "On Artificial Intelligence" and requires adaptation.

The critical need to modernize the doctrinal concept of "special scientific knowledge" is substantiated. The introduction of mandatory mechanisms for the algorithmic audit of intellectual systems will make it possible to eliminate the monopoly of AI developers on establishing the truth, ensuring an ideal balance between the technological efficiency of investigating crimes and strict compliance with the constitutional rights of citizens.

Keywords: criminal proceedings, artificial intelligence, freedom of evidence evaluation, admissibility of evidence, deepfakes, machine evidence, comparative legal study, digital forensics, algorithmic transparency, data verification, Artificial Intelligence Act.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.

УДК 368
МРНТИ 06.73.65; 10.27.41

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/164-173

А.М. Рахметов[1*], Б.Ж. Айтимов[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: aizhan.mvd@mail.ru)

Трансформация договора страхования в условиях развития электронных сервисов и цифровых платформ

Аннотация

Основная проблема: Цифровая трансформация финансового сектора и стремительное развитие технологий InsurTech (смарт-контракты, искусственный интеллект, маркетплейсы) радикально меняют правовую природу договора страхования. Возникает критическое отставание консервативного гражданского законодательства от темпов внедрения инноваций, что порождает риски алгоритмической дискриминации и правовой неопределенности.

Цель: Комплексный анализ трансформации договора страхования под воздействием цифровых экосистем, выявление пробелов в действующем регулировании и разработка рекомендаций по гармонизации законодательства Республики Казахстан с учетом передового международного опыта.

Методы: Исследование базируется на интегративной методологии, включающей формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой (анализ EU AI Act, опыта Великобритании и США) методы, а также правовое моделирование и юридическую герменевтику.

Результаты и их значимость: Доказан эпистемологический сдвиг от простой оцифровки полиса к самоисполняемым алгоритмическим обязательствам. Обоснована необходимость гибридной договорной архитектуры. Проанализировано влияние Закона РК от 30 июня 2025 года, легализующего страховые маркетплейсы. Установлено, что алгоритмизация андеррайтинга требует имплементации риск-ориентированных стандартов во избежание алгоритмической предвзятости.

Доказана объективная необходимость скорейшего внедрения в Казахстане режимов «регуляторных песочниц» и норм алгоритмической прозрачности. Предложенные рекомендации направлены на адаптацию Гражданского кодекса РК, закрепление статуса смарт-контрактов и обеспечение баланса между развитием инноваций и защитой прав потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: электронный договор страхования, цифровые платформы, смарт-контракты, блокчейн, InsurTech, правовое регулирование, искусственный интеллект, страховые маркетплейсы, параметрическое страхование, регуляторные песочницы, гражданское право, Республика Казахстан.

Введение

На современном этапе постиндустриального развития глобальная экономическая система переживает период глубинной структурной перестройки, ключевым, безальтернативным драйвером которой выступает тотальная цифровизация всех сфер общественных отношений. Финансовый сектор, являясь кровеносной системой современной рыночной экономики, первым принимает на себя технологические вызовы, адаптируя свои институты к условиям алгоритмической реальности. Институт страхования, исторически базирующийся на математической оценке вероятностей, аккумулировании больших массивов статистической информации и управлении рисками, представляет собой наиболее органичную среду для интеграции передовых технологических решений, таких как предиктивная аналитика больших данных (Big Data), технологии машинного обучения и системы распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT). Данный синергетический процесс, получивший в международной экономической и правовой доктрине терминологическое обозначение InsurTech (от англ. Insurance Technology), выходит далеко за привычные рамки инструментальной автоматизации рутинного документооборота. В настоящее время научное и

профессиональное сообщество наблюдает глубинную, парадигмальную трансформацию самой правовой природы договора страхования, радикальную перестройку архитектуры взаимодействия между профессиональным страховщиком и страхователем, а также формирование принципиально новых, экосистемных методов дистрибуции страховых продуктов.

Объективные эмпирические данные, предоставляемые ведущими международными аналитическими агентствами, неопровержимо свидетельствуют о беспрецедентном и продолжающемся притоке венчурного и институционального капитала в сектор технологических инноваций в страховании. Так, согласно глобальному аналитическому отчету Gallagher Re, только во втором квартале 2024 года совокупный объем финансирования мировой сферы InsurTech достиг отметки в 1,27 миллиарда долларов США, продемонстрировав максимальные показатели восстановления с начала 2023 года. При этом средний размер инвестиционной сделки возрос до 18,46 миллиона долларов, что свидетельствует о взрослении рынка и переходе от стадии посевных инвестиций к масштабированию проверенных бизнес-моделей. Характерно и весьма показательно, что ровно треть всех инвестиционных транзакций в указанном периоде пришлась на стартапы, чья деятельность напрямую сфокусирована на разработке и внедрении систем искусственного интеллекта (ИИ), а еще 40% финансирования было направлено в компании, специализирующиеся на технологиях прецизионной оценки и фокусировки рисков. Подобная масштабная концентрация финансовых и интеллектуальных ресурсов неизбежно приводит к беспрецедентно ускоренному внедрению инноваций, темпы которого катастрофически опережают адаптационные возможности консервативного гражданского и финансового законодательства суверенных государств.

Целью настоящего диссертационного исследования является всесторонний, системный и комплексный анализ трансформации договора страхования под воздействием цифровых платформ и электронных сервисов, выявление латентных и явных пробелов в действующем национальном и международном правовом регулировании, а также разработка научно обоснованных теоретико-прикладных рекомендаций по гармонизации казахстанского гражданского законодательства с учетом передового международного опыта государств-лидеров в сфере FinTech и InsurTech.

Материалы и методы

Методологическая и эпистемологическая база представленного исследования основывается на сложной совокупности общенаучных, логических и частнонаучных методов познания, обеспечивающих комплексный, многомерный и объективный анализ предмета исследования. Глубина проникновения в сущность цифровой трансформации страхового права потребовала отказа от исключительно позитивистского подхода в пользу интегративной методологии, сочетающей юридический анализ с элементами экономического анализа права (Law and Economics) и технологической экспертизы. В ходе выполнения научно-исследовательской работы применялись системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой подходы, метод правового моделирования, а также специализированный метод правовой герменевтики.

Формально-юридический (догматический) метод традиционно применялся для скрупулезного и детального анализа внутренней структуры, правовой логики и семантического содержания действующих нормативных правовых актов, регулирующих деятельность институционального страхового рынка, функционирование электронных телекоммуникационных сервисов и оборот защищенных цифровых данных. В частности, критическому осмыслению подверглись базовые положения Гражданского кодекса Республики Казахстан в части общих положений об обязательствах и договорах (особенности заключения договоров в электронной форме), Закон Республики Казахстан «О страховой деятельности» с учетом новейших пакетов поправок, касающихся легализации страховых маркетплейсов и платформ (Закон от 30.06.2025 г.), а также положения Закона об электронном документообороте и электронной цифровой подписи, определяющие пределы легитимности электронных транзакций.

Сравнительно-правовой (компаративистский) метод составил прочную основу для объективного сопоставления казахстанской модели регулирования сектора InsurTech с передовым международным опытом, что является непременным условием для магистерского исследования [1]. В рамках применения данного подхода были глубоко изучены и проанализированы новейшие регуляторные инициативы и директивы Европейского Союза.

Особое внимание было уделено революционному Закону об искусственном интеллекте (AI Act), официально опубликованному 12 июля 2024 года, который впервые в мире вводит риск-ориентированную классификацию нейросетевых моделей, прямо затрагивающую алгоритмы скоринга и андеррайтинга в страховании. Дополнительно анализировался европейский пакет цифровых финансов (Digital Finance Package) и Акт о цифровой операционной устойчивости (DORA). Также в фокус компаративного исследования попал передовой институциональный опыт Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Гонконга в части внедрения механизмов гибкого правоприменения и контролируемого тестирования, известных в глобальной практике как «регуляторные песочницы» (Regulatory Sandboxes) и Инновационные хабы (Innovation Hubs). Метод правовой герменевтики оказался критически важным и использовался для сложного терминологического анализа абсолютно новых концептов цифрового страхования. Данный метод позволил выявить подлинные сущностные характеристики смарт-контрактов и установить степень философской и правовой корреляции между детерминированным программным кодом (Software Code) и свободным волеизъявлением сторон в контексте классической цивилистической теории гражданских обязательств. Герменевтический подход применялся для декодирования технического языка разработчиков распределенных реестров и его адаптации к категориальному аппарату юриспруденции.

Наконец, метод правового моделирования и футурологического прогнозирования позволил научно спрогнозировать среднесрочные и долгосрочные перспективы имплементации зарубежных финансово-правовых инструментов в ткань казахстанской правовой системы. Данный метод применялся с обязательным учетом местной институциональной специфики, состояния национальной технологической инфраструктуры и особенностей правоприменительной практики судов Республики Казахстан.

Результаты

Эпистемологический и формальный сдвиг: от оцифровки документа к алгоритмической сущности обязательства

Историческое развитие формы и содержания страхового договора неразрывно, органично связано с эволюцией доступных средств фиксации, хранения и передачи юридически значимой информации. На начальном, так называемом транзитном этапе цифровизации страховой отрасли, который в большинстве юрисдикций пришелся на первое десятилетие XXI века, произошел линейный переход от физических бумажных носителей к стандартизированным электронным документам. В современной классической правовой доктрине электронный договор страхования понимается как двустороннее соглашение между лицензированным страховщиком и страхователем, выраженное исключительно в форме электронных информационных сообщений или компилированных данных, где страхователь принимает на себя юридическое обязательство уплачивать оговоренную страховую премию, а страховщик, в свою очередь, императивно обязуется осуществить соответствующую страховую выплату при наступлении верифицированных рисков, покрываемых в рамках условий страховой политики. Фундаментальным юридическим шагом на этом эволюционном этапе стало признание на уровне национальных парламентов полной равнозначности электронной формы договора традиционной письменной форме при условии использования сертифицированных и легитимных средств аутентификации. В подавляющем большинстве стран, включая Республику Казахстан, таким универсальным средством стала электронная цифровая подпись (ЭЦП). Национальные законы об электронных транзакциях (подобные базовому Закону об электронном документообороте и электронной цифровой подписи, а также международные аналоги, принятые под эгидой ЮНСИТРАЛ) закрепили статус электронного полиса как полноценного, неоспоримого доказательства возникновения взаимных гражданских прав и обязанностей. Юридический дизайн электронного страхового контракта позволил страхователям при наступлении страхового случая всецело полагаться на цифровую запись для предъявления законных требований о компенсации, не прибегая к восстановлению утраченных физических бланков. Тем не менее, необходимо констатировать, что на данной стадии развития цифровизация носила преимущественно инструментальный, поверхностный характер. Подлинная правовая сущность договора, механизм консенсуального согласования воли обеих сторон, многоступенчатый процесс андеррайтинга (тщательной оценки вероятности наступления риска) и сложная, часто конфликтная процедура урегулирования убытков (аджастмент) оставались концептуально прежними. Изменения затронули лишь материальный

носитель информации и способ ее оперативной доставки конечному потребителю [2]. В основе своей договор оставался пассивным текстом, требующим активных действий человека для своего исполнения. Однако новейший, современный этап развития сектора InsurTech знаменует собой колоссальный эпистемологический сдвиг — переход от примитивной оцифровки формы к глубокой алгоритмизации самого содержания материального обязательства. Этот тектонический сдвиг выражается в беспрецедентной передаче значительной части интеллектуальных и юридически значимых действий от человека (или классической базы данных) автономным программным алгоритмам, функционирующим в распределенной среде. Классический страховой договор, традиционно обладающий ярко выраженными свойствами алеаторности (рисковости, зависимости от случая) и синаллагматичности (взаимности обязательств), начинает непрерывно функционировать в инновационной среде, где субъективное человеческое усмотрение при подтверждении факта наступления страхового случая либо жестко минимизируется, либо полностью и бесповоротно исключается. Договор обретает свойство агентности – он самостоятельно отслеживает условия своего исполнения.

Децентрализованные смарт-контракты в страховании: правовая квалификация, механизмы самоисполнения и пределы применимости

Наиболее радикальной, обсуждаемой и потенциально дисраптивной формой трансформации страхового договора является интеграция смарт-контрактов, функционирующих на базе технологий распределенного реестра (DLT) и криптографического блокчейна. Согласно результатам масштабных актуарных и технологических опросов (в частности, глобального исследования Accenture Technology Vision), более 80 % руководителей крупных страховых компаний подтвердили, что их организации уже используют или активно планируют инвестировать значительные средства в блокчейн-инфраструктуру в ближайшие несколько лет. Подобный интерес обусловлен тем, что смарт-контракты закладывают незыблемый фундамент для построения систем полностью децентрализованного страхования. В контексте современного гражданского права смарт-контракт представляет собой сложный программный код, в рамках которого договаривающиеся стороны заранее, на этапе инициации транзакции, определяют исчерпывающий перечень условий, при наступлении которых договорные отношения между ними возникают, автоматически модифицируются или окончательно прекращаются. Как показывают глубокие исследования болгарских ученых и общеевропейские правовые доктрины, фундаментальная особенность данного правового института заключается в следующем: исполнение контракта абсолютно не зависит от последующих волевых действий, намерений или бездействия его сторон. Исполнение детерминировано исключительно фактом объективного наступления заранее установленного условия (цифрового триггера) — некоего факта, имеющего юридическое значение для сторон, после распознавания которого программный код самоисполняется (must self-execute). Архитектура блокчейн-инфраструктуры криптографически гарантирует, что после того, как согласованная воля сторон транслирована в код и необратимо зафиксирована в распределенном реестре, она не может быть тайно изменена, модифицирована или отменена в одностороннем порядке ни одной из сторон, включая самого разработчика платформы. Наибольшее и наиболее эффективное практическое применение смарт-контракты находят в быстрорастущем сегменте параметрического (индексного) страхования. В отличие от классического индемнитного страхования, которое императивно требует скрупулезного доказательства точного размера понесенного имущественного ущерба и инициирует длительную процедуру субъективной оценки (включающую выезд сюрвейеров, составление отчетов, проведение расследований и экспертиз), параметрическое страхование изначально привязывает факт и размер страховой выплаты к независимому, объективному и измеримому метрическому показателю.

3. Интеграция систем искусственного интеллекта в оценку рисков: угрозы и новейшее международное регулирование (AI Act)

Параллельно с повсеместным внедрением блокчейн-инфраструктуры и смарт-контрактов, трансформацию фундаментальных основ договора страхования осуществляет Искусственный интеллект (ИИ). Традиционный актуарный расчет премий столетиями основывался на обобщенных, статичных демографических и статистических таблицах. Современные ИИ-алгоритмы, оснащенные глубокими нейронными сетями, обладают возможностью в реальном времени анализировать десятки тысяч неструктурированных поведенческих переменных (начиная от телематических данных об угле поворота руля

автомобиля и микро-паттернов поведения водителя, и заканчивая сложными биометрическими данными с умных носимых устройств) для обеспечения гиперперсонализированного, динамическое ценообразование (Dynamic Pricing) и тотально автоматизированного андеррайтинга. Анализ практического опыта внедрения ИИ в Республике Казахстан, где за последние годы при поддержке государства сформировалась мощная, современная цифровая инфраструктура и весьма конкурентная экосистема финтеха, демонстрирует уверенный переход передовых финансовых институтов к алгоритмической торговле, автоматизации сложных процессов соблюдения нормативных требований (RegTech) и построению передовых систем предиктивного скоринга. Казахстан позиционирует себя как безусловный региональный лидер в сфере финансовых инноваций Центральной Азии. Однако использование сложного машинного обучения в страховании неизбежно рождает труднодоказуемую, скрытую проблему алгоритмической предвзятости и дискриминации (Algorithmic bias). Нейросетевой алгоритм, предоставленный самому себе и выявляющий неочевидные скрытые корреляции в Big Data, может незаметно начать дискриминировать потенциальных клиентов по косвенным, нерелевантным признакам (например, по уровню дохода соседей в почтовом индексе или социальным графам в интернете), которые фактически дублируют законодательно строго запрещенные критерии прямой дискриминации (раса, пол, возраст, национальность). В ответ на эти беспрецедентные социально-экономические вызовы на наднациональном уровне Европейский Парламент и Совет Европейского Союза 12 июля 2024 года официально утвердили и опубликовали исторический документ – Закон об искусственном интеллекте (AI Act). Это первый в новейшей мировой истории всеобъемлющий, фундаментальный нормативный акт, регулирующий разработку и оборот ИИ на основе строжайшего риск-ориентированного подхода. Для всего глобального страхового сектора данный закон имеет поистине колоссальное, прецедентное значение. Европейское управление по страхованию и профессиональным пенсиям (EIOPA) выпустило специальный информационный бюллетень, в котором четко разъяснило и подчеркнуло, что использование систем ИИ в страховании уже и так подчиняется весьма жесткому классическому отраслевому финансовому надзору, однако новый AI Act вводит дополнительные, крайне строгие и детальные технические требования для систем ИИ, отнесенных к особой категории «высокого риска» (High-risk AI systems). К таким высокорисковым системам, в частности, законодатель отнес алгоритмические модели, используемые финансовыми институтами для оценки индивидуальной кредитоспособности граждан или проведения риск-скоринга, результаты которого критически определяют доступ физических лиц к базовым, жизненно важным финансовым услугам, безоговорочно включая страхование жизни, здоровья и ответственности. Разработчики (providers) подобных систем и их непосредственные пользователи (deployers), то есть сами страховые компании, отныне обязаны на законодательном уровне внедрять надежные, аудируемые механизмы управления качеством обучающих данных, обеспечивать абсолютную понятность и прозрачность логики работы алгоритмов (Explainable AI) и в обязательном порядке сохранять техническую и юридическую возможность оперативного вмешательства живого человека в работу системы (Human oversight) в случае возникновения спорных ситуаций.

4. Институциональная трансформация: цифровые экосистемы, агрегаторы и страховые маркетплейсы в архитектуре права Казахстана

Ускоренное развитие электронных телекоммуникационных сервисов перенесло главный фокус рыночной конкуренции из классической продуктовой плоскости (где страховщики соревновались размером тарифов) в сферу омниканальной дистрибуции и удержания внимания клиента. На стыке технологий и финансов возник глобальный феномен страховых интернет-агрегаторов и маркетплейсов, которые радикально, до неузнаваемости меняют пользовательский путь (Customer Journey). Современная платформенная бизнес-модель позволяет рядовому потребителю на экране одного мобильного устройства в режиме реального времени сравнивать условия сотен договоров страхования от десятков различных провайдеров. Более того, цифровые платформы накапливают беспрецедентный, колоссальный массив данных о поисковом поведении и предпочтениях пользователей, что дает владельцам платформ мощнейшие экономические рычаги влияния на самих традиционных страховщиков, превращая последних в зависимых поставщиков «сырого» продукта. Казахстанское национальное законодательство на протяжении долгого времени рассматривало страховщиков исключительно в консервативном ключе – как производителей сугубо финансового продукта, ограничивая их коммерческую деятельность жесткими, архаичными рамками пруденциального

регулирования. Банковский сектор Республики Казахстан, напротив, благодаря значительно меньшим регуляторным ограничениям на венчурные инвестиции в непрофильные активы, активно, пользуясь форой во времени, выстраивал гигантские супер-аппы (Super Apps) и монопольные замкнутые экосистемы. Эта асимметрия регулирования стремительно вытесняла страховые компании на подчиненную роль второстепенных, невидимых для клиента (White-label) поставщиков услуг внутри чужих банковских платформ. Качественный, исторический прорыв в этой сфере произошел в Республике Казахстан летом 2025 года. 30 июня 2025 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев подписал революционные поправки в Закон «О страховой деятельности» и смежные законодательные акты, касающиеся масштабного внедрения и развития онлайн-услуг. Согласно новым, прогрессивным положениям, вступающим в законную силу по истечении 60 календарных дней с момента их официального опубликования, страховые организации страны получили беспрецедентные, широчайшие юридические права в сфере корпоративной цифровизации. Основные концептуальные положения новеллы 2025 года сводятся к следующему: 1. Право на создание собственных маркетплейсов: Страховщики впервые законодательно наделены правом самостоятельно, без посредников создавать, администрировать и монетизировать цифровые маркетплейсы, предназначенные для агрегации, кросс-продаж и реализации как собственных страховых, так и сопутствующих нестраховых услуг. 2. Покупка непрофильных IT-активов (M&A): Страховые организации и материнские страховые холдинги получили долгожданное прямое разрешение от регулятора легитимно приобретать акции и мажоритарные доли участия в уставном капитале профильных технологических IT-компаний. 3. Собственная разработка ПО (In-house Development): Сняты устаревшие барьеры и ограничения на самостоятельную коммерческую разработку программного обеспечения, предназначенного для автоматизации страховой деятельности, создания уникальных онлайн-сервисов и развития клиентского опыта (UX/UI). Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка (АРРФР) выступило главным инициатором данных судьбоносных изменений с вполне очевидной макроэкономической целью – нивелирования угрожающего дисбаланса конкурентных сил между банками второго уровня и страховщиками. Более того, до принятия данного закона регулятор публиковал проекты, прямо направленные на нормативное ограничение будущего участия банковских холдингов в управлении страховыми маркетплейсами, чтобы жестко предотвратить монополизацию каналов дистрибуции финансовым капиталом. Эта политика согласуется с общим вектором на демонополизацию рынков в Казахстане, что было также позитивно отмечено в рамках Обзора торговой политики (TPR), проведенного Всемирной торговой организацией (ВТО) в сентябре 2024 года, где эксперты ВТО призвали Казахстан и далее ограничивать государственное и монопольное вмешательство для создания подлинно конкурентной среды.

5. Сравнительно-правовой анализ международного опыта и необходимость внедрения режимов «регуляторных песочниц»

Как со всей очевидностью показало проведенное исследование актуального состояния сложного правового регулирования страховой деятельности в Республике Казахстан, несмотря на безусловно прогрессивные шаги (такие как принятие анализируемого Закона от 30 июня 2025 года и Закона об ИИ от 17 ноября 2025 года), в отечественной отрасли все еще наблюдается весьма опасная определенная фрагментация законодательной базы. Крайне остро ощущается недостаточная гибкость догматичных правовых механизмов, не способных к оперативному реагированию на непредсказуемые технологические скачки [2]. В частности, в национальном гражданском праве до сих пор отсутствует какое-либо четкое нормативное закрепление основополагающих понятий, объективно связанных с функционированием смарт-контрактов в страховании, не определен правосубъектный статус децентрализованных автономных организаций (DAO), все чаще выступающих в международной практике в роли альтернативных обществ взаимного страхования, а также полностью не урегулирован вопрос распределения деликатной юридической ответственности при фатальных сбоях автономных систем ИИ. Глубокий компаративный анализ международной правоприменительной и нормотворческой практики неопровержимо указывает на жизненную необходимость скорейшего концептуального перехода от жесткого, рестриктивного и императивного регулирования к адаптивной концепции «Test and Learn» (испытывай и учись). Государства-лидеры с наиболее развитой и устойчивой цифровой финансовой инфраструктурой уже на

протяжении нескольких лет весьма успешно используют так называемые «регуляторные песочницы» (Regulatory Sandboxes).

Обсуждение

С правовой точки зрения, «песочница» представляет собой уникальный, временный специальный правовой режим. Он позволяет смелым финтех-стартапам и действующим классическим финансовым институтам вживую тестировать свои инновационные цифровые страховые продукты (например, p2p-страхование микро-рисков на публичном блокчейне или сложные предиктивные ИИ-скоринги) в жестко контролируемых условиях реального рынка. Тестирование проходит под бдительным, неотрывным надзором финансового регулятора, но с официальным, юридически закрепленным временным освобождением инноваторов от части наиболее тяжелых, заградительных общих лицензионных, пруденциальных и бюрократичеких требований, что радикально снижает барьер входа на рынок [2]. Ведущие исследователи-компаративисты приходят к однозначному, консенсусному выводу, что скорейшая интеграция подобных специализированных правовых режимов (FinTech Regulatory Sandbox, InsurTech Innovation Hub) в консервативный казахстанский правовой контекст позволит, наконец, создать ту самую жизненно необходимую нормативную гибкость, без которой невозможно развитие высоких технологий [3]. Это, в свою очередь, привлечет в страну критически важный международный венчурный капитал (который согласно отчетам ОЭСР и Госдепартамента США часто сталкивается с бюрократическими препятствиями при входе в Казахстан) и обеспечит надлежащий, высочайший уровень защиты законных прав потребителей в турбулентную эпоху InsurTech [2]. Особое, стратегическое значение имеет деликатная, вдумчивая адаптация зарубежных механизмов правовой защиты с обязательным учетом местных исторических, культурных, правовых и институциональных особенностей Республики Казахстан. Существующие передовые анклавные структуры, такие как Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), уже предоставляют превосходную, работающую базу для прямого применения принципов гибкого английского общего права к финтех-инновациям и криптоактивам (что было дополнительно закреплено в новейшем законодательстве об ИИ и цифровых активах).

Однако простая изоляция инноваций в рамках МФЦА недостаточна; экстраполяция и масштабирование успешных практик на всю широкую национальную континентальную юрисдикцию объективно требует масштабных, системных, доктринально выверенных поправок в Гражданский кодекс Республики Казахстан и все смежное профильное законодательство, регулирующее оборот данных и защиту прав потребителей.

Заключение

Проведенное глубокое теоретическое и эмпирическое исследование позволяет сделать однозначный, научно обоснованный вывод о том, что трансформация договора страхования под массированным влиянием новейших электронных сервисов, децентрализованных сетей и цифровых платформ носит отнюдь не косметический (связанный лишь с переходом в онлайн), а фундаментальный, парадигмальный характер. Институт договора страхования на наших глазах перестает быть статичным, пассивным текстом на бумаге или экране, лишь формально фиксирующим обещание страховщика возместить будущий возможный ущерб; он стремительно превращается в высокодинамичный, самоисполняемый алгоритмический процесс, неразрывно вплетенный в цифровую ткань повседневной жизни страхователя [3].

Детальный анализ юридической природы смарт-контрактов убедительно демонстрирует, что, несмотря на их колоссальный экономический потенциал в снижении транзакционных издержек, они в обозримом будущем не смогут полностью, окончательно вытеснить классическое договорное право. Это обусловлено непреодолимой, фундаментальной гносеологической невозможностью абсолютно точной трансляции оценочных, многогранных юридических категорий в строгий, детерминированный бинарный программный код. Наиболее жизнеспособной и перспективной в этом свете представляется гибридная договорная архитектура. В такой модели базовая, суверенная воля сторон, а также сложные механизмы разрешения нетривиальных споров (международный арбитраж, трактовка форс-мажорных обстоятельств) надежно закреплены в классическом юридическом документе, в то время как исполнение тривиальных, рутинных, измеримых метрик (в особенности в параметрическом страховании) полностью делегируется безотказному программному коду на базе криптографического блокчейна.

Важнейшей исторической вехой в институциональном и экономическом развитии казахстанского рынка стал начавшийся переход от узкой продукто-центричной модели к глобальной платформенной экономике. Беспрецедентное принятие в Республике Казахстан Закона от 30 июня 2025 года, впервые легализующего право на создание страховщиками собственных маркетплейсов и прямое приобретение IT-компаний, неоспоримо свидетельствует о стирании некогда жестких границ между технологическим стартап-сектором и классическим финансовым сектором. В ближайшей перспективе имплементация этих норм неминуемо приведет к созданию мощнейших, вертикально интегрированных страховых экосистем, способных на абсолютно равных, а возможно и с преимуществом, конкурировать с доминирующими ныне банковскими конгломератами. Вместе с тем, наблюдаемое экспоненциальное, взрывное развитие генеративного и аналитического ИИ, а также технологий распределенных реестров требует немедленного, адекватного и соразмерного регуляторного ответа со стороны государства. Внедрение превентивных норм, концептуально подобных недавно принятому европейскому AI Act, жестко регулирующих высокорисковые алгоритмы машинного скоринга с целью недопущения дискриминации граждан, а также смелое, масштабное развертывание национальных режимов «регуляторных песочниц» по проверенному успешному примеру Великобритании и Гонконга, является не просто рекомендацией, а объективной, жизненной необходимостью для устойчивого развития Республики Казахстан .

Дальнейшее прогрессивное развитие отечественного гражданского законодательства должно быть сфокусировано на ясном нормативном закреплении легального статуса смарт-контрактов, справедливом и прозрачном распределении гражданско-правовой ответственности за критические ошибки систем ИИ и внешних информационных оракулов, а также на бескомпромиссном обеспечении киберустойчивости национальных цифровых платформ. Только при условии неукоснительного, тонкого соблюдения баланса коммерческих интересов страховщиков-инноваторов и конституционных прав потребителей финансовых услуг возможна успешная интеграция казахстанского страхового рынка в новую цифровую эпоху.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Вакулич Е.А. Цифровизация страховой деятельности: сущность, преимущества, недостатки [Электронный ресурс] / Е.А. Вакулич // Полесский государственный университет. – URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/27947/1/Tsifrovizatsiia.pdf (дата обращения: 06.04.2026).

2 Абишева М. Инновационные подходы к финансово-правовому регулированию страховых продуктов в эпоху InsurTech [Электронный ресурс] / М. Абишева, З. Омирали, А. Енсебаева // SLS Journal. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – URL: https://sls-journal.com.ua/web/uploads/pdf/SLS_Vol.8_No.2_2025-11-22.pdf (дата обращения: 06.04.2026).

3 Альхассан Т.Ф. Сравнительный анализ внедрения ИИ в развивающихся странах (Гана и Казахстан) [Электронный ресурс] / Т.Ф. Альхассан, Г. Калкабаева, А. Курманалина // BRICS Econ. – URL: https://brics-econ.arphahub.com/article/151598/download/pdf (дата обращения: 06.04.2026).

REFERENCES

1 Vakulich, E.A. (2024). Tsifrovizatsiya strakhovoy deyatelnosti: sushchnost, preimushchestva, nedostatki [Digitalization of insurance activities: essence, advantages, disadvantages]. Polesskiy gosudarstvennyi universitet. Available at: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/27947/1/Tsifrovizatsiia.pdf (Accessed: 06.04.2026). [in Russian]

2 Abisheva, M., Omirali, Z., Ensebaeva, A. (2025). Innovatsionnye podkhody k finansovo-pravovomu regulirovaniyu strakhovykh produktov v epokhu InsurTech [Innovative approaches to financial and legal regulation of insurance products in the InsurTech era]. SLS Journal, 8(2). Available at: https://sls-journal.com.ua/web/uploads/pdf/SLS_Vol.8_No.2_2025-11-22.pdf (Accessed: 06.04.2026). [in Russian]

3 Alkhassan, T.F., Kalkabaeva, G., Kurmanalina, A. (2024). Sravnitelnyi analiz vnedreniya II v razvivayushchikhsya stranakh (Gana i Kazakhstan) [Comparative analysis of AI implementation in

developing countries (Ghana and Kazakhstan)]. BRICS Econ. Available at: https://brics-econ.arphahub.com/article/151598/download/pdf (Accessed: 06.04.2026). [in Russian]

А.М. Рахметов[1], Б.Ж. Айтимов[1]
[1]Инновациялық Еуразиялық университеті, Казахстан

Электрондық сервистер мен цифрлық платформалардың дамуы жағдайындағы сақтандыру шартының трансформациясы

Қаржы секторының цифрлық трансформациясы және InsurTech технологияларының (смарт-келісімшарттар, жасанды интеллект, маркетплейстер) қарқынды дамуы сақтандыру шартының құқықтық табиғатын түбегейлі өзгертуде. Консервативті азаматтық заңнаманың инновацияларды енгізу қарқынынан сыни тұрғыда қалып қоюы байқалады, бұл алгоритмдік кемсітушілік және құқықтық белгісіздік тәуекелдерін тудырады.

Цифрлық экожүйелердің ықпалымен сақтандыру шартының трансформациясын кешенді талдау, қолданыстағы реттеудегі олқылықтарды анықтау және озық халықаралық тәжірибені ескере отырып, Қазақстан Республикасының заңнамасын үйлестіру бойынша ұсынымдар әзірлеу.

Зерттеу формальды-заңдық, жүйелі-құрылымдық және салыстырмалы-құқықтық (EU AI Act, Ұлыбритания мен АҚШ тәжірибесін талдау) әдістерді, сондай-ақ құқықтық модельдеу мен заңдық герменевтиканы қамтитын интегративті әдіснамаға негізделген.

Полисті қарапайым цифрландырудан өзін-өзі орындайтын алгоритмдік міндеттемелерге дейінгі эпистемологиялық ауысу дәлелденді. Гибридті шарттық сәулеттің қажеттілігі негізделді. Сақтандыру маркетплейстерін заңдастыратын 2025 жылғы 30 маусымдағы ҚР Заңының әсері талданды. Андеррайтингті алгоритмдеу алгоритмдік біржақтылықты (предвзятость) болдырмау үшін тәуекелге бағдарланған стандарттарды имплементациялауды талап ететіндігі анықталды.

Қазақстанда «реттеушілік құмсалғыштар» режимдерін және алгоритмдік ашықтық нормаларын тез арада енгізудің объективті қажеттілігі дәлелденді. Ұсынылған ұсынымдар ҚР Азаматтық кодексін бейімдеуге, смарт-келісімшарттардың мәртебесін бекітуге және инновацияларды дамыту мен қаржылық қызметтерді тұтынушылардың құқықтарын қорғау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етуге бағытталған.

Түйінді сөздер: электрондық сақтандыру шарты, цифрлық платформалар, смарт-келісімшарттар, блокчейн, InsurTech, құқықтық реттеу, жасанды интеллект, сақтандыру маркетплейстері, параметрлік сақтандыру, реттеушілік құмсалғыштар, азаматтық құқық, Қазақстан Республикасы.

A.M. Rakhmetov[1], B.Zh. Aitimov[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Transformation of the insurance contract in the context of the development of electronic services and digital platforms

The digital transformation of the financial sector and the rapid development of InsurTech technologies (smart contracts, artificial intelligence, marketplaces) are radically changing the legal nature of the insurance contract. A critical lag emerges between conservative civil legislation and the pace of innovation implementation, creating risks of algorithmic discrimination and legal uncertainty.

A comprehensive analysis of the transformation of the insurance contract under the influence of digital ecosystems, identification of gaps in current regulation, and the development of recommendations for harmonizing the legislation of the Republic of Kazakhstan, taking into account advanced international experience.

The study is based on an integrative methodology, including formal-legal, systemic-structural, and comparative-legal (analysis of the EU AI Act, UK and US experience) methods, as well as legal modeling and legal hermeneutics.

An epistemological shift from the simple digitization of a policy to self-executing algorithmic obligations is proven. The necessity of a hybrid contractual architecture is substantiated. The impact of

the Law of the RK dated June 30, 2025, which legalizes insurance marketplaces, is analyzed. It has been established that the algorithmization of underwriting requires the implementation of risk-oriented standards to avoid algorithmic bias.

The objective need for the prompt introduction of "regulatory sandbox" regimes and norms of algorithmic transparency in Kazakhstan has been proven. The proposed recommendations aim to adapt the Civil Code of the RK, establish the legal status of smart contracts, and ensure a balance between the development of innovations and the protection of financial service consumers' rights.

Keywords: electronic insurance contract, digital platforms, smart contracts, blockchain, InsurTech, legal regulation, artificial intelligence, insurance marketplaces, parametric insurance, regulatory sandboxes, civil law, Republic of Kazakhstan.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.

УДК 349.2
МРНТИ 10.67

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/174-181

Д.А. Тайлаков[1*], Д.Н. Бекежанов[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: damirtailakov230@icloud.com)

Трансформация правового статуса работника и работодателя в рамках цифровых платформ: теоретико-прикладное исследование

Аннотация

Основная проблема: Развитие платформенной занятости и внедрение алгоритмического управления приводят к разрушению традиционного правового статуса работника. Платформы позиционируют себя как информационные посредники, классифицируя исполнителей как независимых подрядчиков, что вызывает массовую прекаризацию труда, лишение социальных гарантий и правовой вакуум в защите прав граждан.

Цель: Теоретико-правовой анализ трансформации статуса субъектов платформенной занятости и разработка концептуальных рекомендаций по модернизации трудового законодательства Республики Казахстан с учетом передового опыта Европейского Союза.

Методы: В исследовании применен комплексный методологический подход, включающий диалектический, системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Эмпирическую базу составили международные акты, включая Директиву ЕС 2024/2831, документы МОТ и ООН.

Результаты и их значимость: Доказано, что преобладающая в Казахстане цивилистическая модель регулирования платформенной занятости не отражает властной асимметрии отношений и легализует фиктивную самозанятость. Установлено, что алгоритмическое управление является новой формой скрытого работодательского контроля. Обоснована критическая необходимость отказа от жесткой дихотомии «работник – независимый подрядчик». Предложена имплементация европейской модели в Трудовой кодекс РК: законодательное закрепление опровержимой презумпции трудовых отношений для платформенных работников и введение строгих норм алгоритмической прозрачности. Данные меры обеспечат баланс между цифровыми инновациями и защитой прав на достойный труд.

Ключевые слова: трудовое право, платформенная занятость, гиг-экономика, алгоритмическое управление, Директива ЕС 2024/2831, фиктивная самозанятость, прекаризация, Республика Казахстан, презумпция трудовых отношений, алгоритмическая дискриминация, цифровизация законодательства, социально-экономические права.

Введение

Вступление мировой экономики в фазу Четвертой промышленной революции ознаменовалось беспрецедентной по своим масштабам цифровизацией архитектуры социально-экономических связей. Глубинные технологические сдвиги породили качественно новые формы взаимодействия между субъектами рыночных отношений, среди которых наиболее значимым, динамично развивающимся и, одновременно, наиболее противоречивым феноменом стала платформенная занятость, также известная как гиг-экономика (gig-economy). Эта инновационная бизнес-модель, в рамках которой транснациональные и локальные цифровые трудовые платформы (digital labour platforms) выступают в качестве высокотехнологичных посредников или фактических организаторов в процессе распределения задач между клиентами и исполнителями, кардинально изменила ландшафт глобального рынка труда. Сегодня платформенная занятость охватывает десятки миллионов человек во всем мире, обещая имманентную гибкость, существенное снижение транзакционных издержек, демократизацию доступа к рынку труда и новые возможности для монетизации свободного времени [1].

Однако оборотной стороной декларируемой экономической свободы и технологической гибкости стала глубокая структурная трансформация, а зачастую и целенаправленная эрозия традиционного правового статуса работника и работодателя. В классической парадигме, формировавшейся на протяжении всего индустриального этапа развития общества, трудовые

правоотношения базируются на четко определенной триаде признаков: личном выполнении трудовой функции, нахождении в состоянии организационной и экономической подчиненности (контроль со стороны работодателя) и регулярной выплате заработной платы. Цифровые трудовые платформы (такие как агрегаторы пассажирских перевозок, сервисы курьерской доставки, фриланс-биржи и маркетплейсы микрозадач) деконструируют эту линейную, бинарную схему [2]. Внедряя сложнейшие технологические решения и передовые системы искусственного интеллекта, платформы формально дистанцируются от статуса «работодателя». Они юридически позиционируют себя исключительно как разработчиков программного обеспечения и провайдеров информационных услуг (информационных посредников). Данная правовая фикция позволяет им классифицировать миллионы лиц, фактически выполняющих для них работу и приносящих им прибавочную стоимость, как независимых подрядчиков (independent contractors) или самозанятых (freelancers) [4].

Цель настоящего диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе глубокого теоретического и сравнительно-правового анализа выявить ключевые векторы трансформации правового статуса работника и работодателя, функционирующих на цифровых платформах, а также разработать научно обоснованные, концептуальные подходы к масштабной модернизации трудового и социального законодательства Республики Казахстан с учетом новейшего передового опыта стран Европейского Союза. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: во-первых, исследовать теоретико-правовую сущность и признаки платформенной занятости; во-вторых, проанализировать алгоритмическое управление как новую форму работодательской власти; в-третьих, дать критическую оценку текущему состоянию правового регулирования в Казахстане и странах СНГ; в-четвертых, детально изучить положения Директивы ЕС 2024/2831; и, наконец, сформулировать прикладные рекомендации по имплементации международных стандартов в национальную правовую систему.

Материалы и методы

В основу проведенного исследования положен комплексный и многоуровневый методологический подход, сочетающий в себе использование как фундаментальных общенаучных методов познания, так и специализированных юридических инструментариев, что позволяет обеспечить необходимую глубину, объективность и всесторонность анализа заявленной проблематики.

Общенаучная методология исследования базируется на диалектическом подходе, который позволил рассмотреть эволюцию правового статуса субъектов трудовых отношений в их непрерывном развитии, выявить глубинные противоречия между трудом и капиталом, возникающие на современном этапе цифровизации экономики, и проследить процесс перехода количественных изменений (рост числа пользователей цифровых платформ) в качественные (необходимость смены правовой парадигмы). Системный анализ и синтез применялись для структурирования сложного феномена гиг-экономики на составные элементы, изучения их внутренних взаимосвязей (платформа – алгоритм – исполнитель – потребитель) и последующего воссоздания целостной теоретической картины платформенной занятости. Методы дедукции и индукции использовались при переходе от общих теоретических концепций трудового права к частным проблемам алгоритмической дискриминации, а также при обобщении эмпирических данных судебной практики для выведения общих правовых закономерностей.

Эмпирическую и теоретическую базу исследования составили обширные массивы данных. Во-первых, это новейшие международно-правовые акты, в частности, Директива Европейского Парламента и Совета ЕС (EU) 2024/2831 об улучшении условий труда в сфере платформенной занятости (официально принятая в октябре 2024 года и вступившая в силу 1 декабря 2024 года). Во-вторых, материалы наднациональных институтов: доклады Европейской комиссии, отчеты исследовательских агентств ЕС (Eurofound, EPRS), резолюции и официальные документы Международной организации труда (МОТ) стенограммы тематических дискуссий в рамках структур ООН по правам человека и аналитические отчеты Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП). В-третьих, фундаментальные научные труды и статьи ведущих отечественных и зарубежных исследователей (в частности, К.Л. Томашевского, М.Х. Хасенова и др.), посвященные проблемам нетипичной занятости, цифровой экономики и алгоритмической дискриминации [5].

Результаты

Классическая архитектура трудового права, закрепленная в конвенциях МОТ и национальных трудовых кодексах абсолютного большинства стран мира, исторически формировалась вокруг жесткой индустриальной парадигмы. В этой системе координат статус работника и работодателя был детерминирован предельно ясно. Работодатель выступал собственником средств производства, единолично организовывал трудовой процесс, нес на себе бремя экономических рисков и осуществлял прямой, физический или административный управленческий контроль. Работник, в свою очередь, предоставлял свою исключительную способность к труду, находясь в состоянии экономической зависимости и организационного подчинения, в обмен на гарантированную заработную плату, безопасные условия труда и социальный пакет.

Появление и стремительная экспансия цифровых трудовых платформ полностью деконструировали эту сложившуюся бинарную модель. Внедрение инновационных бизнес-схем, пионерами которых выступили такие технологические гиганты как Uber, Glovo, Wolt, Yandex и Amazon Flex, привело к формированию сложной, многовекторной трехсторонней структуры: «заказчик услуги (клиент) – цифровая платформа (агрегатор) – независимый исполнитель (работник)».

В рамках данной конфигурации платформы выстроили виртуозную юридическую защиту, позиционируя себя не в качестве транспортных или логистических компаний, а исключительно как высокотехнологичные IT-структуры, предоставляющие цифровой маркетплейс (своеобразную электронную доску объявлений) для автоматизированной встречи спроса и предложения [6]. Подобная правовая квалификация имеет далеко идущие последствия. Она позволяет транснациональным корпорациям легально перекладывать абсолютно все экономические риски – начиная от амортизации личного оборудования и транспортных средств до убытков из-за простоев и падения потребительского спроса – на плечи самих исполнителей. Одновременно с этим работники принудительно классифицируются платформами как «самозанятые», «независимые партнеры» или «независимые подрядчики» (independent contractors).

Отказ от юридического признания платформенных работников полноценными наемными сотрудниками порождает глобальный социально-экономический феномен массовой прекаризации труда. Статус независимого подрядчика де-юре лишает человека защитного зонтика трудового права. По данным ООН, МОТ и профильных европейских агентств, платформенные работники систематически и в огромных масштабах исключаются из национальных систем солидарного социального обеспечения. Статистика свидетельствует: чуть более половины работников цифровых платформ застрахованы в системе медицинского страхования, менее трети (30 %) имеют страховку от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, и катастрофически малое число – менее 20 % – участвуют в программах пенсионных накоплений. Отсутствие императивных гарантий минимальной почасовой оплаты труда, неоплачиваемое время ожидания заказов (которое может составлять до 40% рабочего времени) ведут к укоренению феномена, который Специальный докладчик ООН по вопросам крайней нищеты и прав человека метко охарактеризовал как «бедность среди работающих» (in-work poverty).

Известные исследователи в области трудового права стран СНГ, К.Л. Томашевский и М.Х. Хасенов, в своих недавних трудах (2025 г.) обоснованно указывают на повсеместное доминирование в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая Республику Казахстан и Российскую Федерацию, так называемой «цивилистической» (гражданско-правовой) модели регулирования платформенной занятости. В рамках этой модели взаимоотношения между платформой и курьером/водителем регулируются исключительно диспозитивными нормами гражданского права – чаще всего договорами возмездного оказания услуг или договорами подряда. Ученые подвергают данный подход глубокой и аргументированной критике, подчеркивая, что он де-факто легализует массовое уклонение цифровых агрегаторов от исполнения социальных и трудовых обязательств.

Обсуждение

Дискуссия о юридическом статусе алгоритмического управления сегодня вышла на высший наднациональный уровень. Показательно, что в июне 2025 года на 113-й сессии Международной конференции труда (МКТ) в Женеве (Штаб-квартира МОТ) состоялись первые официальные, исторические дебаты на тему обеспечения «достойного труда в платформенной

экономике». Дебаты выявили глубокий геополитический и концептуальный раскол. Представители стран Европейского Союза, международная группа трудящихся (Workers' group) и правительства ряда прогрессивных стран (таких как Чили) безапелляционно настаивали на том, что алгоритмическое управление неотделимо от трудового регулирования, поскольку оно напрямую и императивно определяет заработную плату, рабочие часы и условия труда. В противовес им, представители США, Китая и группа работодателей выдвинули тезис о том, что регулирование алгоритмов является вмешательством в коммерческое и антимонопольное право (mission creep), а сами алгоритмы – это лишь нейтральные "операционные инструменты" оптимизации бизнес-процессов.

Для Республики Казахстан, амбициозно претендующей на статус технологического и цифрового хаба всей Центральной Азии, сохранение гиг-экономики в «серой» правовой зоне несет не только репутационные, но и тяжелейшие социально-экономические риски. На основе проведенного анализа новейшей зарубежной доктрины, резолюций Европейского парламента и норм Директивы ЕС 2024/2831, можно выделить несколько концептуальных моделей реформирования правового статуса работника и работодателя, подлежащих внедрению в правовую систему РК:

Модель 1: Внедрение «третьего» (промежуточного) правового статуса. Данная концепция предполагает отказ от жесткой бинарной системы (работник vs. ИП) и создание совершенно новой правовой категории в Трудовом кодексе РК, занимающей промежуточное положение между традиционно зависимым наемным работником и полностью независимым коммерческим подрядчиком (например, категория «зависимый подрядчик» или «независимый работник»).10 Международный опыт (Великобритания, Италия, Испания) показывает, что для данной категории вводится базовый, усеченный набор социальных гарантий. Например, такие лица получают право на объединение в профсоюзы, гарантированную минимальную почасовую ставку, базовую страховку от травм, но на них не распространяются сложнейшие процедуры увольнения по сокращению штатов или правила о сверхурочной работе. Главным недостатком этой модели для Казахстана является высокая сложность налогового и кадрового администрирования, а также огромный риск того, что традиционные работодатели (заводы, ритейл, офисы) начнут массово и фиктивно переводить своих штатных сотрудников в этот «промежуточный» статус с целью колоссальной экономии на налогах и социальных выплатах.

Модель 2: Интеграция опровержимой презумпции трудовых отношений (Европейская Трудоправовая модель). Опираясь на исторический опыт ЕС и концептуальные резолюции Европейского парламента о справедливых условиях труда (2019/2186(INI)), наиболее надежным и социально ориентированным подходом представляется прямая имплементация механизма опровержимой презумпции трудовых отношений в статью 27 Трудового Кодекса Республики Казахстан (Отличие трудового договора от иных видов договоров).

В законодательстве должно быть закреплено следующее правило: если цифровая платформа фактически использует скрытое алгоритмическое управление для контроля геолокации исполнителя (location-based work), установления обязательных тарифов (динамическое ценообразование без права торга со стороны курьера), контроля качества через системы рейтингов и применения санкций в виде блокировок, суды и Инспекция труда РК обязаны автоматически признавать такие правоотношения трудовыми, а платформу – полноценным работодателем. Платформа сохраняет процессуальное право доказать обратное, но для этого ей придется продемонстрировать полное отсутствие управленческого контроля над работником, что в рамках бизнес-моделей современных агрегаторов (такси, доставка) практически невозможно реализовать.

Одновременно с этим, законодательство Республики Казахстан должно быть императивно дополнено блоком норм, регулирующих феномен алгоритмического управления. Вектор цифровизации трудовых отношений, успешно взятый странами СНГ (создание E-hr баз) , должен эволюционно сместиться от пассивного учета договоров к активному контролю за прозрачностью алгоритмических систем корпораций. Предлагается внести в Трудовой кодекс РК Главу «Особенности регулирования труда работников, управляемых посредством автоматизированных информационных систем», где необходимо закрепить:

– Обязанность платформ раскрывать логику распределения заказов;

– Запрет на использование теневых блокировок без объяснения причин;

– Право работника на апелляцию решений ИИ с обязательным участием «живого» оператора-человека (по аналогии с Директивой ЕС).

Интеграция предложенных механизмов позволит филигранно сбалансировать социально-экономическую функцию трудового права в цифровую эпоху. Безусловно, традиционная, архаичная конструкция трудовых отношений (с жестким графиком с 9:00 до 18:00 и рабочим местом на фабрике) не может быть топорно и всецело применена к платформенным курьерам и водителям, учитывая плавающий характер их работы и использование личных транспортных средств. Однако фундаментальное, неотчуждаемое право на достойные условия труда (decent labour conditions) должно быть безусловно гарантировано государством через гибкую, но строгую регуляторную политику, базирующуюся на признании того факта, что власть алгоритма над человеком есть ничто иное, как современная форма скрытого работодательского контроля.

Заключение

Масштабное, необратимое проникновение высокотехнологичных цифровых платформ в структуру национальных и глобальных экономик привело к беспрецедентной трансформации фундаментальных правовых статусов субъектов трудовых отношений. Наблюдаемая сегодня цифровая революция размыла и деконструировала традиционную дихотомию «работник – работодатель». Власть корпоративного капитала трансформировалась, скрывшись за фасадом алгоритмического управления (Algorithmic Management), которое позволяет технологическим гигантам осуществлять жесточайший, тотальный управленческий контроль над миллионами людей, де-юре и финансово оставаясь в стороне от несения малейшей социальной нагрузки.

Проведенный в рамках данной статьи комплексный теоретико-прикладной анализ убедительно доказал, что доминирующая в настоящее время в Республике Казахстан, ЕАЭС и ряде других стран СНГ гражданско-правовая (цивилистическая) квалификация платформенной занятости абсолютно не отражает истинной экономической природы и властной асимметрии этих отношений. Данный устаревший подход консервирует правовой вакуум, легализует институт фиктивной самозанятости и выступает мощнейшим драйвером массовой прекаризации общества. Он лишает миллионы добросовестно трудящихся граждан доступа к фундаментальным правам: праву на минимальную заработную плату, праву на безопасные условия труда, защите от скрытой алгоритмической дискриминации, а также исключает их из жизненно важных систем пенсионного и медицинского страхования.

Исторический опыт Европейского Союза, триумфально воплотившийся в принятии Директивы 2024/2831, формирует совершенно новый парадигмальный вектор регулирования гиг-экономики для всего цивилизованного мира. Этот законодательный акт доказывает, что технологический прогресс, инновации и оптимизация через системы искусственного интеллекта не могут и не должны служить оправданием для отмены базовых социальных завоеваний человечества. Введение в законодательство опровержимой презумпции трудовых отношений, радикальный перенос бремени судебного доказывания с уязвимого работника на могущественную транснациональную платформу, а также жесткая регламентация алгоритмических систем (включая запрет на обработку эмоциональных данных и обязательный человеческий надзор за решениями ИИ) представляют собой наиболее адекватный, научно обоснованный ответ на вызовы гиг-экономики.

Для Республики Казахстан и других государств Евразийского экономического союза абсолютным стратегическим приоритетом должно стать проведение немедленной и комплексной реформы трудового и социального законодательства. Бесспорные успехи нашей страны в формальной цифровизации государственного администрирования (цифровые трудовые договоры E-hr) должны быть срочно синхронизированы с глубинными, сущностными изменениями догматики Трудового кодекса. Настоятельно рекомендуется интеграция механизма презумпции трудовых отношений для тех платформенных работников, чей труд жестко контролируется алгоритмически (агенты location-based платформ). Одновременно требуется создание уникального правового режима, обязывающего операторов цифровых платформ обеспечивать абсолютную прозрачность алгоритмов (algorithmic transparency), защищать психосоциальное здоровье нации от разрушительного воздействия цифрового техностресса и гарантировать неприкосновенность персональных данных граждан от тотального профилирования. Лишь выверенная, сбалансированная интеграция европейской трудоправовой модели в национальную правовую систему позволит Казахстану сохранить свой статус регионального лидера цифровой трансформации, не принося при этом в жертву конституционные права граждан на справедливый и достойный труд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Khasenov M. Employment relationship and platform work: Global trends and case of Kazakhstan / M. Khasenov // Yearbook of Labour Law. – URL: https://rjll.spbu.ru/article/download/13553/10324 (date of access: 02.04.2026).
2 Zhumabayeva A. Platform employment and the obligation to conclude an employment contract in the Republic of Kazakhstan: issues of theory and practice / A. Zhumabayeva, A. Nurmagambetov // AJEE Journal. – URL: https://ajee-journal.com/platform-employment-and-the-obligation-to-conclude-an-employment-contract-in-the-republic-of-kazakhstan-issues-of-theory-and-practice (date of access: 02.04.2026).
3 Bowdler M. Algorithmic management and psychosocial risks at work: An emerging occupational safety and health challenge / M. Bowdler, H. Lahti, M. Jelenko, T. Valtonen // Scand J Work Environ Health. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12766920/ (date of access: 02.04.2026).
4 Томашевский К.Л. Работа посредством цифровых платформ занятости: поиск модели и перспективы урегулирования / К. Л. Томашевский, М. Х. Хасенов // Правоведение. – URL: https://pravovedenie.spbu.ru/article/download/17282/13531/86756 (дата обращения: 02.04.2026).
5 Макрушин А.О. Юридический вакуум в платформенной занятости Казахстана / А.О. Макрушин, А.С. Баймаханова, Е.Н. Нургалиева // Kutafin Law Review. – URL: https://kulawr.msal.ru/jour/article/download/586/288 (дата обращения: 02.04.2026).
6 Li F. The double-edged sword effect of algorithmic management on work engagement of platform workers: the roles of appraisals and resources / F. Li, X. Zhan, Y. Liu // PMC. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12239928/ (date of access: 02.04.2026).
7 Баймаханова А.С. Платформенная занятость – феномен трудового права / А.С. Баймаханова // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/download/1579/1479/14019 (дата обращения: 02.04.2026).
8 Donoghue R. Freedom under algorithms: how unpredictable and asocial management erodes free choice / R. Donoghue // Frontiers in Artificial Intelligence. – URL: https://www.frontiersin.org/journals/ artificial-intelligence/articles/10.3389/frai.2025.1582085/full (date of access: 02.04.2026).

REFERENCES

1 Khasenov M. Employment relationship and platform work: Global trends and case of Kazakhstan / M. Khasenov // Yearbook of Labour Law. – URL: https://rjll.spbu.ru/article/download/ 13553/10324 (date of access: 02.04.2026).
2 Zhumabayeva A. Platform employment and the obligation to conclude an employment contract in the Republic of Kazakhstan: issues of theory and practice / A. Zhumabayeva, A. Nurmagambetov // AJEE Journal. – URL: https://ajee-journal.com/platform-employment-and-the-obligation-to-conclude-an-employment-contract-in-the-republic-of-kazakhstan-issues-of-theory-and-practice (date of access: 02.04.2026).
3 Bowdler M. Algorithmic management and psychosocial risks at work: An emerging occupational safety and health challenge / M. Bowdler, H. Lahti, M. Jelenko, T. Valtonen // Scand J Work Environ Health. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12766920/ (date of access: 02.04.2026).
4 Tomashevskiy K. L. Rabota posredstvom tsifrovykh platform zanyatosti: poisk modeli i perspektivy uregulirovaniya / K.L. Tomashevskiy, M.Kh. Khasenov // Pravovedenie. – URL: https://pravovedenie.spbu.ru/article/download/17282/13531/86756 (data obrashcheniya: 02.04.2026). [in Russian]
5 Makrushin A.O. Yuridicheskiy vakuum v platformennoy zanyatosti Kazakhstana / A.O. Makrushin, A.S. Baimakhanova, E.N. Nurgalieva // Kutafin Law Review. – URL: https://kulawr.msal.ru/jour/article/download/586/288 (data obrashcheniya: 02.04.2026). [in Russian]
6 Li F. The double-edged sword effect of algorithmic management on work engagement of platform workers: the roles of appraisals and resources / F. Li, X. Zhan, Y. Liu // PMC. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12239928/ (date of access: 02.04.2026).
7 Baimakhanova A. S. Platformennaya zanyatost — fenomen trudovogo prava / A. S. Baimakhanova // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii RK. – URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/ vestnik/article/download/1579/1479/14019 (data obrashcheniya: 02.04.2026). [in Russian]

8 Donoghue R. Freedom under algorithms: how unpredictable and asocial management erodes free choice / R. Donoghue // Frontiers in Artificial Intelligence. – URL: https://www.frontiersin.org/ journals /artificial-intelligence/articles/10.3389/frai.2025.1582085/full (date of access: 02.04.2026).

Д.А. Тайлаков[1], Д.Н. Бекежанов[1]
[1]Инновациялық Еуразиялық университеті, Казахстан

Цифрлық платформалар аясындағы жұмыскер мен жұмыс берушінің құқықтық мәртебесінің трансформациясы: теориялық-қолданбалы зерттеу

Платформалық жұмыспен қамтудың дамуы және алгоритмдік басқаруды енгізу қызметкердің дәстүрлі құқықтық мәртебесінің бұзылуына әкеледі. Платформалар өздерін ақпараттық делдал ретінде көрсете отырып, орындаушыларды тәуелсіз мердігерлер ретінде жіктейді, бұл еңбектің жаппай прекаризациясын (тұрақсыздығын), әлеуметтік кепілдіктерден айыруды және азаматтардың құқықтарын қорғаудағы құқықтық вакуумды тудырады.

Платформалық жұмыспен қамту субъектілері мәртебесінің трансформациясын теориялық-құқықтық талдау және Еуропалық Одақтың озық тәжірибесін ескере отырып, Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасын жаңғырту бойынша тұжырымдамалық ұсынымдар әзірлеу.

Зерттеуде диалектикалық, жүйелік, формальды-заңдық және салыстырмалы-құқықтық әдістерді қамтитын кешенді әдіснамалық тәсіл қолданылды. Эмпирикалық базаны халықаралық актілер, соның ішінде 2024/2831 ЕО Директивасы, ХЕҰ (МОТ) және БҰҰ құжаттары құрады.

Қазақстанда басым болып табылатын платформалық жұмыспен қамтуды реттеудің цивилистік моделі қатынастардың билік асимметриясын көрсетпейтіні және жалған өзін-өзі жұмыспен қамтуды заңдастыратыны дәлелденді. Алгоритмдік басқару жасырын жұмыс берушілік бақылаудың жаңа нысаны екендігі анықталды.

«Қызметкер – тәуелсіз мердігер» қатаң дихотомиясынан бас тартудың сыни қажеттілігі негізделді. Еуропалық модельді ҚР Еңбек кодексіне имплементациялау ұсынылды: платформалық қызметкерлер үшін еңбек қатынастарының жоққа шығарылатын презумпциясын заңнамалық бекіту және алгоритмдік ашықтықтың қатаң нормаларын енгізу. Бұл шаралар цифрлық инновациялар мен лайықты еңбек құқықтарын қорғау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етеді.

Түйін сөздер: еңбек құқығы, платформалық жұмыспен қамту, гиг-экономика, алгоритмдік басқару, ЕО 2024/2831 Директивасы, жалған өзін-өзі жұмыспен қамту, прекаризация, Қазақстан Республикасы, еңбек қатынастарының презумпциясы, алгоритмдік кемсітушілік, заңнаманы цифрландыру, әлеуметтік-экономикалық құқықтар.

D.A. Tailakov[1], D.N. Bekejanov[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Transformation of the Legal Status of Employee and Employer within Digital Platforms: A Theoretical and Applied Study

The development of platform employment and the introduction of algorithmic management lead to the destruction of the traditional legal status of the worker. Platforms position themselves as information intermediaries, classifying performers as independent contractors, which causes mass precarization of labor, deprivation of social guarantees, and a legal vacuum in protecting citizens' rights.

Theoretical and legal analysis of the transformation of the status of platform employment subjects and the development of conceptual recommendations for modernizing the labor legislation of the Republic of Kazakhstan, taking into account the best practices of the European Union.

The study applied a comprehensive methodological approach, including dialectical, systemic, formal-legal, and comparative-legal methods. The empirical base consisted of international acts, including EU Directive 2024/2831, ILO, and UN documents.

It has been proven that the civil law model of regulating platform employment prevailing in Kazakhstan does not reflect the power asymmetry of relations and legalizes fictitious self-

employment. It has been established that algorithmic management is a new form of hidden employer control.

The critical need to abandon the rigid "worker-independent contractor" dichotomy is substantiated. The implementation of the European model into the Labor Code of the Republic of Kazakhstan is proposed: the legislative consolidation of a rebuttable presumption of an employment relationship for platform workers and the introduction of strict norms of algorithmic transparency. These measures will ensure a balance between digital innovations and the protection of the right to decent work.

Keywords: labor law, platform employment, gig economy, algorithmic management, EU Directive 2024/2831, bogus self-employment, precarization, Republic of Kazakhstan, presumption of employment, algorithmic discrimination, digitalization of legislation, socio-economic rights.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.

УДК 343.163; 343.98:004.8
МРНТИ 06.81.33

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/182-187

К.Б. Тулеуова[1*], А.Т. Озенбаева[1]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: dkymbat403@gmail.com)

Пределы и условия применения систем искусственного интеллекта в прокурорском надзоре: теоретико-правовое исследование

Аннотация

Основная проблема: В условиях цифровой трансформации и роста объемов данных традиционные методы прокурорского надзора теряют эффективность. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые возможности, однако порождает сложные процессуальные и этические коллизии, включая риски технократического произвола и алгоритмической дискриминации.

Цель: Формирование научно обоснованной доктрины применения ИИ в надзорной деятельности прокуратуры Республики Казахстан с учетом новейших законодательных ограничений и определение строгих пределов алгоритмического вмешательства.

Методы: В исследовании применен комплексный подход, включающий диалектический, формально-юридический (анализ Закона РК «Об искусственном интеллекте» и профильных концепций) и сравнительно-правовой методы для сопоставления казахстанской, азиатской и англосаксонской моделей регулирования.

Результаты и их значимость: Установлено, что в Казахстане формируется строго регулируемая «человеко-ориентированная» модель ИИ. Обоснованы три уровня пределов применения алгоритмов: гносеологический (ИИ выступает исключительно как ассистент), процессуальный (недопустимость подмены машинным выводом внутреннего убеждения прокурора) и этический (законодательный запрет манипуляций и биометрической дискриминации).

Доказана необходимость адаптации уголовно-процессуального законодательства к нормам цифрового права, внедрения суверенной IT-инфраструктуры и формирования у прокуроров компетенций по надзору за алгоритмической законностью. Выполнение этих условий обеспечит баланс между технологическим прогрессом и неукоснительной защитой конституционных прав граждан.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, прокурорский надзор, законодательство Республики Казахстан, Закон об искусственном интеллекте, уголовное судопроизводство, цифровизация прокуратуры, предиктивная аналитика, алгоритмическая дискриминация.

Введение

Цифровая трансформация государственных институтов Республики Казахстан представляет собой фундаментальный сдвиг в способах сбора, обработки и оценки юридически значимой информации. Глава государства Касым-Жомарт Токаев, подписав первый в истории страны Закон «Об искусственном интеллекте» и объявив 2026-й Годом развития цифровизации и искусственного интеллекта, дал четкий сигнал: Казахстан рассматривает ИИ не как краткосрочный тренд, а как важнейший ресурс для институционального рывка. В условиях экспоненциального роста объемов цифровых данных традиционные методы осуществления прокурорского надзора сталкиваются с объективными трудностями, что детерминирует поиск принципиально новых технологических решений.

Органы прокуратуры РК, осуществляющие от имени государства высший надзор за соблюдением законности, находятся на острие этой технологической революции. Генеральный Прокурор РК Берик Асылов неоднократно подчеркивал, что масштабная цифровая трансформация и внедрение ИИ являются ключевыми приоритетами ведомства для реализации идеологии «Закон и Порядок». С одной стороны, делегирование рутинных процессов алгоритмам открывает колоссальные возможности для оперативного выявления преступных

схем. С другой стороны, использование ИИ порождает сложнейшие процессуальные и этические коллизии.

Актуальность настоящего магистерского диссертационного исследования обусловлена потребностью формирования научно обоснованной доктрины использования ИИ в надзорной деятельности Казахстана с учетом новейших законодательных ограничений. Требуется предельно четкая демаркация границ алгоритмического вмешательства в сферу юридического усмотрения и выработка строгих условий для исключения рисков технократического произвола.

Материалы и методы

В основу исследования положен комплексный подход, базирующийся на синтезе общенаучных и частнонаучных методов познания. Фундаментальной основой выступил диалектический метод, позволивший рассмотреть процесс цифровизации прокуратуры в контексте обеспечения баланса между технологическим прогрессом и защитой прав человека.

Основным инструментом догматического анализа стал формально-юридический метод, посредством которого детально исследованы: Конституционный закон РК «О прокуратуре» от 5 ноября 2022 года, Концепция развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы и недавно принятый Закон РК «Об искусственном интеллекте» (от 17.11.2025 № 230-VIII ЗРК). Данный метод обеспечил точечное выявление нормативных требований к прозрачности, подотчетности и безопасности систем ИИ.

Системообразующее значение имеет сравнительно-правовой метод. Технологии ИИ глобальны, однако их применение в Казахстане сопоставляется с зарубежными моделями: азиатской (высокая автономность алгоритмов в КНР) [1] и англосаксонской (децентрализованная предиктивная аналитика в США) [2]. Это позволило выделить уникальные черты казахстанской «человеко-ориентированной» модели регулирования.

Эмпирическую базу составили официальные данные Генеральной прокуратуры РК о внедрении систем «Цифровой помощник» и «Гособвинитель» [3], аналитические обзоры Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК и труды казахстанских ученых по криминалистике и цифровому праву [2].

Результаты

Генезис цифровой парадигмы в РК: Концепция 2024–2029 и практическое внедрение

Системное внедрение цифровых инноваций в деятельность прокуратуры Казахстана подчинено стратегической логике. Согласно Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы (утвержденной Постановлением Правительства РК от 24 июля 2024 года № 592), государство взяло курс на создание Национальной платформы ИИ, строительство суперкомпьютера и консолидацию качественных данных. Эти инфраструктурные шаги позволили правоохранительному блоку перейти от простой информатизации (цифровизации документов) к внедрению систем предиктивной аналитики.

На практике Генеральная прокуратура РК уже активно использует интеллектуальные системы. Как отмечает руководство IT-управления ведомства, сегодня успешно функционирует ИИ-агент по анализу обращений граждан в систему «е-Өтініш», работают «умные» геокарты преступности и система мониторинга медиапространства для раннего выявления угроз. Непосредственно в уголовном процессе внедряются проект «Цифровой помощник» для следователей (выявление противоречий в показаниях, планирование допросов) и система «Гособвинитель» для прокуроров, которая помогает готовить обвинительные речи и формировать процессуальные документы. Это высвобождает колоссальные временные ресурсы сотрудников для выполнения интеллектуальной, аналитической работы.

Сравнительно-правовой анализ: формирование казахстанской модели ИИ

Для понимания вектора развития необходимо сопоставить казахстанский подход с глобальными практиками.

Азиатская модель (КНР) характеризуется предельной автономностью ИИ: в шанхайском районе Пудун система, обученная на 17 000 дел, самостоятельно оценивает доказательства и квалифицирует деяния с заявленной точностью до 97 %. Англосаксонская модель (США) опирается на коммерческие инструменты для предиктивного патрулирования и массового распознавания лиц, что зачастую вызывает жесткую критику из-за угрозы алгоритмической дискриминации (bias) и нарушений процессуальных прав.

В противовес этим подходам, казахстанская модель изначально формируется как жестко регулируемая и человеко-ориентированная. Принятый в ноябре 2025 года Закон РК «Об

искусственном интеллекте» прямо закрепляет приоритет благополучия человека, справедливость, прозрачность и сохранение свободы воли. Казахстанский законодатель установил строгую классификацию ИИ по рискам и внедрил императивное требование: человек, его жизнь, права и свободы являются высшей ценностью при эксплуатации любых алгоритмов.

Многоуровневая система пределов применения ИИ в прокурорском надзоре

Определение нерушимых пределов использования машинного обучения – ключевая задача теории права. В условиях Республики Казахстан эти демаркационные линии теперь прямо вытекают из позитивного права.

1. Гносеологические пределы и проблема авторства

Современный генеративный ИИ создает вероятностные тексты, не обладая сознанием. Закон РК «Об искусственном интеллекте» четко устанавливает гносеологический предел: произведения, созданные нейросетью, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека. Это означает, что аналитическая справка или речь, сгенерированная системой «Гособвинитель», не имеет самостоятельной юридической ценности без концептуальной проработки и утверждения прокурором. ИИ органически не способен устанавливать объективную истину, он лишь выявляет статистические закономерности в массивах данных (например, в транскрибациях допросов).

2. Процессуальные пределы: суверенитет внутреннего убеждения

Согласно Конституционному закону РК «О прокуратуре», прокурор осуществляет высший надзор и уголовное преследование от имени государства. Внутреннее убеждение прокурора не может быть заменено машинным выводом. Статья 17 Закона об ИИ устанавливает прямой запрет на создание и эксплуатацию систем, предназначенных для манипуляции поведением человека и ограничения его свободы воли. В процессуальном смысле это означает абсолютную недопустимость делегирования машине полномочий по принятию решений, влекущих юридические последствия для граждан (например, санкционирование ареста, отмена постановлений). ИИ выступает лишь техническим средством поддержки (ассистентом).

3. Этические и правозащитные пределы: запрет дискриминации

Глобальной проблемой алгоритмов является наследование социальных искажений из обучающих баз данных.2 Законодательство Казахстана превентивно блокирует этот риск. В республике категорически запрещены системы ИИ, которые используют уязвимости лиц (возраст, состояние здоровья) для причинения вреда, осуществляют социальную или биометрическую дискриминацию, а также определяют эмоции физического лица без его согласия. Кроме того, граждане РК наделены правом быть информированными об автоматизированной обработке их данных и требовать разъяснения логики принятия алгоритмических решений. Для прокурора это означает, что выводы предиктивных систем полиции не имеют преюдициальной силы и должны толковаться сквозь призму презумпции невиновности.

Обсуждение

Для того чтобы интеграция ИИ в работу прокуратуры РК была законной и эффективной, необходимо соблюдение ряда условий.

1. Нормативно-правовые условия. Несмотря на принятие профильного Закона об ИИ, требуется адаптация Уголовно-процессуального кодекса РК. В УПК необходимо закрепить статус систем ИИ (таких как «Цифровой помощник») в качестве технического средства, применяемого следователем и прокурором, с обязательным условием верификации сгенерированных документов живым сотрудником. Кроме того, Закон об ИИ требует обязательной машиночитаемой маркировки синтетического контента. Правоохранительные органы должны внедрить протоколы, явно указывающие, какие материалы уголовного дела были первично обработаны алгоритмом.

2. Инфраструктурные условия. Безопасность следственной тайны и персональных данных требует суверенной инфраструктуры. Концепция развития ИИ РК до 2029 года справедливо делает акцент на создании собственного суперкомпьютера и центров обработки данных. Надзорные системы должны быть развернуты исключительно в закрытых, физически изолированных контурах Генеральной прокуратуры, чтобы исключить утечки в коммерческие или зарубежные облачные сервисы.

3. Организационные компетенции. Эпоха ИИ требует подготовки прокуроров новой формации. Как отмечается экспертами Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК, сотрудникам необходимо понимание механизмов работы алгоритмов для оценки цифровых доказательств. Возникает потребность в новом виде прокурорского реагирования — надзоре за алгоритмической законностью. Прокурор должен уметь проверять, не нарушают ли интеллектуальные системы МВД или АФМ законодательные запреты на биометрическую дискриминацию или манипуляцию сознанием.

Заключение

Интеграция систем искусственного интеллекта в деятельность прокуратуры Республики Казахстан представляет собой объективно необходимый этап цифровой трансформации государственного управления. Проекты «Цифровой помощник» и «Гособвинитель» уже сегодня доказывают свою высокую эффективность в оптимизации рутинных аналитических процессов.

Однако пределы применения ИИ в уголовном судопроизводстве строго детерминированы гуманистической сущностью казахстанского права. В соответствии с новейшим Законом РК «Об искусственном интеллекте», приоритет человека и его свободная воля признаются высшей ценностью. Искусственный интеллект в казахстанской модели категорически не вправе подменять собой внутреннее убеждение прокурора и принимать властно-распорядительные решения. Законодательный запрет на алгоритмическую дискриминацию, скрытые манипуляции и требование прозрачности формируют надежный правозащитный щит против технократического произвола.

Для обеспечения законности необходима дальнейшая гармонизация УПК РК с нормами цифрового права, использование исключительно суверенной IT-инфраструктуры (Национальной платформы ИИ) и формирование у сотрудников прокуратуры компетенций по надзору за соблюдением алгоритмической законности правоохранительными органами [4]. Соблюдение этих условий позволит органам прокуратуры РК многократно повысить эффективность защиты прав граждан в эпоху искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Использование искусственного интеллекта в ходе судебного контроля за оперативно-разыскной деятельностью [Электронный ресурс]. – DOI: 10.54217/2588-0136.2023.35.1.006. – URL: https://doi.org/10.54217/2588-0136.2023.35.1.006.

2 Калиев А.А. Искусственный интеллект в криминалистике: доказательственные перспективы и риски манипуляции / А.А. Калиев // Құқық және мемлекет. – 2025. – № 4 (109).

3 Технологии искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры: правовое регулирование и практика применения в государствах-участниках СНГ: монография / Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК. – [Б. м.], 2025.

4 AI Crime Solving Tools Spread Across US Police Departments, but Experts Urge Caution [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mexc.com/news/1019402

REFERENCES

1 Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta v khode sudebnogo kontrolya za operativno-razysknoy deyatelnostyu [The use of artificial intelligence during judicial control over operational-search activities]. (2023). DOI: 10.54217/2588-0136.2023.35.1.006. Available at: https://doi.org/10.54217/2588-0136.2023.35.1.006 (Accessed: 12.05.2026). [in Russian]

2 Kaliev, A.A. (2025). Iskusstvennyi intellekt v kriminalistike: dokazatelstvennye perspektivy i riski manipulyatsii [Artificial intelligence in forensics: evidentiary prospects and risks of manipulation]. Quqyq jane memleket, (4), 15-28. [in Russian]

3 Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v deyatelnosti organov prokuratury: pravovoe regulirovanie i praktika primeneniya v gosudarstvakh-uchastnikakh SNG: monografiya [Artificial intelligence technologies in the activities of the prosecutor's office: legal regulation and practice of application in the CIS member states: monograph]. (2025). Astana: Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the RK. [in Russian]

4 AI Crime Solving Tools Spread Across US Police Departments, but Experts Urge Caution. (2025). Available at: https://www.mexc.com/news/1019402 (Accessed: 12.05.2026).

К.Б. Тулеуова[1], А.Т. Озенбаева[1]
[1]Инновациялық Еуразиялық университеті, Казахстан

Прокурорлық қадағалауда жасанды интеллект жүйелерін қолданудың шектері мен шарттары: теориялық-құқықтық зерттеу

Негізгі мәселе: Цифрлық трансформация және деректер көлемінің артуы жағдайында прокурорлық қадағалаудың дәстүрлі әдістері өз тиімділігін жоғалтуда. Жасанды интеллект (ЖИ) технологияларын енгізу жаңа мүмкіндіктер ашады, алайда бұл технократиялық озбырылық пен алгоритмдік кемсітушілік тәуекелдерін қоса алғанда, күрделі процестік және әдептік коллизияларды тудырады.

Жаңа заңнамалық шектеулерді ескере отырып, Қазақстан Республикасы прокуратурасының қадағалау қызметінде ЖИ-ді қолданудың ғылыми негізделген доктринасын қалыптастыру және алгоритмдік араласудың қатаң шектерін айқындау.

Зерттеуде диалектикалық, формальды-заңдық (ҚР «Жасанды интеллект туралы» Заңын және бейіндік Тұжырымдамаларды талдау) және реттеудің қазақстандық, азиялық және англосаксондық модельдерін салыстыруға арналған салыстырмалы-құқықтық әдістерді қамтитын кешенді тәсіл қолданылды.

Қазақстанда ЖИ-дің қатаң реттелетін «адамға бағдарланған» моделі қалыптасып жатқаны анықталды. Алгоритмдерді қолдану шектерінің үш деңгейі негізделді: гносеологиялық (ЖИ тек ассистент ретінде әрекет етеді), процестік (машиналық қорытындымен прокурордың ішкі сенімін алмастыруға жол бермеушілік) және әдептік (манипуляциялар мен биометриялық кемсітушілікке заңнамалық тыйым салу).

Қылмыстық-процестік заңнаманы цифрлық құқық нормаларына бейімдеу, егеменді IT-инфрақұрылымды енгізу және прокурорларда алгоритмдік заңдылықты қадағалау бойынша құзыреттерді қалыптастыру қажеттілігі дәлелденді. Осы шарттарды орындау технологиялық прогресс пен азаматтардың конституциялық құқықтарын мүлтіксіз қорғау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, прокурорлық қадағалау, Қазақстан Республикасының заңнамасы, Жасанды интеллект туралы заң, қылмыстық сот ісін жүргізу, прокуратураны цифрландыру, предиктивті аналитика, алгоритмдік кемсітушілік.

K.B. Tuleuova[1], A.T. Ozenbayeva[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Limits and conditions for the application of artificial intelligence systems in prosecutorial supervision: a theoretical and legal study

In the context of digital transformation and exponential data growth, traditional methods of prosecutorial supervision are losing their effectiveness. The integration of Artificial Intelligence (AI) technologies opens up new opportunities, yet breeds complex procedural and ethical conflicts, including the risks of technocratic arbitrariness and algorithmic discrimination.

To develop a scientifically grounded doctrine for the application of AI in the supervisory activities of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, considering the latest legislative restrictions, and to define strict boundaries for algorithmic intervention.

The study employs a comprehensive approach, including dialectical, formal-legal (analysis of the Law of the RK "On Artificial Intelligence" and relevant concepts), and comparative-legal methods to contrast the Kazakhstani, Asian, and Anglo-Saxon regulatory models.

It is established that a strictly regulated "human-centric" AI model is emerging in Kazakhstan. Three levels of limits for algorithm application are substantiated: epistemological (AI acts exclusively as an assistant), procedural (the inadmissibility of replacing a prosecutor's inner conviction with a machine-generated conclusion), and ethical (legislative prohibition of manipulation and biometric discrimination).

The study proves the necessity of adapting criminal procedural legislation to the norms of digital law, implementing a sovereign IT infrastructure, and developing prosecutors' competencies in

supervising algorithmic legality. Meeting these conditions will ensure a balance between technological progress and the strict protection of citizens' constitutional rights.

Keywords: artificial intelligence, prosecutorial supervision, legislation of the Republic of Kazakhstan, Artificial Intelligence Act, criminal proceedings, digitalization of the prosecutor's office, predictive analytics, algorithmic discrimination.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.

УДК 343.98
МРНТИ 10.85.31

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/188-194

П.О. Филатова[1*]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: polet0999@mail.ru)

Проблема мультидисциплинарного взаимодействия при расследовании серийных преступлений против личности

Аннотация

Основная проблема: Ключевой проблемой расследования серийных преступлений против личности является деструктивная разобщенность и отсутствие эффективного мультидисциплинарного взаимодействия между субъектами следствия, судебными экспертами и практикующими психологами (профайлерами). Существующий методологический разрыв приводит к недооценке поведенческих и психологических следов преступления, которые часто воспринимаются следствием как вторичные по сравнению с традиционной материальной доказательственной базой (ДНК, дактилоскопия, баллистика). Это порождает феномен «туннельного видения» у следственных групп, затягивает сроки установления серийности преступлений, ограничивает аналитический потенциал экспертных заключений и, как следствие, позволяет серийным преступникам годами уходить от ответственности, увеличивая число жертв.

Цель: Целью статьи является комплексный теоретико-методологический анализ барьеров мультидисциплинарного взаимодействия при расследовании серийных преступлений против личности, выявление системных дефектов в коммуникации между следственными, экспертными и психологическими институтами, а также разработка научно обоснованной модели интеграции поведенческого анализа в алгоритмы традиционного расследования. Особое внимание уделяется созданию единого методологического языка для криминалистов и психологов, формированию сквозных межведомственных следственно-оперативных групп и защите экспертной независимости от ведомственного давления.

Методы: В исследовании используются сравнительно-криминалистический, системно-структурный, формально-логический и аналитический методы, а также ретроспективный анализ материалов уголовных дел о серийных убийствах и сексуализированном насилии. Методологическую основу составил контент-анализ профильных нормативно-правовых актов, регулирующих судебно-экспертную деятельность, методических рекомендаций по ведению сводных криминалистических учетов, а также международных и отечественных протоколов построения поискового психологического портрета (профайлинга).

Результаты и их значимость: В ходе анализа выявлены ключевые проблемы: жесткая ведомственная изоляция экспертных и следственных подразделений, концептуальное недоверие практиков к данным судебно-психологической экспертизы, отсутствие единых стандартов фиксации и интерпретации «поведенческого почерка» (Modus Operandi) преступника на месте происшествия, а также дефицит квалифицированных кадров, обладающих компетенциями на стыке криминалистики и девиантологии. Установлено, что для преодоления этих барьеров необходимы комплексные меры: внедрение сквозных цифровых платформ для автоматического сопоставления материальных и поведенческих улик из разных регионов, модернизация программ подготовки следователей в области судебной психологии и нормативное закрепление статуса специалиста-профайлера в уголовно-процессуальном поле. Решение указанных проблем позволит обеспечить оперативное распознавание серийного характера преступлений на ранних стадиях, минимизирует риск экспертных ошибок (включая предвзятость подтверждения) и существенно повысит раскрываемость латентных посягательств на жизнь и достояние личности. Гармонизация взаимодействия науки и следственной практики укрепит защищенность общества от наиболее опасных криминальных угроз и повысит доверие граждан к эффективности правоохранительной системы.

Ключевые слова: Мультидисциплинарное взаимодействие, серийные преступления, криминалистический профайлинг, судебная экспертология, поведенческий след, следственные ошибки.

Введение

Расследование серийных преступлений против личности (серийных убийств, сексуализированного насилия) относится к категории наиболее сложных задач уголовного судопроизводства. Высокая латентность на ранних этапах, неочевидность мотивов и мобильность преступников требуют от правоохранительной системы предельной концентрации ресурсов. Однако ключевым барьером на пути к эффективному раскрытию таких дел остается деструктивная разобщенность и отсутствие отлаженного мультидисциплинарного взаимодействия между ключевыми субъектами: следователями, судебными экспертами (медиками, биологами, криминалистами) и практикующими психологами-профайлерами.

В современной следственной практике до сих пор доминирует технократический подход, при котором материальные следы (ДНК, дактилоскопия, микроволокна) признаются единственно значимыми, в то время как поведенческие и психологические маркеры необоснованно выносятся за рамки доказательственной базы. Методологический разрыв между «сухой» криминалистикой и «абстрактной» психологией приводит к возникновению у следственных групп так называемого «туннельного зрения» (предвзятости подтверждения). В результате серийный характер преступлений распознается слишком поздно, когда счет жертв уже идет на десятки. Настоящая статья посвящена анализу барьеров в коммуникации этих институтов и разработке научно обоснованной модели их интеграции.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных юридических подходов, обеспечивающих системность и объективность анализа.

В качестве материалов исследования были использованы:

– Ретроспективные данные и материалы архивных уголовных дел о серийных преступлениях против личности (период анализа: динамика раскрытия, экспертные заключения, протоколы осмотра мест происшествий).

– Профильные нормативно-правовые акты, регламентирующие судебно-экспертную деятельность и межведомственное взаимодействие.

– Отечественные и зарубежные протоколы построения поискового психологического портрета (методики BAU ФБР, ViCLAS, современные отечественные наработки).

Принятые методы:

– Сравнительно-криминалистический метод: применен для сопоставления эффективности традиционных алгоритмов расследования и алгоритмов, включающих методы поведенческого анализа.

– Системно-структурный метод: позволил рассмотреть процесс расследования как сложную систему, состоящую из следственного, экспертного и психологического блоков, и выявить разрывы в их коммуникации.

– Контент-анализ и формально-логический метод: использовались при изучении экспертных заключений для выявления понятийных противоречий и когнитивных искажений в выводах специалистов.

Результаты

В ходе проведенного исследования были верифицированы следующие ключевые проблемы и результаты:

1. Ведомственная и концептуальная изоляция

Выявлен жесткий барьер между практиками (следователями) и представителями академической психологии/судебной экспертологии. Следствие зачастую воспринимает данные психологического профайлинга как «негуманитарное гадание», требуя исключительно материальных улик. Это блокирует использование поисковых портретов на этапе выдвижения версий.

2. Отсутствие стандартов фиксации поведенческого следа

Установлено, что при осмотре места происшествия фиксация элементов, отражающих Modus Operandi (способ совершения) и Signature (индивидуальный почерк, автограф преступника), практически не ведется. Традиционные протоколы не адаптированы

под фиксацию психологических маркеров (демонстративность, инсценировка, специфическое позиционирование жертвы), что лишает профайлеров первичных данных для анализа [1].

3. Дефицит сквозных аналитических платформ

Существующие криминалистические учеты ориентированы на регистрацию формальных признаков (время, место, способ проникновения). Отсутствие единых цифровых систем, способных автоматически сопоставлять поведенческие паттерны нераскрытых преступлений в масштабах всей страны, затрудняет своевременное объединение дел в одну серию, особенно если преступник меняет географию и тактику.

4. Проблема экспертных кадров

Выявлен критический дефицит специалистов-девиантологов и профайлеров, способных работать непосредственно в связке со следственной группой. Судебно-психологическая экспертиза назначается преимущественно на этапе, когда подозреваемый уже задержан (для определения вменяемости), но практически не используется как инструмент оперативного розыска [2].

Обсуждение

Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют, что преодоление методологического тупика при расследовании серийных преступлений против личности невозможно путем косметических реформ, таких как простое увеличение штатной численности следственных подразделений или расширение финансирования судебно-экспертных лабораторий. Проблема лежит в концептуальной, парадигмальной плоскости. Современная правоохранительная система оказалась заложницей собственного технократического позитивизма: материальный след (ДНК, волокно, отпечаток пальца) возведен в абсолют, в то время как поведенческий след, оставляемый преступником на месте происшествия, необоснованно девальвирован и вынесен на периферию следственного поиска.

Центральной точкой дискуссии и главным барьером на пути к эффективному мультидисциплинарному взаимодействию выступает отсутствие единого методологического языка между следствием, классической криминалистикой и судебной психологией. В практической деятельности это приводит к взаимному когнитивному отторжению. Следователь, мыслящий строго категориями Уголовно-процессуального кодекса и нуждающийся в прямых, осязаемых уликах, часто воспринимает выводы эксперта-психолога или профайлера как «негуманитарное гадание на кофейной гуще» или абстрактную теоретизацию, неприменимую в полевых условиях. В свою очередь, судебные психологи и эксперты-криминалисты зачастую работают изолированно друг от друга, исследуя один и тот же объект (место преступления или тело жертвы) через узкую призму своих узкоспециализированных ведомственных инструкций [3].

Для преодоления этого разрыва криминалистический маркер должен быть жестко сопряжен с психологической интерпретацией в рамках сквозного анализа. Хрестоматийным примером необходимости такого синтеза является феномен инсценировки места преступления (staging). Когда серийный убийца пытается направить следствие по ложному следу (например, маскирует сексуализированное убийство под корыстное ограбление), традиционный эксперт-криминалист фиксирует лишь технические нестыковки: отсутствие следов взлома, хаотичный разброс вещей, не соответствующий логике реального поиска ценностей. Однако обнаружить эти аномалии – лишь половина дела. Здесь в силу должен вступать психолог-профайлер, который переводит материальные маркеры на язык криминальной психопатологии. Инсценировка – это всегда мощнейший коммуникативный акт преступника со следствием. Анализ того, как именно выполнена инсценировка, позволяет определить степень интеллектуального развития преступника, уровень его организованности, наличие у него внутренней потребности контролировать ситуацию (overkilling) и, что самое главное, характер его психологической связи с жертвой (близкое знакомство или случайный выбор). Без мультидисциплинарного консилиума этот ценнейший пласт информации остается невостребованным, а следствие уходит в глухую ветвь расследования [4].

Другим критическим аспектом, требующим обсуждения, является уязвимость следственных групп перед когнитивными искажениями, в частности перед синдромом «туннельного зрения» (предвзятостью подтверждения). В условиях колоссального общественного и ведомственного давления, неизбежно возникающего при фиксации серии убийств, следствие подсознательно стремится как можно быстрее замкнуть контур версий. Появляется фигура «идеального подозреваемого» (часто из числа лиц, ранее судимых или

страдающих психическими расстройствами), и вся последующая гипотетическая конструкция начинает подгоняться под этот субъект. Трагический исторический опыт расследования дел таких серийных преступников, как А. Чикатило или А. Сливко, показывает, что из-за слепой веры в первоначальную (ошибочную) версию альтернативные экспертизы и поведенческие нестыковки игнорировались годами, что приводило к осуждению невиновных и продолжению серии.

Включение независимого эксперта-профайлера в структуру межведомственной следственно-оперативной группы (СОГ) на правах постоянного аналитика способно разрушить это «туннельное зрение». Профайлер, не связанный жесткими рамками ведомственных планов по раскрываемости, выполняет функцию методологического супервизора. Он обязан подвергать сомнению доминирующую версию, сопоставляя ее с динамикой Modus Operandi (способа совершения) и Signature (уникального «автографа» преступника, отражающего его неизменную психологическую потребность). Если материальные улики можно сфальсифицировать или уничтожить, то за зафиксированным психологом «почерком» всегда стоит глубинная структура личности, которую девиант не способна контролировать в момент аффекта или реализации своей патологии.

Для институционализации этой модели необходимо решить две фундаментальные задачи:

Правовая легализация профайлинга. Статус специалиста-профайлера (криминалиста-психолога) должен быть четко регламентирован в уголовно-процессуальном законодательстве. Построение поискового портрета должно стать не факультативной консультацией по желанию следователя, а обязательным процессуальным действием при обнаружении признаков серийности (например, при совпадении способа убийства или специфического позиционирования тел двух и более жертв). Это защитит эксперта от ведомственного давления и обяжет следствие официально приобщать аналитические справки к материалам дела.

Радикальная модернизация ведомственного образования. Требуется разрушить барьеры в подготовке кадров. Программы университетов и академий правоохранительных органов должны включать в себя глубокие междисциплинарные модули. Следователям необходим углубленный курс криминальной психопатологии, виктимологии и судебной экспертологии, чтобы они научились видеть на месте происшествия не просто биологические объекты, а «психологический срез» личности преступника. В свою очередь, судебные медики и эксперты-криминалисты должны проходить подготовку по логике и тактике следственных действий, чтобы понимать, как их узкие выводы влияют на общую архитектонику доказательственной базы [5].

Таким образом, мультидисциплинарное взаимодействие должно рассматриваться не как ситуативное объединение разных специалистов ради раскрытия конкретного громкого дела, а как единая, системно функционирующая научно-практическая экосистема, где криминалистика, экспертология и психология выступают равноправными элементами единого аналитического алгоритма [6].

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы:

– Эффективное расследование серийных преступлений против личности в современных условиях невозможно в рамках изолированных ведомственных подходов. Требуется жесткая интеграция криминалистических, экспертных и психологических знаний.

– Главными факторами успешного реформирования системы должны стать: нормативное признание поведенческого следа как полноценного объекта криминалистического анализа, внедрение сквозных цифровых систем учета серийных признаков и создание постоянных мультидисциплинарных следственных групп.

– Решение указанных методологических проблем позволит распознавать серийный характер преступлений на самых ранних этапах (после 2-го, а в некоторых случаях и 1-го эпизода), что минимизирует количество потенциальных жертв, повысит раскрываемость наиболее тяжких преступлений и укрепит доверие общества к институтам справедливого правосудия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 2017. – 368 с.
2 Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 2-е изд. – 334 с.
3 Протопопов А.Л. Расследование серийных убийств: Учебное пособие. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2016. – 240 с.
4 Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 421 с.
5 Douglas J.E., Burgess A.W., Burgess A.G., Ressler R.K. Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes. – 3rd ed. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2013. – 576 p.
6 Turvey B.E. Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. – 4th ed. – San Diego: Academic Press, 2012. – 784 p.

REFERENCES

1 Antonyan, Yu.M., Enikeev, M.I., Eminov, V. E. (2017). Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy [Psychology of the criminal and crime investigation]. Moscow: Yurist. [In Russian].
2 Belkin, R.S. (2000). Kriminalisticheskaya entsiklopediya [Forensic Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Megatron XXI. [In Russian].
3 Protopopov, A. L. (2016). Rassledovanie seriynykh ubiystv: Uchebnoe posobie [Investigation of serial murders: A textbook]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. [In Russian].
4 Safuanov, F. S. (2022). Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: uchebnik dlya vuzov [Forensic psychological examination: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt Publishing House. [In Russian].
5 Douglas, J.E., Burgess, A.W., Burgess, A.G., Ressler, R.K. (2013). Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes. 3rd ed. Hoboken: John Wiley & Sons.
6 Turvey, B.E. (2012). Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. 4th ed. San Diego: Academic Press.

П.О. Филатова[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Тұлғаға қарсы сериялық қылмыстарды тергеудегі мультидисциплинарлық өзара әрекеттестік мәселесі

Тұлғаға қарсы сериялық қылмыстарды тергеудің негізгі мәселесі тергеу субъектілері, сот сарапшылары және практик психологтар (профайлерлер) арасындағы деструктивті бытыраңқылық пен тиімді мультидисциплинарлық өзара әрекеттестіктің болмауы болып табылады. Қолданыстағы әдістемелік алшақтық қылмыстың мінез-құлықтық және психологиялық іздерін жеткілікті бағаламауға әкеледі, олар көбінесе дәстүрлі материалдық дәлелдемелік базамен (ДНҚ, дактилоскопия, баллистика) салыстырғанда тергеу тарапынан екінші дәрежелі ретінде қабылданады. Бұл тергеу топтарында «туннельдік көру» феноменін тудырады, қылмыстардың сериялық сипатын анықтау мерзімін ұзартады, сот сарапшылары қорытындыларының талдау әлеуетін шектейді және соның салдарынан сериялық қылмыскерлердің құрбандар санын көбейте отырып, жылдар бойы жауаптылықтан бой тасалауына мүмкіндік береді.

Мақаланың мақсаты – тұлғаға қарсы сериялық қылмыстарды тергеу кезіндегі мультидисциплинарлық өзара әрекеттестіктің кедергілеріне кешенді теориялық-әдістемелік талдау жасау, тергеу, сараптама және психологиялық институттар арасындағы коммуникациядағы жүйелі дефектілерді анықтау, сондай-ақ дәстүрлі тергеу алгоритмдеріне мінез-құлық талдауын интеграциялаудың ғылыми негізделген моделін әзірлеу. Криминалистер мен психологтар үшін бірыңғай әдістемелік тіл құруға, ведомствоаралық тікелей тергеу-жедел топтарын қалыптастыруға және сараптамалық тәуелсіздікті ведомстволық қысымнан қорғауға ерекше назар аударылады.

Зерттеуде салыстырмалы-криминалистикалық, жүйелі-құрылымдық, формальды-логикалық және талдау әдістері, сондай-ақ сериялық кісі өлрimaгулық пен сексуалдық зорлық-зомбылық туралы қылмыстық істер материалдарына ретроспективті талдау қолданылады. Әдістемелік негізді сот-сараптама қызметін реттейтін профильді нормативтік-құқықтық актілерді, жиынтық криминалистикалық есептерді жүргізу жөніндегі әдістемелік ұсынымдарды, сондай-ақ іздестіру психологиялық портретін (профайлингті) құрудың халықаралық және отандық хаттамаларын контент-талдау құрады.

Талдау барысында негізгі мәселелер анықталды: сараптама және тергеу бөлімшелерінің қатаң ведомстволық оқшауланuы, практиктердің сот-психологиялық сараптама мәліметтеріне концептуалды сенімсіздігі, қылмыс болған жерде қылмыскердің «мінез-құлық қолтаңбасын» (Modus Operandi) тіркеу мен түсіндірудің бірыңғай стандарттарының болмауы, сондай-ақ криминалистика мен девиантология тоғысында құзыреттілігі бар білікті кадрлардың тапшылығы. Бұл кедергілерді еңсеру үшін кешенді шаралар қажет екендігі анықталды: әртүрлі аймақтардан материалдық және мінез-құлықтық айғақтарды автоматты түрде салыстыру үшін тікелей цифрлық платформаларды енгізу, сот психологиясы саласындағы тергеушілерді даярлау бағдарламаларын модернизациялау және қылмыстық-процестік өрісте маман-профайлер мәртебесін нормативтік бекіту. Аталған мәселелерді шешу қылмыстардың сериялық сипатын ерте кезеңдерде жедел тануды қамтамасыз етуге мүмкіндік береді, сараптамалық қателіктердің (соның ішінде растаудың алдын ала болжамдылығын) қаупін азайтады және тұлғаның өмірі мен мүлкіне жасырын қол сұғушылықтың ашылуын айтарлықтай арттырады. Ғылым мен тергеу практикасының өзара әрекеттестігін үйлестіру қоғамның ең қауіпті криминалдық қатерлерден қорғалуын нығайтады және азаматтардың құқық қорғау жүйесінің тиімділігіне деген сенімін арттырады.

Негізгі сөздер: Мультидисциплинарлық өзара әрекеттестік, сериялық қылмыстар, криминалистикалық профайлинг, сот сараптамасы, мінез-құлық ізі, тергеу қателіктері.

P.O. Filatova[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

The Problem of Multidisciplinary Interaction in the Investigation of Serial Crimes Against Personality

The key problem in the investigation of serial crimes against personality is the destructive fragmentation and the lack of effective multidisciplinary interaction between investigation subjects, forensic experts, and practicing psychologists (profilers). The existing methodological gap leads to an underestimation of the behavioral and psychological traces of the crime, which are often perceived by investigators as secondary compared to the traditional physical evidence base (DNA, fingerprinting, ballistics). This creates a "tunnel vision" phenomenon among investigative teams, delays the establishment of the serial nature of crimes, limits the analytical potential of expert opinions, and, as a result, allows serial offenders to evade justice for years, increasing the number of victims.

The purpose of the article is a comprehensive theoretical and methodological analysis of barriers to multidisciplinary interaction in the investigation of serial crimes against personality, identification of systemic defects in communication between investigative, forensic, and psychological institutions, as well as the development of a scientifically grounded model for integrating behavioral analysis into traditional investigation algorithms. Particular attention is paid to creating a unified methodological language for forensic scientists and psychologists, forming end-to-end interagency investigative-operational teams, and protecting expert independence from departmental pressure.

The study utilizes comparative forensic, systemic-structural, formal-logical, and analytical methods, as well as a retrospective analysis of criminal case materials regarding serial murders and sexual violence. The methodological framework is based on the content analysis of relevant regulatory legal acts governing forensic expert activity, methodical recommendations on maintaining consolidated forensic records, as well as international and domestic protocols for constructing a searching psychological profile (profiling).

The analysis revealed key problems: rigid departmental isolation of expert and investigative units, conceptual distrust of practitioners towards forensic psychological examination data, the lack of unified standards for fixing and interpreting the offender's "behavioral handwriting" (Modus

Operandi) at the crime scene, and a shortage of qualified personnel possessing competencies at the intersection of forensics and deviantology. It has been established that to overcome these barriers, comprehensive measures are required: the implementation of end-to-end digital platforms for automatic cross-matching of physical and behavioral evidence from different regions, modernization of training programs for investigators in the field of forensic psychology, and the statutory consolidation of the status of a specialist profiler within the criminal procedure framework. Solving these problems will ensure rapid recognition of the serial nature of crimes at early stages, minimize the risk of expert errors (including confirmation bias), and significantly increase the clearance rate of latent encroachments on human life and property. Harmonization of interaction between science and investigative practice will strengthen the protection of society against the most dangerous criminal threats and increase public confidence in the effectiveness of the law enforcement system.

Keywords: Multidisciplinary interaction, serial crimes, criminal profiling, forensic science, behavioral trace, investigative errors.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.

УДК 343.95
МРНТИ 10.85.31

DOI: https://doi.org/10.37788/2026-2/195-201

П.О. Филатова[1*]
[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан
*(e-mail: polet0999@mail.ru)

Криминалистическое учение об инсценировке: психология искажения материальной обстановки места происшествия

Аннотация

Основная проблема: Ключевой проблемой расследования преступлений, сопровождающихся инсценировкой, является сложность выявления умышленного искажения материальной обстановки, которое маскирует истинный характер события. Психологические механизмы создания «ложной картины» преступником приводят к возникновению информационного шума и дезориентации следствия. Существующие методики не всегда учитывают тонкую связь между психофизиологическим состоянием субъекта и характером оставляемых им следов, что затрудняет распознавание «негативных обстоятельств» и идентификацию личности правонарушителя по его поведенческому почерку в вещной обстановке.

Цель: Целью статьи является исследование психологических основ инсценировки как специфического вида криминалистической деятельности, выявление закономерностей искажения материальной среды и разработка критериев психологической диагностики инсценировок. Особое внимание уделяется анализу внутреннего механизма формирования ложного алиби через материальные объекты и определению типичных «психологических промахов» преступника при моделировании места происшествия.

Методы: В исследовании используются системно-структурный метод, метод психологического моделирования, сравнительно-аналитический метод, а также анализ экспертной и следственной практики. Теоретическую базу составили труды по криминалистической технике и судебной психологии, что позволило синтезировать знания о материальных следах и психических процессах субъекта, их оставившего.

Результаты и их значимость: В ходе анализа выявлены закономерности возникновения «информационных противоречий» между идеальной моделью преступления в сознании виновного и её материальным воплощением. Установлено, что избыточность или демонстративность следов часто является следствием психологической напряженности и стремления субъекта к гиперкомпенсации. Доказано, что выявление признаков инсценировки должно базироваться на поиске несоответствий между объективной логикой развития события и субъективными представлениями преступника о «правдоподобности» обстановки.

Решение указанных проблем позволит повысить эффективность осмотра места происшествия, сократить сроки изобличения виновных и минимизировать риск следственных ошибок, вызванных искусственно созданными версиями. Полученные выводы способствуют развитию криминалистического учения об инсценировке и совершенствованию тактики следственных действий.

Ключевые слова: криминалистическая инсценировка, психология преступника, материальная обстановка, негативные обстоятельства, место происшествия, искажение информации, криминалистическая техника.

Введение

Криминалистическое учение об инсценировке занимает особое место в системе противодействия расследованию преступлений. Инсценировка представляет собой умышленное создание преступником или иными лицами обстановки, не соответствующей фактически произошедшему событию, с целью введения следствия в заблуждение. В условиях цифровизации и роста правовой грамотности населения способы сокрытия преступлений становятся более изощренными, что требует глубокого понимания психологии субъекта, искажающего реальность.

Актуальность темы обусловлена тем, что материальные следы на месте происшествия являются не только отражением физических действий, но и «проекцией» внутреннего состояния преступника, его страхов, стереотипов и интеллектуальных возможностей. В следственной практике, в том числе в Республике Казахстан, выявление признаков инсценировки остается одной из сложнейших задач, требующей интеграции знаний криминалистической техники и судебной психологии.

В статье рассматриваются психологические механизмы формирования ложной обстановки, анализируются типичные ошибки («негативные обстоятельства»), допускаемые инсценировщиками, и предлагаются методы их выявления на основе психологического профилирования материальной среды.

Материалы и методы

При подготовке статьи использовались системный, деятельностный, сравнительно-аналитический и метод психологического моделирования.

В качестве источников применялись:

– Труды ведущих ученых-криминалистов (Р.С. Белкина, Г.Н. Мудьюгина и др.) по теории инсценировок.

– Нормативные акты, регламентирующие порядок проведения осмотра места происшествия.

– Материалы следственной и экспертной практики по делам об убийствах, замаскированных под самоубийства или несчастные случаи, и кражах с признаками инсценировки.

Использование метода реконструкции позволило сопоставить «идеальную модель» события, созданную преступником, с фактическими материальными последствиями, выявив закономерности возникновения логических противоречий.

Результаты

В процессе исследования были выявлены ключевые закономерности, определяющие психологическую природу искажения материальной среды:

1. Закономерность «избыточности» информации. Преступник, стремясь сделать ложную версию максимально убедительной, оставляет слишком много «говорящих» улик, что противоречит естественному хаосу реального происшествия.

2. Психологическая обусловленность «негативных обстоятельств». Обнаружено, что отсутствие обязательных следов (например, отсутствие крови под трупом при наличии смертельного ранения) напрямую связано с неспособностью субъекта предвидеть все физические последствия своих действий в состоянии стресса.

3. Влияние эмоциональной связи с жертвой. Установлено, что инсценировки, совершенные близкими людьми, часто содержат элементы «посмертного прихорашивания» или необоснованного изменения положения тела, продиктованного чувством вины.

4. Стереотипность мышления. Большинство инсценировок строится на основе массовой культуры (кино, книги), что позволяет следствию выявлять «шаблонные» действия, не соответствующие индивидуальным особенностям конкретной обстановки [1].

Обсуждение

Современное состояние криминалистической науки позволяет рассматривать инсценировку не просто как механическое изменение обстановки, а как сложный процесс внешнего опредмечивания ложной мысленной модели события. В этом процессе неизбежно возникает конфликт между желаемым (версией преступника) и действительным (законами физики, биологии и трасологии). Глубокий анализ этого конфликта позволяет не только разоблачить инсценировку, но и реконструировать психологический облик лица, её совершившего.

1. Психологический механизм и когнитивные искажения инсценировщика

Создание «ложной картины» – это интеллектуальная деятельность, протекающая в условиях острого стресса и дефицита времени. Психологи выделяют несколько базовых механизмов, которые приводят к разоблачению инсценировки:

Эффект «избыточного старания» (гиперкомпенсация): Преступник, опасаясь, что его версия покажется неубедительной, стремится акцентировать внимание следователя на определенных деталях. Это приводит к появлению «кричащих» улик. Например, при инсценировке кражи из сейфа преступник может разбросать вещи по всей комнате, хотя для

доступа к деньгам в этом не было необходимости. Такая демонстративность – прямой маркер психологической неуверенности автора инсценировки.

Стереотипность и «сценарное мышление»: Субъект чаще всего моделирует ситуацию на основе своего жизненного опыта или массовой культуры (кино, детективные романы). В результате на месте происшествия появляются «шаблонные» следы, которые выглядят логично с точки зрения обывателя, но невозможны с точки зрения профессиональной криминалистики.

Игнорирование фоновых признаков: Сосредоточившись на создании крупных, «сюжетных» следов, преступник упускает из виду микрообъекты, запаховые следы или естественные процессы (оседание пыли, изменение температуры, трупные явления). Возникает когнитивный разрыв: «сцена» выглядит убедительно в макромасштабе, но рассыпается при детальном исследовании микромира.

2. Феноменология «негативных обстоятельств» как ключ к истине

Негативные обстоятельства – это фундамент разоблачения любой инсценировки. С психологической точки зрения, они представляют собой «белые пятна» в плане преступника.

Отсутствие необходимых следов: Если на месте «ожесточенной борьбы» (по версии инсценировщика) мебель опрокинута, но на полу нет мелких осколков разбитой вазы или пуговиц, это свидетельствует о том, что мебель роняли аккуратно, имитируя беспорядок.

Наличие противоречивых следов: Например, наличие крови жертвы на подошве обуви самого «обнаружившего труп» родственника, когда, по его словам, он к телу не подходил. Психологически это объясняется тем, что в момент инсценировки преступник совершает множество хаотичных движений, которые не фиксируются его сознанием из-за стресса, но фиксируются материальной средой [2].

3. Этико-психологические аспекты и «посмертное прихорашивание»

Особую группу составляют инсценировки, мотивированные не только страхом наказания, но и внутренними этическими конфликтами. В криминалистике описан феномен «прихорашивания» жертвы (staging of the body).

Скрытие аморального характера события: Родственники могут инсценировать несчастный случай на месте суицида, чтобы избежать социального осуждения.

Символические действия: Укрывание тела пледом, подкладывание подушки под голову жертвы или закрытие ей глаз. Эти действия абсолютно нелогичны для «случайного» преступника или грабителя, но они выдают глубокую эмоциональную связь и чувство вины субъекта. Анализ таких деталей позволяет следователю мгновенно сузить круг подозреваемых до ближайшего окружения.

4. Тактика выявления и профилирование «автора» инсценировки

Разоблачение инсценировки требует от следователя применения метода рефлексивного управления. Следователь должен мысленно встать на место преступника и задать вопрос: «Какой цели он хотел достичь, оставляя именно этот след?» [3].

Проверка на «техническую грамотность»: Если инсценировка короткого замыкания выполнена профессионально, значит, субъект обладает навыками электрика. Если взлом двери имитирован грубо – значит, субъект не знаком с механикой замков.

Пространственно-временной анализ: Тщательное сопоставление времени, необходимого для создания такой обстановки, с алиби подозреваемых. Психологическое напряжение часто заставляет инсценировщика тратить на «декорации» гораздо больше времени, чем он готов признать в показаниях.

Использование фактора неожиданности: Демонстрация преступнику найденного «негативного обстоятельства» часто приводит к эмоциональному срыву, так как разрушает его тщательно выстроенную интеллектуальную защиту.

5. Теория информационного отражения и «интеллектуальный автограф» преступника

В основе любой инсценировки лежит процесс замещения подлинной информации ложной. Однако, согласно законам криминалистики, полное уничтожение информации невозможно – происходит лишь её перераспределение. Преступник, пытаясь «стереть» следы одного события, неизбежно накладывает на них следы своей деятельности по маскировке.

Здесь возникает феномен «интеллектуального автографа». Каждый инсценировщик обладает определенным уровнем правовых, технических и житейских знаний.

Профессиональная деформация: Электрик, инсценирующий пожар, сделает это технически грамотно, но «перемудрит» с деталями, которые обычный поджигатель бы не учел.

Уровень криминалистической осведомленности: Лица, ранее судимые или работавшие в органах, часто используют «контрприемы» (например, разбрасывание окурков посторонних лиц или использование перчаток), но именно эта стерильность места происшествия часто становится главным признаком фальсификации. Психологически преступник не может выйти за пределы своего тезауруса, и это ограничение – мощный инструмент для следствия [4].

6. Динамика стресса и «туннельное зрение» инсценировщика

Психофизиологическое состояние субъекта в момент искажения обстановки характеризуется запредельным уровнем стресса. В таком состоянии у человека включается «туннельное зрение» – когнитивное сужение, при котором внимание фокусируется только на центральной задаче (например, «положить нож в руку жертвы»).

Это приводит к фатальным для преступника ошибкам:

Нарушение топографии следов: Преступник может тщательно имитировать следы борьбы на уровне человеческого роста, но совершенно забыть о поле или потолке. Он не учитывает, что брызги крови подчиняются законам баллистики, а не его сценарию.

Игнорирование временных факторов: Субъект не берет в расчет биологические часы (остывание трупа, подсыхание пятен, развитие личинок насекомых). Создавая ложное время смерти, он «рисует» картину, которая физически не могла развиться за заявленный промежуток времени. С точки зрения психологии, это объясняется тем, что для инсценировщика время в момент стресса «схлопывается», и он теряет способность к объективному хронометражу.

7. Семантический анализ «материального высказывания»

Место происшествия при инсценировке можно рассматривать как текст, написанный преступником для следователя. В этом тексте всегда присутствуют «логические знаки препинания», которые расставлены неверно.

Избыточная наглядность: Если на месте «ограбления» ценные вещи оставлены на виду, а перевернуты только ящики с бельем, преступник подсознательно «сообщает», что его целью было не обогащение, а создание видимости беспорядка. Он психологически не может заставить себя уничтожить или выбросить действительно ценное имущество (особенно если он – член семьи), что создает явный диссонанс.

Символическая детерминация: Иногда искажение обстановки несет характер «послания» или ритуала. Например, демонстративное оставление орудия преступления на видном месте может быть попыткой переложить вину на конкретное лицо, к которому преступник испытывает неприязнь. Анализ направленности инсценировки позволяет определить вектор интересов субъекта.

8. Рефлексивная модель взаимодействия «Следователь – Инсценировщик»

Разоблачение инсценировки – это классическая рефлексивная игра. Преступник строит модель: «Я сделаю так, чтобы следователь подумал вот это». Следователь же должен построить модель второго порядка: «Преступник сделал так, чтобы я подумал вот это, но на самом деле он скрывает то-то».

Ключевым методом здесь является метод «вытягивания нити»:

Выявление аномалии: Обнаружение одного маленького факта, который не вписывается в общую картину (например, закрытая изнутри на замок дверь при «уходе грабителей»).

Разрушение целостности легенды: Следователь начинает выстраивать альтернативную версию, исходя из этой аномалии.

Психологическое давление фактами: Предъявление преступнику материального доказательства его «психологического промаха» часто приводит к признанию, так как субъект понимает, что его интеллектуальное превосходство, на которое он рассчитывал при создании инсценировки, повержено.

9. Применение современных технологий в диагностике инсценировок

Психология искажения среды сегодня сталкивается с новыми вызовами. Развитие технологий позволяет преступникам использовать цифровые инсценировки (подделка логов, изменение метаданных фото). Однако «человеческий фактор» остается неизменным.

3D-моделирование места происшествия: Позволяет увидеть обстановку с разных ракурсов и обнаружить физическую невозможность совершения тех действий, на которые указывает инсценировщик (например, невозможность нанесения удара из определенной позиции).

Психолингвистический анализ показаний в сопоставимости с обстановкой: Если в рассказе подозреваемого описание обстановки слишком детальное («как по писаному»), это

свидетельствует о предварительном заучивании ложной модели, в то время как свидетели реальных событий обычно помнят обстановку фрагментарно и хаотично.

Заключение

Криминалистическое учение об инсценировке доказывает: как бы хитер ни был преступник, он ограничен рамками своей психики и законами материального мира. Психология искажения обстановки – это всегда борьба между стремлением скрыть истину и неспособностью полностью контролировать микро- и макроотражение своих действий.

Для повышения эффективности раскрытия таких преступлений требуется:

Создание цифровых библиотек типичных инсценировок для автоматизированного поиска аналогий в следственной практике.

Углубленное обучение экспертов-криминалистов методам «поведенческого анализа» места происшествия.

Развитие междисциплинарного подхода, где криминалист работает в тесной связке с судебным психологом уже на этапе первого осмотра.

Понимание психологических корней материального искажения превращает место происшествия из «немого свидетеля» в красноречивого обличителя, способного сокрушить самую продуманную ложь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – Москва: Юристъ, 1997. – 480 с.
2 Унжакова С.В., Антонов В.А. Понятие и сущность криминальных инсценировок // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024. – 226 с.
3 Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. – 3-е изд. – Москва: Юрайт, 2021. – 613 с.
4 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 г.). – Алматы: Юрист, 2026. – 312 с.

REFERENCES

1 Belkin, R.S. (1997). Course of Criminology. In 3 vols. Vol. 3: Criminalistic tools, techniques and recommendations [Kurs kriminalistiki. V 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii]. Moscow: Yurist [in Russian].
2 Unzhakova, S.V., & Antonov, V.A. (2024). Concept and Essence of Criminal Staging [Ponyatie i sushchnost' kriminal'nyh inscenirovok]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii institut MVD RF [in Russian].
3 Ishchenko, E.P., & Egorov, N.N. (2021). Criminology: textbook and practicum for universities [Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlya vuzov]. Moscow: Yurait [in Russian].
4 Republic of Kazakhstan. (2014). Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan [Ugolovno-processual'nyi kodeks Respubliki Kazahstan]. Almaty: Izd. Yurist [in Russian].

П.О. Филатова[1]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан

Инсценировка туралы криминалистік ілім:
оқиға орнындағы материалдық жағдайды бұрмалау психологиясы

Инсценировкамен (садақалаумен) ұштасқан қылмыстарды тергеудің басты мәселесі – оқиғаның шынайы сипатын жасыратын материалдық жағдайды қасақана бұрмалауды анықтаудың күрделілігі болып табылады. Қылмыскердің «жалған көрініс» жасаудың психологиялық механизмдері ақпараттық кедергілердің туындауына және тергеудің бағыттан адасуына әкеп соғады. Қолданыстағы әдістемелер субъектінің психофизиологиялық күйі мен ол қалдырған іздердің сипаты арасындағы нәзік байланысты әрдайым ескере бермейді, бұл «жағымсыз мән-жайларды» тануды және заттық ортадағы мінез-құлық қолтаңбасы бойынша құқық бұзушының тұлғасын сәйкестендіруді қиындатады.

Мақаланың мақсаты – инсценировканың криминалистік қызметтің ерекше түрі ретіндегі психологиялық негіздерін зерттеу, материалдық ортаны бұрмалау заңдылықтарын анықтау және инсценировкаларды психологиялық диагностикалау критерийлерін әзірлеу. Материалдық объектілер арқылы жалған алибиді қалыптастырудың ішкі механизмін талдауға және оқиға орнын модельдеу кезіндегі қылмыскердің типтік «психологиялық қателіктерін» анықтауға ерекше назар аударылады.

Зерттеуде жүйелік-құрылымдық әдіс, психологиялық модельдеу әдісі, салыстырмалы-талдау әдісі, сондай-ақ сараптамалық және тергеу практикасына талдау жасау қолданылды. Теориялық базаны криминалистік техника мен сот психологиясы бойынша еңбектер құрады, бұл материалдық іздер мен оларды қалдырған субъектінің психикалық процестері туралы білімді біріктіруге мүмкіндік берді.

Талдау барысында кінәлі адамның санасындағы қылмыстың идеалды моделі мен оның материалдық көрінісі арасындағы «ақпараттық қайшылықтардың» туындау заңдылықтары анықталды. Іздердің артықтығы немесе демонстративтілігі көбінесе психологиялық шиеленістің және субъектінің гиперкомпенсацияға ұмтылысының салдары екені дәлелденді. Инсценировка белгілерін анықтау оқиға дамуының объективті логикасы мен қылмыскердің жағдайдың «шынайылығы» туралы субъективті түсініктері арасындағы сәйкессіздіктерді іздеуге негізделуі тиіс екені негізделді.

Аталған мәселелерді шешу оқиға орнын қараудың тиімділігін арттыруға, кінәлілерді әшкерелеу мерзімін қысқартуға және жасанды түрде жасалған нұсқалардан туындайтын тергеу қателіктерінің қаупін азайтуға мүмкіндік береді. Алынған тұжырымдар инсценировка туралы криминалистік ілімнің дамуына және тергеу әрекеттерінің тактикасын жетілдіруге ықпал етеді.

Түйін сөздер: криминалистік инсценировка, қылмыскер психологиясы, материалдық жағдай, жағымсыз мән-жайлар, оқиға орны, ақпаратты бұрмалау, криминалистік техника.

P.O. Filatova[1]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

Forensic Doctrine of Staging: The Psychology of Distorting the Physical Environment of a Crime Scene

The key problem in investigating crimes involving staging is the complexity of identifying the intentional distortion of the physical environment used to mask the true nature of the event. The psychological mechanisms behind a perpetrator’s creation of a "false picture" lead to information noise and the disorientation of the investigation. Existing methodologies do not always account for the subtle connection between the subject's psychophysiological state and the nature of the traces they leave, which complicates the recognition of "negative circumstances" and the identification of the offender's personality through their behavioral signature in the physical environment.

The goal of the article is to study the psychological foundations of staging as a specific type of forensic activity, identify patterns in the distortion of the physical environment, and develop criteria for the psychological diagnosis of staging. Particular attention is paid to analyzing the internal mechanism of forming a false alibi through material objects and identifying the typical "psychological lapses" of a perpetrator when modeling a crime scene.

The study utilizes the systemic-structural method, the method of psychological modeling, the comparative-analytical method, and an analysis of expert and investigative practice. The theoretical framework is composed of works on forensic technology and judicial psychology, which allowed for the synthesis of knowledge regarding material traces and the mental processes of the subject who left them.

The analysis revealed patterns in the emergence of "informational contradictions" between the ideal model of the crime in the mind of the perpetrator and its physical manifestation. It was established that the redundancy or demonstrativeness of traces is often a consequence of psychological tension and the subject's drive for hypercompensation. It is proven that identifying signs of staging should be based on searching for inconsistencies between the objective logic of the event's progression and the perpetrator's subjective perceptions of the scene's "plausibility."

Solving these problems will increase the efficiency of crime scene examinations, reduce the time required to expose the guilty, and minimize the risk of investigative errors caused by artificially

created versions. The findings contribute to the development of the forensic doctrine of staging and the improvement of the tactics of investigative actions.

Keywords: forensic staging, criminal psychology, material environment, negative circumstances, crime scene, information distortion, forensic technology.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.

Мақала авторлары туралы ақпарат
Сведения об авторах статей
Information about authors of articles

Айтимов Б.Ж. – PhD, Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Айтимов Б.Ж.** – PhD Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Aitimov, B.** – PhD, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.
Бекежанов Д.Н. – PhD, Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Бекежанов Д.Н.** – PhD Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Bekezhanov, D.** – PhD, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.
Дурманов Т.С. – заң ғылымдарының магистрі, «құқық» кафедрасының аға оқытушысы, Инновациялық Еуразиялық университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Дурманов Т.С.** – магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры «Право», Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Durmanov, T.** – Master of Law, Senior Lecturer, Department of Law, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: timoha1976@mail.ru
Елеуов А.А. – Инновациялық Еуразия университетінің магистранты, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Елеуов А.А.** – магистрант Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Eleuov, A.** – Master's Student, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: aleksei.eleuov@mail.ru
Жумабаев Б.А. – Заң ғылымдарының магистрі, полиция майоры, ҚР ІІМ Оқу орталығының оқытушысы. **Жумабаев Б.А.** – магистр юридических наук, майор полиции, преподаватель Учебный центр МВД РК. **Zhumabayev, B.** – Master of Legal Sciences, Police Major, Instructor at the Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. E-mail: Kazhmuldinova@mail.ru
Иксатова С.Т. – Инновациялық Еуразия университетінің заң ғылымдарының докторы. **Иксатова С.Т.** – доктор юридических наук Инновационного Евразийского университета. **Iksatova, S.** – Doctor of Legal Sciences, Innovative Eurasian University.
Каримова С.С. – Заң ғылымдарының магистрі, полиция подполковнигі, ҚР ІІМ Оқу орталығының аға оқытушысы. **Каримова С.С.** – магистр юридических наук, подполковник полиции, старший преподаватель Учебный центр МВД РК. **Karimova, S.** – Master of Legal Sciences, Police Lieutenant Colonel, Senior Lecturer at the Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. E-mail: saltanat_karimova01@mail.ru
Коновалов О.С. – Инновациялық Еуразия университетінің магистранты, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Коновалов О.С.** – магистрант Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Konovalov, O.** – Master's Student, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: konovalovo042@gmail.com
Озенбаева А.Т. – философия докторы, Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Озенбаева А.Т.** – доктор философии, Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Ozenbayeva, A.T.** – Doctor of Philosophy, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: Ozenbayeva@mail.r
Рахметов А.М. – Инновациялық Еуразия университетінің магистранты, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Рахметов А.М.** – магистрант Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Rakhmetov, A.** – Master's Student, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: aizhan.mvd@mail.ru
Тайлаков Д.А. – Инновациялық Еуразия университетінің магистранты, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Тайлаков Д.А.**– магистрант Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Tailakov, D.** – Master's Student, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: damirtailakov230@icloud.com
Телеуев Г.Б. – философия докторы (PhD), Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Телеуев Г.Б.** – доктор философии (PhD) Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Teleuyev, G.** – Doctor of Philosophy (PhD), Innovative Eurasian University, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan.
Тулеуова К.Б. – Инновациялық Еуразия университетінің магистранты, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Тулеуова К.Б.** – магистрант Инновационного Евразийского университета,

г. Павлодар, Республика Казахстан. **Tuleuova, K.** – Master's Student, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: dkymbat403@gmail.com
Филатова П.О. – заң ғылымдарының магистрі, аға оқытушысы, Инновациялық Еуразиялық университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Филатова П.О.** – магистр юридических наук, старший преподаватель Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Filatova, P.** – Master of Law, Senior Lecturer, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: polet0999@mail.ru

«Инновациялық Еуразия университетінің хабаршысында»
жариялау үшін ғылыми мақаланы ресімдеуге қойылатын талаптар

1. Сыртқы нормативтік құжаттар

МЕМСТ 7.5-98 Стандарттау, метрология және сертификаттау жөніндегі Мемлекетаралық Кеңес қабылдаған «Журналдар, жинақтар, ақпараттық басылымдар. Жарияланатын материалдарды баспалық ресімдеу» (1998 жылғы 28 мамырдағы № 1:3-98 хаттама).

МЕМСТ 7.1-2003 Стандарттау, метрология және сертификаттау жөніндегі Мемлекетаралық Кеңес қабылдаған «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Жалпы талаптар және жасау ережелері» (2003 жылғы 2 шілдедегі № 12 хаттама).

МЕМСТ 2.105-95 «Мәтіндік құжаттарға қойылатын жалпы талаптар».

ҚР БҒМ 2016 жылғы 12 қаңтардағы № 20 «Ғылыми қызмет нәтижелерін жариялауға ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізу үшін ғылыми басылымдарға қойылатын талаптарды бекіту туралы» бұйрығы (ҚР БҒМ 2020 жылғы 30 сәуірдегі № 170 бұйрығы өзгертілді)

Бұл талаптар журналдың редакциялық алқасының 02.10.2020 ж. № 2 хаттамалық шешімімен бекітілді.

2. Техникалық сипаттағы жалпы талаптар

Формат: .doc (Microsoft Word),

Қаріп: Times New Roman.

Бағдарлау: Кітаби, А4, кестелерді, суреттерді қоса алғанда.

Кегль: 11 pt.

Жоларалық интервал: бір.

Жиектері: 2 см.

Абзацтың басындағы бос орын: 1,25 см.

Мақала мәтінін пішімдеу: тасымалдаусыз ені бойынша.

Бетті нөмірлеу: қажет емес.

Мақала редакциялық алқаға http://vestnik.ineu.kz/ журнал сайтының электрондық жүйесі арқылы жіберіледі.

Ғылыми мақаланың үлгісімен журнал сайтында танысуға болады http://vestnik.ineu.kz/

3. Мақала түрлері

Ғылыми-теориялық мақала теориялық мәселелерге, **ғылыми-практикалық мақала** – эксперимент нәтижелерін талдауға, **шолу мақаласы** – әртүрлі көзқарастарды, гипотезаларды, ғылыми еңбектерді талдауға арналған.

4. Мақаланың алдыңғы бөлігі

Сол жақ бұрышта – **ӘОЖ**, қалың қаріппен ерекшеленеді, 11 кегльмен теріледі.

ӘОЖ online анықтауышын қараңыз: http://teacode.com/online/udc/

ӘОЖ астында **МРНТИ** коды орналастырылады, ол қалың қаріппен ерекшеленеді, 11 кегль теріледі.

Рубрикаторды қараңыз http://grnti.ru/

Ортасында- **автордың (лардың) аты-жөні, тегі** үтір арқылы жол үсті индексі ретінде терілген сілтеме түріндегі реттік нөмірлері көрсетіле отырып келтіріледі; 11 кегльмен теріліп, жартылай қалың қаріппен белгіленеді. Бұдан әрі - жеке жолда 11-кегльмен автордың (лардың) жұмыс орны мен тұратын елінің толық атауы теріледі. Бірнеше автор болған жағдайда жұмыс орны реттік нөмірі бар тізім түрінде сілтемелер түрінде (8 кегльмен) авторлардың тізіміне сәйкес ретпен көрсетіледі. Бұдан әрі-жеке жолда автордың e-mail көрсетіледі: бірнеше автор болған жағдайда хат-хабар беруші автордың e-mail көрсетіледі. Беруші автор белгішемен белгіленеді

Біржұмысорны бар авторларға жалпы реттік нөмір беріледі.

Кегльдің өлшемі – 11.

Мысал

ӘОЖ 371.3
МРНТИ 14.07.09

А.А. Ахметов[1] , Д.А. Иванов[2]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан
[2]Новосибирск мемлекеттік университеті, Ресей
(e-mail: akhmetov_77@mail.ru)

Мысал

Авторлардың жалпы жұмыс орны болған жағдайда:
А.А. Ахметов[1] , П.В. Данилов[2], А.П. Пак[2]
[1]Инновациялық Еуразия университеті, Қазақстан
[2]Новосибирск мемлекеттік университеті, Ресей
(e-mail: akhmetov_77@mail.ru)

5. Мақала тақырыбы

Кіші әріптермен, 11 кегльмен теріледі. Ол қалың қаріппен ерекшеленеді. Орналастырылады ортасында. Құрамында 10 сөзден артық емес.

Мысал

Қазақстан мен Ресейдегі мектеп білімін жаңғырту жолдары

6. Аңдатпа

Сол жақта **Аңдатпа** сөзі қалың қаріппен ерекшеленеді. Аңдатпа мәтіні 11 кегльмен теріледі. «Аңдатпа» сөзінен кейін нүкте қойылмайды. Аннотация көлемі 150-200 сөзден тұруы керек. Сөздерді санау үшін Word мәтіндік редакторына енгізілген функцияны пайдаланыңыз .

Аңдатпа құрылымға ие және негізгі проблема, Зерттеудің мақсаты мен әдістері, жалпыланған түрдегі нәтижелер, олардың маңыздылығын бағалау туралы қысқаша ақпаратты қамтиды. Аңдатпа құрылымдық бөліктері курсивпен көрсетіледі және ерекшеленеді.

Мысал:

Аңдатпа
Негізгі мәселе: Мәтінмәтін.
Мақсаты: Мәтінмәтін.
Әдістері: Мәтінмәтін.
Нәтижелері және олардың маңыздылығы: мәтінмәнтін.

7. Аңдатпаға тірек сөздер

Аңдатпа бөлігі кілт сөздермен аяқталуы керек. Түйінді сөздер мақала мәтінінің пәндік аймағын анықтап, оны библиографиялық және толық мәтінді базаларда іздеуге ықпал етуі керек, мақаланың тақырыбына байланысты болуы керек.

«Түйінді сөздер» тіркесі курсивпен, 11 кегль кіші әріптерімен теріледі. Сөздер курсивпен ерекшеленбейді, қос нүктемен бөлінеді, үтірмен жазылады. Екі сөзден тұратын 7-ден аспайтын кілт сөздерді және/немесе сөз тіркестерін қосу ұсынылады. Кілт сөздерді тізімдеу нүктемен аяқталады.

Мысал:

Түйінді сөздер: сөз, сөз, сөз, сөз тіркесі.

8. Мақала мәтіні

Мақала мәтіні келесі бөлімдерді қамтуы тиіс:

Кіріспе (мәселенің сипаттамасы, оны зерттеу тарихы, өзектілігі, мақсаты).

Материалдар мен әдістер (техникалық және жаратылыстану-ғылыми бейіндердің баптарында осы бөлімде зерттеу әдіснамасы, нәтижелердің жаңғыртылуын қамтамасыз ететін әдістер сипатталады, зертханалық жабдықтар мен материалдардың шығу тегі көрсетіледі, басқа бағыттағы баптарда – зерттеудің нақты материалдары мен әдістері, оның ішінде авторлық әдістемелер көрсетіледі. Бұл бөлімде мақаланың тақырыбын зерттеу тарихы мен байланысты, тарих намалық шолу ұсынылуы мүмкін).

Нәтижелері (зерттеудің негізгі нәтижелері қорытындыланады).

Талқылау (тұжырымдама, дәлелдер, зерттеу логикасы, ғылыми полемика баяндалады).

Қорытынды (алынған тенденциялар жалпыланады, зерттеу нәтижелерінің практикалық мәні анықталады).

Қаржыландыру туралы ақпарат (болған жағдайда).

Құрылымдық бөліктердің атауы қалың қаріппен көрсетіледі. Нүкте қойылмайды. Құрылымдық бөліктің атауы «аңдатпаға» ұқсас бөлек жолды алады (6-тармақтағы мысалды қараңыз).

Мақала мәтінінің көлемі ғылыми бағытқа байланысты анықталады: әлеуметтік-гуманитарлық және экономикалық ғылымдар саласындағы мақалалар үшін 3-5 бет, техникалық және жаратылыстану ғылымдарының ғылыми-теориялық және ғылыми-практикалық мақалалары үшін 5-8 бет, шолу мақалалары үшін 8-12 бет. Шолу мақаласының көлемінде пайдаланылған әдебиеттер есепке алынбайды.

9. Кестелер, суреттер, мақала мәтінінің ішінде

Кестелер, формулалар, суреттер, схемалар «Мәтіндік құжаттарға қойылатын жалпы талаптар» МЕМСТ 2.105-95 сәйкес ресімделеді.

Мәтінге енгізілген математикалық формулалар, суреттер, схемалар қара-ақ нұсқада беріледі, яғни түстің орнына әр түрлі сызықшалау нұсқаларын қолдану қажет.

Суреттер нақты орындалған болуы керек, олардағы жазулар мүмкіндігінше сандық немесе әріптік белгілермен ауыстырылып, сурет астындағы қолтаңбада ашылуы керек. Суреттегі позициялар сағат тілімен орналастырылады.

Мақала мәтінінде ұсынылған суреттерге, кестелерге, схемаларға сілтемелер болуы керек.

Суреттер мен схемалар jpeg форматындағы жеке файлмен қоса беріледі.

Мысал:

Осы талаптарға қоса берілетін мақаланың үлгісін қараңыз.

10. Дереккөздерге ішкі сілтемелер

Мәтіндегі дереккөздерге сілтемелер тік жақшада келтіріледі [ ], бірінші ескертуде – нөмірі көрсетіледі, **мысалы**, [1], екінші рет – нөмірі, үтір, бет, **мысалы** [1; 5].

11. Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

«Пайдаланылған әдебиеттер тізімі» сөз тіркесі 11 кегльмен жартылай қалың қаріппен бас әріптермен теріліп, ортасына орналастырылады.

Дереккөздердің сипаттамасы МЕМСТ 7.1-2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама құрастырудың жалпы талаптары мен ережелеріне» сәйкес іске асырылады.

Дереккөздер автор сілтеме жасаған жарияланымның түпнұсқа тілінде келтіріледі.

Көздер нөмірленеді. Реттік нөмірден кейін нүкте **қойылмайды.**

Библиографиялық сипаттаманың мысалдары транслитерация ережелерінен қараңыз (сол жақ баған):

Арнайы ұсыныстар:

- Пайдаланылған дереккөздер тізіміне бағдарламалық құжаттарды енгізбеңіз: мақала мәтінінде жақшаның немесе кіріспе конструкцияның көмегімен атауы мен жарияланған жылын көрсетіңіз: «Жолдауда, мемлекеттік бағдарламада, даму бағдарламасында ... ... жылы».

- Мүмкіндігінше қазақстандық зерттеушілердің жарияланымдары мен ғылыми басылымдарға сілтемелерді қосуға ұмтылыңыз.

- Авторсыз және академиялық беделсіз дереккөздерге «бос» сілтемелер жасамаңыз.

- Шетелдік дереккөздердің библиографиялық сипаттамасын ҚР стандартында көзделген схеманы ескере отырып бейімдеңіз (1-тармақты қараңыз).

Мысал

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1 Омаров А.Д. Маркетинг негіздері: оқу бөлімі – Алматы: ҚазҰУ баспасы, 2019. – 100 б.

12. Reference

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН КӨЗДЕР ТІЗІМІНЕН кейін орналастырылады.

REFERENCE сөзі 11 кегльмен жартылай қалың бас әріптермен теріліп, ортасына орналастырылады.

Дереккөздер латын алфавитінде транслитерация ережелерін (оң жақ баған) ескере отырып,

Ағылшын тіліндегі дереккөздер үшін транслитерация қажет емес. Мұндай көздер пайдаланылған көздер тізімінен REFERENCE-ке ауыстырылады.

Мысал

REFERENCE

1 Omarov, A. (2019). Osnovy marketinga [Principles of marketing]. Almaty: Izd. KazNU [in Russian].

[in Russian] сөзі бұл дереккөздің орыс тілінде жазылғанын білдіреді. Қазақ тіліндегі дереккөздер [in Kazakh] деп белгіленеді.

13. Аңдатпа мақала тілінен басқа екі тілде

REFERENCE-тен кейін мақала тілінен басқа екі тілде орналастырылады (қазақ / орыс / ағылшын).

Авторлардың аты-жөні, тегі, жұмыс орны және тұратын елі негізгі аннотацияға ұқсас ресімделеді (6-тармақты қараңыз). Авторлардың e-mail-ін көрсету талап етілмейді.

Содан кейін 11 кегльдің ортасында жартылай қалың кіші әріптермен мақаланың атауы көрсетіледі. Содан кейін оған аннотация және түйінді сөздер келеді. «*Түйінді сөздер*» тіркесі курсивпен ерекшеленбейді.

Мысал

А.А. Ахметов[1], Д.А. Иванов[2]

[1] Жұмыс орнының атауы, Елі

[2] Жұмыс орнының атауы, Елі

Мақала атауы

Мәтінмәтін мәтінмәтін мәтінмәтін мәтінмәтін мәтінмәтін мәтінмәтін мәтінмәтін мәтін.

Түйінді сөздер: сөз, сөз, сөз, сөзтіркесі.

14. Мақала авторлары туралы ақпарат

Екі тілді аннотациядан кейін орналастырылады. сол жағында 11 кегльдің кіші әріптермен **авторлар туралы мәліметтер** көрсетіледі: бұдан әрі автор (лар) туралы ақпарат қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде: жартылай қалың қаріппен **авторлардың аты-жөні, тегі** жазылады. Кәдімгі қаріппен - ғылыми немесе академиялық дәреже, атақ (болған жағдайда). Лауазымы, жұмыс орны. Қаласы. Ел. E-mail.

Мысал

Авторлар туралы мәліметтер:

Ахметов А.А. – PhD, доценті Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Ахметов А.А.** – PhD, доцент Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Akhmetov**, **A.** – PhD, associate Professor of Innovative University of Eurasia, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: akhmetov_77@mail.ru

15. Қолжазбаның редакцияға келіп түскен күні

Шығарылымды қалыптастыру кезінде жауапты хатшы көрсетеді

Авторлар жарияланған мақалаларындағы келтірілген жадығаттар, деректер мен экономикалық-статистикалық ақпараттар, жалқы есімдер мен географиялық атаулар және басқа да мәліметтердің нақтылығы үшін жауапкершілікке тартылады. Редакция авторлардың көзқарасына нұқсан келтірмей, мақалаларды көпшілік талқысына ұсынып жариялай алады. Журналда жарияланған мақалаларды редакция келісімінсіз басуға рұқсат етілмейді. Материалдарды пайдаланғанда журналға сілтеме жасау қажет.

Требования к оформлению научной статьи для опубликования в «Вестнике Инновационного Евразийского университета»

1. Внешние нормативные документы

ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», принятых Межгосударственным Советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол № 1:3-98 от 28 мая 1998 года).

ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», принятых Межгосударственным Советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол № 12 от 2 июля 2003 г.)».

ГОСТ 2.105-95 «Общие требования к текстовым документам».

Приказ МОН РК от 12 января 2016 года № 20 «Об утверждении требований к научным изданиям для включения их в перечень изданий, рекомендуемых для публикации результатов научной деятельности» (с изм. приказ МОН РК от 30 апреля 2020 года № 170, приказ МНВО РК от 14 июня 2024 года №295)

Данные требования утверждены протокольным решением редакционной коллегией журнала №2 от 02.10.2020г.

2. Общие требования технического характера

Формат: .doc (Microsoft Word),

Шрифт: Times New Roman.

Ориентация: Книжный, А4, включая таблицы, рисунки.

Кегль: 11 pt.

Межстрочный интервал: одинарный.

Поля: 2 см.

Отступ в начале абзацев: 1,25 см.

Форматирование теста статьи: по ширине без переносов.

Нумерация страниц: не требуется.

Статья направляется в редакционную коллегию через электронную систему сайта журнала http://vestnik.ineu.kz/

С образцом научной статьи можно ознакомиться на сайте журнала http://vestnik.ineu.kz/

3. Виды статей

Научно-теоретическая статья посвящена теоретическим вопросам, **научно-практическая статья** – анализу результатов эксперимента, **обзорная статья** – анализу различных точек зрения, гипотез, научных трудов.

4. Предстатейная часть

В левом углу – **УДК**, выделяется полужирным шрифтом, набирается 11 кеглем.

См. online определитель УДК: http://teacode.com/online/udc/

Под УДК размещается код **МРНТИ**, выделяется полужирным шрифтом, набирается 11 кеглем.

См. Рубрикатор http://grnti.ru/

По центру – **Инициалы, фамилия автора (-ов)** приводятся через запятую с указанием порядковых номеров в виде ссылки, набранной как надстрочный индекс; набираются 11 кеглем и выделяются полужирным шрифтом. Далее – на отдельной строке 11 кеглем набирается полное название места работы автора (ов) и страны проживания. При наличии нескольких авторов места работы указываются в виде списка с порядковыми номерами в виде ссылок (8 кегль) в последовательности, соответствующей списку авторов. Далее - на отдельной строке указывается e-mail автора: при наличии нескольких авторов указывается e-mail корреспондирующего автора. Корреспондирующий автор обозначается значком

Авторам, имеющим одно и то же место работ, присваивается общий порядковый номер.

Размер кегля – 11.

Пример

УДК 371.3
МРНТИ 14.07.09

А.А. Ахметов[1] , Д.А. Иванов[2]

[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан

[2] Новосибирский государственный университет, Россия

(e-mail: akhmetov_77@mail.ru)

Пример

При наличии общего места работы авторов:

А.А. Ахметов[1] , П.В. Данилов[2] , А.М. Пак[2]

[1]Инновационный Евразийский университет, Казахстан

[2] Новосибирский государственный университет, Россия

(e-mail: akhmetov_77@mail.ru)

5. Заголовок статьи

Набирается строчными буквами, 11 кеглем. Выделяется полужирным шрифтом. Размещается по центру. Содержит не более 10 слов.

Пример

Пути модернизации школьного образования в Казахстане и России

6. Аннотация

Слева полужирным шрифтом выделяется слово **Аннотация.** Текст аннотации набирается 11 кеглем. После слова «Аннотация» точка не ставится. Объем аннотации должен составлять 150-200 слов. Для подсчета слов воспользуйтесь функцией, встроенной в текстовой редактор Word .

Аннотация имеет структуру и содержит краткую информацию об основной проблеме, цели и методах исследования, результатах в обобщенном виде, оценку их значимости. Структурные части аннотации указываются и выделяются курсивом.

Пример:

Аннотация

Основная проблема: Текст текст текст.

Цель: Тексттекстекст.

Методы: Текстекстекст.

Результаты и их значимость: Текст текст текст.

7. Ключевые слова к аннотации

Аннотирующая часть должна завершаться ключевыми словами. Ключевые слова должны определять предметную область текста статьи, быть связаны с темой статьи, способствовать её поиску в библиографических и полнотекстовых базах.

Словосочетание *«Ключевые слова*» набираются курсивом, строчными буквами 11 кегля. Слова не выделяются курсивом, отделяются двоеточием, оформляются в строчку через запятую. Рекомендуется включать не более 7 ключевых слов и/или словосочетаний из двух слов. Перечисление ключевых слов завершается точкой.

Пример:

Ключевые слова: слово, слово, слово, словосочетание.

8. Текст статьи

Текст статьи должен включать следующие части:

Введение (дается характеристика проблемы, история её изучения, актуальность, цель).

Материалы и методы (в статьях технического и естественнонаучного профилей в этой части описывается методология исследования, методы, обеспечивающие воспроизводимость результатов, указывается происхождение лабораторного оборудования и материалов, в статьях другой направленности – фактический материал и методы исследования, в то числе авторские методики. В этой части может быть представлен историографический обзор, связанный с историей изучения темы статьи).

Результаты (резюмируются основные результаты исследования).

Обсуждение (излагается концепция, аргументы, логика исследования, научная полемика).

Заключение (обобщаются полученные тенденции, определяется практическая ценность результатов исследования).

Информация о финансировании (при наличии).

Название структурных частей выделяется полужирным шрифтом. Точка не ставится. Название структурной части занимает отдельную строчку по аналогии с «Аннотацией» (см. пример к пункту 6).

Объем текста статьи определяется в зависимости от научной направленности: 3-5 страниц для статей в области социально-гуманитарных и экономических наук, 5-8 страниц для научно-теоретических и научно-практических статей технического и естественнонаучного профилей, 8-12 страниц для обзорных статей. В объеме обзорной статьи не учитывается используемая литература.

9. Таблицы, рисунки, внутри текста статьи

Таблицы, формулы, рисунки, схемы оформляются в соответствии с ГОСТ 2.105-95 «Общие требования к текстовым документам».

Математические формулы, рисунки, схемы, встроенные в текст, приводятся в черно-белом исполнении, т.е. вместо цвета необходимо использовать различные варианты штриховки.

Рисунки следует представлять четко выполненными, надписи на них, по возможности, необходимо заменить цифровыми или буквенными обозначениями с раскрытием в подрисуночной подписи. Позиции на рисунке располагаются по часовой стрелке.

В тексте статьи обязательно должны быть ссылки на представленные рисунки, таблицы, схемы.

Рисунки и схемы прилагаются также отдельным файлом в формате jpeg.

Пример:

См. в Образце статьи, который прилагается к настоящим требованиям.

10. Внутренние ссылки на источники

Ссылки на источники в тексте приводятся в квадратных скобках [ ], при первом упоминании – указывается номер, **например,** [1], при повторном – номер, запятая, страница, **например,** [1; 5].

11. Список использованных источников

Словосочетание «СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ» набирается 11 кеглем полужирным шрифтом прописными буквами и размещается по центру.

Описание источников осуществляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание Общие требования и правила составления».

Источники приводятся на языке оригинала публикации, на которую ссылается автор.

Источники нумеруются. После порядкового номера точка **не ставится.**

Примеры библиографического описание см. в Правилах транслитерации (левая колонка):

Особые рекомендации:

- Не включайте в Список использованных источников программные документы: в тексте статьи укажите название и год обнародования, используя круглые скобки или вводные конструкции типа: «Как указано в Послании, Государственной программе, Программе развития … от …. года».

- Стремитесь, по возможности, включить ссылки на публикации казахстанских исследователей и научные издания.

- Не допускайте «пустых» ссылок на источники без автора и академической репутации.

- Адаптируйте библиографическое описание иностранных источников с учетом схемы, предусмотренной стандартом РК (см. пункт 1).

Пример

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Омаров А.Д. Основы маркетинга: учеб. пос. – Алматы: Изд-во КазНУ, 2019. – 100 с.

12. Reference

Размещается после СПИСКА ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Слово **REFERENCE** набирается 11 кеглем полужирными заглавными буквами и размещается по центру.

Источники приводятся в латинском алфавите с учетом Правил транслитерации (правая колонка)

Для источников на английском языке транслитерация не требуется. Такие источники переносятся в REFERENCE из СПИСКА ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Пример

REFERENCE

1 Omarov, A. (2019). Osnovy marketinga [Principles of marketing]. Almaty: Izd. KazNU [in Russian].

Слово [in Russian] означает, что данный источник написан на русском языке. Источники на казахском языке отмечаются как [in Kazakh].

13. Аннотация на двух языках, отличных от языка статьи

Размещается после REFERENCE на двух языках, отличных от языка статьи (казахском / русском / английском).

Инициалы, фамилия авторов, места работы и страна проживания оформляются по аналогии с основной **Аннотацией** (см. пункт 6). Не требуется указывать e-mail авторов.

Затем по центру 11 кеглем строчным полужирными буквами указывается название статьи. После следует аннотация и ключевые слова к ней. Словосочетание «Ключевые слова» не выделяются курсивом.

Пример

А.А. Ахметов[1] , Д.А. Иванов[2]
[1]Название места работы, Страна
[2]Название места работы, Страна
Название статьи
Текстттекстттекст текстттекстттекст текстттекстттекст текстттекстттекст текстттекстттекст текстттекстттекст текстттекстттекстттекстттекст.
Ключевые слова: слово, слово, слово, словосочетание.

14. Сведения об авторах статей. Мақала авторлары туралы ақпарат. Information about authors of articles

Размещается после двуязычных аннотаций. Слева 11 кеглем строчными буквами указывается **Сведения об авторах:** далее следует информация об авторе (ах) на казахском, русском, английском языках: полужирным шрифтом набираются **Фамилия, Инициалы** авторов. Обычным шрифтом – ученая или академическая степень, звание (при наличии). Должность, место работы. Город. Страна. E-mail.

Пример

Сведения об авторах:
Ахметов А.А. – PhD, доценті Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар қ., Қазақстан Республикасы. **Ахметов А.А.** – PhD, доцент Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, Республика Казахстан. **Akhmetov, A.** – PhD, associate Professor of Innovative University of Eurasia, Pavlodar c., Republic of Kazakhstan. E-mail: akhmetov_77@mail.ru

15. Дата поступления рукописи в редакцию
Указывает ответственный секретарь при формировании выпуска

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора. Запрещается перепечатка статей без согласия редакции. При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Requirements for the design of a scientific article for publication in the «Bulletin of the Innovative University of Eurasia»

1. External regulations

GOST 7.5-98 «Magazines, collections, information publications. Publishing design of published materials "adopted by the Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification (Minutes No. 1: 3-98 of May 28, 1998).

GOST 7.1-2003 « Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules for drafting", adopted by the Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification (Minutes No. 12 of July 2, 2003 No.) ».

GOST 2.105-95 «General requirements for text documents».

Order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated January 12, 2016 No. 20 "On approval of requirements for scientific publications for their inclusion in the list of publications recommended for publication of the results of scientific activity» (with rev. order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated April 30, 2020 No. 170)

These requirements were approved by the Protocol decision of the editorial Board of the journal No. 2 dated 2020/10/02.

2. General technical requirements

Format: .doc (Microsoft Word),
Font: Times New Roman.
Orientation: Portrait, A4, including tables and pictures.
Point size: 11 pt.
Line-spacing: single.
Fields: 2 cm.
Paragraph indent: 1,25 cm.
Formatting article text: breadthwise without hyphenation.
Page numbering: not required.

The article is sent to the editorial board through the electronic system of the journal website http://vestnik.ineu.kz/

A sample of the scientific article can be found on the journal's website http://vestnik.ineu.kz/

3. Types of articles

The scientific and theoretical article is devoted to theoretical issues, **the scientific and practical article** is devoted to the analysis of the experimental results, **the review article** is devoted to the analysis of various points of view, hypotheses, scientific works.

4. Pre-article part

In the left corner – **UDC**, highlighted in bold, typed in 11 point type.
See determinant online UDC: http://teacode.com/online/udc/
Under UDC **МРНТИ** code is posted, highlighted in bold, typed in 11 point type.
See Rubricator http://grnti.ru/

In the center there are **Initials, surname of author (-s)** separated by commas with indication of serial numbers in the form of a link, typed as a superscript; are typed in 11 point size and in bold. Further, on a separate line in 11 point size, the full name of the author's place of work and country of residence is typed. If there are several authors, the places of work are indicated in the form of a list with serial numbers in the form of links (8 point size) in the sequence corresponding to the list of authors. Further, the e-mail of the author is indicated on a separate line: if there are several authors, the e-mail of the corresponding author is indicated. Corresponding author is indicated by the icon

Authors who have the same place of work are assigned a common serial number.
Point size – 11.

Example

UDC 371.3
МРНТИ 14.07.09

A.A. Akhmetova[1] , D.A. Ivanov[2]
[1]Innovative University of Eurasia, Kazakhstan
[2] Novosibirsk State University, Russia
(e-mail: akhmetov_77@mail.ru)

Example

If there is a common place of work of the authors:

A.A. Akhmetova[1] , P.V. Danilov[2], A.P. Pack[2]
[1] Innovative University of Eurasia, Kazakhstan
[2] Novosibirsk State University, Russia
(e-mail: akhmetov_77@mail.ru)

5. Article title

It is typed in lowercase letters, 11 point size; highlighted in bold; placed in the center; contains no more than 10 words.

Example

Ways to modernize school education in Kazakhstan and Russia

6. Abstract

On the left, the word **Abstract** is highlighted in bold**.** The abstract text is typed in 11 point size. There is no full stop after the word "Abstract". The abstract should be 150-200 words long. Use the built-in feature in Word to count words.

The abstract has a structure and contains brief information about the main problem, the purpose and methods of research, the results in a generalized form, an assessment of their significance. The structural parts of the abstract are indicated and in italics.

Example:

Abstract
Main problem: Texttextexttext.
Purpose: Texttextexttext.
Methods: Texttextexttext.
Results and their significance: Texttextexttext.

7. Keywords for annotation

The abstract part must end with keywords. Keywords should define the subject area of the text of the article, facilitate its search in bibliographic and full-text databases and should be related to the topic of the article.

Collocation *«Keywords»* are typed in italics, in lowercase 11 point size. Words are not italicized, separated by a colon, drawn in a line separated by commas. It is recommended to include no more than 7 keywords and / or two-word phrases. The list of keywords ends with a dot.

Example:

Keywords: word, word, word, collocation.

8. Text of the article

The text of the article should include the following parts:

Introduction (a description of the problem, the history of its study, relevance, purpose is given).

Materials and methods (in articles of technical and natural science profiles, this part describes the research methodology, methods that ensure the reproducibility of the results, indicates the origin of laboratory equipment and materials, in articles of a different focus - factual material and research methods, including the author's methods. This part can provide a historiography overview related to the history of studying the topic of the article).

Results (the main findings of the study summarizes).

Discussion (the concept, arguments, logic of research, scientific controversy outlines).

Conclusion (the trends obtained are summarized, the practical value of the research results is determined).

Funding information (if any).

The names of the structural parts are in bold. The point is not put. The name of the structural part occupies a separate line by analogy with the "Abstract" (see the example for paragraph 6).

The volume of the text of the article is determined depending on the scientific orientation: 3-5 pages for articles in the field of social, humanitarian and economic sciences, 5-8 pages for scientific, theoretical and scientific-practical articles of technical and natural science profiles, 8-12 pages for review articles. The scope of the review article does not take into account the literature used.

9. Tables and figures inside the text of the article

Tables, formulas, figures, diagrams are drawn up in accordance with GOST 2.105-95 "General requirements for text documents».

Mathematical formulas, figures, diagrams embedded in the text are given in black and white, i.e. instead of color, you must use different shading options.

Figures should be presented clearly, the inscriptions on them, if possible, should be replaced with digital or letter designations with disclosure in the figure caption. The positions in the figure are arranged clockwise.

The text of the article must contain links to the presented figures, tables, diagrams.

Figures and diagrams are also attached as a separate jpeg file.

Example:

See the Sample Article that accompanies these requirements.

10. Internal links to sources

References to sources in the text are given in square brackets [], at the first mention - the number is indicated, **for example**, [1], when repeated - the number, comma, page, **for example**, [1; 5].

11. The list of sources

Collocation «THE LIST OF SOURCES» typed in 11 point size bold in capital letters and placed in the center.

Description of sources is carried out in accordance with GOST 7.1-2003 'Bibliographic record. Bibliographic Description General Requirements and Compilation Rules'.

Sources are cited in the original language of the publication cited by the author.

Sources are numbered. **No dot** is placed after the serial number**.**

For examples of bibliographic description see in the Transliteration Rules (left column):

Special recommendations:

- Do not include program documents in The list of sources: in the text of the article, indicate the title and year of publication, using parentheses or introductory constructions such as: "As indicated in the Address, State Program, Development Program… from…. of the year».

- Try, if possible, to include links to publications of Kazakh researchers and scientific publications.

- Do not allow "empty" links to sources without author and academic reputation.

- Adapt the bibliographic description of foreign sources, taking into account the scheme provided by the RK standard (see paragraph 1).

Example

THE LIST OF SOURCES

1 Омаров А.Д. Основы маркетинга: учеб. пос. – Алматы: Изд-во КазНУ, 2019. – 100 с.

12. References

Placed after THE LIST OF SOURCES.

Word **REFERENCE** typed in 11 point size bold capital letters and placed in the center.

Sources are given in the Latin alphabet, taking into account the Transliteration Rules (right column)

For sources in English, no transliteration is required. Such sources are transferred to THE LIST OF SOURCES from REFERENCES (in Russian or Kazakh).

Example

REFERENCES

1 Omarov, A. (2019). Osnovy marketinga [Principles of marketing]. Almaty: Izd. KazNU [in Russian].

Word [in Russian] means that this source is written in Russian. Sources in Kazakh are marked as [in Kazakh].

13. Abstract in two languages other than the language of the article

Placed after REFERENCE in two languages other than the language of the article (Kazakh / Russian / English).

The initials, surnames of authors, place of work and country of residence are drawn up by analogy with the main **abstract** (see paragraph 6). It is not required to indicate the e-mail of the authors.

Then the title of the article is indicated in the center in 11 point size in lowercase bold letters. This is followed by an abstract and keywords to it. The phrase "Keywords" are not italicized.

Example

A.A. Akhmetova[1] , D.A. Ivanov[2]

[1]Working place name, Country

[2]Working place name, Country

Article title

Texttexttexttex

Техникалық хатшы, шығарылымға жауапты:
Т.И. Урюмцева

ИННОВАЦИЯЛЫҚ ЕУРАЗИЯ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ХАБАРШЫСЫ

ISSN (Print) 2709-3077
ISSN (Online) 2709-3085

2007 жылғы 10 қазандағы № 8712-Ж тіркеу куәлігі
Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігімен берілген
Теруге 17.06.2026 жылы берілді. Басуға 24.06.2026 жылы қол қойылды
Көлемі 60 х 84 1/8. Қағаз түрі: кітап, журналға арналған. 27 баспа парақ
Тапсырыс № 28. Таралымы 500 дана
Инновациялық Еуразия университетінің баспаханасында басылған
Мекен-жайымыз: 140008, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.,
М. Горький к-сі, 102/4, Инновациялық Еуразия университеті, тел. +7 (7182) 31-64-83
E-mail: journal@ineu.edu.kz

© «Инновациялық Еуразия университеті» ЖШС, 2026

Технический секретарь, ответственный за выпуск:
Урюмцева Т.И.

ВЕСТНИК ИННОВАЦИОННОГО ЕВРАЗИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN (Print) 2709-3077
ISSN (Online) 2709-3085

Регистрационное свидетельство № 8712-Ж от 10 октября 2007 г. выдано Министерством культуры и информации Республики Казахстан
Сдано в набор 17.06.2026 г. Подписано в печать 24.06.2026 г.
Формат 60х84 1/8. Бумага книжно-журнальная. Усл. печ. лист. 27
Заказ № 28. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
Инновационного Евразийского университета
Адрес редакции: 140008, Республика Казахстан, г. Павлодар,
ул. М. Горького, 102/4, Инновационный Евразийский университет, тел. +7 (7182) 31-64-83
E-mail: journal@ineu.edu.kz

© ТОО «Инновационный Евразийский университет», 2026

Technical Secretary, responsible for release:
Uryumtseva T.

BULLETIN OF INNOVATIVE UNIVERSITY OF EURASIA

ISSN (Print) 2709-3077
ISSN (Online) 2709-3085

Registration certificate No. 8712-M of October 10, 2007 issued by the Ministry of Culture and Information of the Republic
Submitted for layout 17.06.2026. Signed for publication 24.06.2026 .
Format 60x84 1/8. Book and magazine paper. Conv. oven sheet. 27
Order No. 28. Circulation 500 copies.
Printed in the printing house of the
Innovative University of Eurasia
Editorial office address: 140008, Republic of Kazakhstan, Pavlodar,
M.Gorky st., 102/4, Innovative University of Eurasia, tel. +7 (7182) 31-64-83
E-mail: journal@ineu.edu.kz

© «Innovative University of Eurasia» LLP, 2026